

**Англо-бурская война
1899–1902 годов
глазами российских подданных**

Том 9

**Англо-бурская война
1899–1902 годов
глазами российских подданных**

ТОМ 9

 Memories

Москва
Издатель И. Б. Белый
2012

ББК 63.3 (6)

А64

Авторы-составители:

К.и.н. Шубин Геннадий Владимирович

(Dr Gennady Shubin)

(вступление, заключение, комментарии, сноски, подбор
фотографий и рисунков, составление).

К.и.н. Воропаева Нина Георгиевна

(Dr Nina Voropaeva)

(вступление, заключение, составление).

К.и.н. Вяткина Руфина Рудольфовна

(Dr Rufina Vyatkina)

(вступление, заключение, составление).

Хритинин Владимир Юльевич

(Vladimir Khritinin)

(составление).

Д-р Ян Либенберг

(Dr Ian Liebenberg)

(составление).

Ответственный редактор

к.т.н. полковник Панкратов Владимир Николаевич

Редактор

Субботина Елена Васильевна

Компьютерная вёрстка и обложка

Рудакова Елена Евгеньевна

**А64 Англо-бурская война 1899–1902 годов глазами рос-
сийских подданных. В 13 томах. Т. 9. — Москва: Издатель
И. Б. Белый, 2012. — 466 с. с илл.**

ISBN 978-5-904935-27-6 (Т.9)

ББК 63.3 (6)

© Институт Африки РАН, 2012

© Шубин Г. В., составление и др., 2012

© Воропаева Н. Г., составление и др., 2012

© Вяткина Р. Р., составление и др., 2012

© Хритинин В. Ю., составление, 2012

© Liebenberg I., составление, 2012

© «Memories», оформление, 2012

© Издатель И. Б. Белый, 2012

ISBN 978-5-904935-18-4

ISBN 978-5-904935-27-6 (Т.9)

Подготовка к отправке в бурские республики санитарного отряда Российского Общества Красного Креста

Приведём подробный список членов отряда РОКК:

Список членов санитарного отряда командированного в Южно-Африканскую Республику (Трансвааль)

Наименование должностей в отряде и звание	Имена, отчества, фамилии
Уполномоченный Российского Общества Красного Креста, он же начальник санитарного отряда и главный врач полевого (на 25 кроватей) лазарета директора Мариинской больницы	Николай Иванович Кусков , Консультант учебных учреждений ведомства императрицы Марии Фёдоровны , приват-доцент Императорской военно-медицинской академии. Старший врач и помощник директора Мариинской больницы, доктор медицины, действительный статский советник (родился в 1850 г.)

Наименование должностей в отряде и звание	Имена, отчества, фамилии
<p>Врачи ординаторы: (5)</p>	<p>1. Сергей Яковлевич Чистович¹, младший врач лейб-гвардии гренадёрского полка. Надворный советник, доктор медицины, родился в 1867 г.</p> <p>2. Антон Осипович Садовский, младший врач Гельсингфорского местного лазарета. Надворный советник. Полевой хирург, родился в 1865 г.</p> <p>3. Василий Иванович Давыдов, младший врач Мариинской больницы. Лекарь. Хирург, родился в 1863 г.</p> <p>4. Оттон Маркович Гольбек, старший ассистент хирургического отделения Рижской городской больницы. Лекарь, родился в 1871 г.</p> <p>5. Александр Карлович Эбергардт, младший врач Ивангородского пехотного полка, надворный советник, доктор медицины, родился в 1863 г.</p>
<p>Агенты по административной и хозяйственной части: (2)</p>	<p>1. Алексей Степанович Потапов, состоящий в запасе пехоты, штабс-капитан, родился в 1872 г. (вторым агентом был доброволец граф П.А. Бобринский. – <i>Прим. авт.-сост.</i>)</p>
<p>Фельдшера: (4)</p>	<p>1. Флегонт Маслов, родился в 1869 г.</p> <p>2. Фёдор Павлов, родился в 1874 г.</p> <p>3. Владимир Назаров, родился в 1875 г.</p> <p>4. Павел Иванов, родился в 1877 г.</p>

Наименование должностей в отряде и звание	Имена, отчества, фамилии
Сёстры милосердия (9): сёстры милосердия Общины Святого Георгия в С.- Петербурге.	<p>1. Амалия Фридриховна Тауц. Незамужняя. Мещанка города Юрьева, исповедания лютеранского, родилась в 1868 г.</p> <p>2. Любовь Михайловна Страховская. Незамужняя. Дворянка, православного вероисповедания, родилась в 1874 г.</p> <p>3. Адель-Елисавета Каролина Аль. Незамужняя. Дочь купца, вероисповедания лютеранского, родилась в 1874 г.</p> <p>4. Ольга Александровна Баумгартен. Дворянка. Незамужняя, вероисповедания лютеранского, родилась в 1877 г.</p>
Сёстры милосердия Александровской общины (в Санкт-Петербурге).	<p>5. Ольга Клавдьевна Тихомирова, родилась в 1850 г.</p> <p>6. Наталия Баграновна Онкоева, родилась в 1877 г.</p> <p>7. Феодосия Ивановна Зандина, родилась в 1858 г.</p> <p>8. Вера Николаевна Макарова, родилась в 1869 г.</p> <p>9. Татьяна Яковлевна Соловьёва, сестра добровольца, родилась в 1874 г.</p>

Наименование должностей в отряде и звание	Имена, отчества, фамилии
Санитары (12):	<ol style="list-style-type: none"> 1. Запасной лазаретный служитель Мар- цель Грабовский, родился в 1874 г. 2. Запасной лазаретный служитель, еф- рейтор Иосиф Стефанович, родился в 1874. санитар 3. Запасной лазаретный служитель, рядо- вой Викентий Севрук, родился в 1873 г. 4. Запасной лазаретный служитель, унтер- офицер Павел Головлев, родился в 1880 г. санитар 5. Запасной младший унтер-офицер Фе- октист Кавед, родился в 1875 г., санитар 6. Запасной лазаретный служитель, еф- рейтор Михаил Соболев, родился в 1875 г., санитар. 7. Запасной лазаретный служитель Васи- лий Ерохин, родился в 1873 г., санитар 8. Запасной лазаретный служитель, фельд- шерский ученик Конон Шитик, родился в 1874 г. санитар 9. Запасной лазаретный служитель еф- рейтор Феодосей Карабухин, родился в 1874 г. 10. Запасной лазаретный служитель, еф- рейтор Филипп Епифанов, родился в 1871 г., санитар. 11. Николай Николаевич Кусков, быв- ший студент 2 курса юридического фа- культета С.- Петербургского университе- та, родился в 1876 г.

Итого: 33 человек

Председатель Главного Управления
Генерал-адъютант **Кремер**².

О докторе **Давыдове** известно чуть больше, чем об остальных врачах:

Формулярный список о службе младшего врача Мариинской больницы для бедных, лекаря, статского советника **Василия Ивановича Давыдова**.
Составлен по 15 мая 1907 г.

Чин, имя, отчество...: Лекарь, статский советник **Василий Иванович Давыдов**, младший врач Мариинской больницы для бедных, родился 8 октября 1863 г., вероисповедания православного; имеет ордена: Святого Владимира 4 степени, Святой Анны 2 и 3 степени, Святого Станислава 3 степени, Знак Красного Креста, серебряную медаль в память Царствования императора **Александра III** и юбилейный знак; получает в год: жалование – 600 рублей, содержание – 400 рублей.

Из какого звания происходит: сын капитана

Есть ли имение: нет

Где получил воспитание...: По окончании полного курса наук в Императорской Военно-медицинской академии признан лекарем, на что выдан диплом за № 393/4855 12 ноября 1888 г.

Определён на службу на должность врача-ассистента-интерна³ Мариинской больницы для бедных первого июня тысяча восемьсот восемьдесят девятого года (1 июня 1889 г.).

Перемещен на должность сверхштатного врача той же больницы с 26 января 1892 г.

По Высочайшему повелению и с согласия господина главноуправляющего Собственною Его императорского величества Канцелярией по учреждениям императрицы **Марии** откомандирован в распоряжение г (осподина) почётного опекуна князя **Г. Голицына**, по званию сенатора, в Тобольскую губернию с 1 февраля 1892

Возвращён из этой командировки... 16 августа 1892 г.

Вновь откомандирован в Абас-Туман для пользования Его императорским Высочеством, Великого князя **Георгия Александровича** 2 сентября 1892 г.

Указом Сената от 28 декабря 1893 г. за № 156 утверждён в чин титулярного советника со старшинством с 1 июня 1888 г.

За отлично-упорную службу Всемиловейше награждён орденом Святого Станислава 3 степени 1 января 1894 г.

Указом Сената, от 25 апреля 1894 г. за № 65 произведён за выслугу лет в коллежские сессоры со старшинством с 1 июня 1892 г.

Возвращён из командировки в Абас-Туман 16 июня 1894

Резолюцией почётного опекуна, управляющего Мариинской больницей для бедных, поручено заведование хирургическим отделением лечебницы для платящих, с 6 сентября 1895 г.

Приказом по Собственной Его императорского Величества канцелярии по учреждениям императрицы **Марии** от 20 марта 1896 г. за № 13 назначен младшим врачом, с оставлением при лечебнице для платящих 12 апреля 1896 г.

За отлично-усердную службу и особые труды Всемиловейше пожалован орденом Святой Анны 3 степени 14 мая 1896 г.

Получил серебряную медаль в память Царствования императора Александра III 1896 г.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству, от 10 января 1897 г. за № 3 произведён за выслугу лет в надворные советники со старшинством с 1 июня 1896 г.

По Высочайшему повелению командирован на шесть месяцев в качестве помощника уполномоченного Российского Общества Красного Креста и начальника санитарного отряда, командированного Обществом в Южно-Африканскую Республику (Трансвааль), с сохранением содержания 28 ноября 1899 г.

С Высочайшего Государя императора соизволения настоящая командировка продолжена впредь до возвращения командированного в Южную Африку отряда 31 марта 1900 г.

Откомандирован от помянутого отряда 27 сентября 1900 г.

За выдающиеся отличия и особые труды Всемиловейше пожалован орденом Святой Анны 2 степени 1 января 1901 г.

Высочайшем приказом по гражданскому ведомству от 4 июня 1901 г. за № 45 произведён за выслугу лет в коллежские советники со старшинством с 1 июня 1900 г.

Командирован на Дальний Восток в распоряжение Российского Общества Красного Креста с сохранением содержания 8 февраля 1904 г.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству, от 26 марта 1905 г. за № 19 произведён за выслугу лет в статские советники со старшинством 2 октября 1904

Приказом главнокомандующего Маньчжурскими армиями за № 235 Всемиловейше награждён за дела против японцев орденом Святого Владимира 4 степени с мечами 10 февраля 1905 г.

Возвратился с Дальнего Востока и вступил в службу по Мариинской больнице для бедных 1 апреля 1906

Назначен главным врачом санитарного отряда, командированного Главным управлением Российского Общества Красного Креста в город Сызрань для оказания помощи бедственному населению от тифозной эпидемии, с оставлением в занимаемой должности младшего врача Мариинской больницы для бедных с сохранением содержания по 1-ое ноября 1906 г. 20 августа 1906

Приказом по Собственной Его Императорского Величества канцелярии по учреждениям императрицы **Марии** от 22 июня 1907 г. за № 16 уволен, согласно прошению, со службы в отставку 15 мая 1907 г.

Подвергался ли взысканиям и наказаниям...: не подвергался.

Холост или женат: холост.

Был ли в отпусках...: Был внутри России: с 13 октября по 13 ноября 1889 г., с 1 июня по 1 сентября 1894 г.; с 1 октября по 1 декабря 1900; и за границей: с 1 апреля 1902 г. на девять месяцев, из них один месяц с содержанием, а восемь без⁴.

Другой список членов санитарного отряда, касающийся и общественного положения части лиц, от-

правляемых в бурские республики, стоит процитировать:

Кусков Николай Иванович (1850), приват-доцент Императорской Военно-медицинской академии (старший врач и помощник директора Мариинской больницы); **Чистович Сергей Яковлевич** (1867), младший врач гренадёрского полка; **Садовский Антон Осипович** (1865) – полевой хирург; **Давыдов Василий Иванович** – хирург (1863); **Гольбек Оттон Маркович** – хирург (1871); **Эбергардт Александр Карлович** (1871) – младший врач, хирург; **Людиц (Людиг) Карл Августович**, дворянин Эстляндской губернии – провизор (1851); **Потапов Алексей Степанович** – капитан (1872).

Сёстры милосердия из общины Святого Георгия в Санкт-Петербурге: **Тауц Амалия Фридриховна**, незамужняя, мещанка города Юрьева, исповедания лютеранского (1868); **Аль Адель-Елисавета Карловна**, дочь купца, незамужняя, вероисповедания лютеранского (1871); **Баумгартен Ольга Александровна**, дворянка, незамужняя, вероисповедания лютеранского (1877).

Сёстры милосердия из Александровской общины в Санкт-Петербурге: **Тихомирова Ольга Клавдиевна**, дочь губернского секретаря, православного вероисповедания (1850); **Онкова Наталья Богданова**, крестьянка, девица, православная (1877); **Макарова Вера Николаевна**, дочь коллежского асессора, православная (1869); **Соловьёва Татьяна**, сестра милосердия, доброволица, дворянка, девица, православного вероисповедания...⁵.

Покровительница Российского Общества Красного Креста, императрица **Мария Фёдоровна** лично приняла санитарный отряд перед отъездом в Южную Африку:

На подлинном написано: Её Величеству благоугодно было повелеть представить Её Величеству весь отряд в полном

составе, завтра 25 ноября, в Аничковском дворце; о чём последует особое извещение.

Гатчина 24 ноября (1899 г.)

Подписал генерал-адъютант **Кремер**.

Послать спешно прошу весь мужской персонал санитарного отряда, а из женского только одну добровольицу госпожу **Соловьёву** прибыть сегодня в 2 часа после полудня в Главное управление для получения от меня образов пожалованных Её Величеством.

О. Кремер.

Приписка: сестёр из общин не следует звать⁶.

Сохранился ещё один документ по вопросу о напутственных мероприятиях для отъезжающих в дальнюю командировку сотрудников санитарного отряда РОКК:

РОКК. Комитет Александровской общины сестёр милосердия Красного Креста, состоящей под Августейшим покровительством Её императорского Величества Великой княгини **Александры Иосифовны**.

С.-Петербург, Бронницкая улица дом № 9,

23 ноября 1899 г. № 163.

Ваше Высокопревосходительство

Оскар Карлович.

Имею честь уведомить Вас, что 27 сего ноября в субботу наш священник и общинский хор певчих будет в вашем распоряжении для напутственного молебна в здании Главного управления Красного Креста, в какое время будет угодно Вам назначить.

Примите Ваше Высокопревосходительство **Оскар Карлович** выражение моего глубокого к Вам уважения.

София Вишнякова

Приписка: Сообщено в общину по телефону, что молебен назначен в субботу 27 ноября в 2 часа дня⁷.

Разумеется, поездка одобрялась на самом высоком уровне, сиречь царём, и последнему постоянно до-

кладывали положение дел с отправкой санитарного отряда:

С Высочайшего соизволения Вашего императорского Величества Главное управление просило 18 октября (1900 г.) управляющего министерством иностранных дел предложить врачебно-санитарную помощь от РОКК раненым и больным воинам воюющих сторон в Южной Африке.

Великобританское правительство, находя достаточной свою врачебно-санитарную организацию, выразило совершенную свою благодарность, но от предложенной нами помощи отказалось.

От представителя Южно-Африканской Республики доктора **Лейдса** получена из Брюсселя 19 сего ноября телеграмма, в которой он сообщает, что правительство его с особенной признательностью принимает предложенную нами помощь в виде врачебно-санитарного отряда, причём доктор **Лейдс** просил Ваше Величество принять глубокую благодарность его правительства за щедрое предложение помощи. Телеграммы доктора **Лейдса** имею счастье представить на благовоззрение Вашего Величества.

Вследствие сего Главное управление постановило отправить в Южно-Африканскую Республику (Трансвааль) отряд из шести врачей, из которых один уполномоченный и начальник отряда, пять врачей, два агента по хозяйственной и административной частям, восемь сестёр милосердия, четыре фельдшера и двенадцать санитаров с полным снаряжением на 25 кроватей: бельём, одеждой и медикаментами отряд снабжён в изобилии, так что, в случае надобности, он может принять до 50 больных.

В состав медико-санитарного персонала назначены:

Уполномоченным – начальником отряда помощник директора Санкт-Петербургской Мариинской больницы, доктор медицины, действительный статский советник **Кусков**.

Врачами: ординатор той же больницы, надворный советник **Давыдов**, младший врач лейб-гвардии гренадёрского

полка надворный советник **Чистович**, младший врач Гельсинфорского местного лазарета надворный советник **Садовский**, врач 99-го пехотного Ивангородского полка, надворный советник **Эбергардт** и врач Рижской городской больницы **Гольбек**, все они хирурги.

Агентами: член Общества Красного Креста провизор **Людиг** и по назначению военного министра, состоящий в запасе штабс-капитан **Потапов**.

Сёстры милосердия назначены четыре из общины Святого Георгия и четыре – из Александровской общины.

Кроме сих сестёр в отряд принята добровольцей, едущей за свой счёт, дочь сенатора **Татьяна Соловьёва**, удостоенная звания сёстры милосердия в Варшавской Елисаветинской Общине.

Фельдшера и санитары вошли в состав отряда по назначению Главного военно-медицинского инспектора.

На расходы Главное управление ассигновало 100 000 рублей. По соображению всех собранных сведений относительно путей и средств сообщения, санитарный отряд выедет из Петербурга 28 ноября в Одессу, откуда на пароходе Русского Общества Пароходства и Торговли – в Порт-Саид, далее следовать на французском пароходе (общества) «Messageries Maritimes» до порта Лоренсу-Маркеш и оттуда по железной дороге до Претории, и по указанию и соглашению с местным правительством откроет свои действия, где окажется нужным.

Уполномоченный начальник отряда для своих действий снабжён инструкцией, выработанной под моим председательством особой комиссией.

Подписал: генерал-адъютант **Кремер**.

24 ноября 1899 г.

Верно: Помощник управляющего
Канцелярией (неразборчиво)⁸.

Приведём и список адресов российских медиков:

Адреса врачей, отправляющихся в Южную Африку:

- 1) **Гольбек Оттон Маркович**, Александровская больница, 15 линия телефон № 3717.
- 2) **Чистович Сергей Яковлевич**, Выборгская сторона, Большой Самсоньевский проспект № 2.
- 3) **Садовский Антон Осипович**, Фонтанка 11 квартира Погребова.
- 4) **Эбергардт Александр Карлович**, Большой Самсоньевский 18 квартира 7.
- 5) **Давыдов Василий Иванович**, Малая Итошанская, дом № 38, квартира 31, или Мариинская больница⁹.

Вот что писала в своих мемуарах об отправлении отряда из Санкт-Петербурга и о своих личных впечатлениях сестра милосердия санитарного отряда Российского Общества Красного Креста **Ольга фон Баумгартен**:

Когда меня назначили в качестве сестры милосердия в Трансвааль, на помощь бедным бурам, я себя чувствовала самой счастливой на свете.

Наш отряд состоял из тридцати трёх лиц. Уполномоченный **Н.И. Кусков**, восемь сестёр, четыре из Георгиевской общины и четыре из Александровской, девятая волонёрка, пять врачей, два агента, четыре фельдшера и двенадцать санитаров, солдат.

25 ноября (1899 г.) утром мы, сёстры общины Святого Георгия, поехали прощаться с Августейшей председательницей нашей общины, Её Императорским Величеством принцессой **Евгенией Максимильяновной Ольденбургской**. В тот же день отряд имел счастье представляться Её Величеству Государыне императрице **Марии Фёдоровне**...

Накануне отъезда (27 ноября) наш отряд собрался в Главном управлении Красного Креста, где для отъезжающих был

отслужен напутственный молебен. Благословляя нас батюшка обратился к нам с прочувствованным словом, прося не забывать, что мы посланы Россией и наша обязанность поддерживать честь дорогой родины, добросовестно исполняя наш долг.

Когда вечером прибыли на вокзал Варшавской железной дороги, с трудом можно было пробраться в зал, столько собралось уезжавших...

На вокзале был такой говор и шум, что едва можно разобрать хоть одно слово из тех, что нам говорили. Наконец, нас с большим трудом удалось усадить в вагон. Ещё несколько прощальных слов, несколько напутственных благословений и третий продолжительный звонок. Раздался свисток паровоза, толпа стала кричать «ура», и мы тронулись¹⁰.

В письме, направленном императрице **Марии Фёдоровне Кремером**, в котором он доложил своей непосредственной начальнице об отбытии 28 ноября 1899 г. санитарного отряда РОКК из Санкт-Петербурга, говорилось:

Я имел счастье исполнить повеление Вашего Величества и передал членам отряда пожалованные Вашим Величеством каждому образки. С чувством глубочайшего благоговения и беспредельной преданности и любви к Вашему императорскому Величеству чины отряда приняли образки благословляющей их царицы-матери на великий христианский подвиг помощи страждущим¹¹.

По тем временам санитарный отряд Российского Общества Красного Креста был великолепно экипирован, старались не забыть ничего из того, что могло бы понадобиться для лечения больных и раненых на столь отдалённом театре военных действий. Ниже приведён список некоторых припасов санитарного отряда:

Отправлено в Трансвааль: 351 ящик – около 900 пудов (более 14 тонн), на двух подводах, в том числе медикаменты, аптечные предметы, инструменты хирургические, перевязочные материалы, 9 палаток, продукты, консервы, вино простое – 300 бутылок, коньяк – 600 бутылок, водки – 300 бутылок¹².

В качестве примера аптечных предметов укажем на следующий документ:

МВД. Директор института экспериментальной медицины.
Санкт-Петербург, Аптекарский остров, Лопухинская
улица, № 1, 25 ноября 1899 г. № 5053.

Его Высокоблагородию **Н.И. Кускову**

Милостивый государь

Николай Иванович.

Согласно просьбе, переданной мне от вашего имени **Сергеем Яковлевичем Чистовичем**, честь имею препроводить при сём 25 склянок противобубонночумной Хавкинской лимфы институтского заготовления¹³ по 15 кубических Ци в каждой склянке (всего, следовательно, 375 кубических Ци).

Наставление относительно применения лимфы уложено в ящик вместе со склянками.

Приписка: Благодарим от Главного управления. Генерал-адъютант **Кремер**. 27 ноября (1900 г.)¹⁴.

Поскольку ко времени прибытия санитарного отряда РОКК в бурские республики там должна была наступить поздняя осень, а предстояло работать и зимой, то о соответствующей экипировке позаботились заранее. Для примера приведём список предметов, выданных Георгиевской общиной сестёр милосердия для четырёх своих сотрудниц, отправлявшихся на Юг Африки:

РОКК, состоящее под Высочайшим покровительством Государыни императрицы, Центральный Склад, СПб., Инженерная № 9, 8 дек. 1899 г.

Список вещей, выданных складом Георгиевской общины по ценам, произведённым ревизионной комиссией, 3 декабря 1899 г:	
Бурки	3
Платья	5
Шаровары	4
Сапоги чёрные	4
Рубашки фланелевые	8
Кушаки	4
Портпледы	4
Заведующий Центральным складом	Эберман ¹⁵ .

Естественно, что оснащение и отправление санитарного отряда требовала немало рутинной, ежедневной работы от рядовых членов и руководителей РОКК:

Телеграмма от 16 ноября 1899 г.

Одесса. Главная контора Общества пароходства и торговли.

Телеграфируйте есть ли свободные места на пароходе, отходящем 3 декабря в Порт-Саид, семь билетов первого класса, двенадцать второго и двенадцать третьего, также восьмисот пудов груза для санитарного отряда Красного Креста.

За председателя Главного управления Красного Креста инженер-генерал **Рербер**¹⁶.

В архивах сохранилось немало документов, раскрывающих чисто техническую сторону работы Главного управления:

Кремеру 21 ноября (1899 г.),

от начальника Управления железной дороги

...в ответ на письмо от 20 ноября... перевозка санитарного отряда предполагается из Петербурга до Одессы с поездом 28 ноября в 7.35 вечера.

Груз 800 (пудов) может быть отправлен с ускоренными товарными или товарно-пассажирскими поездами при условии доставления оного 24 ноября полностью на станции Петербург Санкт-Петербургско-Варшавской железной дороги; в Одессе груз не будет выгружаться раньше прибытия личного состава¹⁷.

Российскими министерствами и ведомствами делалось всё возможное, чтобы на пути следования санитарного отряда до Одессы не встречалось дополнительных препятствий:

Министр финансов – **Кремеру**

По телефону Одесской таможне было сделано распоряжение о беспрепятственном пропуске санитарного груза и багажа персонала.

1 декабря 1899 г.

С. Витте¹⁸.

Отправка столь большого числа лиц и значительного груза, необходимого для долгой бесперебойной работы санитарного отряда, требовала значительной переписки. Приведём лишь несколько примеров:

Телеграмма.

От **Кремера**, от 4 декабря 1899 г.

В Одессу, градоначальнику графу **Шувалову**.

Неприменно... оказать содействие, чтобы завтра санитарный отряд на пароходе убыл в Александрию¹⁹.

Начальник отряда постоянно сообщал о его местонахождении:

Телеграмма из Одессы:

Воскресенье выезжаем 10 утра пароход «**Ольга**»

Кусков²⁰.

Сохранилась и благодарственная телеграмма руководителя Российского Общества Красного Креста:

7 декабря 1899 г.

В Одессу

Градоначальнику графу **Шувалову**.

Очень благодарю за отправление нашего санитарного отряда скорейшим путём.

Генерал-адъютант **Кремер**²¹.

Об одном из добровольцев, возможно, входившего в состав санитарного отряда Российского Общества Красного Креста писалось:

На войну!

Российское императорское Общество Красного Креста, как мы уже сообщали, решило отправить в Южную Африку отряд, для оказания помощи раненым на войне. Один из участников этого отряда вчера прибыл из Москвы в Одессу. Это молодой человек, студент Московского университета **А.П. Масловский**, решивший добровольно отправиться в далекую Африку на войну, где сотни раненых буров и англичане нуждаются в помощи. В воскресенье **А.П. Масловский** выезжает на пароходе Российского Общества пароходства и торговли «**Королева Ольга**» в Александрию, где будет поджидать прибывающий туда отряд русского Крас-

ного Креста. Из Александрии отряд отправится в Делагоа, а оттуда, уже сухим путём, в Преторию. Отряд состоит из 30 человек, в том числе нескольких сестёр милосердия, студентов и врачей...²²

Среди членов санитарного отряда РОКК был и отправившийся в Южную Африку за свой счёт в качестве добровольца потомок **Екатерины II** граф **Бобринский**:

Доложено Главному управлению, 22 декабря 1899 г. 16 декабря 1899 г., Санкт-Петербург. д.с.с. **Кускова**, и на ближайшем заседании Главного управления, а тогда довести до сведения Её Величества.

Генерал-адъютант **Кремер**, 16 декабря.

Милостивый государь

Оскар Карлович.

Желая посвятить свои силы делу милосердия, оказания помощи больным и раненым воинам на театре войны в Южной Африке, имею честь покорнейше просить Ваше Высочайшее превосходительство разрешить мне присоединиться к отряду Красного Креста, отправляющемуся на театр военных действий 29 ноября сего года, и не отказать выдать мне карточку от Российского Общества Красного Креста и исходатайствовать перед министром иностранных дел надлежащую легализацию этой карточки.

С совершенным почтением и глубокой преданностью имею честь быть Вашего Высочайшего превосходительства покорный слуга.

Граф **Павел А. Бобринский.**

Исполнено: **Н.И. Кускову**, 16 декабря № 6256.

Приписка: Выдать карточку, уведомить уполномоченного²³.

Переписка по поводу графа-добровольца продолжалась:

Копия

На подлинном рукою господина председателя написано: Доложено Её Величеству в Гатчине – 21 декабря. Подписал: генерал-адъютант **Кремер**.

Граф **Павел Алексеевич Бобринский** обратился ко мне с просьбою о допущении его в состав нашего санитарного отряда, командированного в Трансвааль, в качестве агента, каковую обязанность он принимает на свой счёт без всяких расходов от Общества Красного Креста как по проезду его туда и обратно, так и по содержанию во всё время нахождения его при отряде.

Не встречая препятствия к удовлетворению такой просьбы графа **Бобринского**, мною ему выдана личная карточка как агенту русского санитарного отряда, и предложено обратиться к министру иностранных дел за всем необходимым ему для поездки в Трансвааль; кроме того, граф **Бобринский** снабжён мною письмом на имя уполномоченного – начальника санитарного отряда д-ра **Кускова** об оказании ему содействия к удовлетворению его просьбы на предложенные им условия.

Приемлю долгом всеподданнейше доложить об этом Вашему императорскому Величеству.

21 дек. 1899 г.

Генерал-адъютант **Кремер**²⁴.

Вполне естественно, что о столь необычном добровольце доложили и послу России в Великобритании:

Черновик

Стааю, Лондон, 20 декабря 1899 г. № 11388.

Милостивый государь

Егор Егорович.

В дополнение к письму от 25 ноября сего года за № 10634 имею честь уведомить Ваше Высочайшее Величество, что 17 декабря выехал в Трансвааль граф **Павел Александрович Бобринский** с целью присоединиться в качестве агента по административным делам к отправившемуся уже в Южную

Африку санитарному отряду Российского Общества Красного Креста.

К сему считаю долгом присовокупить, что граф **Бобринский** снабжён личной карточкой от Общества Красного Креста и открытым листом от МИД к нашим консульским представителям.

Примите²⁵.

Павел Алексеевич Бобринский в качестве агента по административным делам санитарного отряда РОКК выехал из Санкт-Петербурга 16 декабря 1899 г. и стал 34-м участником этой командировки.

Скажем несколько слов о самом главном враче санитарного отряда РОКК и о его подчинённых. Так **Евгений Яковлевич Максимов** писал об этом:

На пути в Трансвааль
(от нашего специального корреспондента)

I

Вильно, 29 ноября (1899 г.)

28 ноября в 7.1/2 часа вечера, с Петербургского вокзала Варшавской железной дороги отправился санитарный отряд Красного Креста.

Проводить отъезжавших собралась такая толпа, что не было возможности свободно двигаться ни в огромных залах, ни на перроне.

По первому звонку начались прощания и взаимные пожелания. Настроение было чрезвычайно восторженное и радостное, редко-редко у кого быстро скатится по щеке слеза, да и то больше у провожавших, чем у отъезжающих в далёкий, неведомый и полный опасностей путь. Трогательно было видеть, как серьёзный и суровый с виду уполномоченный отряда **Н.И. Кусков** в последний момент отхода поезда не выдержал и крикнул:

– Дайте мне ещё раз с сыном проститься!

Любящее сердце отца сказалось, жандарм едва пробрался

через толпу к вагону и поднял на руках маленького мальчика лет 7–8, которого отец крепко поцеловал несколько раз и благословил.

Последний звонок, свисток обер-кондуктора, – и поезд медленно тронулся при оглушительных криках ура!

Как известно, отряд состоит из уполномоченного, доктора медицины, помощника директора Мариинской больницы **Н.И. Кускова**, врачей: доктора медицины **С.П. Чистовича**, полевого хирурга **А.О. Садовского** и хирургов **В.И. Давыдова**, **О.М. Гольбека**, **А.К. Эбергардта**, агентами едут **А.С. Потапов** по административной части и **К.А. Людиг** по хозяйственной, фельдшера: **Ф. Павлов**, **В. Назаров**, **П. Иванов**; сёстры милосердия – **К. Тихомирова** за старшую, **В. Макарова**, **Н. Онкоева**, **Э. Зандина**, **О. Баумгартен**, **А. Тауц**, **Т. Соловьёва**, **Л. Страховская** и **Е. Аль**; санитары: **Н. Кусков**, **Ф. Епифанов**, **В. Севрук**, **И. Степанович**, **М. Грабовский**, **П. Голев**, **К. Дерябин**, **М. Соболев**, **Ф. Карабухин**, **Ф. Коведа**, **В. Ерохин** и **К. Шитик**.

Николай Иванович Кусков, лет 52, небольшого роста, худой, с небольшой, тронутой сединой бородой... В нынешнем году его постигло большое горе: он потерял нежно любимую жену, что, может быть, и побудило его принять командировку в Трансвааль. **К.А. Людиг (Людиц)**, лет 55, по профессии провизор, променявший сидение в аптеке на жизнь, полную тревожений и лишений, не в первый раз посвящает свою деятельность Красному Кресту: в 1875. во время Герцеговинского восстания, он был агентом в Черногории при нашем санитарном отряде Красного Креста; с 1871 по 1879 г. – в той же должности в Болгарии и Турции; в 1896 г. – при отряде Красного Креста в Абиссинии и в прошлом году – при подаче помощи голодающим в Самарской и Саратовской губерниях. Кроме того, с 1884 по 1886 год он объездил с караваном всю Персию, делая изыскания для прокладки рельсового пути от Решта к Персидскому заливу. Побывал он и в Малой Азии, и в Индии. Я знаю его с 1875 г. и каждый раз, как ни встречу его, нахожу всё тем же неутомимым и энергичным работником.

Ни годы, ни труды не могут сломить его энергии. Не разговаривая он, но в деле трудно лучше его найти.

Одна из (сестёр милосердия) – **В. Макарова**, была уже на Чёрном континенте с Абиссинским отрядом Красного Креста, но вернулась из Египта, когда итальянцы не пропустили санитарный отряд на Массову.

Макс²⁶.

Власти озаботились и о хотя бы частичном возмещении расходов на посылку санитарного отряда, но не забыли, прежде чем приступить к сбору пожертвований, спросить мнения руководства российского МИДа, во избежание дипломатических осложнений с тогдашней морской властью:

Председатель Главного управления Российского Общества Красного Креста, состоящего под Высочайшим покровительством Её императорского Величества Государыни императрицы **Марии Фёдоровны**
11 декабря 1899 г. № 6199.

Его сиятельству графу **М.Н. Муравьёву**.

Милостивый государь

граф **Михаил Николаевич**.

Как Вашему Сиятельству известно, Главным управлением Российского Общества Красного Креста уже отправлен санитарный отряд в Трансвааль для оказания помощи раненым и больным воинам в Южной Африке, на каковой предмет Главным управлением ассигновано из его запасного на военное время капитала 100 000 рублей. Так как средства Общества состоят, согласно № 3 Высочайше утверждённого устава, только из членских взносов и единовременных пожертвований и (п.в.) всякого рода сборов, дозволяемых законом, то Главное управление полагало бы нужным для возмещения произведённых и предстоящих расходов по оказанию помощи раненым и больным воинам в Южной Африке открыть во всех учреждениях Красного Креста приём добровольных пожертвований; но пред-

варительно какого-либо распоряжения по этому предмету имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство не отказать уведомить: находите ли Ваше Сиятельство какое-либо неудобство в осуществлении этой меры ввиду того, что за отказом Великобританского правительства помощь со стороны Красного Креста будет оказываться только одной из воюющих сторон.

Прошу вас, Милостивый государь, принять уверение в совершенном моём почтении и преданности.

О. Кремер²⁷.

И ответное письмо по этому поводу от министра иностранных дел России **М.Н. Муравьёва** (который придерживался строго антибританской политики, в отличие от своего преемника **В.Н. Ламздорфа**), направленное руководству РОКК:

Черновик

Кремеру 16 декабря 1899 г.

Милостивый государь

Оскар Карлович.

Вследствие письма Вашего Превосходительства от 11 декабря сего года за № 6199 имею честь уведомить вас, Милостивый государь, что с моей стороны не встречается препятствий к открытию во всех учреждениях Красного Креста империи приёма добровольных пожертвований, для возмещения произведённых и предстоящих расходов по оказанию помощи раненым и больным воинам в Южной Африке.

Примите, Милостивый государь, уверение в совершенном моём почтении и таковой же преданности.

Граф **М.Н. Муравьёв**²⁸.

Для хотя бы частичного возмещения значительных расходов на посылку санитарного отряда в бургские республики, в различных городах и весях России организовывались и благотворительные концерты. Один из примеров:

1 экземпляр послать пастору **Гиллоту**

Отчёт о ... пожертвованиях в день концерта 23 апреля 1900 г. в пользу раненых буров при участии служащих Товарищества Никольских Мануфактур Саввы Морозова, сын и К и Викула Морозов.. в местечке Никольском Покровского уезда Владимирской губернии – 204 рубля 54 копейки.

Для отправления в Трансвааль отряда русского Красного Креста (почтовая квитанция № 1419)²⁹.

Встретились и статьи неизвестного автора, судя по всему, одного из врачей русского санитарного отряда РОКК, писавшего под псевдонимом: **Ф. Попов**:

В Трансвааль

(От нашего специального корреспондента)

Константинополь. 6 декабря.

Из Одессы отряд Красного Креста рассчитывал выехать 3 декабря, но пришлось отсрочить отъезд наш ещё на два дня и отплыть из пределов нашего дорогого отечества в воскресенье, 5 декабря.

Отложили мы наш отъезд вследствие того, что, по мнению нашего уполномоченного, доктора **Кускова**, предложенный к нашим услугам пароход, отправлявшийся 3 декабря из Одессы, не вполне отвечал своему назначению, как по своим размерам, так и по удобствам. Решено было отплыть из Одессы на пароходе «**Королева Ольга**», принадлежащем русскому Обществу торговли и пароходства, который и по внушительному виду своему, и по большому грузу, обещал не поддаваться морской качке.

Таким образом, мы прожили в Одессе целых четыре дня. За всё это время мы пользовались со стороны одесситов редким вниманием и отеческой заботливостью. Чтобы несколько развлечь нас перед отплытием в дальнее и трудное путешествие, в наше распоряжение предоставлены были ложи в итальянской опере, в спектаклях малороссийской группы **Крапивницкого**, в цирке **Морица**.

Нас водили по городу, показывали нам достопримечательности Одессы. Весь город, можно сказать, сбегался смотреть нас. Многие задавали нам вопросы: Как вы только не боитесь и рискуете отправляться в далёкий, неведомый край, где в воздухе слышен только свист пуль и грохот пушечных выстрелов и разрывающихся бомб?... Впрочем, я должен добавить, что наши сёстры всё время находились в Касперовской общине сестёр милосердия и даже в итальянскую оперу не выезжали.

В пятницу, 3 декабря, в домовая церкви Касперовской общины сестёр милосердия отслужен был молебен, после которого попечительница общины графиня **Капнист** пригласила всех членов нашего отряда на завтрак. На молебне, а затем и на завтраке присутствовали одесский градоначальник граф **Шувалов** с супругой; председатель и члены Одесского управления Общества Красного Креста графиня **Капнист** и весь наш отряд, не исключая и санитаров, которые пользовались таким же вниманием, как врачи и старшие члены отряда.

Трогательно была картина напутственного молебна, отслуженного перед самым нашим отъездом настоятелем Ново-Афонского подворья архимандритом³⁰ **Викентием**. Вся церковь переполнена была молящимися. Обратившись к нам с напутственной речью отец архимандрит пожелал всему нашему отряду благополучного путешествия и возвращения на родину. Каждого из членов отряда отец Викентий благословил образком и просфорой, а затем передал всему отряду большую икону Милующей Божьей Матери, которая и сопровождает теперь нас в нашем далеком путешествии.

По окончании богослужения вся монашеская братия, с отцом **Викентием** во главе, проводила весь наш отряд до пристани Панфилова мола, откуда должен был отплыть наш пароход.

На пристани в это время уже была большая толпа, явившаяся сюда специально для того, чтобы проводить нас.

Колоссальных размеров пароход «**Королева Ольга**» давно уже развёл пары, готовый к отплытию, и только ожидал при-

бытия отряда нашего. Вместе с нами на борт парохода взошли: начальник Одесского порта адмирал **Перелешин**, председатель Одесского управления Красного Креста **М.Е. Качурин**, генерал **Мишин** и представители Одесского городского общественного управления. Горячо распростившись с нами, они сошли затем с борта, на рубке парохода раздалась команда вперед! и наш великан, дрогнув всем корпусом, тронулся вперёд. С берега раздались крики: Ура! Счастливого пути! Отец **Викентий** и вся монашеская братия осеняла нас крестным знаменем; все мы, находившиеся на палубе, усердно молились и ответили затем тоже единодушным ура!

Через пять минут мы уже были в открытом море и вскоре с глаз наших скрылись Панфилов мол, и все находившиеся на его берегу, так горячо с нами прощавшиеся и от души желавшие нам счастливого пути.

Не успели мы выйти в открытое море, как ветер сразу свежел, поднялась сильная качка и наш внушительных размеров пароход, увы! далеко не оправдал возложенных на него надежд. Почти весь отряд наш подвергся сразу морской болезни, которая особенно сильно подействовала на наших сестёр милосердия. Только на другой день, кое-как перемаываясь в своих тесных каютах, мы повылезали на палубу подышать свежим воздухом, и считали минуты, когда, наконец, наша «**Королева Ольга**» войдёт в Босфор, и мы избавимся от этих ужасных, негостеприимных волн Чёрного моря! И вот, наконец, в 1 час дня, 6 декабря, мы вошли в Босфор и бросили якорь против самого Константинополя, вблизи моста, соединяющего Стамбул с Галатом. Вследствие сильного тумана и накрапывающего дождя, нам не удалось полюбоваться чудной панорамой, которую вообще представляет собой вдали Константинополь.

Из Константинополя мы отправляемся завтра в Смирну, затем в Пирей, и 13 декабря утром рассчитываем быть в Александрии. В Порт-Саиде мы пересаживаемся на пароход Французского общества, на котором и доедем до порта Лоренсу-Маркеш.

Ф. Попов³¹.

О местонахождении отряда в пути следования российских консульские представители за рубежом немедленно докладывали начальству, а руководители МИДа сообщали об этом в РОКК:

Российское императорское дипломатическое агентство и генеральное консульство в Египте.

Черновик.

Кремеру, 20 декабря 1899 г. № 11385.

Милостивый государь

граф **Михаил Николаевич**.

Товарищ министра иностранных дел свидетельствует совершенно своё почтение. Его Высокопревосходительству **Оскару Карловичу** имею честь препроводить к сему копию телеграммы нашего консула в Порт-Саиде об отплытии из этого порта санитарного отряда Общества Красного Креста³².

В телеграмме говорилось:

Каир, 24 декабря 1899 г.

Кремеру

12 декабря отряд прибыл в Александрию, тяжёлый багаж на австрийском пароходе был перевезён в Порт-Саид, на поезде за 50%.

Из-за опоздания французского парохода 19, а не 18 выехал из Порт-Саида.

Телеграмма об изменении маршрута шла 4 дня и 16 часов, начальник английской линии (сообщил), что задержка произошла вследствие перерыва линии в России³³.

Российские консульства также сообщали и последние новости об отряде, полученные не только от наших, но и зарубежных дипломатов:

Императорская Российская миссия в Лиссабоне,
5/27 января 1900 г. № 9.

Его Сиятельству графу **Ламздорфу В.Н.**

Милостивый государь

граф **Владимир Николаевич.**

В дополнение к предыдущей переписке касательно нашего санитарного отряда, отправившегося на театр военных действий в Трансвааль, спешу уведомить Ваше Сиятельство, что сего числа министр иностранных дел (Португалии) господин **Вейга Бейрао** сказал мне, что получил по телеграфу извещение, что отряд наш благополучно прибыл в Лоренсу-Маркеш и беспрепятственно проследовал к месту своего назначения.

Примите, Милостивый государь, уверение в отличном моём почтении и таковой же преданности.

П. Боткин³⁴.

О приезде отряда РОКК в Южно-Африканскую Республику и о встрече с президентом Трансвааля говорилось в следующем документе:

Копия телеграммы русского временного вице-консула в Претории от 15/27 января 1900 г.

Сегодня представлялся президенту (**Крюгеру**) полковник **Гурко**, затем походный госпиталь Красного Креста, благополучно прибывший. Приём сердечный³⁵.

О прибытии медперсонала в столицу Трансвааля – Преторию МИД России немедленно оповестил как военного министра, так и руководителя РОКК, не забыв сперва предоставить её перед ясны очи тогдашнего главы государства – неограниченного монарха:

Черновик

Кремеру, 17 января 1900 г. № 0384/0385

Куropаткину.

Милостивый государь

1. **Оскар Карлович**

2. **Алексей Николаевич.**

Имею честь препроводить к Вашему Высокопревосходительству копию с телеграммы управляющего нашим вице-консульском в Трансваале о благополучном приезде в Преторию отряда Российского Общества Красного Креста равно и подполковника **Ромейко-Гурко**.

К сему считаю долгом присовокупить, что означенная телеграмма была повергнута на Высочайшее Его императорского Величества благоволение.

Примите³⁶.

Весьма показательны и воспоминания о поездке в Трансвааль одного из врачей санитарного отряда РОКК, доктора **Антоня Осиповича Садовского**:

Ввиду того огромного интереса, который возбудила во всём мире англо-бурская война, Трансвааль, дотоле малоизвестный, стал злобой дня и предметом многих сообщений. Я позволю себе рассказать о пребывании в этой бедной и вместе богатой стране, – бедной счастьем, богатой золотом, – русского отряда Красного Креста и поделиться некоторыми путевыми впечатлениями.

Российское Общество Красного Креста, идущее навстречу каждому людскому страданию, решило, по объявлении войны и начале боевых действий, отправить обеим воюющим сторонам санитарные отряды, о чём и известило правительства воюющих. Трансваальское правительство приняло это извещение с благодарностью; из Англии же от лорда **Солсбери** был получен ответ, что санитарное снабжение английских войск вполне достаточно, что они благодарят за желание оказать помощь, но думают справиться своими средствами; буде же русский отряд встретится с таковым же английским, будут рады работать вместе. Итак, русский отряд Красного Креста был отправлен лишь на сторону буров. Состав отряда был: во главе – уполномоченный, он же врач, 5 врачей, 4 фельдшера, 8 сестёр милосердия, 12 санитаров и два хозяйственных администратора отряда. Состав врачей был наполовину

военный, наполовину гражданский; фельдшеры были: 3 из Николаевского военного госпиталя, 1 из Константиновского военного училища; 4 сестры Александровской, 4 Георгиевской общин; санитары выбраны из числа нижних чинов, обученных службе носильщиков, по преимуществу из пехотных гвардейских частей Петербургского гарнизона: один администратор-фармацевт, второй – специальный начальник санитаров, капитан запаса гвардии, окончивший курс академии Генерального штаба. Вместе с нами ехала добровольно, на свой счёт, в качестве 9-ой сестры, госпожа **Соловьёва**, желавшая послужить делу помощи больным и раненым бурам. Отряд был снабжён госпитальным имуществом на 25 кроватей, вёз с собой палатки для больных и персонала, прекрасно снабжённую аптеку, обильное количество перевязочного материала, инструменты и, так как положение о продовольствии в Трансваале было совершенно неизвестно, то с нами шёл запас провианта, рассчитанный на больных и на персонал на 3. 1/2 месяца, в виде всевозможного рода консервов. Не были забыты никакие мелочи, касающиеся жизни и содержания как больных, так и персонала.

Все члены отряда перед отъездом имели счастье быть представленными Августейшей покровительнице Общества Красного Креста Государыне императрице **Марии Фёдоровне** и получить от Её Величества по образку в дорогу. После молебна и напутственных слов в помещении Общества Красного Креста 28 ноября прошлого года отряд выехал из Санкт-Петербурга на Одессу в расчёте поспеть на пароход Русского общества пароходства и торговли, отходивший из Одессы круговым рейсом на Порт-Саид. Время года было для перехода по Чёрному морю неблагоприятное – штормы следовали один за другим, а потому, чтобы лишнее время не проводить в море, мы пробыли в Одессе 4 дня, радушно принимаемые представителями Одесского Общества Красного Креста, городскими властями, товарищами, и сели на пароход, идущий прямым рейсом на Александрию, на чём выгадывали 5 дней в море. 5 декабря, в 10 часов утра, вышли на пароходе «**Ко-**

ролева Ольга», большом, из новых, чистом и удобном. Сейчас по выходе получили мы все первое морское крещение – волнение было настолько сильное, что волны, несмотря на высоту бортов, окачивали каждого, кто рисковал выйти на палубу. Не более как через час 3/4 отряда лежало в своих койках и испытывало все прелести морской болезни. На другое утро ветер немного стих, по Босфору шли спокойно и в 3 часа дня подошли к Константинополю. Пароход стоял 1.1/2 дня и за это время мы успели осмотреть большинство достопримечательностей города. В Смирне, красивом полуазиатском городке, стояли несколько часов, и вышли дальше в Пирей. В Пирее часть нашего отряда успела воспользоваться 5-ю часами стоянки и побывала в Афинах, в Акрополе³⁷, оставшиеся же были приглашены обществом офицеров русского броненосца «**Петропавловск**», стоявшего на рейде, на судно. Было много тостов и пожеланий и под звуки бурского гимна с борта «**Петропавловска**» мы вышли в море, простившись последний раз с Россией в лице наших моряков. Переход в Александрию был не очень спокойный, покачивало сильно, особенно при проходе острова Крита. 19 декабря (1899 г.) французский пароход компании «Messagerie Maritime» должен был нас взять из Порт-Саида. В Александрии пробыли мы 5 дней, осматривая город, окрестности, полюбовались Востоком, закончили свои покупки. Отряд запаса в Александрии галетами, вином, керосином, взяли даже спички. Часть отряда съездила в Каир на пирамиды. В Александрии было уже совершенно тепло, на переезде по железной дороге в Порт-Саид почувствовалась близость Сахары и в Порт-Саиде пришлось уже одеваться в летние костюмы. 19 декабря вышли на французском пароходе «**Наталь**» на Мадагаскар. Пароход большой, но старый, содержится грязно и во многом уступает русским судам. В Красном море (температура) была не очень высока – мы шли в лучшее время для этих широт зимой. Заходили в Джибути – французский порт; здесь впервые встретили нас настоящие обитатели Африки – чёрные сомали, данакильцы в своих лёгких, примитивных костюмах. Окружив пароход

на утлых лодчонках, они громко кричали *a la mer, a la mer*, другие издавали только одни гортанные звуки, третьи пели тарабумбию; всеми своими криками и жестами они просили бросать в море монеты, за которыми быстро ныряли в глубину и редко когда какая пропадала – положительно земноводные люди – они свободно держались в воде более 3/4 часа, всё время без отдыха плавая, ныряя. Жатва их была обильная, так как большинство пассажиров видели это зрелище в первый раз. В Адене стояли недолго, видели там задержанный англичанами немецкий пароход «**General**» [был перехвачен британскими кораблями 4 января 1900 г. по пути к Лоренсо-Маркеш] по подозрению в провозе контрабанды, уже в Трансваале встретили нескольких его пассажиров – по их словам, англичане не нашли того, что искали. С нами на пароходе шёл наш русский военный агент подполковник **Гурко**, 2 голландских военных агента, много французских и немецких добровольцев в Трансвааль, человек шесть и русских. Большинство добровольцев ехало, ожидая найти в Трансваале блага мира, в которых им было судьбой отказано в Европе; господа бывшие офицеры, думая найти в бурах послушных учеников воинского дела и обучить их бить англичан по правилам европейской науки; во всех этих мечтах пришлось им разочароваться, да об этом скажу дальше.

Обилие свободного времени мы посвящали писанию писем домой и изучению голландского языка; учителями были голландские военные агенты – подучились немного, но бурский язык оказался мало схожим с чистым голландским, которому нас учили. На Мадагаскар, в Диего-Суарец пришли в канун русского Нового года. Жара была большая – ночью +32... при 77% влажности; все вещи в каюте в чемоданах отсырели и по приезде пришлось всё прослушивать. Климат в Диего-Суарец сырой, крайне нездоровый; французский гарнизон стоит в казармах на горе, но люди сильно болеют малярией и их часто приходится сменять. По слухам, в Тананариве, главном селении французов, лучше, но, должно быть не очень – видели возвращающихся оттуда нижних чинов

и офицеров – мало рассказывают утешительного про условия своей жизни. В Диего пересели на меньший и ещё более грязный пароход той же компании, который должен был нас доставить в Делагоа-бей. Проходили Мозамбик, старую португальскую колонию и крепость, основанную ещё **Васко да Гамой**. Солнце в это время года стояло над нами в зените, отвесные лучи его в полном смысле слова обжигали все непокрытые части тела; самое незначительное движение вызывало проливной пот. Как тяжёла и нездорова здесь жизнь – показывает то, что в остальных португальских колониях срок пенсии считается 20 лет, в Мозамбике – 8, но редкий европеец выживает более 3-х лет. После Мозамбика заходили в Бейру – склад-факторию для Родезии; близость золота стала чувствительна, цены на всё непомерные. В Бейре на пароход сели английские рекруты из Родезии, которых перевозили в Дурбан; вели они себя очень свободно и громко; между ними и трансваальскими добровольцами происходили постоянно ссоры, так что пароходное начальство должно было всё время зорко смотреть за порядком. В Делагоа-бей, оно же Лоренсу-Маркеш, пришли 23 января. Свободно, наконец, все мы вздохнули – кончилась качка; под Лоренцо нас встретила такая буря, что нельзя было держаться на ногах на палубе. На твёрдой земле хотя также было жарко, но не было расслабляющей влажности воздуха. Лоренцо – небольшой португальский городок; его можно назвать портом Трансвааля, так как ввоз европейских товаров и вывоз сырья из Трансвааля почти весь проходил через Лоренцо. На другой же день рано утром, в специальном для него поезде, отряд выехал по железной дороге в Преторию. Подъезжая к границе Трансвааля – Комати-Порту, начались отроги Драконовых гор, которые образуют естественную границу Трансвааля и португальских владений; дорога идёт по берегу Крокодил-ривера, извиваясь по склонам; уклоны и закругления на железной дороге удивительны по своей смелости. Переехав мост через Крокодил-ривер, мы оказались во владениях Трансвааля и на этой стороне реки увидели первого вооружённого бура;

бурская команда из 50 человек сторожит мост, а на горах держат посты **кафры**, вооружённые копьями.

В Комати мы были встречены трансваальским чиновником, высланным к нам из Претории; здесь мы ждали несколько часов второго поезда, на котором следовали военные агенты. С большим любопытством смотрели мы на окружающих нас и там и сям показывающихся в кустах чёрных воинов – **кафров**; вся обстановка, люди, растительность – всё это было непривычно ново и чрезвычайно красиво.

Предложен был обед – обильный, вкусный, а мы готовились к тому, что в Трансваале почти нечего есть. На наши замечания и вопросы по этому поводу все отвечали с усмешкой, что припасов хватит на долгое время и о каких-либо лишениях никто и не думает. За Комати притом началась равнина, густо поросшая низкорослыми деревьями и кустарниками. Эту местность здесь называют зоологическим садом. Климат как в Комати, так и на этой равнине настолько нездоровый, свирепствует такая малярия, что белые жить не могут, да и поселения чёрных крайне редки, а потому здесь сохранилась вся прежняя фауна Трансвааля; встречаются львы, носороги, слоны, громадные змеи, бегемоты, крокодилы. Охота здесь строго запрещена, чтобы сохранить животных; за убийство бегемота платится 60 фунтов стерлингов штрафа, разрешается уничтожать лишь крокодилов; их так много, что переправы через реки Комати и Крокодил-ривер, особенно в половодье, очень опасны, и буры, во время перехода каравана вброд, стоя на берегу, стреляют в воду, чтобы отгонять и не допускать крокодилов к идущим быкам, которые часто отхватывают им ноги. Равнина скоро кончилась, начались опять горы. Поезда, вследствие военного времени и массы мостов, ночью не ходят, так что пришлось ночевать в вагонах на станции Ветерораль-Ондер у подножья перевала через главные высоты Дракенсберга. Утром на другой день перевалили через горы, через туннель, по зубчатой железной дороге. Горы чрезвычайно красивы, поезд лепится по склонам, перелетает через пропасти; повороты настолько часты

и круты, что в вагоне укачивает почти как в море; это случилось со многими из нас и впоследствии во время переездов, особенно если рессоры у вагона слишком мягки. За перевалом пошла волнистая степь, уже желтоватая, выгорающая от летнего солнца. На станциях нас приветствовали, буры салютовали из ружей, подносили сестрам сласти, фрукты. В 6 часов вечера приехали в Преторию; это было 25 января, на 45-й день по выезде из Санкт-Петербурга.

Вся станция была полна народа; нас встретил статс-секретарь господин **Рейц** и представители медицинской комиссии в Претории; слышались русские приветствия – оказались несколько русских врачей, практикующих в Трансваале.

Для отряда была уже отведена гостиница, заготовлены экипажи. Претория – город относительно большой, населения более 50 000, улицы широкие, шоссированные, водопровод, электрическое освещение, громадные магазины, где достать можно решительно всё, при условии, конечно, не жалеть денег, так как цены более чем тройные, сравнительно с европейскими. Город раскинулся широко; система построек английская, в виде отдельных одноэтажных коттеджей, утопающих в зелени эвкалиптов³⁸, мимоз, олеандров, и произвёл очень благоприятное впечатление после тех голых, каменистых, почти без всякого признака растительности степей, которые его окружают. В центре города обширный парк, зоологический сад, заключающий почти всю фауну Трансваала, музей, но ещё в периоде зарождения; в нём прекрасные коллекции рогов, чучела животных, птиц, насекомых, много образцов **кафрского** оружия и домашней утвари. В Претории, кроме многих низших школ, имеется мужская гимназия и горное училище. Правительственные здания, банки и дома богачей коммерсантов – современной европейской архитектуры. Во время войны правительство платило своим служащим лишь 30–40% получаемого ими в мирное время содержания, но все были освобождены от квартирной платы, от платы по вексям, квартирохозяева должны были быть вознаграждены

впоследствии. До начала войны правительство сделало громадные запасы всевозможных консервов и пищевых припасов, а также предметов одежды и снаряжения воинов; кроме того, запасы жителей были приняты, по уплате чеками, в казну и явились общим достоянием. Каждый из бюргеров мог являться в комиссарский (интендантский) склад, которые были устроены в главных городах и узловых пунктах дорог, и получал бесплатно необходимые пищевые припасы, а также белье, одежду, сапоги, одеяла для своих жён и детей. Отчётности не было заметно никакой, служащие комиссариата едва могли справляться с выдачей. Все, кто имел хотя какое-либо отношение к войне, то есть воины, их семьи, приезжающие по делу в Преторию, должностные лица, добровольцы пользовались даровым помещением в гостиницах с полным пансионом; хозяину гостиницы платило правительство. Так же был размещён и наш отряд; все имели большие, чистые комнаты с прекрасной обстановкой, помещения санитаров были одинаковы с нашими, кормили обильно и вкусно, ни в чём не замечалось никакого недостатка. Декретом правительства была запрещена свободная продажа спиртных напитков; только за обедом можно было получить бутылку того или другого вина; в случае же желания купить в виноторговле, надо было предоставлять докторское свидетельство, что это вино необходимо для больного. Просьбы подобного свидетельства были всегда настолько убедительны, что разрешение давалось легко, настолько легко, что впоследствии было издано распоряжение, что если врач выдаёт такое свидетельство мнимобольному, то штрафуются на 50 фунтов стерлингов. Разговорный язык – бурский, английский, голландский; официальный – голландский. Бурский язык – это испорченный, упрощённый голландский со значительной примесью английских, а часто и **кафрских** слов. Через день по приезде отряд представлялся президенту республики **Крюгеру**, который принял нас у себя дома. Дом президента стоит почти на окраине города, небольшой, одноэтажный, с широкой верандой на улицу; при входе – 2 артиллериста на карауле... Всем своим видом и властным

голосом **Крюгер** производил впечатление чего-то значительного, могучего; с 1882 г., 4-е пятилетие он состоит президентом; в память последнего избрания его выбита бронзовая медаль.

Предки **Крюгера** происходят из Берлина – в 1713 г. они переселились в Капские колонии на службу Ост-Индийской компании³⁹.

О приезде отряда РОКК в Преторию сообщалось:

На подлинном написано:

Доложено в С.-Петербург, 22 января.

Подписал генерал-адъютант **Кремер**.

Министр иностранных дел граф **Муравьев** сообщил мне копию с телеграммы, полученной им от русского вице-консула в Претории от 15/27 января, из которой видно, что наш санитарный отряд прибыл в Преторию и был представлен вице-консулом президенту ЮАР.

Приём сердечный.

Изложенное имею счастье всеподданнейше доложить Вашему императорскому Величеству.

Подписал генерал-адъютант **Кремер**

22 янв. 1900 г.⁴⁰

О состоянии медицинских учреждений в Трансваале в декабре 1899 г. сообщал из Нидерландской столицы и подполковник **Миллер**:

Организация врачебной помощи

Всё дело оказания врачебной помощи раненым и больным находится в руках Главного управления Красного Креста, пользующегося покровительством и финансовой поддержкой правительства. Какой-либо военно-медицинской организации не существует.

Попечение Главного управления Красного Креста устроено следующее: народный госпиталь в Претории расширен

Прибытие в Преторию санитарного отряда РОКК

и частью приспособлен для раненых; новое здание женской школы и городской приют для мальчиков оборудованы под госпитали; в общей сложности имеется 200 кроватей.

В Йоханнесбурге – два госпиталя на 200 кроватей каждый. В Крюгерсдорпе – один на 50 человек. Все госпитали в достаточной мере обеспечены докторами, фельдшерами и больничными служителями. Кроме того, имеется 7 полевых госпиталей (секций) с личным составом: 1 доктор и 9 фельдшеров и сиделок. Они распределены по одному при каждом лагере и в Якобсдале (Оранжевая Республика), Фолькрусте и Ньюкасле. Наконец, при каждом коммандо имеется 1 доктор с 2-мя ассистентами. Многие женщины добровольно идут в сёстры милосердия, так что, согласно корреспонденции от 16 декабря, в Претории личный состав санитарной помощи больше числа раненых. В настоящее время база – Претория.

При посредстве трёх санитарных поездов (вагоны имеют 36 кроватей для раненых и помещение для сестёр милосердия), специально для этой цели построенных и отлично приспособленных для перевозки тяжелораненых – раненые, способные перенести перевозку, доставляются в Преторию, где приняты все меры к тому, чтобы в случае наплыва раненых увеличить число госпиталей и кроватей.

Ко времени же прибытия немецких и голландских санитарных отрядов в госпиталях Претории едва насчитывали десяток раненых. Немецкий санитарный отряд прибывший 8 декабря в Преторию, отправлен в Оранжевую Республику, в главный лагерь под Моддер-ривер, где база – Блумфонтейн.

Голландский санитарный отряд, в составе 4 докторов, 1 администратора, 6 сестёр милосердия и 4 надзирателей, нескольких добровольцев и **кафров**, направлен 15 декабря под Ледисмит – база в Претории. Лишь профессор **Кортвег**, с одним из докторов, по очереди, и с четырьмя сёстрами остался в Претории во главе госпиталя (в женской школе) на 60 кроватей.

Раны

Вообще раны, причиненные английским **Ли-Метфорд**, заживают довольно быстро; иногда, однако, вопреки ожиданиям большинства военных врачей, куски материи (сукна, белья) проникают внутрь раны и придают ей более опасный характер. Лиддитовые снаряды до сих пор (11 декабря) причинили весьма мало вреда бурам. Большинство снарядов проникают в землю фута на 4 и не разрываются. Господин **Шмиц-Дюмон**, правительственный химик, сделал анализ лиддита в лаборатории динамитной фабрики (в Претории); оказалось, что лиддит содержит 63% пикрино-кисл. кали (picrite de potasse) и 37% хлорно-кислого кали (chloryde). По видимому, от жары и сырости состав подвергся разложению и потерял способность к взрыву.

Нарушение англичанами международных конвенций

Телеграфный департамент в Претории сообщил 8 декабря: По полученным донесениям, англичане на следующий день после сражения под Моддер-ривер захватили 7 доктор-

ов и находившийся при них медицинский персонал Красного Креста, всего 35 человек, в то время как те отыскивали раненых на поле сражения, и отправили их в Капштадт. Оттуда их снова вернули и доставили на наши передовые позиции у Твегивер. По словам докторов, англичане обращались с ними и с захваченными ранеными самым возмутительным образом: доктора не были допущены оказать какую-либо помощь раненым. В течение 36 часов ни доктора, ни раненые не получили ни пищи, ни воды, вследствие чего один из раненых умер в пути. Когда доктора просили позволения помочь умирающему, им было отвечено: *Let the bloody Boer die* (Да пусть этот проклятый бур умирает). В Твегивере их на ночь заперли в курятник. Оттуда их повезли в вагоне 3 класса; двух докторов заперли в грязный и тёмный вагон, в котором раньше перевозили скот. В Де-Аар всех вместе заперли в одну избу, причём капитан **Эдуардс** дал следующее наставление часовым: *You kick them if they move and shoot them if they come to the door* (Бейте их, если они будут двигаться, и стреляйте, если подойдут к двери). В Капштадте докторов продержали 8 часов в тюрьме. Лазаретные повозки оказались задержанными в Капштадте, так что доктора и прислуга вынуждены были вернуться пешком⁴¹.

Сообщалось в прессе об отряде РОКК следующие известия:

Русские в Трансваале

Младший врач Гельсигфорского местного лазарета полевой хирург **А.О. Садовский**, входящий в состав санитарного отряда, отправленного Главным Обществом Российского Красного Креста в Трансвааль, прислал из Претории писанное ещё в феврале подробное письмо, в котором между прочим пишет следующее: Вот уже 10-й день, как мы отдыхаем в Претории и только сегодня определилось наше будущее: завтра выезжаем к Ледисмиту в Ньюкасл, где будет устроен госпиталь, впереди же предполагается возможным вы-

сылать передовые перевязочные пункты. Работы будет, по-видимому, немного, раненых мало, больных почти нет – отрядов приехало много; самый интересный материал попадает в руки голландцев, которые устроили санитарные поезда и таким образом переправляют немногих имеющих раненых в свои госпитали. Раненных и убитых поразительно мало, потери же англичан, соответственно, почти чудовищны. Много описывать не могу, так как письмо будет цензурировано. Дорога утомила нас всех изрядно, большинство было не привычно к морю, а с первых же шагов оно встретило нас очень неприветливо. По Чёрному морю шли почти под штормом, в Босфоре волнение улеглось, но всё время сеял дождь и не пришлось полюбоваться картиной Золотого Рога. В Константинополе осмотрели храм Святой Софии и все достопримечательности, но всему мешал упорный дождь. С Европой прощались довольно торжественно: в Пирее нас встретили офицеры стоявшего там броненосца **«Петропавловск»**, пригласили всех на судно, угостили на славу; радушно проводили обратно и мы вышли в море под звуки марша буров, исполнявшегося оркестром броненосца. В Средиземном море опять начало порядочно, особенно, когда проходили мимо Крита. Из Александрии, где провели три дня, по железной дороге переехали в Порт-Саид, повидав, хоть из вагона, Сахару. В Порт-Саиде сели на французский пароход и пошли на Мадагаскар. Красное море в это время года спокойно и не очень жарко, более +35° не было, и мы шли и наслаждались. В Джибути впервые увидели настоящих чёрных обитателей Африки. Пройдя Аден и осмотрев цистерны (там же стоял и захваченный англичанами немецкий пароход **«General»**), начали мы обходить Гвардафуй⁴²; недаром и название ему дано такое⁴; дня три нас трепало отчаянным образом! Когда вышли в океан, стало спокойнее и на 7-й день непрерывного хода пришли мы на Мадагаскар. Было ровно 12 часов Нового года, когда бросили якорь. Ночь была чудная, лунная и мы не могли отказать себе в удовольствии, съехали на берег, и первые минуты Нового года провели в тропическом лесу. На Мадагаскаре, в Ди-

его-Суарец, простояли 3 дня, ожидая парохода, который шёл Мозамбикским проливом в Лоренсу-Маркеш. По дороге заходили в Мозамбик – страну ананасов и обезьян, были в Бейре – порте страны золота – Родезии, и оттуда пошли в Лоренсу-Маркеш. Последняя ночь нашего пути походила на первую, только ещё в большем размере. Поднялся шторм и волнение такое, что всю ночь провели на палубе, держась за разные предметы, чтобы не снесло; а в каюте сидеть было невозможно – задыхались от жары и недостатка воздуха, так как все отверстия были наглухо закрыты. Но нет худа без добра: благодаря буре, скрылись от английского крейсера, который нас караулил и, в случае паники, нам предстояло путешествие в Дурбан, для осмотра; морской же путь надоед нам так сильно, что мы считали часы и минуты, когда сойдем на твёрдую землю. Благополучно перебравшись на берег в Лоренцо, на другой день выехали по железной дороге в Преторию. Места замечательно живописные, дорога идёт по густым зарослям, постепенно поднимаясь в гору. Драконовы горы довольно высоки и являются средними между нашим Кавказом и Уралом. Дорога построена крайне смело, закругления и подъёмы такие, каких в Европе не бывает, причём езда бешеная! По дороге, на станциях, нас местами приветствовали залпами и криками ура! А на границе Трансвааля поезд был задержан, нас кормили обедом и говорили речи⁴⁴.

Газеты сообщали о пребывании санитарного отряда РОКК в Претории:

Русские в Трансваале

Специальный корреспондент «Петербургской газеты» в последних своих сообщениях весьма интересно рассказывает о первых днях пребывания русского санитарного отряда в Южной Африке. На португальской территории отряду пришлось вынести немало неприятностей от местных властей, находившихся в перевязочных средствах и инструментах для хирургических операций нарушение нейтралитета, зато

с момента вступления отряда в Трансвааль, вплоть до самой Претории, его дальнейший путь носил характер триумфального шествия.

На первой-же трансваальской станции, – пишет корреспондент, – нас уже ждали, встретили приветливо, с распростёртыми объятьями, угостили на вокзале завтраком. Нам показали живописные окрестности, с гигантским водопадом, которому могла бы позавидовать наша Иматра.

На каждой станции встречали нас шумные народные приветствия: мужчины махали круглыми широкополыми шляпами, у женщин развевались в руках яркие платки.

Почти все мужчины, которых мы встречали на пути, были с ружьями в руках и с перевязью из металлических патронов через плечо. Многие в честь нашу стреляли на воздухе из ружей. Вообще видно было, что буры очень тронуты прибытием из России санитарного отряда Красного Креста.

В 6 часов вечера, 13 января, мы прибыли в Преторию. Здесь, на вокзале, нас встретила толпа народа, с радостными восклицаниями, приветствиями, рукопожатиями и даже с поцелуями. Официально встречали: представитель трансваальского Красного Креста статс-секретарь **Рейц**, французский консул и некоторые члены народного собрания. С дороги мы, конечно, страшно устали и очень обрадованы были, когда, наконец, могли отдохнуть в отведённых для нас помещениях, в двух гостиницах: Гранд-Отеле и Трансваале, где размещён был наш отряд.

На другой день мы отправились знакомиться с городом. Претория прямо-таки вполне европейский город, с великолепной архитектуры зданиями правительственных учреждений, банка, городского совета, почты и др. Улицы широкие, отлично вымощенные, но страшно пыльные. При нас поливали мостовую, но ровно через три минуты знойные лучи африканского солнца делали уже своё дело, и от обильных потоков воды на мостовой не осталось и следа. По всем направлениям снуют по городу изящные экипажи, вагоны конно-железных дорог, электрические трамваи.

Что нас особенно поразило здесь – это обилие садов, в городе почти все обывательские дома утопают в роскошной цветущей зелени. Многие дома окружены обширными пальмовыми рощами, бананами, толстокожими игольчатыми кактусами. Во время продолжительной засухи зелень искусственно орошается тысячами водопроводных рукавов.

Во время прогулки по главным улицам Претории нам удалось видеть парадный выезд президента **Крюгера**, отправлявшегося на утреннее заседание парламента. Глава трансваальского правительства ехал в карете, запряжённой шестеркой лошадей цугом⁴⁵. Сидевший на передней лошади пикер держал в руках трансваальский национальный флаг; по бокам и позади экипажа – верховые, одетые точно так же, как и кучер, в жокейские костюмы. Прохожие и проезжие приветливо кланялись со своим Оом **Paul**. В ответ на поклоны, **Крюгер** снимал свой цилиндр, украшенный чёрным крепом, в знак траура по убитым на войне бурам.

В этот день как раз получено было сообщение о поражении генерала **Уоррена** и об отступлении **Буллера** обратно через Тугелу, но в городе не замечалось никакого особенного восторга по поводу побед над англичанами. Когда я спросил одного из сопровождавших нас по улице буров, почему трансваальцы так равнодушны к поражению англичан, он ответил:

– Не мстить врагу желаем мы и не радоваться его несчастью; наше стремление – спасти своё дорогое отечество от гибели.

На другой день, 15 (28) января, отряд наш в полном составе представлялся президенту трансваальской республики. В 9 часов утра начальник отряда Красного Креста действительный статский советник **Н.И. Кусков** осмотрел нас всех, затем нам подали щегольские открытые фазтоны⁴⁶, и мы поехали, разместившись по трое в каждом экипаже. Встречные пешеходы и проезжие почтительно с нами раскланивались, некоторые приветливо что-то кричали вслед нам, размахивая широкополыми шляпами.

Через каких-нибудь пять минут экипажи наши остановились у высокой каменной ограды, густо заросшей зеленью, из-за которой виднелся самой обыкновенной архитектуры одноэтажный каменный дом, с крытой верандой и двумя каменными, довольно неуклюжими львами на подъезде. Это именно и есть «дворец» главы трансваальского правительства. В момент нашего приезда сам президент **Крюгер** сидел на веранде и курил трубку. При виде подъехавших к дому гостей, он, несмотря на свои 75 лет от роду, стремительно встал со своего места и вошёл в дом.

Нас привели в приёмную, довольно обширную и обставленную со всевозможной европейской роскошью. По стенам масляные портреты **Крюгера**, **Жубера** и **Преториуса**, – триумвирата, которому Трансваальская республика обязана своим процветанием.

Минут через десять вышел к нам из внутренних комнат президент. С приветливой улыбкой он протянул руку нашему уполномоченному **Н.И. Кускову**, который обратился к нему со следующей речью на французском языке:

Отряд русского Красного Креста, состоящий под покровительством Её императорского Величества Государыни императрицы **Марии Фёдоровны**, который я имею честь представить Вашей Чести (а Votre Honneur), прибыл в Преторию прямо из Петербурга, с неперменным желанием оказать посильную помощь раненым и больным воинам Трансваальской республики, сражающимся за свободу своего отечества. Граждане русских городов Санкт-Петербурга и Одессы поручили мне, как начальнику отряда, передать Вашей Чести чувства симпатии, которые они питают лично к вам и к обеим южноафриканским республикам, борющимся за правое дело. Со своей стороны, мы весьма тронуты приёмом, оказанном нашему отряду населением Претории и трансваальским правительством и будем счастливы, если нам будет позволено в скорейшем времени приступить к работе на поле сражения.

В ответ на эту речь президент **Крюгер** благодарил русский народ, Российское Общество Красного Креста и отряд

наш за ту искреннюю любовь, которую все мы выказали по отношению к маленькой горсти голландских фермеров, решивших вступить в бой за своё отечество с сильным и многочисленным врагом.

Крюгер говорил со всеми приёмами истого оратора. Речь его льётся плавно, видно, что он привык говорить. Голос его звучный. По окончании речей и приветствий наш уполномоченный представил президенту весь наш отряд. Каждому из нас глава трансваальского правительства сказал короткое приветствие и пожал руку⁴⁷.

О поездке отряда из Лоренсу-Маркеша очевидцем позднее сообщалось (статья частично повторяет предыдущую статью):

В Трансвааль!

(от нашего специального корреспондента)

Придирки португальцев. – На границе Трансвааля. – Встреча в Претории. – Город. – Население. – Приём у президента **Крюгера**. – Речь **Крюгера**.

Претория 14(26) января 1900 г.

Не успели мы разместиться в Лоренсу-Маркеш в гостинице и отдохнуть после двухмесячной непрерывной морской качки, как нам пришлось убедиться в неприятных к нам отношениях местной португальской власти. Оказалось, что португальские чиновники конфисковали весь наш багаж на том основании, что нашли в перевязочных и хирургических средствах, имеющих у нас, нарушение нейтралитета. Напрасно мы им доказывали, что бинты, корпия и хирургические инструменты – не воинственные орудия, а эмблема милосердия; огрубелые под знойными лучами африканского солнца португальцы стояли на своём, пока, наконец, администратор нашего отряда **К.А. Людиг** не настоял на внимательном осмотре чиновниками нашего багажа, в котором нет никакого орудия, ни холодного, ни огнестрельного. Только после этого, порывшись достаточно в нашем багаже, португальские алыгвазилы выдали нам наши санитар-

ные и хирургические принадлежности, без которых наш отряд, конечно, не мог бы выполнить своей миссии на поле битвы, куда мы все так стремились...

Обрадованные получением нашего багажа из цепких рук португальских чиновников мы, утром 12 января сели в вагоны железной дороги и с 8-ми часовым поездом помчались в Преторию. Через три часа поезд наш стоял уже на границе трансваальской республики. Здесь, на первой станции, начальник нашего отряда, действительный статский советник **Н.И. Кусков** поздравил нас всех с благополучным прибытием в ту страну, куда мы так стремились и которой мы желаем быть полезным нашими познаниями и трудом.

С момента вступления нашего на территорию Трансваальской республики, вплоть до самой Претории, наш дальнейший путь носил характер триумфального шествия.

Оказывается, что на первой же трансваальской станции нас уже ждали, встретили нас приветливо, с распростёртыми объятьями, угостили нас на вокзале завтраком и, пока поезд собирался с силами для дальнейшего следования, нам показали живописные окрестности, с гигантским водопадом, которому могла бы позавидовать наша Иматра. Вообще, начиная с границы Трансвааля, весь путь наш иллюстрирован был чудными пейзажами, один другого живописнее.

На каждой станции встречали нас шумные народные приветствия. Мужчины махали нам своими круглыми, широкополыми шляпами, у женщин развевались в руках яркие платки. Почти все мужчины, которых мы встретили на пути, были с ружьями в руках и с традиционной перевязью из металлических патронов через плечо. Многие в честь нашу стреляли в воздух из своих ружей. Вообще видно было, что буры очень тронуты прибытием из России санитарного отряда Красного Креста.

В 6 часов вечера, 13 января, мы прибыли, наконец, в Преторию. Здесь, на вокзале, нас встретила толпа народу, с радостными восклицаниями, с приветствиями, с рукопожатиями и даже с поцелуями. Официально нас встретили представитель

трансваальского Красного Креста статс-секретарь **Рейц**, французский консул и некоторые члены народного собрания.

С дороги мы, конечно, страшно устали и очень обрадованы были, когда, наконец, могли отдохнуть в отведённых для нас помещениях, в Гранд-Отеле и Трансваале, двух гостиницах, где размещён был наш отряд.

На другой день мы вышли осматривать город. Если бы не жара, да не черномазые **кафрские** мальчуганы да кучеры-негры, мы бы чувствовали себя совсем как в Европе. Претория прямо-таки вполне европейский город, с великолепной архитектуры зданиями правительственных учреждений, банка, городского совета, почты и др.

Улицы широкие, отлично вымощены, но страшно пыльные⁴⁸.

Приведём и статью о приёме санитарного отряда Российского общества Красного Креста:

В Трансвааль!

(от нашего специального корреспондента)

Претория 16 (28) января 1900 г.

Приём, оказанный отряду Красного Креста президентом Трансваальской республики, произвёл на всех нас чрезвычайно приятное впечатление. Далеко не такое впечатление вынесли от беседы с ним волонтёры, в количестве 15 человек, представлявшие в тот же день **Крюгеру**. Между ними шесть русских, остальные французы. **Крюгер** встретил их, конечно, очень любезно, благодарил их за их готовность сражаться в рядах трансваальских воинов, но при этом добавил, что ввиду их незнакомства с топографией и обычаями страны, все волонтёры, невзирая на чины и специально-военное их образование, могут быть приняты трансваальским правительством только в качестве солдат.

– Кто желает подчиниться нашим требованиям, – закончил свою речь господин **Крюгер**, – может получить лошадь и полное вооружение обыкновенного трансваальского воина, и

да благословит его Всевышний. Кто не желает, может без за-медления уехать, и да поможет ему Господь благополучно вернуться на свою родину.

Я не берусь описывать, насколько разочарованы были некоторые их господ волонтеров в своих предположениях, скажу только одно, что все, без исключения, подчинились требованиям страны и не один из них не отказался от вступления в ряды трансваальских солдат.

Через несколько часов мы уже видели этих самых волонтеров в высоких сапогах, в широких шароварах, темно-синих куртках с перевязью патронов через плечо, с **маузеровскими** ружьями в руках и в широких мягких шляпах, составляющих непрременную принадлежность каждого бура как в мирное, так и в военное время.

Обратно от президента мы возвращались в наши гостиницы уже пешком. Нас провожала громадная толпа горожан, преимущественно женщины и дети, которые благодарили нас за наше желание помочь раненым и больным трансваальцам.

Пока мы шли домой, нас обогнал ехавший в военный совет президент **Крюгер**. На этот раз он был уже не в парадной карете, с пикетами и грумами, а в обыкновенной коляске, запряженной парой маленьких лошадок. Позади экипажа скакали восемь всадников, вооруженных ружьями. Эта охрана, как мы потом узнали, сопровождает президента Трансваальской республики только со времени объявления войны, так как шли слухи, что у **Крюгера** образовалось много врагов, угрожавших его личности.

После обеда нам предложили, не желаем ли мы посмотреть, как проводят время английские пленные, которых к этому времени набралось в Претории что-то около четырех тысяч человек.

С понятием военнопленных, оторванных в силу несчастно сложившихся обстоятельств от своей армии и родины, мы представляли себе англичан удрученных горем, изнывающих в безысходной тоске, болеющих душою о своих товарищах, оставленных на поле сражения.

Каково же было наше удивление, когда нас привели в большую, огороженную со всех сторон живою изгородью, площадку, на которой несколько сот здоровенных, краснощёких молодых людей, в возрасте от 20 до 30 лет, бегали, резвились, прыгали, скакали и даже пели песни.

Здесь происходили всевозможные игры: крокет, лаун-теннис, фут-боль (именно: фут-боль)... Видно было, что здесь все истые спортсмены, привыкшие к всевозможным состязаниям, не исключая даже нашей российской чехарды, которая, по-видимому, тоже хорошо знакома англичанам.

Вообще, присматриваясь к житью-бытью пленных англичан в Претории, мы пришли к прямому выводу, что воинственным сынам туманного Альбиона совсем не знакома та болезнь, которая известна под именем тоски по родине⁴⁹.

Приведём наиболее любопытные, на наш взгляд, отрывки из воспоминаний о Южной Африке сёстры милосердия санитарного отряда Российского Общества Красного Креста **Ольги фон Баумгартен**. О Трансваале она писала так:

12 января (1900 г.) мы переехали границу португальских владений и вступили, наконец, на территорию Трансвааля. Что за благодатная страна и что за разница в сравнении с Лоренсу-Маркешо и его окрестностями. Там, непроглядные болота, с их ядовитыми испарениями, вечной малярией. Приезжают туда люди полные здоровья и сил и в самый непродолжительный срок обращаются в живых мертвецов. Образно выражаясь, там царство смерти, там смерть живёт и торжествует в самой природе; неудивительно, что число её жертв достигает невероятных размеров и смертность не знает границ.

А здесь – что за природа, что за пейзажи, что за народ...

Что пережили мы во время нашей поездки по Трансваалю до Претории! С каким восторгом встречали нас буры; ружейные салюты, музыка, речи и, наконец, сердечное отношение к нам трансваальских женщин. Нет, таких минут в жизни

выпадает на долю человека мало и их забыть нельзя. Матери, жёны и сёстры убитых воинов окружали наши вагоны, они благословляли нас на тяжёлый подвиг служения ближнему. Они молились за нас, за наше желание помочь оставшимся в живых их сыновьям, мужьям и братьям.

По мере приближения к Претории, открывавшиеся перед нами картины природы становились всё величественнее. Дикие неприступные скалы, крутые обрывы, горные потоки, с оглушительным шумом и рёвом несущиеся по кручам, бесчисленное количество водопадов и благодатные долины – и всё это на фоне густой, тёмной зелени под лазурным небом юга.

13 января, в третьем часу дня, мы приближались к Претории. При виде поезда встречавшая нас толпа устроила овации. Буры заиграли на трубах.

В Претории большая часть нашего отряда остановилась в Transvaal Hotel. Эта гостиница устроена совершенно на европейский лад, в четыре этажа, с электрическим освещением и полным комфортом. Её хозяином, во время пребывания нашего, был английский еврей **Лев**.

Претория – небольшой, но прехорошенький городок, он удачно расположен в долине, со всех сторон окружён горами, густо покрытыми растительностью, очень живописные дома, по большей части вроде швейцарских, вполне соответствуют стилю горной природы.

Торговая жизнь здесь идёт бойко, магазинов много, но почти всё в руках евреев. Вообще в Претории удивляет количество евреев. В Трансваале насчитывается их до 20 000, и, значит, часть из них из России. Они были рады встретить русских и буквально засыпали членов отряда вопросами о том, что делается у нас на родине.

Приглядываясь к ходу жизни в Претории, никак нельзя было подумать, что буры ведут войну. Жизнь, по крайней мере с виду, шла в обычном порядке. Буры были очень самоуверенны – они говорили о своих победах, о том, что они ещё сделают, как себя покажут. На войну они смотрели, как на охоту, а на англичан, как на дичь.

15 января наш отряд в парадной форме отправился представляться президенту. Его резиденция – маленький одноэтажный белый домик с верандой⁵⁰.

О приёме у президента Трансвааля она заметила следующее:

...**Крюгер** выразил глубокую благодарность русскому правительству за то, что оно обратило внимание на такую маленькую страну, как Трансвааль и прислало ему санитарную помощь. Вместе с тем он выразил надежду, что мы будем также жалеть его народ. По окончании своей речи **Крюгер** выразил желание, чтобы ему были представлены все члены нашего отряда и он всем пожал руки и пожелал успехов в предстоящей трудной работе⁵¹.

Интересны и наблюдения сестры милосердия о том, что она успела увидеть за несколько недель пребывания в столице Южно-Африканской Республики:

16 января часть нашего отряда отправилась в президентскую церковь, помещавшуюся против дома **Крюгера**. Архитектура храма не представляет ничего особенного и поразила нас только своей простотой. Президент находился в церкви с начала богослужения. Народу собралось не особенно много, вернее, мало, и то всё больше женщины. Служил пастор голландец, а проповедь говорил президент сам. Странное, даже тяжёлое впечатление произвела на нас речь **Крюгера**. Так мог говорить только человек, потрясённый горем. Он грозил англичанам карой Божьей, судом Творца и его справедливостью. Оратор сравнивал буров с **Авелем**, а англичан – с **Каином**. Кара и гнев Всевышнего должны постигнуть врагов во имя справедливости. Закон вселенной – справедливость – возмездиями лишь держится она. Трудно себе представить, в какой пафос впадал **Крюгер** – он подымал голос до крикливых нот, лицо его багровело, а голова

его тряслась, он стучал о кафедру и повторял, сотрясая воздух своими мощными кулаками: «Сражайтесь, сражайтесь до последней капли крови!»

В тот же день мы отправились осматривать голландскую больницу. Она помещалась в школьном здании и была устроена на 50 кроватей. Чистота, свежий воздух, электрическое освещение, словом, все необходимые удобства предоставлялись больным. Их было человек 40. Штат служащих состоял из врача и 3-х сестёр.

Врач удивлялся терпению своих пациентов и мужеству, с каким выносят они свои страдания. Действительно, среди больных буров часто встречались классические примеры присутствия духа и силы воли. Те больные, которых застали мы в госпитале, все имели вид бодрый, даже весёлый. У всех была одна надежда на скорое выздоровление и они все горели одним желанием снова идти на поле сражения и снова воевать за свободу, за независимость родины. Любовь к отчизне у буров достойна удивления.

Здесь же в лазарете пришлось мне слышать до какого самоотвержения способны дойти буры. Я видела больного, которому незадолго перед тем сделали серьёзную операцию. Он уже заметно поправляется. Домашние его уговаривали по выздоровлении вернуться домой и отдохнуть на свободе. «Свободы нет, когда враг громит родину, – отвечал больной. – Я считаю дни и часы, когда с Божьей помощью пойду сражаться с моими братьями за правду и свободу. Вы знаете, – обратился он ко мне, – если англичане опозорят наши города и селения, отнимут у нас кров и приют, мы всё же будем воевать, пока у нас будут Oxenvagen».

Потом мне объяснили его слова. Oxenvagen здесь называют большие повозки. В них буры возят теперь семейства – жён и детей, выгнанных врагами из постоянных мест жительства. Другими словами, буры будут сражаться и не положат оружия, пока у них будет за что сражаться...

В Претории нас поразило большое количество заколоченных нежилых домов: были в их числе богатые особняки

и скромные домики. Нам объяснили, что это все английские дома; их хозяева оставили город и потому они пустуют.

Как другая особенность военного времени нам бросилась в глаза необычайная дороговизна. Цены росли на всё баснословно и шиллинг – в обыкновенное время в обороте то же, что наш полтинник, – упал, примерно говоря, до гривенника⁵².

Но, несмотря на такую дороговизну, здесь много богачей и они не особенно стесняются высокими ценами. Посмотреть на нас, русских из Йоханнесбурга, специально приехали два таких богача коммерсанта, исключительно, чтобы познакомиться с нами и поговорить о России.

23-го мы, сёстры, отправились в лютеранскую церковь. Здание церкви просто и скромно, но выстроено в живописной местности. Вокруг его разбит прекрасный сад. Возвратившись после службы к себе в Transvaal-Hotel мы застали там нашего уполномоченного.

Он сообщил нам, что 25 января мы отправимся на работу. Можно себе представить нашу радость. Путешествие наше окончено и мы, наконец, приступаем к делу, для которого ехали тысячи вёрст. Господи, уж не сон ли всё это! Так необычайно, что не верится, неужели всё, что мы переживаем, творится наяву. А между тем, это действительность, да если хотите, ещё какая реальная. Здесь вокруг нас льётся кровь, люди сражаются за свою свободу, независимость, ведут борьбу за существование, в полном смысле слова, и мы среди них, горя желанием помочь ближнему в роковую для него минуту, мы, присланные сюда за тысячу вёрст во имя святого завета Христа «Любите ближнего, как самого себя». Кто пережил хоть раз такие минуты, как мы, о, тот, конечно, никогда их не забудет и, пока бьётся сердце в груди, всегда будет переживать тот восторг, какой наполнял наши души в эти знаменательные дни. Его святой огонь не в состоянии затушить ни время, ни жизнь с её превратностями, он может только умереть с нами⁵³.

Приведём и донесение штабс-капитана **Потапова** о пребывании санитарного отряда в Трансваале и Оранжевом Свободном Государстве:

Санитарный отряд Красного Креста, выехав из Одессы 5/17 декабря 1899 г. через Константинополь, Смирну, Пирей 12/24 декабря прибыл в город Александрию. 17/29 декабря отряд по железной дороге переехал в Порт-Саид, где 19/31 декабря сел на пароход **«Natal»**. В 11.1/2 часа ночи 31 декабря (12 января) отряд прибыл в Диего-Суарец. 3/15 января 1900 г. в 7 часов утра пароход **«Gironde»** отправился с отрядом через Мозамбик и Бейру в Лоренсу-Маркеш, куда и прибыл в 9 часов утра 11/23 января. В течение всего времени путешествия санитары отряда были вполне здоровы. Ежедневно на пароходе команда собиралась на молитву (в 7 часов утра и в 8.1/2 часов вечера), один раз на гимнастику (в 7.1/4 часов утра) и один, а иногда и два раза в день – на беседы, где читались законы Женевской конвенции, повторялись сведения, обязательные для рядовых и сообщались различные сведения о странах, через которые проезжали, и о Трансваале. В некоторых портах команда съезжала на берег. В Адене⁵⁴ я с командой посетил казармы местных войск.

По прибытии в Лоренсу-Маркеш я тотчас же съехал на берег и с подполковником **Гурко** сделал визит трансваальскому генеральному консулу, приготовил помещение для отряда и перевёз отряд в город. В таможенные вещи и багаж осматривались. Начальник таможни перед осмотром предупредил меня, что осмотр делается только для успокоения англичан и что, во всяком случае, никакой пошлины взыскано не будет.

На следующий день отряд отправился в Преторию. В 10 часов вечера поезд остановился на станции Esbach, где мы должны были ночевать, так как ночью поезда не ходят. Ночевали в вагонах. В 8 часов утра поезд вышел со станции и прибыл в Преторию в 6.1/2 часов вечера. По дороге от границы до Претории все встречавшиеся на станциях буры говорили нам, что дела нам будет немного, так как больных и раненых

очень мало, но что они рады нашему приезду, так как видят в этом сочувствие России делу буров.

То же самое сказал и высланный нам на встречу представитель трансваальского правительства.

На вокзале в Претории отряд встретила толпа любопытных. В числе встречавших были французские генеральный консул и вице-консул в Йоханнесбурге, несколько врачей голландского отряда Красного Креста, два доктора, получивших образование в Юрьевском университете и масса русских евреев, считавших своим долгом встретить соотечественников. Врачи и сёстры тотчас же поехали в приготовленный для них Transvaal Hotel. Я с фельдшерами и санитарями направился в Grand Hotel, где нам было отведено помещение.

15/27 января в 10 часов утра отряд представлялся президенту **Крюгеру** на его квартире. **Крюгер** живёт в небольшом одноэтажном доме, ничем не отличающемся от других домов той же улицы. У калитки небольшого садика, разбитого перед домом, стоят два часовых. **Крюгер** сидел на веранде и беседовал со статс-секретарём **Рейтцем**. Когда мы подъехали к калитке, президент **Крюгер** вошёл в комнату. Вместе с отрядом приехал французский генеральный консул **Обер**. Начальник отряда доктор **Кусков** прочитал небольшую речь на французском языке, консул перевёл её **Крюгеру** и представил врачей и сестёр. Пожав всем руку, президент сказал небольшую речь на бурском языке. Генеральный консул перевёл речь на французский язык. Президент просил доктора **Кускова** перевести эту речь на русский язык. В этой речи президент благодарил Его Императорское Величество, которому благоугодно было послать отряд, и всю русскую нацию за выраженное сочувствие.

От президента мы отправились с начальником отряда к администратору трансваальского Красного Креста **Якобсу**, чтобы выяснить, куда, когда и как нам ехать. **Якобс** сказал нам, что больных и раненых очень мало, что в понедельник 17 января он соберёт заседание, а 15 и 16 числа запросит телеграммами различные отряды, кому нужна помощь Красного Креста.

Ни 17 ни 18 заседаний не было. В Претории с 31 декабря находится без дела бельгийский отряд Красного Креста из 40 человек. В трёх преторийских госпиталях очень мало больных. Германский отряд Красного Креста, пробыв в Претории без дела более двух недель, уехал по собственной инициативе, в Оранжевую Республику. Некоторые врачи из голландского отряда, не имея больных, уехали в Европу.

Ввиду вышеизложенного, я сегодня обратился с просьбой к начальнику отряда разрешить мне ни несколько дней уехать из Претории в Ледисмит, оставив команду санитаров доктору **Садовскому**.

Во время пребывания отряда в Александрии, Порт-Саиде, Джибути, Адене, Диего-Суареце, Мозамбике и Бейре, я всё время проводил на берегу, делал визиты консулам и познакомился с большим числом лиц различных профессий. Все верят в непобедимость англичан, и везде видно сильное английское влияние, Везде понимают по-английски, за исключением Диего-Суареца (порт на севере острова Мадагаскар). Французы на Мадагаскаре ожидают волнений и в Диего; через несколько дней после нашего ухода должны были прийти 2000 французских солдат из Европы.

С нами на пароходе приехало несколько французских офицеров. Из русских офицеров-добровольцев на пароходе «**Natal**» находились: состоящий по Кубанскому казачьему войску сотник (поручик) **Гучков**, поручик Белгорайского резервного полка **Покровский**, подпоручик того же полка **А. (Августус)** и прапорщик запаса **Диатроптов**.

Кроме офицеров, было ещё два русских добровольца. В Диего-Суареце на пароход «**Gironde**» сел подпоручик 37-го пехотного Екатеринбургского полка **Никитин**. В настоящую минуту все русские добровольцы находятся в Претории, получили одежду, ружьё, патроны и лошадей. Везде продовольствие и помещение в первоклассных отелях и проезд в 1-м классе по железной дороге – на счёт правительства. Для ухода за лошадью каждому дан **кафр**. Но никто не получил денег. Кроме упомянутых офицеров на службе в Трансваале нахо-

дился поручик **Едрихин**, участвовавший в штурме Ледисмита 25 декабря (6 января) и в настоящее время находящийся в одном из преторийских госпиталей. У него болело горло, но теперь он поправился и хлопочет о переводе из немецкого корпуса, находящегося под Ледисмитом, в осадный корпус, находящийся у Мафекинга. Под Ледисмитом сражается Керченской крепостной артиллерии штабс-капитан **Шульженко**. В Governement (правительстве) говорили, что других офицеров на службе в Трансваале нет, зато немецких и французских офицеров довольно много.

Русских, постоянно живущих в Трансваале, консулы считают до 25 000. Большинство из них евреи и финляндцы⁵⁵.

Приведём и отрывок из публиковавшегося не полностью донесения штабс-капитана **Потапова** о русских офицерах, частично повторяющий приведённый выше текст:

...Из русских добровольцев на пароходе «**Natal**» находились: состоящий по кубанскому казачьему войску сотник **Гучков**, подпоручик Белгорайского резервного полка **Покровский**, подпоручик того же полка **Августус**, прапорщик запаса, выдававший себя за офицера **Диатроптов**. Кроме офицеров было ещё двое русских неизвестного происхождения. В Диго-Суареце на пароход «**Gironde**» сел подпоручик 37-го Екатеринбургского полка **Никитин**. **Покровский**, **Августус** и **Никитин** приехали почти без средств. По дороге они рассчитывали получить, будто бы обещанные им **Лейдсом**, места майоров в армии буров и хорошее жалование. Сами они говорили, что едут от газет, в другое время говорили, что **Лейдс** дал им средства. Кроме **Гучкова**, ни один не владеет иностранными языками (неточность, вероятно, **Потапов** имел в виду не владеют английским, поскольку и по-немецки, и по-французски **Августус** и **Покровский** объяснялись. – Прим. авт.-сост.).

Августус в пути убеждал санитаров бросить отряд и поступить добровольцами. Впрочем, многие из иностранных

добровольцев склоняли санитаров к тому же. В настоящее время все добровольцы находятся в Претории, приняли присягу, получили права граждан Трансвааля, одежду, ружьё, патроны и лошадей. Везде продовольствие, помещение в перовоклассных отелях и проезд в 1-м класса по железной дороге за счёт правительства. За ухода за лошадьми каждому дан **кафр**. Но никто не получил денег. Кроме упомянутых офицеров на службе в Трансваале находится поручик **Едрихин**, участвовавший в штурме Ледисмита 25 декабря/6 января и в настоящее время находящийся в одном из преторийских госпиталей. У него болело горло, но теперь он поправился и хлопчет о переводе из немецкого корпуса, находящегося под Ледисмитом, в осадный корпус, находящийся у Мафекинга... (далее следует карта организации военно-санитарной службы в Натале; шесть фотографических снимков, сделанных **Ромейко-Гурко** (малоинтересных) и донесения самого **Ромейко-Гурко** неразборчивым почерком (чуть позднее опубликованные полностью)⁵⁶.

Потапов писал о порядках в португальской таможне в Лоренсо-Маркеше:

В таможне вещи (багаж) осматривались начальником таможни, перед просмотром предупредили меня, что осмотр делается только для успокоения англичан и что во всяком случае, никакой пошлины взыскано не будет.

На следующий день 12 (24) января личный состав отряда и ручной багаж в 7 часов 30 минут утра по железной дороге были отправлены в Преторию.

В Лоренсу-Маркеше для получения 18 000-килограммового груза с парохода и отправления его по железной дороге остался агент **Людиг**, заведующий хозяйством отряда, фельдшер и 1 санитар из числа нанятых Главным управлением Общества Красного Креста.

В 10 часов вечера поезд остановился на станции Esbach, где мы должны были ночевать, так как ночью поезда не хо-

дят... То же самое сказал и высланный нам навстречу представитель от трансваальского правительства, устроивший нам обед на границе. Обращаясь к отряду с бокалом в руках он сказал, что вполне понимает Россию, сочувствующую делу буров против коварной политики Англии, не сохраняющей нейтралитет. На вокзале в Претории... и масса русских жидов (зачеркнуто и исправлено: евреев), считающих своим долгом встретить соотечественников⁵⁷.

Отечественные газеты печатали немало писем со-
трудников санитарного отряда РОКК:

Русский Красный Крест в Претории

Один из участников отряда нашего Красного Креста, ныне прибывшего в Преторию, так излагает свои впечатления: Город сам хотя и небольшой, но очень чистенький, построен в виде отдельных одноэтажных домиков, окружённых садами; всюду много зелени. Много хороших магазинов, хотя очень многие по случаю войны закрыты. Единственное, что производит очень тяжёлое и грустное впечатление, – это множество женщин, девушек и детей в глубоком трауре: все они потеряли кого-нибудь на войне. Побывали мы в зоологическом саду, ещё только что устраиваемом, устроитель его доктор, очень мило нас принял, показал собранных представителей здешней фауны, а также издала показал пленных англичан-офицеров, сторожем которых он состоит во время войны.

На другой день после приезда весь наш отряд представлялся президенту **Крюгеру**. Когда мы подъезжали к простенькому скромному домику президента, то в палисаднике перед ним сидел сам старик-президент, поджидая нас. Увидев нас, он пошёл в дом, где в гостиной ему мы и представлялись. Выглядит **Крюгер** совсем как его изображают, только далеко не таким седым, и ещё очень бодрым и крепким. Принимал нас стоя, в цилиндре с крепом. В ответ на приветствие нашего уполномоченного, он указал, что его радует сочувствие гро-

мадного русского народа маленьким африканерским республикам в тяжёлое время неравной борьбы с англичанами. Он надеется, что Бог поможет нам в нашем деле принести наибольшую пользу больным и раненым его соотечественникам. После этого он нам всем подал руку, объявив, что хочет пожать руку и всем санитарам. Наши санитары, свои молодецким видом и выправкой вообще, здесь произвели сильнейшую сенсацию, не меньшую – и приехавший одновременно с нами казачий офицер.

Приехал он с мыслью собрать свой партизанский отряд и воевать против англичан. Он явился здешним властям и своей казачьей формой произвёл на город громадное впечатление.

В голландской церкви (было воскресенье) **Крюгер** говорил проповедь.

Теперь здесь лето, период дождей, но температура довольно умеренная, дожди перепадают, но далеко не каждый день, и идут не целыми днями, а пройдёт дождь, сейчас же опять проглянет солнце и через час, два всё сухо⁵⁸.

О путешествии в Трансвааль врач санитарного отряда РОКК писал:

В Трансвааль

(от нашего собственного корреспондента)

Претория, 18 (28 января) 1900 г.

Вот уже два дня, как мы наконец прибыли к цели нашего долгого и трудного путешествия. Два с половиной месяца провели мы в пути, преодолевая всевозможные стихийные невзгоды, добрались таки до столицы Трансваальской Республики, на которую обращены теперь взоры всего мира.

Кроме стихийных невзгод на долю санитарного отряда Красного Креста выпало немало невзгод и побочных. Начать с того, что вместо Лоренсу-Маркеш англичане хотели завести наш пароход в Дурбан, а португальские морские и железнодорожные власти в Лоренсу-Маркеше еле-еле отдали нам наш багаж, который хотели почему-то конфисковать.

Впрочем, не буду забегать вперёд и расскажу всё по порядку.

Из Порт-Саида, как я вам уже писал, мы направились в Джибути. В этом уголке французской колониальной территории мы неожиданно встретились с русскими, а именно с господином **Леонтьевым**. Господин **Леонтьев**, хотя не совсем ещё оправился, но, узнав, что в Джибути прибыли русские, явился на палубу «**Наталя**» и сделал визит нашему отряду. Это было 24 декабря, как раз в сочельник. Хотели мы по русскому обычаю зажечь на палубе ёлку, которой запаслись ещё в Александрии, но по морским правилам о палубных огнях зажигать ёлку нельзя было. Пришлось отложить ёлку до другого дня, когда пароход наш был в открытом море, по дороге к Мадагаскару.

Я не буду распространяться о том, какая жара и духота царила в каютах и на палубе нашего парохода в то время, когда мы пересекали экватор, скажу только одно, что в продолжение этих пяти-шести дней, что мы шли из Адена к Мадагаскару мы чувствовали себя точно спущенными в кипяток.

Как раз накануне Нового года мы прибыли на Мадагаскар, в порт Диего-Суарец. Тут нам пришлось расстаться с нашим пароходом «**Наталь**» и перейти на другой пароход «**Жиронда**», немного меньше «**Наталя**», но каюта удобнее, хотя я должен сознаться, что пароходная администрация как на «**Натале**», так и на «**Жиронде**» далеко не была на высоте французской любезности. Посетив дорогой Мозамбик с его живописными холмами и крепостью, расположенной на острове, мы получили себе в спутники около полутора ста новых пассажиров. К нашему общему удивлению, пассажиры эти оказались англичанами-волонтёрами, отправляющимися в Дурбан, в английскую армию.

С момента появления на палубе «**Жиронды**» партии англичан-волонтёров, наша мирная жизнь на пароходе была окончательно нарушена. Начать с того, что вся эта компания молодых англичан на радостях, что едет бить буров, перепи-

лась. Все они разом почувствовали в себе воинственный пыл и не давали никому проходу, так что во избежание скандала почти все представители нашего отряда разошлись по своим каютам. Это нахальное поведение английских волонтеров возмутило, наконец, французских матросов и пассажиров, которые, собравшись на палубе, произвели контрманифестацию, свистали, шикали, пели «Марсельезу» и кричали: *Vive les Boers!*

Встретив такой отпор со стороны всего экипажа и большинства пассажиров, представители будущей английской армии несколько поутихли и почти до самой бухты Лоренсу-Маркеш держали себя довольно прилично.

На расстоянии получаса от Лоренсу-Маркеша «**Жиронда**» наша остановилась, чтобы принять на палубу лоцмана. Кругом нас сновали какие-то подозрительные пароходики с английскими флагами. Между «**Жирондой**» и этими пароходами завязался немой разговор значками. Среди наших пассажиров распространился тревожный слух, что нас предварительно повезут в Дурбан, где продержат две-три недели, а затем уже отпустят. Слух этот поверг весь наш отряд в большое уныние. К счастью, он оказался ложным. Переговоры эти, оказывается, шли по поводу полутораста англичан-добровольцев, находившихся на нашем пароходе. Английские пароходы требовали от капитана «**Жиронды**», чтобы он отвёз добровольцев в Дурбан и затем вернулся в Лоренсу-Маркеш, но наш капитан наотрез отказался это исполнить. Кончилось тем, что английских добровольцев мы сдали с рук на руки на английский пароход, а сами направились в Лоренсу-Маркеш, куда и прибыли вечером 10 января по нашему стилю.

Ф. Попов (Давыдов? Потапов?) ⁵⁹.

Доктор **Чистович** в своём докладе о деятельности российского санитарного отряда подробно рассказывал и о своих личных впечатлениях:

Напутствуемые самыми лучшими пожеланиями, выехали мы 28 ноября 1899 г. из Петербурга и после полуторамесячного путешествия, 12 января 1900 г. достигли цели этого долгого странствования и переехали около Комати-Порта границу Южно-Африканской Республики, известной здесь под названием Трансвааля. С самой границы этой реки у Комати-ривер по массе вооружённых людей – молодых и старых буров, воинов из пограничных команд, по вооружённым же сторожевым постам, занятым главным образом глубокими стариками или почти мальчиками, постам у каждого железнодорожного мостика, а их до станции Машадодорп уже около шестисот, по (двум) встречавшим нас временным военным представителям власти, исполнявшим в мирное время совершенно иные обязанности, наконец, по целым массам людей, встречавших нас на всех почти попутных станциях, между которыми чаще и чаще видны были целые семьи, одетые в глубокий траур, чувствовалось, что мы въехали в страну не мирную, а напротив, достаточно напряжённую в тяжёлой борьбе, в страну, всю целиком участвующую в этой борьбе за свободу и независимость против несравненно сильнеешего противника. На первых же и дальнейших крупных станциях стали бросаться в глаза красные кресты на очень многих мужчинах и женщинах, служащих в различных местных лечебных заведениях, красные кресты самых разнообразных форм: в виде нарукавных повязок, кокард на шляпах, петличек на воротниках, пуговиц и даже брошек. Чем дальше ехали мы, тем заметнее становилось и военное положение страны. Со всех станций в поезд наш садились буры-воины, возвращавшиеся к фронту, к своим командам из двухнедельных побывок дома, куда их для отдыха отпускали по очереди в течение всей войны. Всюду почти этих буров провожали на станциях и их семьи. Очень многие, как из них, так и из провожавших, одеты были в траур, так как потеряли уже кого-нибудь из близких, но, несмотря на это и проводы, и расставания поражали своей бодростью и спокойствием – только один раз заметил я слёзы при проводах одного молодого бура. Да и между воина-

ми незаметно было, что они едут, может быть, на смерть, ехали все бодрые, даже весёлые, точно на предстоящую охоту, а не на войну. Поезд всё более и более наполнялся воинами, и к приезду в Преторию обратился в чисто воинский. В это общее военное движение таким образом попали и мы, и всюду встречали нас, как своих, как желанных, как друзей. В Преторию мы приехали только на следующий день к вечеру, так как ночью поезда не ходят и ночевать нам пришлось на станции Ватерфаль-Ондер, в поезде⁶⁰.

Очень любопытны строки о пребывании санитарного отряда РОКК в Претории:

К нашему приезду отряду была приготовлена грандиозная встреча. На Преторийской станции нас ждала громадная толпа народа; встречали представители от правительства, врачи, члены местного Красного Креста и так далее, и здесь опять бросилась в глаза масса людей со знаками Красного Креста и рядом с ними множество народа, носящего и глубокий траур. Прямо со станции нас отвезли и разместили в лучшей в Претории гостинице Transvaal-Hotel, где мы и должны были ждать, пока не выяснится наше дальнейшее назначение. В этом же отеле помещался ещё отряд немецкого Красного Креста, приехавший дней за десять до нас, а позднее прибыл туда и русско-голландский отряд, заставший нас ещё в Претории. Пробыть здесь нам пришлось 12 дней. Получение застрявшего было в Лоренсу-Маркеш нашего груза, представления президенту, правительству заняло первых три-четыре дня, дальнейшее же сидение без дела происходило по несколько странной причине: не знали и долго не могли решить и сговориться относительно того, куда нас направить, где мы будем нужнее и полезнее. Обстоятельство это поражало тем более, что приезжавшие добровольцы очень быстро были снаряжаемы и отправляемы на фронт, откуда со всех сторон доходили вести о почти ежедневных боях на Тугеле, под Колензо, под Колесбергом и так далее. А рядом с этим, сидевшие тоже подолгу без дела санитарные отряды других государств и

целые массы различных красных крестов на мужчинах, женщинах, на личностях, с виду весьма подозрительных, и наконец, даже на чернокожих – всё это заставляло нас, пока мы ближе не познакомились с положением вещей, прийти в недоумение, наводило на грустные мысли и побудило даже не носить выданных нам повязок – совестно было как-то их надевать. После долгих ожиданий, переговоров, соображений состоялось, наконец, наше назначение в Фольксруст и Ньюкасл, а впоследствии части отряда в Гленко, где мы принялись за дело, которое, чем далее, тем более и успокоило и рассеяло различные наши сомнения и недоразумения⁶¹.

Сестра милосердия **Ежевская** писала в свою очередь:

Претория, 23 января (4 февраля)
(Корреспонденция «Нового Времени»)

Пока не указали нам места, где мы должны будем открыть госпиталь для помощи здешним раненым, нам поневоле приходится гостить в Претории, хотя, по правде-то, нам хотелось бы поскорее приняться за работу, для которой мы ехали в такую даль. Но пока что мы каждый день гуляем и присматриваемся к местности.

Улицы здесь не мощёные, изредка на них положена панель. Дома большей частью одноэтажные. Правда, есть в три и в четыре этажа, но это или присутственные места, или отель. Церквей здесь много. В воскресенье мы были в церкви и слышали, как сам президент **Крюгер** говорил проповедь. Дома здесь строятся из кирпича или камня и покрыты цинковыми крышами. Кирпич здешнего приготовления. Тяжести буры возят на волах и ослах, волов запрягают от 4 до 10 пар друг за другом под каждый воз. Лошади и мулы тут очень дороги, рублей 300 лошадь или мул. Впрочем, до войны, говорят, они были гораздо дешевле. Упряжка лошадей английская.

В Претории есть мужская, женская гимназии и реальное училище. Конечно, есть много и низших училищ, но зато

высших нет вовсе. Для высшего образования буры посылают молодых людей в Европу. Театра в Претории тоже нет, есть только клуб, где иногда дают концерты. Выходит здесь ежедневная газета «Народный голос». Говорят, что здесь мало печатается книг. Печатают только Библию и разные правительственные распоряжения и объявления. Журналов тут никаких не печатают.

Заводов и фабрик в Претории очень мало, всего четыре: патронный и каменноугольный заводы, и экипажная и спичечная фабрики. Есть ещё свой монетный двор, на котором чеканятся деньги с изображением **Крюгера**. Лимонад готовят ещё здесь, а пиво уже привозное, и бутылка его стоит 2 рубля на наши деньги.

Вообще, дороговизна здесь страшная. Если покупаешь что-нибудь, то всё 6 пенсов, а то и шиллинг. Прямо сказать, это – страна золота. Судите сами, меньше 3-х пенсов – серебряной монеты – и денег нет, а ведь это на наши деньги 12 копеек. Своего здесь из продуктов только и есть, что кофе и табак. Кофе и табак местные действительно хороши. А всё прочее привозное и дорого. Сахарный песок белый стоит 1 рубль 80 копеек фунт, а жёлтый и грязный из тростника – 1 рубль 25 копеек. Рафинада же вовсе нет. Хорошо, что у нас его взято с собой. Мы могли его запасти по дороге, потому что в Александрии мы поразились дешевизной русского сахара, там он стоит всего 5 копеек фунт. Картофель здесь, в Претории, говорят, иногда по цене стоит наравне с конфетами. Хоть и сажают в здешней местности капусту и картофель, да очевидно очень мало. Между тем земли у буров много и она хорошая. Обрабатывают же её очень мало, потому и платят теперь за мешок в 5 пудов (80 килограммов) 79 рублей на наши деньги; рожь же здесь сеют только для скота. Луга по дороге в Преторию поражали нас своим привольем, а между тем их не косят; зато зимой скот, случается, и умирает от голода. При здешней дороговизне бедным тут совсем нельзя жить. Да их, говорят, и нет. Если и появляются такие бродяги, то их немедленно отправляют в портовые города, а здесь

жить не дают. В наших городах эпидемические болезни распространяются всё больше среди бедных и самая лучшая для них жатва в ночлежных домах, где ютятся бродяги. А так как здесь бродяг нет, то неоткуда пойти и болезням. И, правду говорят, город Претория удивительно здоровый город, в нём не слышно ни про какие болезни. Этому способствует его высокое положение.

А вот куда нас хотят отправить, там, говорят, свирепствуют лихорадки и дизентерия. Болотные лихорадки бывают там молниеносные, так что от них в течение нескольких часов и умереть можно. Зимой бывает также брюшной тиф и очень тяжёлый. Про здешнюю зиму рассказывают, что она бесснежная – снег выпадает очень-очень редко, – и сухая. Трава высыхает, вода замерзает, лёд бывает до 1 вершка толщиной. По ночам мороз доходит до -7 градусов ниже нуля, а днём является жгучее солнце. При таких-то быстрых переменах температуры, как не заболеть! Холода начинаются с конца апреля.

В настоящее же время здесь погода хорошая. Часто бывают дождь и гроза. За 10 дней, что мы прожили, гроза была три раза. Грозы здешние неприятно действуют на нервы: пламя синего цвета вдруг озаряет всё небо. Говорят, оттого такие сильные грозы, что кругом Претории очень большие горы.

Пугают ещё нас здешними змеями. Говорят, это – страны змей⁶². Есть здесь и кобра, и очковые змеи. Рассказывают, что какая-то есть змея, видом своим подходящая к окружающей природе и осмеливающаяся кидаться на человека (мамба)⁶³. Нас предупреждают, чтобы мы, когда будем жить в поле в палатках, ложась спать, смотрели под подушками и одеялом, не забралась ли туда на ночлег змея, а вставши утром, опять не забывали сапоги осмотреть прежде, чем их надевать: и в сапоге может сидеть змея.

Интересны здешние чёрные жители. Они здесь совсем цивилизованные. Одеты как мужчины, так и женщины, по-европейски, даже по модному, так сказать по-господски. Говорят, их тут около 10 племён, и у каждого племени есть свой

король или царёк. Живут чёрные общинами (крааль); каждая община имеет своего главу или шейха⁶⁴.

Избушки или домики у них из травы, очень чистенькие. Вообще, кажется, живут они очень чисто и лица у них довольно добродушные. Но говорят, что плохо ничего нельзя класть: чёрные украдут. Ещё указывают на любопытный факт, что пока чёрный остаётся в язычестве, он лучше, а с переходом в христианство делается против всякого ожидания хуже.

Между чёрными первое место занимают **зулусы**. Они составляют нечто вроде аристократии между чёрными. Говорят, всех чёрных здесь можно и побить, а этих нельзя; если **зулуса** кто ударит, они убьют того человека. Кроме **зулусов** есть ещё **базуты**, или **кафры** – народ очень сильный. Всю чёрную работу исполняют эти **кафры-базуты**. Если **базут** хочет скопить денег, то он нанимается в услужение и получает 30 рублей в месяц. Накопит их столько, сколько нужно для покупки жены и купит себе жену. Но одной ему мало. Ещё продолжает работать, пока не накопит денег на покупку четырёх жен. А уж когда у него четыре жены, он вовсе перестает работать, а лежит в избе, курит табак и пьёт **кафрское** пиво, а жёны на него работают. Они сеют **кафрское** зерно, кукурузу, табак.

Зерно **кафрское** имеет вид проса. Говорят, вкусом оно похоже на маис. Пиво **кафры** варят из фруктов, растущих на дереве, по форме похожих на огромные апельсины. Кожа у них крепкая, как у граната, а мякоть похожа на большие душистые сливы. Из белых никто не ест этих плодов и названия им другого нет, как **кафрский** плод (Kafferfrucht).

Базуты занимают отдельную территорию в горах, которая на карте обозначена Земля **Базутов**. Они ещё не решили, к которой воюющей стороне присоединиться, к бурам или к англичанам, и держат себя нейтрально, а через свои владения никого не пропускают. Ещё здесь попадает много смешанных лиц. Женщин я видала очень много и жёлтых, и белых, и светло-коричневых, и даже очень хорошеньких и больших щеголих, а между тем в них **кафрский** тип всё-таки сохранился.

Здесь хорошенький городской садик и мы гуляем в нём каждый день. Из деревьев обращает наше внимание дуб, единственное наше дерево, растущее даже лучше, чем у нас, на севере. Цветущих деревьев и растений здесь такое множество, что глаза разбегаются. Дети бегают по траве и рвут цветы, сколько хотят, никто их не останавливает и нет этих противных надписей: цветов не рвать, травы не мять, как у нас.

Сестра милосердия.

P.S. Сейчас объявили, что мы поедem в Ньюкасл. Говорят, больных там ещё нет. Жить будем в монастыре, покинутом монахами, с комфортом, и ждать работы. А ждать её – тоска смертельная! Ведь мы рвались сюда в ожидании большого дела!⁶⁵.

Российский доктор, писавший под псевдонимом **Ф. Попов** писал о задержке санитарного отряда в Претории и его отъезде ближе к фронту:

В Трансвааль!

Ньюкасл, 2 (14) февраля 1900 г.

Начало деятельности отряда Красного Креста. – Городской военный совет в Претории. – Отъезд отряда из Претории. – Восторженные проводы. – Прибытие отряда в Фольсфрост.

Вот уже неделя, как наш санитарный отряд находится при исполнении своих священных обязанностей, ради которых мы так стремились из нашей дорогой, милой родины за тридевять земель...

Даже здесь, перед самым почти полем сражения, нам не сразу удалось приступить к работе, то есть к той именно высокогуманной работе, к которой нас призывает всюду сопровождающий нас и руководящий нами Красный Крест.

Начать с того, что нам пришлось даже самим устраивать самый госпиталь, чтобы иметь возможность начать нашу врачебно-санитарную деятельность.

Впрочем, расскажу всё по порядку.

Как я вам уже писал, вместо 5–6 дней, нам пришлось пробыть в Претории около двух недель. Остановка вышла главным образом из-за того, что трансваальский военный совет не мог дать нам сразу определённый маршрут, по которому направить наш отряд. Наконец, в особом заседании военного совета, на котором, между прочим, присутствовал сам президент **Крюгер**, его статс-секретарь **Рейц**, французский правительственный консул, а также наш уполномоченный, действительный статский советник **Кусков**, решено было, что часть нашего отряда (меньшая) поедет в Фольсфрост, а остальные отправятся прямо в Ньюкасл, то есть в ближайший к полю сражения пункт.

И вот 26 января, по нашему стилю, весь наш отряд распрощался с гостеприимной Преторией и отправился на вокзал, откуда поезд должен нас отвести в северную часть Натала, в эту неприятельскую страну, в которой храбрые буры, не страшась количественного превосходства английских войск, смело совершают свои наступательные движения вперёд.

В 8 1/2 часов вечера весь наш отряд in corpore (в целом), с нашим уполномоченным **Н.И. Кусковым** во главе, находился на дебаркадере южной железной дороги, соединяющей столицу Трансвааля с южноафриканскими колониальными владениями Англии. На вокзале уже стояла толпа народу, явившаяся сюда специально затем, чтобы проводить наш отряд хотя и в недалёкий, но неведомый и далеко не безопасный путь.

Весь наш отряд, наши врачи, фельдшеры, и в особенности наши сёстры, и даже санитары, явились предметом общего внимания всей многочисленной публики, переполнившей вокзал. Нам помогали укладывать наши вещи, нас усаживали в вагоны, пожимали нам руки, дамы целовались с нашими сестрами, – одним словом, вниманию к нам преторианцев и преторианок не было границ.

Когда наш поезд тронулся, вся толпа, бывшая на дебаркадере, гаркнула Ура! и, пожимая нам через окна руки, многие бежали за поездом по платформе, пока, наконец, поезд не вышел из под аркад⁶⁶ вокзала. Долго ещё мы слышали раздававшиеся

позади нас крики ура! и видели, как вслед нам машут шляпами и платками, а черномазые **кафры** ухитрились даже минут пять бежать за нашим поездом по полотну и что-то весело кричать нам вдогонку на своём тарабарском наречии.

Мы разместились в двух просторных и очень удобных вагонах, специально предназначенных для перевозки больных и раненых. Места было в вагонах много, и каждый из нас мог расположиться даже с некоторым комфортом.

До Ньюкасла езды от Претории 12–13 часов по железной дороге, следовательно, нам было достаточно времени отдохнуть и подготовиться к предстоящей работе.

С наступлением ночной темноты, поезд наш остановился на ближайшей станции и уже дальше не шёл до самого утра, так как со времени начала военных действий в Трансваале и Натале, железнодорожные поезда, во избежание намеренных несчастных случаев, по ночам не ходят.

На другой день, в 2 часа, поезд наш прибыл в Фольсфрост, – крайний пункт трансваальских владений с южной стороны. Здесь уже как будто бы пахло порохом, по крайней мере, из окна нашего вагона нам пришлось увидеть исключительно вооружённых своими **маузеровскими** ружьями и украшенными металлической перевязью буров. Здесь как будто бы горожан совсем и нет; женщин и детей совсем не видно. Все они отсюда, как оказывается, уехали в глубь бурских владений.

В Фольсфросте наш отряд разделился, как уже было заранее определено военным советом в Претории. Осколок нашего отряда образовался из врача господина **Садовского**, двух сестёр милосердия Георгиевской общины: госпожи **Дацер** и **Страховской** и двух санитаров.

Отрядец этот, получив необходимую часть врачебно-санитарных принадлежностей и сопровождаемый благословениями и благопожеланиями всех своих товарищей, остался в Фольсфросте, а мы поехали дальше и ровно через два часа приехали в Ньюкасл.

Ф. Попов⁶⁷.

Приведём и не публиковавшиеся ранее извлечения из донесения **Потапова**, которые шли, естественно, на имя начальника Военно-учёного комитета генерал-лейтенанта **Соллогуба**:

...По желанию как те, так и другие буры переводятся в разные местные госпитали внутри государства или лечатся дома. С санитарными поездами ездят местные врачи или врачи интернационального отряда (бельгийско-немецкого) Красного Креста.

Так как между Колензо и Моддер-спруйтом в настоящее время нет правильно организованных перевязочных пунктов, то мной и было предложено выдвинуть передовой отряд в этом направлении, откуда раненых и больных мы могли бы предавать в наш госпиталь в Ньюкасл. О высылке передового отряда к Колесбергу не могло быть и речи, так как ни один раненый из нашего передового отряда не попал бы в наш госпиталь и начальник отряда не хотел допустить, чтобы передовой отряд работал самостоятельно. 14 числа приехал в Ньюкасл сын **Крюгера** (так он представился) и с местными властями зашёл в госпиталь. Прощаясь он сказал, что мы можем жить спокойно, так как он и другие глубоко убеждены, что раненых у нас не будет, а больных не прибавится. Я с санитарями выходил на станцию железной дороги встречать санитарный поезд, проходивший в Преторию, врач предлагал начальнику отряда оставить несколько раненых в Ньюкасле, но никто из раненых оставлен не был.

Приезд **Крюгера**, встреча санитарного отряда и моя просьба в случае, если не будет выслан передовой отряд, разрешить мне уехать на несколько дней под Колесберг, где начинались серьёзные действия, привели к тому, что я был откомандирован в город Преторию за получением подвоза для передового отряда. Сегодня прибыл подполковник **Максимов**.

...(Крюгер) сказал мне, что он немедленно потребует необходимые сведения от всех генералов, но едва ли эти сведения придут скоро.

Все иностранные отряды Красного Креста по приезде в Претории оставались без дела около двух недель.

Ввиду этого я несколько раз просил уполномоченного отряда разрешить мне уехать на неделю в лагерь под Ледисмитом и на реку Тугелу, для изучения организации военно-санитарной службы в Натале, где доктор **Кусков** предполагал открыть полевой госпиталь, но уполномоченный не давал согласия на мою поездку.

30 числа, в 7 часов вечера, узнав, что подполковник **Гурко** уезжает через час в лагерь под Ледисмитом, я обратился к доктору **Кускову** с просьбой уволить меня на несколько дней, на что и получил разрешение...⁶⁸

Далее врач писал об обустройстве госпиталя в Ньюкасле:

*Бегство англичан из Ньюкасла и его окрестностей. – Воззвание генерала **Жубера**. – Прибытие отряда Красного Креста в Ньюкасл. – Женский доминиканский монастырь. – Бегство монахинь.*

Ньюкасл, 2 (14) февраля 1900 г.

Чем ближе подвигался поезд наш к Ньюкаслу, тем безотраднее становилась картина, расстилавшаяся перед нашими глазами из окон вагона. Мы видели полуразрушенные, покинутые поля, полуразрушенные хижины окрестных селений, поломанные мосты, вывороченные камни, покинутые каменноугольные шахты. На печальном фоне всей этой безотрадной картины не видно было ни одного живого существа. Ясно было, что, заслышав о намерении буров вступить в Наталь, все здешние жители, англичане по преимуществу, разбежались в страхе и сознательно разрушили всё, что так или иначе могло оказаться полезным неприятелю. Как мы потом узнали, англичане пробовали даже перед побегом своим из Ньюкасла, взорвать железнодорожное полотно, соединяющее этот город с Трансваалем, но вовремя замечены были бурами в их злом намерении. Тогда на

телеграфных столбах в окрестностях Ньюкасла и в самом городе появились печатные предостережения следующего содержания, подписанные главнокомандующим буров генералом **Жубером**:

Все английские подданные, мирно проживающие в Ньюкасле и его окрестностях и вообще во всей северной части Наталя, могут быть вполне спокойны за имущественную и личную их неприкосновенность. Исключение будет сделано только для тех из них, которые позволят себе какие бы то ни было враждебные действия относительно трансваальских и союзных войск или же замечены будут в разрушении телеграфных, телефонных или железнодорожных путей сообщения. Замеченные в таких проступках обыватели будут считаться уже не мирными жителями края, и с ними поступлено будет, как с врагом.

Воззвание это так напугало англичан, живущих в окрестностях Ньюкасла, что они предпочли по добру по здорову, удрать отсюда поскорее.

Когда поезд наш подходил к Ньюкаслу, мы сразу заметили, что собственно обывателей, должно быть, в городе нет. На вокзале мы увидели то же самое, что и в Фольсфросте: только вооружённых, по большей части, бородатых людей в широкополых шляпах и больше никого.

Прямо с вокзала мы перебрались в гостиницу, в которой, по-видимому, недавно ещё хозяйничали англичане, а теперь и хозяевами, и слугами оказались **кафры**. Гостиница эта производила впечатление вполне заброшенного дома, в котором разбежавшиеся владельцы его поломали даже все замки на дверях. Впрочем, мы только переночевали в этой горемычной гостинице. Утром мы уже отправились в женский доминиканский монастырь, выбранный нашим уполномоченным для устройства в нём госпиталя.

Ф. Попов⁶⁹.

Доктор подробно рассказывал о превращении покинутого монастыря в госпиталь:

Превращение монастыря в госпиталь. – Город Ньюкасл. — Разгрузка тюков отряда Красного Креста.

Ньюкасл, 2 (14) февраля 1900 г.

Мы вполне уверены были, что к нашему прибытию в Ньюкасл здание монастыря уже приготовлено будет для устройства госпиталя. Пришлось разочароваться в наших ожиданиях: не только ничего не было приготовлено для начала нашей деятельности, но во всём здании бывшего монастыря царили сплошной хаос и полнейшая грязь, которую, если начать убирать, то на это потребуется по крайней мере с неделю. Начать с того, что все окна оказались с выбитыми стёклами. Одни говорят, что монахини, убегая из монастыря, по случаю приближения буров, нарочно перебили все стёкла, другие утверждают, что незадолго перед нашим приездом в Ньюкасл, здесь был такой град, что перебил много стёкол в домах.

Как бы там ни было, но результат тот, что на первых порах мы очутились в здании не только не приспособленном для устройства в нём госпиталя, но даже не пригодном для помещения в нём здоровых людей.

В этом монастыре, оказывается, жили до объявления войны монахини доминиканского ордена. Когда между Трансваалем и Англией возникли недоразумения, начальница монастыря обратилась в Капштадт с телеграфным запросом: что делать монастырю? Уезжать или оставаться? Английский губернатор в Дурбане ответил телеграммой: чего вы пугаетесь? Бозры не посмеют носа своего показать в Наталь. Как вдруг в один прекрасный день буры не только осмелились нос свой показать в Натале, но даже сосредоточили в этой принадлежащей англичанам стране чуть ли не все свои военные силы. Тогда началось поголовное бегство из Ньюкасла английских жителей, и вместе с ними убежали и почтенные монахини доминиканского монастыря.

Напрасно успокаивал их генерал **Жубер**, что они могут безбоязненно оставаться в своём монастыре, что они не подвергаются никакой опасности, – монахини остались непре-

клонны, собрали всё своё имущество, даже орган забрали с собой, и уехали в Дурбан.

И вот, когда мы вошли теперь в здание покинутого ими монастыря, глазам нашим представилась картина полного разрушения, явившегося последствием беспорядочного бегства монахинь от грозного врага, каким вообще мирные жители Наталя почему-то считали генерала **Жубера**, помня, по-видимому, его короткую, но решительную расправу с английской «экспедицией Джемсона» 1896 г.

Для того чтобы приспособить здание женского доминиканского монастыря к устройству в нём госпиталя, нам понадобилось целых три дня. Городская администрация, положим, прислала нам на помощь 12 **кафров**-арестантов, но они оказались до того неповоротливыми и ленивыми, что мы отказались от их помощи и принялись сами за работу. Наши сёстры, фельдшеры и санитары, закатав рукава, и подоткнув платья, начали чистку и уборку пыли, грязи, копоти и мусора, которыми так богаты были все комнаты монастыря, не исключая даже и громадного в два света зала, где, вероятно, раньше происходили богослужения доминиканок.

Работали мы по уборке этого здания в продолжение трёх дней и, наконец, довели таки его до того, что в нём, как говорится, не совестно держать больного человека.

В часы отдыха мы ходили осматривать городской госпиталь и присматриваться к тому, что там происходит. Оказалось, что раненых там совсем почти нет и что все тамошние больные страдают малярией (местная лихорадка) и брюшным тифом. Наши врачи, не желая попусту тратить время, пока шли приготовления в монастыре, начали работу свою в городском госпитале, где в их помощи оказалась большая необходимость. Из этого госпиталя затем все больные переведены были к нам в монастырь.

Покончив, наконец, с уборкою и устройством нашего госпиталя, мы несколько вздохнули свободно. Дело в том, что госпиталь у нас вышел на славу и лучшего места для помещения больных, как этот монастырь, который выбран был, как

я уже сказал, нашим уполномоченным, нельзя было найти во всём городе.

Сам по себе город Ньюкасл очень небольшой, по количеству имеющихся в нём построек, но расположен он на довольно большом пространстве. Таким образом, каждый дом в отдельности окружён большой площадью, по большей части заросшей роскошным цветником и даже целыми садами...

Наш монастырь, например, весь окружён огромным садом, в котором теперь созревает бесчисленное множество персиков и винных ягод. Вообще весь Ньюкасл, как и большинство городов здешнего, благодатного в коммерческом отношении края, утопает в роскошной тропической зелени.

Самый город Ньюкасл окружён кряжем высоких гор и недоступен разгуливающим ветрам, которыми край этот изобилует главным образом зимою. Поэтому он как нельзя лучше подходит для помещения в нём больных и раненых.

Покончив с приведением в порядок всего здания монастыря, мы принялись за установку инвентаря госпиталя, деятельность которого должна было начаться с 1 февраля.

Для этого нам пришлось прежде всего заняться распаковкою и разгрузкою привезённого нами из России груза и багажа. Надо вам сказать, что с нами был багаж не маленький, около 36 000 фунтов весом. Распаковку производили целый день. Здесь мы убедились, что упаковка, сделанная всему нашему грузу в главном управлении Красного Креста, оказалась во всех отношениях превосходною и образцовою. Несмотря на такой далёкий путь наш, на страшную жару, которая во всё время нашего пути царила, припасы, продукты, материалы ничуть не испортились, ничто не поломано, за исключением четырёх ящиков с сахаром и галетами, да и те, впрочем, мы везли не из России, и из Александрии, где делали закупку этих предметов.

Ф. Попов⁷⁰.

Русский эскулап подробно сообщал об оборудовании госпиталя:

Причина поломки наших ящиков. – Наши врачебно-санитарные средства. – Наше житьё-бытьё. – Водружение русского флага над госпиталем.

Ньюкасл, 2 (14) февраля 1900 г.

Приготовив всё к помещению в наш госпиталь больных, мы принялись, как я уже сказал, распаковывать наш багаж. Вскользь я упомянул, что из всего огромного количества ящиков и тюков наших, которые следовали за нашим отрядом десятки тысяч вёрст, поломанными оказались только четыре ящика с сахаром и галетами, да и те мы везли с собою не из России, а из Александрии. Теперь оказывается, что виновников поломки этих ящиков надо искать в Лоренсу-Маркеше, среди чересчур усердствующих и лебезящих перед англичанами португальских чиновников. Эти раболепствующие перед **Джоном Булем** чиновники особенно подозрительно смотрели на ту часть нашего багажа, которую мы взяли из Египта. Почему-то они находили Египет неблагополучным в политическом отношении, и всё, что оттуда ни исходит, португальцы и англичане считают необходимым подвергнуть секвестру. Таким образом, наши бедные четыре ящика с сахаром и галетами, только потому, что на них значилось клеймо Александрии, захвачены были в Лоренсу-Маркеше португальскими альгвазилами и возвращены были нам в исковерканном виде.

Всё остальное в нашем огромном багаже оказалось в неприкосновенной целости. У нас взят был с собою громадный запас всевозможных санитарно-гигиенических и перевязочно-хирургических средств и принадлежностей.

Присматриваясь к тому, что происходит в городском ньюкаслском госпитале, мы пришли к ясному убеждению в том, что наличные врачебно-санитарные средства, имеющиеся у нас с собою, куда значительно больше, какими располагал местный госпиталь, несмотря на то, что он получает часто подкрепления из Претории.

Решено было, что 1 февраля переведут к нам всех больных из городского госпиталя, который, в свою очередь, ввиду

ожидания большого наплыва раненых, превращаем в полевой лазарет.

Накануне перевода к нам больных, мы занялись устройством жилья для себя. Врачи и фельдшеры отряда поместились в двух отдельных, покинутых их хозяевами, домиках, шагах в 60–70 от госпиталя. Наших сестёр мы поместили в небольшом флигельке, в госпитальном саду. Этот флигель состоит всего из одной громадной комнаты и разделён на отдельные уголки, в которых и разместились сёстры милосердия.

В саду мы раскинули большую палатку, которая служит нам столовой. Здесь мы пьём чай, завтракаем и обедаем.

С общего согласия избрана была у нас заведующей хозяйственной частью сестра милосердия госпожа **Соловьёва**. И вот 31 января мы, после отъезда нашего из России, в первый раз пообедали своими собственными, домашними, а не ресторанными продуктами.

Надо было видеть, какой восторг, например, обуял наших санитаров и фельдшеров, когда сестра **Соловьёва** подала на стол дымящуюся чашку с русскими жирными щами и родимой гречневой кашей. Слезы у многих показались от радости! Родину дорогую всё вспомнили и чуть ура не закричали от восторга...

Вечером, накануне открытия деятельности нашего госпиталя, мы водрузили над зданием его флаг Красного Креста и рядом с ним наш русский национальный флаг. Один из наших санитаров, взобравшись на крышу монастыря, занялся водружением обоих флагов. И вот когда оба флага развевались уже по ветру над зданием больницы, санитар тот, стоя на крыше, перекрестился на всё четыре стороны и крикнул: ура!

На улице стояла толпа и аплодировала развевающимся над зданием бывшего доминиканского монастыря русскому национальному флагу и знаку Красного Креста.

Ф. Попов⁷¹.

Доктор писал и о климатических особенностях Ньюкасла и о полном опустошении города его бывшими обитателями:

Страшная жара. – Перевозка больных. – План нашего госпиталя. – Покинутый и разорённый англичанами городской театр. – Мы устраиваем в театре санитарный склад.

Ньюкасл, 2 (14) февраля 1900 г.

Жара страшная. В тени 33 градуса, на солнце доходит до 48 градусов по Реомюру. В эту именно жару нам пришлось заняться перевозкой или, вернее, переноской больных из городского лазарета в наш госпиталь.

Если бы теперь явились бежавшие из своего монастыря монахини, они не узнали бы заброшенную и разорённую ими обитель. Везде царит образцовый порядок, безукоризненная чистота.

По возможности, мы старались утилизировать для надобностей госпиталя каждый уголок этой бывшей доминиканской обители.

Мы устроили наш госпиталь в двух отдельных зданиях. В первом здании – хирургическое отделение, которое вмещает – в нижнем этаже: амбулаторию, операционную, комнату для труднобольных и комнату для нашего уполномоченного. Во втором этаже: перевязочная, ванная и хирургические палаты.

Госпиталь Красного Креста в Ньюкасле.

1-й этаж госпиталя

1) Амбулатория. 2) Операционный зал. 3) Палата для трудно больных. 4) Помещение уполномоченного отряда. 5) Коридор. 6) Подъезд с площади. 7) Подъезд в сад.

2-й этаж госпиталя

1) Перевязочная. 2) Ванная. 3) Палаты. 4) Коридор.

Во втором здании мы устроили помещение для страдающих внутренними болезнями. Благодаря отличному водопроводу, имеющемуся во всём городе, мы имеем возможность устроить для наших больных великолепные ванны и даже души.

Наши сёстры, желая быть ближе к больным, отказались от помещения в саду и поселились в бывших кельях монахинь, в мезонине над хирургическим отделением госпиталя.

Здесь, в 13 клетушках, отгороженных одна от другой тоненькой перегородкой, они и разместились, занимая каждая по две клетушки.

Для надобностей нашего госпиталя мы даже воспользовались зданием здешнего театра... Как это ни странно, но городской театр помещается здесь рядом с монастырем... Каким образом совместили славящиеся своей набожностью англичане близкое соседство доминиканского монастыря с храмом Мельпомены остаётся неизвестным, но мы воспользовались этим близким соседством театра и утилизировали его для надобностей нашего госпиталя.

Впрочем, следует заметить, что если бежавшие из Ньюкасла англичане и англичанки разорили свой монастырь, то ещё меньше они поцеремонились со своим театром.

Бедные англичане! Они, по-видимому, боялись, что буры, заняв Ньюкасл, воспользуются декорациями, имеющимися в театре, и будут разыгрывать на сцене целые драмы и комедии. И вот, чтобы досадить злым бурам, они разорвали в клочки все декорации, поломали и исковеркали сцену, устроили внутри театра целое столпотворение вавилонское и настолько загромодили всяким хламом и обломками внутренность театрального здания, что нельзя было и помышлять о том, чтобы устроить в нём какое-нибудь жилое помещение. Мы, однако, решили воспользоваться и этими развалинами, очистили их насколько возможно от излишних баррикад и устроили там кладовую или склад для наших многочисленных тюков и ящиков. Здесь мы храним наши медикаменты, перевязочные и хирургические средства, а где находилась актерская уборная, там разместились наши санитары...

Ф. Попов⁷².

Врач описывал и первых пациентов:

*Наши первые больные. – Открытие амбулаторной лечебницы. – Изумлённые англичанки. – Лечение **кафров**.*

Ньюкасл, 2 (14) февраля 1900 г.

Помолившись Богу, мы, наконец, приступили вчера к исполнению своих обязанностей. На первое время к нам перевезли из городского госпиталя 6 человек больных. Из них трое в сильнейшей малярии, двое тифозных и одна женщина с разбитой головой. Впрочем, рану в голову женщина эта получила по обстоятельствам от войны совершенно не зависящим. Она, оказывается, переходя в квартире своей из одной комнаты в другую, ударилась обо что-то головой, раскроила себе череп и получила сотрясение мозга. Положение этой больной безнадежное, и я даже не знаю, ради чего администрация городского госпиталя поспешила переслать её к нам? Разве только для того, чтобы поскорее от неё отделаться?

Одновременно с началом деятельности нашего госпиталя открылась также и наша амбулаторная лечебница. По-видимому, здешние жители из тех, которые остались от старого Ньюкасла, не особенно избалованы бесплатным амбулаторным лечением. Надо было видеть, как удивлены были какие-то две старые англичанки, явившиеся к нам в лечебницу, когда после оказанной им медицинской помощи с них не взяли ни копейки денег. Они не верили ушам своим, когда одна из наших сестёр сказала им по-английски:

– Мы не берём денег за лечение.

– Возможно ли это? – воскликнула одна из англичанок. – Как же это так? Чем же мы оплатим вам за лечение? У нас не принято даром лечить больных...

Труднее всего нам было уговорить **кафров** пользоваться амбулаторным лечением. В день открытия нашего госпиталя около нашего подъезда собралось что-то человек десять **кафров**. Между ними было несколько больных, но в подъезд они не решались входить, а толпились около окон.

Мы старались, по возможности, уговорить **кафров**, чтобы они не боялись, но не так-то легко это было сделать. **Кафры** всё

время жались на улице около стен нашего дома и о чём-то нерешительно совещались между собою. Оказалось, что между ними трое больных, которые, за отсутствием у них денег, боятся обратиться к нам за медицинской помощью. Наконец, мы кое-как объяснили им, что деньги нам не нужны, что они могут и без денег приходить к нам лечиться. Больные **кафры**, получив медикаменты и наставления, как поступить с лекарством, в благодарность за бесплатное лечение их, упали на землю и, не смотря на наши протесты, начали стучаться лбами об пол.

По-видимому, англичане не особенно избаловали их бесплатным лечением...

Ф. Попов⁷³.

Русский доктор описывал положение дел в городе и работу части отряда в Фольксфросте:

Вести из Фольксфрста. – Госпиталь в гостинице. – Англичанки. – Сёстры милосердия. – Город Фольксфрост. – Отъезд врачей Садовского и Чистовича.

Ньюкасл, 3 (15) февраля 1900 г.

Мы, конечно, очень интересовались узнать, как устроились наши товарищи, оставшиеся в Фольксфросте и образовавшие там отдельный самостоятельный санитарный отрядец?

И вот совершенно неожиданно приехал вчера оттуда, так сказать, из филиального нашего отделения, доктор **Садовский**. Приехал он за новым запасом медикаментов и инструментов и, кстати, просить нашего уполномоченного отрядить в Фольксфрост ещё одного врача.

Мы очень обрадовались нашему товарищу и начали его наперерыв расспрашивать об их житьё-бытьё. Оказывается, что нашему отряду в Фольксфросте пришлось устроить свой госпиталь в... гостинице, так как во всём этом городишке не нашлось ни одного подходящего помещения для больных. Некоторые номера гостиницы превратили в палаты для больных; тут же, в гостинице помещается и врачебный, и санитарный персонал.

Как это ни странно, но в Фольксфросте, который отстоит от поля сражения гораздо дальше нежели Ньюкасл, оказались раненные, и во временном госпитале нашего отделения находятся уже на излечении восемь раненых, тогда как у нас в Ньюкасле, нет пока ни одного. Среди восьми раненых три англичанина, привезённые в Фольксфрост из под Ледисмита.

Далее доктор **Садовский** сообщил нам, что так как находящиеся в его отряде две сестры не в состоянии справиться со всеми больными, которых с первого же дня поступило 16 человек, то сестрам помогают хозяйка гостиницы, её дочь и ещё какая-то дама. Все три – англичанки, чуть ли ни единственные, не побоявшиеся буров и не убежавшие из Фольксфроста после объявления войны. Англичанки эти, добрейшей души женщины, с усердием, достойным всяких похвал, ухаживают за больными и оказались очень полезными нашим сестрам.

Фольксфрост очень маленький городок, расположенный на площади, окружённой так же, как и Ньюкасл, кряжем высоких гор, достигающих до 6 1/2 тысяч футов над уровнем моря. Жителей в этом городе очень мало, раньше он был заселён почти исключительно англичанами, которые все разбежались с началом войны. Остались очень немногие, да и те по внешности больше похожи на голландских фермеров, нежели на сынов туманного Альбиона. Большинство из них и Альбиона-то туманного никогда в глаза не видели.

Вчера же вечером, захватив с собою необходимый запас медикаментов и санитарных принадлежностей, доктор **Садовский** уехал обратно в Фольксфрост. С ним вместе уехал и доктор **Чистович**, и таким образом в Фольксфросте будет отлично устроенный госпиталь, с двумя опытными врачами-хирургами.

Ф. Попов⁷⁴.

Российский медик описывал погодные условия, нравы местного населения и другие особенности места пребывания отряда Красного Креста:

*Ночной переполох. – Необычайный град. – **Каффы**, торгующие градом. – Торговля целебными травами. – Обилие ядовитых змей в Ньюкасле.*

Ньюкасл, 3 (15) февраля 1900 г.

Нынче ночью, когда все уже спали, мы разбужены были неимоверным шумом, поднятым вдруг на улице.

Страшно забарабанили по крыше и в окна больницы и даже посыпались осколки разбитых стёкол.

Уж не ворвались ли в наш город англичане и не началась ли бомбардировка? – мелькнула у всех нас почти одна и та же мысль.

Оказалось, однако, что англичане тут не причём и что причину этой внезапной бомбардировки надо искать в заоблачных сферах, откуда вдруг посыпался град величиной с калёный орех. Вообще здешняя природа любит, как говорится, выкидывать коленца: днём, например, жара в 48⁰ по Реомюру, а ночью холод, да ещё вдобавок с градом, который в январе выпал здесь два раза и перебил в городе все стёкла в окнах.

Когда минут через пять град прекратился, я вышел на улицу и увидел толпу **кафрских** мальчуганов, тщательно подбирающих с мостовой градины. Целые мешки наполняли они этими дарами небес и куда-то утаскивали их с собою.

Меня очень интересовало знать, какое употребление дают **каффы** собранному ими граду? Оказывается, что они сохраняют его до другого дня под землёю и утром, с наступлением жары, смешивают его с сахарной водой и апельсинами и продают его на улице в виде прохладительного напитка.

Вообще следует заметить, что **каффы** – народ с сильно развитою коммерческою жилкою. Они ухитряются сделать предметом торговли любую мелочь, которую им дарит природа. Я видел **кафров**, торгующих какими-то широкими древесными листьями. Этими листьями у **кафров**-торговцев покрыты были их головы. На мой вопрос у одного из буров, какое назначение имеют эти листья, он мне ответил, что листья эти очень полезны в жару, когда воздух раскалён как огонь.

Эти листья, положенные на голову, даже под шляпой, имеют охлаждающее свойство и предохраняют от головной боли и от солнечного удара. Доставать их умеют только **кафры**, которые находят эти листья в глубоких оврагах, зачастую кишящих змеями.

Кстати, о змеях. Здесь их довольно много и между ними большинство ядовитые. Нас предупреждали, чтобы мы были осторожны ложась или садясь на голую землю даже во дворе дома или в саду. Советовали нам также вытряхивать обувь, поставленную на ночь на голую землю. В обувь часто забираются змеи и уютно устраиваются там. Впрочем, в добрый час сказать, – до сих пор никто из нашего отряда не наткнулся на этих непрошенных и неприятных гостей.

Ф. Попов⁷⁵.

Врач описывает как, наконец, в госпиталь прибыли первые раненые:

Первый транспорт раненых. – Первая хирургическая операция. – Раненые англичане. – Гуманность буров.

Ньюкасл, 3 (15) февраля 1900 г.

Утром сегодня привезли по железной дороге транспорт раненых из Эландслаага (Эландслаагте), – лагеря буров под Ледисмитом. Оказывается, что вчера вечером произошла перестрелка между бурским патрулем и небольшим британским отрядом, вышедшим из Ледисмита. Раненых оказалось 28 человек: 18 англичан и 10 буров. К нам привезли только одного раненого бура и восемь англичан. Остальные, как нам объяснили, остались в полевом лазарете Эландслаага.

Это был первый транспорт раненых, к которым нам пришлось применить медико-хирургические познания. Почти все были с огнестрельными ранами. Только один англичанин имел колотую рану, полученную им при падении с лошади, которая была под ним убита ружейным выстрелом.

Началась кипучая деятельность нашего госпиталя. Хирургическое отделение сразу ожило. Пошли в ход бинты, перевязки, корпия, марли и прочие перевязочные средства. Через час после прибытия к нам раненых, наши врачи совершили уже благополучно три хирургические операции: у двоих вынули пули из ран, одному ампутировали ногу до колена. К счастью, никто из раненых не потерял большого количества крови. Они были скоро замечены и подняты с поля сражения, после чего им, вероятно, сейчас же сделаны были перевязки. Этим объясняется бодрый вид почти всех раненых, даже тех из них, которые получили очень серьёзные раны.

Тут, кстати, следует заметить, что раненые англичане, поднятые под Эландслаагом трансваальскими санитарями, имели на себе, по прибытии к нам, такие же тщательно и добросовестно сделанные перевязки, как и раненые буры.

Откровенно говоря, мы вначале думали, что с британскими ранеными у нас будет гораздо больше возни, нежели с трансваальскими, ибо никак не рассчитывали, что поднятые на поле сражения бурскими санитарями раненые англичане будут доставлены в госпиталь в таких образцовых перевязках.

И вот мы теперь убедились воочию, что буры ведут с англичанами войну не мстительную, что павшего неприятеля они уже не считают своим врагом, а смотрят на него, как на человека, в одинаковой степени достойного участия и милосердия, как и все люди.

Вообще за всё время нашего пребывания среди буров мы убедились в высокогуманных и глубоко-христианских их чувствах ко всем людям вообще, не исключая даже их врагов, если только эти последние нуждаются в их помощи...

Ф. Попов⁷⁶.

Один из членов санитарного отряда РОКК писал в феврале 1900 г. о работе в Ньюкасле:

Из Трансвааля

(от нашего корреспондента)

Ньюкасл (Наталь). 10 (22) февраля.

Небольшая часть нашего отряда основалась в Фольксрусте, а главная часть – в Ньюкасле.

Здесь мы поместились в монастыре доминиканцев, – совершенно новом, прекрасно оборудованном здании. Доминиканцы бежали, как и большинство англичан, сломя голову, боясь быть перебитыми бурами, и оставили столько всякого добра, что несмотря на то что буры очищали для нас помещение целых 3 дня (правда очень не энергично – по-африкански), они оставили столько ещё всякой всячины, что у нас есть всевозможная посуда, домашняя утварь и прочее в достаточном количестве для комфортабельной жизни. Прекрасная библиотека, превосходные атласы, роскошные лампы, ковры.

Таким образом, устроились мы здесь довольно недурно. Дом, занимаемый нами, состоит из двух флигелей, совершенно изолированных (неразборчиво) каменных. Устройство дома вообще очень подходящее для больницы. В одном флигеле два этажа. В каждом этаже по два больших зала, а в верхнем, кроме того, комната с 5 душами, сегодня туда поставили ванную.

В этом помещении можно свободно поместить 56 больных. Другой флигель из трёх этажей: в первом – 4 хороших комнаты, в которой можно поместить от 4 до 6 кроватей, но мы устроили в одной операционную, во второй – амбулаторию, в 3-й – лабораторию, а в 4-й помещается главноуполномоченный отряда. В случае необходимости лабораторию превратим в палату для больных. Второй этаж состоит из 9 комнат, совершенно одинаковых, каждая на 2-х больных. Здесь мы устроили хирургическое отделение. Третий этаж состоит из одной громадной комнаты, в которой поместились сёстры, в ней поставлены перегородки и, таким образом, комната разделена на 17 отделений. Врачи и 2 агента помещаются в доме во дворе. Заведующий хозяйственной частью господин **Людиг** разбил себе палатку и живёт в ней. Кроме того, в

нашем распоряжении есть ещё очень просторный цейхауз, куда мы поместили весь свой груз. Кухня удовлетворительная, что-то вроде прачечной. Столовую для персонала устроили в палатке.

Температура сегодня, 5 февраля: на солнце +57, а в доме максимум + 26. Мы на высоте 1260 метров. Зной здесь довольно легко переносится. Растительность кругом скудная. У нас в саду только персиковые деревья, с довольно плохими персиками, и хорошие фиги.

4 числа был у нас вице-статс-секретарь (или товарищ первого министра), всё осмотрел, был вообще с нами очень любезен и говорил, чтобы мы всё, что надо требовали у Landrost'a (начальника округа).

Более всего мы нуждаемся в **кафрах** и лошадях. Как только получим то и другое, так сейчас же вышлем летучий отряд ближе к театру военных действий. Труднее всего нанять **кафров**, которые, вероятно, из-за лени не идут работать. Теперь стирают у нас женщины-**кафрики**, но с ними беда. Нанимаются по шиллингу в день, не хотят работать больше 2-х часов дня и уходят даже без платы. В Претории стирали удовлетворительно, но для нас, европейцев, дорого. Кругом брали по 1/2 шиллинга со штуки, то есть за 48 штук 12 рублей.

Едим мы теперь хорошо, по-русски и вкусно, а до Нью-касла нам казалось, что всё вкусно, как, например, на пароходах, в гостиницах, но потом всё скоро надоело, и мы теперь не нарадуемся, что едим как ходим, и это благодаря нашим консервам, а главное, благодаря драгоценному члену отряда сестре **Соловьёвой** (добровольице), готовит нам один из санитаров.

Мясо и булки получаем аккуратно и безвозмездно. Если бы не так, то нам бы пришлось туго, так как цены на всё высокие. Сахар – 1 рубль фунт, 1/2 бутылки пива – 1 рубль; керосин – 50 копеек бутылка. Кофе – нет. Яйца страшно дороги. Продовольствие для лошадей тоже страшно дорого. Их кормят пучками скошенного овса с соломой, пучок стоит 1 шиллинг. На каждую лошадь надо в день по 8 таких пучков.

Следовательно, каждая лошадь обходится в день по 4 рубля. В Претории мы были на иждивении правительства, когда же поехали в Ньюкасл, то нам пришлось для всего отряда запастись провизией на сутки и это обошлось 130 рублей на 33 человека.

За время нашего пребывания в Ньюкасле у нас уже было 2 грозы с сильным дождём, который шёл оба раза почти сутки. Вчера же, 8 февраля, весь день был холодный – от 10 до 15 градусов Реомюра, и моросил частенько дождик, подобно петербургскому.

Врачебную деятельность мы уже открыли, но раненых нам в Ньюкасл было доставлено только 5, из которых двое почти уже совершенно здоровы; на терапевтическом отделении лежит 9 человек, да амбулаторных больных было 20 человек.

Как передают добровольцы, побывавшие уже в огне, англичане по 2–3 суток оставляют лежать раненых буров без помощи. Так под Кольсбергом, на этой неделе, в понедельник, англичане заняли холм, врезавшись углом между бурами, а в четверг были вытеснены снова бурами, нашедшими на этом холме своих раненых, которым не было дано за все эти 4 дня никакой помощи.

Мы обыкновенно имеем самые свежие новости с театра военных действий, но, как и везде в таких случаях, эти новости в первой версии бывают неверны и только уже на другой день мы узнаем истину. 5, например, февраля, утром, один из наших пришёл и сказал, что ему под секретом сообщили, что буры под Кимберлеем потерпели жестокое поражение. Через 2 часа другой говорит: неправда, буры разделили англичан под Кимберлеем и только 30 англичан проскользнули в Кимберлей. К вечеру получается известие: 300 англичан прорвались в Кимберлей, но буры остальных 7000 человек окружили и бьют, отбили обоз, лошадей и массу снарядов, взяли в плен 100 человек.

Вчера наш отряд был взбаламучен телеграммой, полученной главным уполномоченным из Ледисмита, гласящей:

«Отправьте всех больных из госпиталя в Преторию как можно скорее, или в другой госпиталь в республике». Мы поняли её так: Буры терпят поражение от англичан и боятся за своих раненых, чтобы они не были захвачены англичанами. Второе предположение было, что буры направляют к нам много больных из взятого Ледисмита (падения которого ждали со дня на день). Наш главный уполномоченный отправился к ландросту с телеграммой за разъяснением, думая, что он уже получил какое-нибудь распоряжение. Оказалось, что ландрост не получал никакого известия. Эта телеграмма сильно смутила его, но потом, подумав сообщая, решили, что это требование к нашему госпиталю поместить как можно больше раненых. Мы, конечно, желали этому верить так как жаждем, наконец, приступить к выполнению нашей миссии.

Мы находимся теперь на бывшей английской территории и можем оказаться в руках англичан. Бояться нам этого нечего, но положение будет во всяком случае не из удобных. Теперь мяса и хлеба нам доставляют, сколько угодно, а что будет при англичанах? Бежать нам трудно, слишком тяжелы, а делать у англичан будет нечего, без нашего багажа, да если мы его потеряем, то у буров тоже нам нечего будет делать. Но мы уже убедились, как плохо стреляют англичане (доказательство тому малое количество раненых), да и терпят они недостаток во многом.

Буры же имеют всё необходимое в изобилии, не исключая и денег, а меткость и стойкость их поразительна. Надеемся на хороший исход, во всяком случае. Время же становится всё более и более интересным.

Почта уходит из Трансвааля 2 раза в месяц. Что будет дальше – неизвестно. Заказных писем не принимают.

С.Н.К.⁷⁷.

Русский доктор говорил и о прямой и косвенной помощи иностранных добровольцев бурам:

Ньюкасл, 5 (17) марта 1900 г.

Когда в Ньюкасле узнали, что русский офицер, полковник **Максимов** едет в действительную армию, в лагерь буров, провожать его собралась на вокзале большая толпа. Вообще к тому, что среди добровольцев имеются также и русские, буры относятся с большой симпатией. О русских офицерах и солдатах буры имеют представление, как о действительно храбрых и неустрашимых воинах. К сожалению, русских волонтеров здесь очень мало: всего человек 15. Большинство офицеры, между которыми имеются даже представители нашей блестящей гвардии, (как, например, граф **Комаровский**). По существующим в трансваальском правительстве военным законам, все иностранные добровольцы, в каком бы они ранге и чине ни состояли, вступают в ряды бурской армии простыми солдатами и затем уже, по ознакомлении с обычаями и с топографией страны, получают в командование отдельные небольшие отряды.

Иностранные волонтеры составили отдельный отряд, который и находится в настоящее время в лагере Гленко, близ Ледисмита. В этот отряд вошли добровольцы немецкие, французские и даже испанские. Последние, после войны Испании с американцами, особенно озлоблены против англичан и так и рвутся сразиться с Джон Булем.

Исключение сделано для голландских волонтеров, которые не вошли в отряд иностранных добровольцев, а сражаются под командованием бурских фельдкорнетов. Преимущество это отдано голландским добровольцам только потому, что они говорят на одном наречии с бурами.

Насколько вообще симпатизируют иностранцы бурам видно из того, что на днях, например, в Ньюкасл, как ближайший населенный пункт к полю сражения, прибыл отряд добровольцев-ремесленников, преимущественно французов, которые выразили желание быть полезными бурам не военными своими качествами, а познаниями в орудийном и вообще металлическом производстве.

Для них устроена здесь, в Ньюкасле, громадная мастерская, в которой эти добровольцы-ремесленники изготавливают

знаменитую колючую проволоку, сослужившую бурам в военных их действиях против англичан прекрасную работу.

Эта колючая проволока изготавливается здесь в огромном количестве и ежедневно целыми вагонами отправляется в лагерь буров, к Эландслаагте и Ледисмиту.

За работу свою добровольцы-ремесленники не берут от трансваальского правительства никакого вознаграждения, кроме пищевого содержания.

Вообще по части военных ухищрений буры весьма изобретательны. Взять хотя бы эту самую колючую проволоку... Она им сослужила службу много раз. При неоднократных стычках с чернокожими, в начале их водворения в Трансваале, буры наводили ужас на **кафров, зулусов и базутов** этой проволокой, незаметно растянутой в высокой траве. Прибегали буры к посредству колючей проволоки также и в 1896 г. во время так называемой «экспедиции Джемсона».

Прежде всего от этой колючей проволоки, скрытой в высокой траве на пути неприятельского отряда, страдает конница. Лошади, раз попав на эту предательскую проволоку, становятся негодными к службе; они получают брок-дауны и долгое время хромают.

Таким образом, благодаря этой хитрости, буры без кровопролития косвенно затрудняют неприятелю быстрое движение вперёд. Говорят, что англичане возмущены этим ухищрением буров и считают его недостойным стратегическим приёмом. Просвещённые мореплаватели упускают однако из виду их достойные (?) приёмы, в образе пуль **дум-дум** и лидитовых гранат, которыми они со спокойной совестью и вопреки постановлению Гаагской мирной конференции, продолжают до сих пор осыпать бурские позиции.

Ф. Попов.

(Продолжение следует)⁷⁸.

Российский медик писал и о впечатлении, которое производили английские войска на африканеров:

В Трансвааль

(от нашего специального корреспондента).

Случайно сегодня обнаружился один курьёз, который тоже можно причислить к сонму военных ухищрений буров – я уже выше писал, что кладовую наших съестных припасов и некоторых врачебных продуктов мы устроили на сцене бывшего городского театра, на которой до войны подвизались доморощенные Гаррики и Рашели из числа английских обитателей Ньюкасла. На этой сцене мы нашли разорванные и исковерканные улепётывающими англичанами декорации и всякий хлам. И вот теперь оказалось, что на сцене бегают крысы и могут, конечно, повредить целости и неприкосновенности сложенных там продуктов наших. Чтобы избавиться от этих подпольных врагов, мы решили водворить там пару кошек. Каково же было наше общее удивление, когда, несмотря на все поиски наши, мы не могли найти ни одной кошки. – И напрасно ищите, – сказал нам один из местных жителей, – во всём городе не найдёте теперь ни одной кошки...

– Чем же это объясняется, – спросил я.

Мой собеседник усмехнулся.

– Лорду **Робертсу**, говорит, всех кошек в подарок отправили...

Оказывается, что английский генерал **Робертс** страшно боится кошек и сейчас же снимает свою главную квартиру с того места, где только покажется хоть одно из этих невинных домашних животных. Пользуясь этой слабостью храброго английского главнокомандующего, буры, с помощью кошек устраивают ему частые новоселья. Бывали случаи, что генерал **Робертс** несколько раз в день менял позиции своего штаба только потому, что около палаток начали показываться кошки.

Таковы слухи, которые здесь ходят о генерале **Робертсе** и его злейших врагах – кошках. Насколько, впрочем, эти слухи верны, уверять не могу.

Раненые буры, находящиеся в нашем госпитале на излечении делятся с нами своими впечатлениями, вынесенными

ими из личных столкновений с англичанами. Их отзывы об английских солдатах далеко не так презрительны, как принято думать. Они прямо заявляют, что бывают случаи, когда английские солдаты выказывают чудеса храбрости и идут напролом при самых трудных обстоятельствах, но что большинство их офицеров положительно не подготовлено к войне. Сразу видно, что многие из молодых офицеров вступили в ряды войск прямо со школьной скамьи. Причём все познания их в военном деле ограничиваются только боксом и фехтованием на рапирах.

Несмотря на все их спортсменские качества, английские офицеры, из молодёжи, невыносливы, не в состоянии делать больших переходов и положительно неспособны пробыть 5–6 часов без еды... Это последнее обстоятельство главным образом и служит причиной медленности движения английских войск вперёд. Обозы их громадны и не успевают следовать за отрядом, несмотря уже на черепаший его шаг.

Артиллерия англичан, по отзыву буров, очень хороша, и выстрелы из орудий **Максима** поражают своей меткостью – к счастью, буры отлично умеют маскировать свои позиции и меткие выстрелы английской артиллерии пропадают, по большей части, даром. Что же касается ружейных выстрелов английских солдат, то буры этих выстрелов совсем не боятся. Меткости в ружейной стрельбе англичан нет положительно никакой. Их стрельба поражает только количеством, но не качеством. Пуль они выбрасывают действительно много, но толку в этом мало. По рассказам буров, англичане ко времени начала военных действий у Денди, Колензо и Ледисмита расстреляли ружейных пуль в 20 раз больше, нежели это сделали буры, а между тем, число раненых и убитых англичан вдесятеро больше буров.

(Продолжение следует)⁷⁹.

Далее врач рассказывал о тяжёлой работе по лечению раненых:

В Трансвааль

(от нашего собственного корреспондента)

Ньюкасл. 6 (18) марта 1900 г.

Сегодня приехал из лагеря буров наш агент, посланный туда для приискания пункта, куда должны отправиться выделяющие из нашего отряда доктор **В.И. Давыдов**, **А.С. Потапов**, фельдшер **Ф.П. Павлов** и два санитаря.

Агент наш сообщил, что буры отступили от Ледисмита и раскинули лагерь в Гленко. Туда требуют санитарно-медицинскую помощь. И вот у нас в отряде начались приготовления к отъезду вышепоименованных лиц в лагерь Гленко. Хотели вначале командировать туда также двух сестёр, но пока, ввиду неизвестности позиции этого лагеря, решили сестёр не посылать туда и удовольствоваться пятью лицами.

Сборы наши в лагерь Гленко были недолгие. Взяли всё необходимое для перевязочного и санитарного дела. Запаковали ящики с медикаментами и тронулись в путь.

Провожал нас на вокзал наш уполномоченный. На самом вокзале буры, узнав, что мы едем в действующую армию, устроили нам овацию и провожали наш поезд всяческими благопожеланиями.

Лагерь Гленко, 8 (20) марта 1900 г. Вот уже два дня, как мы находимся в лагере Гленко, в 120 верстах от Ледисмита. Поместились мы в центре лагеря, в небольшом деревянном доме, который, к слову сказать, нам удалось занять с большим трудом. Дело в том, что во всём лагере не было ни одного свободного помещения, сколько-нибудь пригодного для устройства в нём госпиталя. Раскинуть же палатку и поместить в ней больных мы нашли неудобным, так как по ночам здесь довольно холодно и резкий переход от дневной жары к ночному холоду был очень вреден для больных. Доктор **В.И. Давыдов**, заведующий нашим госпиталем здесь, немало хлопотал, пока ему удалось выпросить деревянный дом, в котором до того помещалось человек 20 трансваальских воинов.

С первого же дня, как мы устроили здесь наш госпиталь, у нас оказалось работы по горло. Утром вчера привезли из-под

Ледисмита по железной дороге человек 20 раненых. Из них 10 человек мы поместили у себя. Остальных, после перевязки, сделанной им, мы отправили в наш отдел в Ньюкасл.

К счастью, мы здесь встретили доктора **Е.В. Тейхмана**⁸⁰, который нам оказал в нашем деле огромные услуги. Доктор **Е.В. Тейхман** – родом из России и русский подданный. Несколько лет тому назад он поселился в Претории и занимался там врачебной практикой. Зная отлично местные наречия, знакомый с обычаями и нравами трансваальцев, он нам помог ориентироваться в здешнем лагере, выхлопотал нам удобное помещение и служит нам посредником в наших частых сношениях с бурами.

Следует заметить, что буры, вынужденные отступить от Ледисмита, сделались какими-то сосредоточенными и угрюмыми. Обычная их любезность миновала и им теперь не до того, чтобы оказывать внимание кому бы то ни было, хотя бы даже представителям отряда Красного Креста.

Впрочем, обвинять их в этом положительно нельзя: слишком тяжела задача, которую возложили на себя буры. Им приходится бороться с врагом вдесятеро многочисленнее и если бы не эта невероятная отвага и не исключительная их любовь к родине, они бы давно должны были покориться перед англичанами. Но надо видеть энтузиазм буров, их готовность во всякую минуту броситься за дорогое своё отечество в огонь, чтобы убедиться, что **Голнафу** с Британских островов не так-то легко будет бороться с Давидом с берегов Вааля.

Ф. Попов.

(Продолжение завтра)⁸¹.

Российский медик продолжал свои любопытные заметки:

Лагерь Гленко, 12 (24) марта 1900 г.

Вчера мы целый день заняты были обходом лагеря и фронта, где занимались усиленной дезинфекцией некоторых

палаток, в которых находились тифозные больные до поступления их в наш госпиталь.

Буры, надо вам сказать, в домашнем своём быту, как и все голландцы, вообще, – народ, тяжёлый на подъём. Захворавший во время галерной стоянки бур не обращается сразу за помощью к врачу, а перемогается своими средствами: настоем разных трав и главным образом, продолжительным сном или просто лежанием на земле под жгучими лучами африканского солнца. Это лечение теплом часто приносит больным бурам большую пользу: но при тифозных заболеваниях, зачастую принимающих характер инфекционный, такой способ лечения оказывается не только бесполезным, но даже вредным. Приходится отправлять в госпиталь больного бура уже после того, как болезнь приняла серьёзный характер.

Осматривая лагерь и фронт буров, я изрядно убедился в простоте нравов, которая существует в отношениях между собой младших и старших. Служебного старшинства, собственно, у них нет почти никакого. При отсутствии какой бы то ни было мундирной одежды, все буры, находящиеся в действующей армии, ничем не обличают принадлежности своей к военному сословию.

В нашем лагере, например, где в настоящее время насчитывается до 2000 буров, имеются всего два фельдкорнета, которые и составляют альфу и омегу начальства всего лагеря.

Оба фельдкорнета по внешности ничем не отличаются от всех остальных буров и вся их власть над ними заключается только в том, что во время боя они назначают одну часть отряда на какой-то пункт, другую часть – на другой. Вся дисциплина буров на поле сражения выражается в том, что молодёжь во всём слушается старших по возрасту, как людей более опытных в военном деле.

За последние дни в нашем лагере заметно стало особенное движение. Началась усиленная чистка ружей, пополнение перевязей патронами, починка конной сбруи и тому подобное.

Все эти спешные приготовления буров вызваны полученным в лагере сообщением из главной квартиры, что около Гленко готовится, не сегодня-завтра, сражение. Англичане, оказываясь, ободрённые движением своих генералов к Блумфонтейну, начали совершать наступление к северу Наталья. Очень возможно, что нам придётся перевести отсюда свой госпиталь в Ньюкасл или же выступить походным лазаретом в случае, если лагерь Гленко снимется со своего места.

Мы задали по этому поводу вопросы кое-кому из буров, но они нам ответили, что лучше всего будет, если мы госпиталь свой уберём куда-нибудь подальше, потому что стычка с англичанами может, пожалуй, начаться не позже как через 24 часа, а тогда нам поздно будет заботиться о благополучной экспедиции наших больных и раненых по железной дороге.

Англичане не особенно разборчивы во время стрельбы из орудий **Максима**, сказал нам один из бывших под Ледисмитом французских волонтёров, – и часто не церемонятся даже с флагом Красного Креста.

Спешу поэтому закончить моё письмо, чтобы отослать его с утренним поездом, отходящим отсюда в Преторию. Очень возможно, что завтра мы переберёмся обратно в Ньюкасл, откуда сообщу вам дальнейшие подробности здешних событий.

Ф. Попов⁸².

Сестра милосердия русско-голландского санитарного отряда **Софья Изъединова** близко общавшаяся в Южной Африке с персоналом санитарного отряда РОКК, писала, что начальник этого отряда **Кусков** не поладил с руководителями Трансвааля. Именно поэтому произошла задержка с выездом отряда:

Надо заметить, что для господина **Кускова**, как русско-го уполномоченного было сделано лестное исключение даже в сравнении с начальниками родственных голландских амбулаций, так как ему, вскоре после его приезда в Преторию

была передана от самого президента просьба возможно скорее всецело организовать санитарное дело на южном фронте, вокруг Кольсберга, где ожидают серьезных событий. К несчастью, форма передачи этой просьбы не понравилась господину **Кускову**, так как она была заявлена ему не официальной бумагой с обозначением всех чинов и титулов, а на словах одному из его младших врачей, зашедшим попросту с визитом к президенту. Резолюция, может быть в преувеличенной форме, перешла к бурам, отнёсшимся очень обидчиво, отчасти же – насмешливо к словам, что он, господин **Кусков**, лучше **Крюгера** знает, куда ему ехать и что делать. Дошёл этот ответ и до президента, который и без того недовольный общей манерой нашего уполномоченного, в свою очередь выразился по этому поводу очень энергично и заявил, что отказывается от всякого дальнейшего вмешательства в действия и разъезды этого отряда. После этого господином **Кусковым** был уже самостоятельно выбран город Ньюкасл, расположенный вдали от фронта, сам по себе представлял для буров весьма малую притягательную силу, и что люди, знакомые со всеми этими обстоятельствами, могли в точности предсказать недоразумения, ожидавшие отряд в этом месте назначения, пока образцовое отношение санитарного персонала не победило первого неудачного впечатления и перемена в военной обстановке не доставила этому отряду ту деятельность, к которой он был так хорошо подготовлен по составу врачей и сестёр...

В Фольксрусте, находящемся в самом Трансваале и за позициями, представлявшими верояние серьёзной обороны в случае наступления англичан, госпиталь был постоянно переполнен и наши сёстры, высланные туда по просьбе администрации, едва успевали устраивать необходимое помещение и руководить работой своих помощников. Между тем в Ньюкасле, расположенном совершенно открыто, да ещё на вражеской земле, госпиталь пустовал по изложенным уже мною выше причинам. Это, вместе с дурными отношениями, установившимися между доктором **Кусковым** и местным населением и властями, долго лишало отряд работы, к которой он

был так хорошо подготовлен по своим материальным средствам и санитарному составу. Насколько целесообразнее было бы, следуя указанию президента **Крюгера**, открыть большой госпиталь близ южной линии военных действий, мы, заменившие господина **Кускова** на этом театре войны, вполне испытали на той спешной и ответственной работе, которая выпала нам на долю в Кронстаде.

Такое невыносимое положение длилось до тех пор, пока некоторые из врачей русского отряда (**Давыдов**, **Гольбек**, **Эбергардт**) не настояли на открытии передового полевого лазарета в Гленко, куда к этому времени (начало марта 1900 г.) передвинулась от Тутелы и Ледисмита оборонительная линия буров. Эти врачи своими знаниями и сердечным отношением в короткое время приобрели доверие и симпатии окружающих их лагерей и так умели влиять на больных и раненых, что те, несмотря на укоренившееся между ними предубеждение, соглашались ложиться в ньюкаслский госпиталь для полного излечения или хотя бы временной помощи; там же это предубеждение скоро исчезало перед образцовым уходом и отношением всех членов отряда. Вообще же ньюкаслский госпиталь, занимавший роскошное здание прежнего женского монастыря, был прекрасно обставлен с материальной стороны, благодаря отношению персонала к больным, как военным, так и местным, для которых был устроен весьма посещавшийся амбулаторный приём, шероховатости первого времени постепенно сгладились⁸³.

Нам трудно сейчас судить – что же произошло в действительности и почему русский санитарный отряд некоторое время почти бездействовал. Тем не менее сведения, сообщённые в докладе доктора **Чистовича**, позволяют взглянуть на всё происходящее глазами опытного медика. Российский врач как один из руководителей санитарного отряда подробно описал причины неразберихи в санитарных делах Трансвааля, сложившейся в первые месяцы войны:

Такое непонятное на первый взгляд положение вещей, понятное и нами лишь много позднее, для освещения своего требует некоторых пояснений. С самого «набега Джемсона» в 1896 г. правительство Трансвааля знало, что рано или поздно ему не избежать войны с Англией, и потому с того времени усердно, в высшей степени умно и предусмотрительно, соблюдая строжайшую тайну, подготавливаясь к ней. Не только оружие, артиллерия, всевозможные военные запасы были заготовлены и припасены в громадных количествах, отличного качества, но были построены и пущены в ход патронные и снарядные заводы, изготавливавшие боевые материалы на месте, в стране. Был заведён и отлично подготовленный постоянный контингент артиллеристов. Все пищевые запасы, одежда, снаряжение – одним словом, всё необходимое как для войска, так и для всех прочих граждан во время войны – всё было заготовлено в больших, даже слишком, может быть, больших количествах, отличного качества: ни в чём во время войны не было нужды или отказа. Для оказания медицинской помощи было сделано также всё возможное, о качествах всего этого подробнее я скажу ещё дальше; заготовлено всё было так, как этого только можно желать, – а между тем, постановка медицинской помощи во время войны оказалась всё же одной из слабых сторон. Причина этого обстоятельства отчасти зависела от положения медицинского дела в стране и в мирное время, а отчасти от не совсем правильной постановки центрального медицинского управления во время войны.

Состояние медицинской помощи в стране в мирное время далеко не может быть названо идеальным.

Постоянных госпиталей почти не существует, за исключением одного в Йоханнесбурге и одного в Претории; вся же прочая страна ни госпиталей, ни больниц, ни даже частных лечебниц не имеет вовсе, и для госпитального лечения больные принуждены ехать или в один из упомянутых двух центров или даже в Европу. Правда, оба имеющихся госпиталя устроены очень хорошо, почти роскошно; дело в них поставлено прекрасно, но пользоваться ими население поч-

ти лишено возможности, вследствие затруднительности добраться до них, а поэтому и не привыкло, и оба госпиталя служат больше для лечения местного городского населения, состоящего главным образом из ойтландеров-европейцев. В крупных городах имеется довольно значительное количество врачей, есть врачи почти в каждом маленьком городке и даже местечке. Часть этих врачей состоит на правительственной службе, как врачи госпиталей, о которых я говорил уже, так и в качестве дистриктных, то есть областных докторов. Громадное же большинство врачей в стране составляют врачи вольнопрактикующие, частные. Дистриктные врачи, как и все прочие чиновники, назначаются центральным правительством. Главная обязанность их заключается в подаче медицинской помощи местному населению данного дистрикта, за что они от правительства получают содержание, в среднем около 400 фунтов стерлингов в год. На их же обязанностях лежат всевозможные судебно-медицинские экспертизы, освидетельствования, вскрытия, наконец, наблюдение за санитарным состоянием городов, школ и различных других учреждений, за что им полагается особое, задельное вознаграждение, довольно крупное, по установленной от правительства же таксе. Ввиду того, что такие дистриктные врачи живут обычно в главных городах каждого дистрикта, иной раз очень большого, а заняты они различными служебными обязанностями бывают очень, даже чрезмерно, то живущее по фермам население очень часто бывает лишено возможности лечиться. За полным отсутствием больниц лечение больных возможно или только амбулаторное или домашнее, при редких сравнительно посещениях врача. По той же самой главным образом причине низшего медицинского персонала, за исключением штата сестёр милосердия при госпиталях в Йоханнесбурге и Претории, не существует вовсе, почему уход за больными почти невозможен и поневоле его приходится предоставлять родственникам больного, часто не имеющим о нём никаких представлений.

Понятно, таким образом, что во всех более или менее серьёзных случаях, не позволяющих долго ждать врачебной помощи, фермеры принуждены обращаться к врачам частным – вольнопрактикующим. Последними обычаем выработана также известная такса за врачебную помощь, и такса, надо сказать, очень высокая. Обыкновенно за выезд из города по ней полагается 1.1/2 фунта стерлингов (то есть почти 10 рублей) за каждый час, потраченный на езду, исследование и лечение больного, так что посещение пациента, живущего в нескольких часах езды от местожительства врача, обходится часто в сотни рублей на наши деньги. Кроме того, очень многие из этих вольнопрактикующих врачей (по крайней мере, почти все без исключения, с которыми мне приходилось встречаться) в смысле медицинского образования и своих научных суждений представляются более чем подозрительными. Для примера я могу рассказать следующее. В Фольксрусте мне пришлось лечить очень много детей – пациентов одного из тамошних вольнопрактикующих врачей – и меня поразило то обстоятельство, что все эти дети, не исключая и ребят самого врача, страдали хроническими катарам⁸⁴ кишок. Добиваясь найти причину этого явления, я, наконец, узнал – сначала от матерей, а потом и от самого эскулапа, что сей учёный муж с целью бороться с запорами у детей даже самых маленьких, каковые он считал страшно вредными, предписывал всем без исключения ребятам давать через день по приёму касторового масла⁸⁵, и он был чрезвычайно изумлён, когда я не согласился с его взглядами. Другой раз мне пришлось читать письмо одного врача к другому – последний хвастовства ради и принёс его мне – первый серьёзно поздравляет своего коллегу с успешным лечением тифозных больных и малым процентом смертности среди них, приписывая такую удачу исключительно вновь открытому моим собеседникам способу лечения тифа, заключающемуся в давании больным в начале болезни небольших доз каломеля!⁸⁶ При этом в письме приводится целая теория действия средства и ссылка на то, что автор письма недавно читал о подобном же методе ле-

чения тифа в каком-то европейском медицинском журнале. Наконец, одному из наших санитаров – по образованию ротному фельдшеру – одним из местных врачей было обещано устроить его в качестве врача в соседнем местечке, и санитар этот серьёзно собирается по окончании службы ехать снова в Трансвааль и занять там обещанное место. Вообще курьёзы, и курьёзы часто очень печальные, встречаются чуть ли не на каждом шагу. Объясняются же они очень просто тем, что само право практики в стране получается весьма курьёзным способом. Для получения его никаких дипломов, никаких удостоверений в получении медицинского образования не требуется, никаких испытаний или экзаменов не производится. Достаточно дать честное слово в том, что где бы то ни было получил медицинское образование и представить двух свидетелей, могущих под присягой подтвердить это своим показанием – и только. Но этого мало, есть врачи и в самой Претории, официально признанные специалистами и лечащие исключительно, например, тиф, воспаление лёгких и так далее. И мне приходилось слышать о случаях, где такие тифозные специалисты диагностировали за тиф самые разнообразные болезни, лечили их, причём часто не безуспешно, и пользовались значительной популярностью⁸⁷.

Впрочем, доктор **Чистович** отнюдь не считал, что все тамошние врачи – шарлатаны⁸⁸:

Но рядом с этим я должен заметить, что под Преторией существует прекрасный приют для прокаженных, нередко встречающихся в стране, находившихся при нас в ведении очень образованного врача. Да и вообще в центрах более крупных есть довольно большое количество врачей, в полном смысле слова научно образованных, по различным специальностям, – но они почти все без исключения иностранцы, почти исключительно европейцы. Местных врачебно-учебных учреждений ни в Трансваале, ни вообще в Африке не существует, равно как и среди врачей – уроженцев Африки, так

называемых африканеров, сравнительно очень мало, да и те, собственно, по большей части уроженцы Капской колонии или Наталя, а из среды трансваальцев и фрейштадцев врачей почти нет вовсе. Из немногих врачей африканеров большая часть и состоит на правительственной службе в стране, и по своим знаниям, образованию и нравственным качествам они стоят много выше своих вольнопрактикующих коллег, рассеянных по разным городкам и местечкам. Эти последние почти все без исключения европейцы и из них преобладающее большинство составляют англичане, затем, значительное количество среди них голландцы, меньше немцы и наконец порядочное множество евреев всех возможных национальностей. Как и вообще все почти иностранцы в Трансваале живут исключительно ради наживы, так и громадное большинство среди вольнопрактикующих врачей-иноземцев, из профессии своей создало род промысла, и промысла, надо сказать, очень выгодного и доходного, позволяющего в течение немногих лет практики наживать целые состояния. Отчасти с той же целью наживы выработался обычай, каждому врачу при своей приёмной иметь аптеку, в которой часто состоит особый аптекарь, или служащий у врача по найму, или получающий известную долю с продаваемых средств. Обычно назначенные врачом средства тут же в аптеке и продаются пациентам, или, если врач посещает больного на дому, то высылаются ему из той же аптеки. За отпускаемые по рецептам лекарства выработалась особая такса, почти одинаковая повсюду – именно: по 4.1/2 шиллинга (около 2-х рублей) за рецепт; цена эта не находится в зависимости от количества и ценности прописанных лекарств. На отпускаемых из аптек средствах не принято обозначать входящих в состав его веществ, а надписывается только, когда и как его следует употреблять. В довольно большом ходу лечение, советы и высылка лекарства врачом по письменным жалобам пациентов, без всякого осмотра и исследования. В громадном распространении и собственно, почти даже исключительно, и употребляются всевозможные патентованные средства, главным об-

разом английского происхождения, или приготовляемые несколькими химическими фабриками в Натале. При некоторых из аптекарских магазинов в Претории или Йоханнесбурге существуют тоже приёмные врачей, зато аптек без таких врачебных приёмных почти что нет.

Ввиду всего сказанного, естественно отношение и населения к врачам и взгляд его на местных представителей медицины. Как и на всех прочих европейцев в стране ойтландеров, и на врачей буры смотрят, как на людей наживы. К медицинским познаниям своих врачей-лечителей люди относятся весьма скептически и обращаться к врачу жители ферм не любят, да и не привыкли; всегда они предпочитают лечиться дома своими знакомыми домашними средствами. Кроме того, лечение у врача на приёме или у себя на дому настолько дорого обходится, что у населения сложился взгляд на посещение врача, как на уплату какой-то подати, а в стране податей и налогов почти не существует, за очень небольшим числом исключений. Взгляд подобный настолько прочен, что довольно долгое время посещавшие нас пациенты не хотели верить, что мы ничего не берём за лечение их; каждый раз все обязательно спрашивали, сколько с них следует и, как мне кажется, получая отрицательный ответ, подозревали с нашей стороны или желание рекламироваться, или что-то подобное. Правда, длилось это только первое время – с месяц, а позднее, убедившись с одной стороны в нашем бескорыстии, с другой, узнав о нескольких пациентах, выздоровевших при нашем лечении и уверившись, таким образом, в наших медицинских познаниях, те же окрестные жители и даже фермеры из отдалённых частей соседних дистриктов и бюргеры из команд настолько охотно стали поступать в русские госпитали и ходить на амбулаторные приёмы, что нам в Фольксрусте пришлось неоднократно отказывать в приёме в госпиталь за неимением мест и назначить часы для приёма амбулаторных больных, чтобы не быть прикованными к амбулатории в течение целого дня. Подобное отношение продолжалось к нам до самого конца нашего пребывания в Фольксрусте, а отъезд наш вы-

нужденный наступлением англичан, вызвал сильное огорчение среди населения. Ещё к большому благополучию обитателей Трансвааля, благодаря ли здоровым климатическим условиям страны, или вследствие более или менее правильного образа жизни, в их среде болезни вообще развиты очень мало. Туберкулёз, например, составляет большую редкость, наследственных конституционных форм почти не встречается; даже злокачественные опухоли попадаются в виде величайших редкостей. Наиболее число заболеваний летом дают малярии и местами брюшной тиф, а зимой – ревматические заболевания и всевозможные страдания дыхательных органов. Если к этому добавить порядочное число хронических страданий пищеварительного тракта и очень частых среди женского населения заболеваний половой сферы, вследствие многократных беременностей и родов, протекающих без всякого медицинского ухода, то этим собственно и исчерпывается почти весь состав болезней, встречающихся в стране, и с которыми приходится бороться тамошним врачам⁸⁹.

Наряду с возвышенным описанием всеобщего стремления защитить свободу отчизны и помощи со стороны российских медиков, рядовой сотрудник этого санитарного отряда – сестра милосердия **Ольга фон Баумгартен** говорила и о страшных последствиях войны и о тяжести работы медперсонала в неприспособленном для больницы помещении:

24 января прибыл к Претории русско-голландский отряд, сформированный пастором **Гиллотом**.

Приезд нового отряда пополнил и без того уже большое количество их, бывших в то время в Претории. Конечно, санитарные отряды находились здесь временно, ожидая назначений в отдельные части. Надо отдать справедливость нашему Главному управлению – всё, чем снабдили нас, было действительно полезно и практично. Благодаря такой предупредительной заботливости нам не пришлось переживать таких

затруднений, как другим отрядам, а потому мы могли вполне отдаться своему делу.

Не так было с другими отрядами. Им в последнюю минуту пришлось приобретать на месте. Зачем говорить, сколько должно предоставлять затруднений, как дорого и трудно получить даже самое необходимое в военное время, это и без того понятно каждому.

25 января мы снова собрались на вокзале. Опять толпа, опять те же речи, опять то же торжественно-приподнятое настроение. Перед нами отправляли поезд с волонтерами. Они пели национальный гимн, махали трансваальским флагом; провожавшие пели, так же плакали. Настроение захватывающее...

Но вот поезд скрылся из вида, нас окружает толпа, тут и старики, и дети, и буры-воины, их матери, сёстры и жены, они просят, умоляют со слезами на глазах, во имя Бога не покидать больных и раненых после сражений, а ухаживать за ними и не отказывать в последней помощи. Тут же на вокзале просили нас принять участие в одном волонтере поляке, находившемся на месте нашего назначения. Несчастный в сражении лишился обоих глаз. Кто знает ни такая ли участь, а может и ещё более ужасная, ждала и тех бодрых и сильных волонтеров, пошедших во имя идеи в заведомую опасность.

Перед отправлением наш отряд разделился, одна часть поехала в Фолькруст, а другая, где находилась и я, в завоёванный в то время бурами Наталь, в Ньюкасл (New Castle).

26 января мы прибыли в Ньюкасл. Поистине грустную картину представлял из себя город. Англичане побросали свои дома и магазины, оставив имущество на произвол судьбы. Всё в Ньюкасле говорило о жизни, которая за немного дней перед тем была там ключом. В домах всё имущество оставалось в таком порядке, что не верилось, чтобы хозяева их бежали. Невольно казалось, что он отлучился и должен скоро вернуться. Мы поселились в Доминиканском женском монастыре. Он опустел также за несколько дней до нашего приезда и его обитательницы бежали в чём были. Монастыр-

ское здание состояло из двух флигелей – в 3 и 2 этажа. В первом, в нижнем этаже, поместились – амбулатория, лаборатория, операционная комната и наш уполномоченный, во втором – хирургическое отделение, а в третьем – сёстры. Это была большая комната, в которой собирались мы в свободные, кстати сказать, редкие минуты, и за чашкой кофе вспоминали нашу далекую дорогую родину. Для жилья же собственно мы заняли кельи, расположенные вокруг центральной комнаты, нашего сборного пункта. Во втором флигеле было устроено отделение для терапевтических больных. Немалых трудов стоило нам обратить мрачное монастырское здание, довольно запущенное и грязное, в госпиталь со всем для него необходимым...

6 февраля к нам был доставлен интересный больной; интересный не по форме своей болезни, а по её происхождению – трансваалец, простреливший руку, чтобы уклониться от повинности идти на войну.

10 февраля вокруг Ньюкасла буры разбили сторожевые посты. Запестрели по всем направлениям вокруг города патлатки и заходили часовые⁹⁰.

Приведём и письмо доктора **Эбергардта** о его работе в Ньюкасле:

Внешние известия

Ньюкасл, 5 (18) марта

Вчера к нам привезли 15 человек раненых с голландского перевязочного пункта. Из них 4-х человек с гнилостными ранами. Пришлось нам сразу сделать несколько операций; находимся же в ожидании многих ещё больных от собственного передового отряда, на днях выехавшего отсюда. Теперь мы видим ежедневно конных воинов, так наш госпиталь приблизился к боевой линии, благодаря отступлению буров от Ледисмита. В Ньюкасле уже видны вообще следы войны. Почти пустой город, в домах страшные картины разорения, – люди, очевидно, бросали всё, как во время пожара. Англичане бе-

жали отсюда в страхе перед наступающим завоевателем – бурами. Вот на столе недопитый стакан молока, из кадки вывалилось тесто, валяется ручная работа, вышивка с ниткой и иглой и так далее, письма, карточки, вещи, обыкновенно ценимые людьми, – разбросаны и оставлены. Сегодня привезли одного ирландского барона с простреленной челюстью, – пришлось извлечь ему английскую пулю.

В данный момент у нас со смертью борются два человека, одному пришлось делать трепанацию черепа (была огнестрельная рана), он лежит и бредит, а около него сидит жена и двое детей – один мальчик – малютка совсем и девочка лет пяти. Бедная женщина – простая крестьянка. Как она страдает! Вот уже 3-й день её никакими силами и уговорами нельзя отстранить от постели страдальца, раненного в последнем бою под Колензо. Около этого больного сидят два родственника-бура. Рядом другой больной бросает в бреду подушками. Ему пришлось ампутировать правое бедро – была гангрена всей голени до колен и выше. Он лежал 3 дня с грязной повязкой на перевязочном пункте и оттуда еле живой был привезён к нам. Оперировать пришлось почти без хлороформа, так как раненый был слаб от истечения крови. Один больной умер тоже с огнестрельной раной черепа мозга. Не знаем, будут ли наши два страдальца живы, а как хотелось бы видеть их живыми!

Иной раз нас навещают добровольцы. Был господин **Гучков** проездом в Преторию за покупками. Он 3 недели сражался бок о бок с бурами, как простой солдат. Другой волонтер сегодня выписался, находился у нас 4 дня и уехал в Преторию. Каждый день к нам приходят женщины и дети из окрестностей; все они охотно слушаются медицинских советов и берут с собой наши медикаменты. Тифозных и дизентерийных больных в Ньюкасле стараются не задерживать, так как здесь проводятся больше операции, а направляют таких больных в наше же отделение в Фольксрусте, которое находится уже не в Натале, а в Трансваале, несмотря на то, что отстоит от Ньюкасла всего в 3-х часах езды.

Вот сейчас, когда я пишу эти строки, здесь у нас вечер, 11 часов. Небо совсем синее, – такое небо едва ли в Петербурге увидишь. Трещат сверчки неутомонно, в окно ко мне влетают массами ночные мохнатые бабочки, кругом в местечке полная тишина. Воздух пропитан ароматом роз и олеандров. Рядом виден единственный свет из окон нашего госпиталя. Все спят, спит даже наш слуга **кафр-зулус**, и я кончаю это письмо, не говоря покойной ночи моим друзьям на моей далёкой родине, так как там все встают и начинают утро.

А. Э.(бергардт)⁹¹.

Далее о деятельности отряда РОКК сообщалось:

В Трансвааль

(от нашего специального корреспондента).

Ньюкасл, 4 (16) февраля 1900 г.

Сегодня утром мы устроили маленькое торжество. Отряд наш принёс свои сердечные поздравления старшей сестре нашей госпоже **Тихомировой**, по случаю 24-летней годовщины исполнения ею ответственной и нелёгкой обязанности сестры милосердия.

Сестра **Тихомирова** с самой ранней молодости посвятила свою жизнь уходу за страждущими и болящими.

Весь наш отряд приветствовал сестру **Тихомирову** поднесением ей букета из здешних ярких и душистых полевых цветов. Говорились при этом, конечно, соответствующие речи, причём мы выразили ей наши благожелания: в полном здравии отпраздновать в будущем году 25-летний юбилей в Петербурге, на далёкой родине.

Впрочем, все эти поздравления и приветствия отняли у нас всего каких-нибудь пять минут времени, после чего мы все бросились к нашим занятиям, так как работы у нас теперь немало. Наш госпиталь теперь переполнен. В хирургическом и терапевтическом отделениях все кровати заняты. Что же касается амбулатории нашей, то с каждым днём число приходящих больных становится всё больше и больше. Горожа-

не уже привыкли к бесплатному лечению и охотно посещают каждое утро нашу амбулаторию. Даже **кафры** перестали нас дичиться и приходят частенько за медицинским советом.

Преобладающий элемент болезни **кафров** – дизентерия. Обыкновенно они лечатся от этой болезни какими-то травами, содержащими в себе сильные кислоты, но получив более быстрое и радикальное облегчение от наших лекарств, они бросили свои травы и начали хаживать к нам по утрам.

Наш уполномоченный получил сегодня сообщение о том, что в лагере генерала **Жубера** под Ледисмитом ощущается необходимость в увеличении врачебно-санитарной помощи. Решено из нашего отряда отделить на первых порах двух врачей, двух фельдшеров и двух санитаров. Отряд этот будет носить название передового и отъедет вглубь, на театр военных действий, поближе к Ледисмиту, где почти ежедневно происходят теперь стычки между патрулём буров и передовым отрядом англичан, делающими иногда вылазки из обложенного со всех сторон Ледисмита.

В передовой отряд наш входят следующие лица; доктора **Эбергардт** и **Давыдов**, фельдшеры **Павлов** и **Иванов** и два санитары.

Ввиду трудности предстоящих на поле битвы работ санитарного отряда, имеется в виду время от времени его подсмешивать другим составом врачей и фельдшеров.

Заканчивая письмо своё, прошу вас передать в печати, что отряд наш находится в вожделённом здравии, шлёт привет свой всем родным, друзьям и знакомым и, ввиду предстоящего великого праздника Святой Пасхи, христосуется со всем русским православным населением нашего дорогого отечества!

Ф. Попов⁹².

Врач, писавший под псевдонимом **Ф. Попов**, сообщал об огромной занятости русского отряда:

В Трансвааль

(от нашего специального корреспондента).

Ньюкасл ,5 (17) 1900 г.

... Я писал уже вам в последнем моём письме, что из нашего отряда, прочно основавшегося в Ньюкасле, предполагается отделить несколько человек для отправки в действующую армию, в Эландслагте или к Ледисмиту. Теперь это предположение приводится уже в исполнение и к отправке к полю сражения намечены нашим уполномоченным доктор **В.И. Давыдов, А.С. Потапов**, фельдшер **Ф.П. Павлов** и два санитаря. Имелось в виду в начале отряда этот составить из восьми лиц, но по некоторым обстоятельствам пришлось уменьшить его почти наполовину.

Вчера наш агент отправился вперёд со специальной целью узнать, куда именно более всего необходимо направить деятельность отдела нашего отряда: к Эландслагте или к лагерю Гленко?

В Ньюкасле мы завалены работой. Рассчитанный на 25 кроватных больных госпиталь наш вынужден давать приют 50 больным, не считая амбулаторных, которых в день собирается человек до 30. К счастью, отряд наш запаса достаточным количеством медикаментов и санитарно-перевязочных принадлежностей. Аптека наша настолько благоустроена, что даже из здешней городской больницы обращаются к нам за некоторыми медикаментами.

Кроме нашего госпиталя, нам приходится почти через каждые три дня посылать лекарства в Фольксруст, где находится отделение нашего отряда, там амбулаторных больных ещё больше, чем у нас, потому что, в сущности, из Ньюкасла почти все коренные жители – англичане – разбежались с тех пор, как буры заняли северную часть Наталя. В Фольсрусте же, находящемся в самом Натале, обывателей много, а в амбулаторном лечении они очень нуждаются.

Ежедневная деятельность нашего отряда начинается здесь с 6 часов утра. Сёстры дежурят по очереди около трудных больных всю ночь. Каждый день, с приходом утренне-

го поезда из Эландслаагте, привозят к нам человек 5-6 раненых, которым приходится немедленно делать операции: извлечение пуль или ампутации рук и ног или просто наложить повязки. В семь часов утра начинается приём амбулаторных больных, который продолжается до 5-6 часов вечера.

В 7 часов вечера уличная жизнь совершенно прекращается в Ньюкасле. Расхаживают по улице только одни патрули, состоящие из вооружённых **маузеровскими** ружьями буров. Да и патрули-то ходят только для большего успокоения городских обывателей в том, что неприятель не ворвётся ночью в город и не застигнет врасплох его жителей.

Впрочем, на днях мирная жизнь здешнего городка была внезапно нарушена ночью, часов около 12, слышались вдруг какие-то дикие взвизгивания, визг, свист и удары борьбы. Вначале все перепугались, повысыпали в страхе на улицу и увидели иллюминированную процессию **кафров**, которые, с разрешения коменданта города, справляли какой-то праздник свой, особенно ими чтимый.

Процессия эта была очень оригинальная. Впереди шли ребяташки **кафрские** и несли на высоких шестах зажжённые бумажные фонарики; за ними, отчаянно припрыгивая и гримасничая, следовали старики-**кафры**, в каких-то длинных хламидах. Некоторых из них с особенным усердием при этом колотили ладонями в маленькие барабаны. Шествие замыкалось толпой **кафрских** женщин и детей. Праздник этот, оказывается, справляется **кафра**ми один раз в год. Комендант города, впрочем, разрешил им эту процессию только с тем условием, чтобы они при следовании мимо городской больницы и госпиталя отряда Красного Креста, прошли молча и не пугали своими дикими взвизгиваниями и барабанным боем больных. **Кафры** в точности исполнили это приказание и прошли мимо нашего госпиталя в полной тишине, так, что наши больные и не знали, что в это время происходит на улице.

Продолжение завтра.

(Ф. Попов)⁹³

Продолжим цитаты из писем российского врача:

В Трансвааль

(от нашего специального корреспондента)

Ньюкасл, 5 (17) марта 1900

На долю нашего отряда, откровенно говоря, выпала далеко не лёгкая задача. Приходится не только значительно увеличить размер больничного инвентаря на него, но и заботиться также о питании больных, число которых, как я уже сказал, далеко превысило цифру, определённую нами раньше.

Не в обиду будет сказано здешним обывателям, они очень мало заботятся о прокормлении больных, находящихся у нас. Они рассуждают так: раз больной сдан на попечение госпиталя, значит все заботы о нём всецело лежат на администрации этого учреждения.

Впрочем, мы их и не обвиняем... Да в сущности и обвинять-то нечего, потому что обывателей, в строгом смысле этого слова, в Ньюкасле в настоящую минуту почти совсем нет. Коренные здешние жители, англичане, разбежались, оставив кое-каких дряхлых стариков и старух; **кафры**, играющие здесь роль вьючных животных, понятия не имеют об общественной благотворительности, остаются буры... Но тем не до больных... им впору возиться только со здоровыми, которые ежедневно большими группами прибывают сюда из Претории для дальнейшего следования по железной дороге в лагерь Гленко и к Ледисмиту. Но как бы там ни было, мы с Божьей помощью, обходимся своими средствами и отлично кормим наших больных. Отряд наш имеет ту же пищу, что и больные, за исключением, конечно, наших родимых щей и каши, которыми мы больных не кормим. Эти щи и каша приводят в особенный восторг наших санитаров, и когда сестра госпожа **Соловьёва**, заведующая у нас хозяйством, преподносит к обеду эти два блюда, напоминающую нам нашу далекую родину, у наших санитаров наступает положительно праздник.

Обыкновенно же наше питание, как и питание наших

больных, – на кухне; но получаем также раза два-три в неделю и свежее мясо. Недостаток чувствуется только в зелени, которая у нас скоро кончается, а запасов здесь нет. Больных мы кормим получасом раньше, чем сами едим.

Вчера в отряд наш прибыли из Претории ещё два русских: граф **Бобринский** и военный корреспондент полковник **Максимов**. Конечно, говорить нечего о том, как мы обрадовались прибытию наших дорогих соотечественников. Они всё-таки намного позже нашего выехали из Петербурга и могли кое-что сообщить нам о нашей дорогой Родине. Как мы обрадовались, например, русским газетам, которые они нам привезли с собой. Газеты вообще к нам доходят страшно неаккуратно. Достаточно сказать, что за полтора месяца мы получили вместо 45 №№ «Петербургской газеты» и «Нового Времени» (других газет мы здесь не получаем), только 6 №№. Говорят, что русские газеты, посылаемые в Трансвааль, задерживаются в Лоренсу-Маркеше португальскими алыгвазилами (полицейскими), которые подвергают их секвестру в угоду своим друзьям-англичанам.

Граф **Бобринский** остался при нашем отряде, а полковник **Максимов** уехал в качестве военного корреспондента, на позиции буров, в лагерь при Гленко.

Сегодня, между прочим, мы получили сенсационное известие, касающееся одного из наших соотечественников, находящихся в трансваальской действующей армии. Речь идёт о нашем военном агенте, полковнике **Гурко**, который состоял при штабе генерала **Жубера**. Осматривая на близком расстоянии позиции английских войск, полковник **Гурко**, вместе с сопровождавшими его тремя бурами, был окружён сильным отрядом англичан и взят был ими в плен. Это случилось так неожиданно, что нашему военному агенту ничего больше не оставалось делать, как покориться своей участи.

Когда известие о том, что полковник **Гурко** попал англичанам в плен дошло до буров, они немедленно довели об этом до сведения своего правительства. Президент **Крюгер** экстренно созвал в Претории военный совет, на котором поста-

новлено было сообщить английскому главнокомандующему генералу **Робертсу**, что взятый ими в плен русский полковник **Гурко** состоял в Трансваале в качестве военного агента, в сражениях против англичан никакого участия не принимал и был взят английскими войсками в плен по недоразумению. Ввиду этого, трансваальское правительство просит главнокомандующего английскими войсками освободить полковника **Гурко** из плена и возвратить его в штаб генерала **Жубера**.

Генерал **Робертс**, убедившись, что полковник **Гурко** действительно никакого участия в сражениях против англичан не принимал, приказал освободить его из плена и теперь полковник **Гурко**, здоровый и невредимый, вернулся в Трансвааль.

Ф. Попов.

(продолжение следует)⁹⁴.

Врач **Эбергардт** подробно рассказал в своих воспоминаниях о работе санитарного отряда РОКК в Ньюкасле:

Распределением медицинского персонала и лечебных заведений на театре войны в Трансваале занимались особо учреждённая для сего медицинская комиссия (Mediesse Comissie). В состав этого коллегиального учреждения входили представители Трансваальского Общества Красного Креста и врачи. Местоопределением этой комиссии была столица Трансвааля, Претория; уполномоченные члены-исполнители этой комиссии находились в главной квартире войск и при всех местах большого скопления военных сил. В так называемых Staatsalmanack vor de Zuid-Africanische Republiek отмечено более 200 практикующих в Трансваале врачей, из коих постоянно живут в Претории 15, в Йоханнесбурге 55, остальные размещены во всей республике; по национальности эти врачи большей частью голландцы, германцы и англичане, получившие специально-медицинское образование в немецких, английских, американских, французских и голландских уни-

верситетах; есть и 3 русских врача. Есть также немало лиц с низшим медицинским образованием (миссионеры) и знахари, занимающиеся врачебной практикой и наравне с врачами занимающие правительственные врачебные должности. Разрешение врачебной практики даётся секретарём так называемого Экзаменационного совета по предъявлении документов или дипломов на одобрение постоянно существующей медицинской комиссии (Geneeskundige Commissie), ведающей делом охранения народного здоровья в стране в мирное время. Комиссия эта состоит из 4 врачей, из коих один председатель, и собирается для занятий один раз в месяц. Совершенно обособленное положение занимают военные врачи; их двое при артиллерии, единственной организованной по европейскому образцу военной части; врачи эти подчиняются лишь коменданту артиллерии, при штабе коего они и находятся. Ещё в самом начале войны в Трансваале образовалось Общество Красного Креста, которое содействовало устройству больниц во всех городах (или лучше сказать, местечках) республики и снаряжало санитарные отряды на театр военных действий. В Претории, Йоханнесбурге и Барбертоне уже с 1880-х годов существуют большие образцовые госпитали, во многих местах только недавно начали устраивать небольшие больницы. Ко времени прибытия отряда Российского Красного Креста в Трансвааль, там уже действовали также несколько санитарных отрядов, посланных из различных государств Европы и Америки. В предложении врачебной помощи, следовательно, недостатка не было и всякая отдельная часть или команда в 700 или 1000 человек имела врача с помощниками и всеми необходимыми медицинскими средствами, которые в Трансваале тоже имелись в изобилии. Так как главные военные операции сосредоточивались преимущественно около железных дорог, то и транспорт раненых производился почти исключительно по ним. Для сего правление Нидерландского Южноафриканского Железнодорожного Общества (называемого сокращённо ZASM) приспособило достаточное число салон-вагонов, которые отдавались в распоряжение любого са-

нитарного отряда по указанию медицинской комиссии. Первоначальная помощь больным или раненым подавалась в амбулансах (перевязочных пунктах), расположенных в лагерях и поблизости полей сражений, и затем уже этими же амбулансами больные передавались на железную дорогу для доставки в место, указываемое пользовавшим врачом. Система рассеивания больных по всей стране применялась широко – особенно ввиду того, что она наиболее подходила к привычкам и вкусам буров, которые вообще предпочитают лечиться на дому и неохотно помещаются в больницах. Поэтому больных и раненых старались как можно скорее доставить в лечебницы, расположенные поблизости фермы или родного местечка больных, хотя это нередко происходило в ущерб их здоровья, так как представители медицины, как уже выше сказано, во многих местах, вследствие недостатка научной подготовки, не могли правильно лечить или принимать санитарные меры к предупреждению распространения эпидемий. К счастью, буры в этой войне скоро убедились в недостатках этой системы, и благодаря широко представленному им праву пользования бесплатным проездом по железным дорогам, скоро привыкли к тому, чтобы больные для их пользы оставались в больницах, хотя и далеко от родины расположенных, лишь бы хорошо устроенных. Таким образом, выбор лечебного заведения для дальнейшего лечения стал почти всецело зависеть от врача, подававшего первую помощь в передовом санитарном отряде. Понятно, что каждому врачу хотелось оказывать наивозможно большую помощь бурам, поэтому неудивительно, что скоро между отдельными санитарными отрядами образовалась некоторая конкуренция, имевшая опять последствием неравномерное распределение больных по лечебным заведениям: одни были всегда полны, другие пустовали; кто хотел иметь больше больных, обязательно должен был иметь тесную связь с передовыми перевязочными и санитарными отрядами. Ознакомившись несколько с таким положением медицинского дела в Трансваале, наш русский отряд должен был прийти к тому, что для успешного и наивозможно интен-

сивного проявления своей деятельности ему необходимо было несколько отступить от той формы подвижного лазарета на 25 или 50 кроватей, как она первоначально была намечена в России, нужно было разделить и действовать в разных пунктах. По предложению военно-медицинской комиссии, отряд наш должен был действовать на восточном театре войны; в это время буры ещё осаждали Ледисмит. Для первоначального ознакомления с местностью и выработки плана действия на месте уполномоченный Российского Красного Креста действительный статский советник **Кусков**, сопровождаемый мною и нашим агентом по хозяйственной части господином **Людигом**, 1 февраля нового стиля отправился в Фольксруст, пограничный городок Трансвааля, а затем в город Ньюкасл в Натале. Эти два города расположены в 3-х часах езды по железной дороге друг от друга, а Ньюкасл от Ледисмита в 4-х часах. В Фольксрусте мы нашли временный лазарет на 34 кровати, расположенный в здании гостиницы и обильно снабжённый лекарствами. Лазаретом этим в это время заведовал какой-то эмигрировавший из России еврей-фельдшер. В день нашего осмотра здесь было 17 больных, из них 5 раненых. Уход за ними был далеко неудовлетворительный, необходимо здесь многое переделать и улучшить: работа эта предстояла врачам нашего отряда докторам **Садовскому** и **Чистовичу**, принявшим в заведование этот лазарет. Дальнейшая история этого лечебного заведения вероятно изложена в отчётах этих почтенных товарищей.

В Ньюкасле находился также временный лазарет, навешиваемый врачом-англичанином, который должен был оставить его вследствие полученного от медицинской комиссии другого назначения. Лазарет этот на 50 кроватей поместился в обширном здании народной школы, но находился ещё в более печальном виде, чем фольксрустский. Больные инфекционные и раненые лежали вместе, помощники врача – без всяких медицинских знаний; все помещения содержались в высшей степени неопрятно, так что мы отказались принять для устройства нашего госпиталя это здание, предоставленное

нам медицинской комиссией в распоряжение, и решили поставить другое, которое и нашлось в тот же день в оставленном бежавшими английскими монахинями Доминиканском монастыре. Последний находился в 10–15 минутах ходьбы от станции Натальской железной дороги, ведущей к Ледисмиту, и состоит из двух каменных, недавно выстроенных домов; при доме огромный двор-сад с виноградником, беседками и фруктовыми деревьями, на дворе хозяйственный флигель с огромной кухней, здание домашней церкви, огромный железный барак для домашнего театра и 1 флигель для мастерских. В доме повсюду проведена родниковая прекрасного вкуса вода по водопроводу, снабжающему весь городок, который весь утопает в живой зелени садов и, что можно здесь попутно отметить, считается одним из самых здоровых в климатическом отношении городов Наталя. Оба монастыря двухэтажные и в них с удобством можно было разместить до 75 больных или раненых.

Госпиталь этот был в 3 дня совсем устроен, снабжён всем необходимым весьма удовлетворительно. Состав персонала: уполномоченный российского Красного Креста, 2 врача-ординатора, 2 фельдшера, 6 сестёр милосердия, 5 санитаров, 1 переводчик и 1 агент по хозяйственной части. 8 февраля нового стиля госпиталь был открыт. Моя ординаторская деятельность продолжалась до 18 апреля с 9-дневным перерывом от 20 до 29 марта, когда я находился в лагере под Гленко. Заведовал я амбулаторией, всеми внутренними и инфекционными болезнями и частью хирургического отделения.

В амбулатории пользовались не только воины, но и прочее население, женщины и дети города Ньюкасла и его дальних окрестностей. За исключением небольшого числа огнестрельных повреждений (5), амбулаторные больные не представляли интереса с военно-медицинской стороны. В амбулатории производились по просьбе буров освидетельствования здоровья на предмет определения годности к военной службе. Для сего каждый освидетельствуемый должен был предъявить записку от своего коменданта или фельдкорнета. Вопрос о

годности или негодности к военной службе или об увольнении в отпуск по болезни освидетельствуемого – решается единственно врачом, который пользуется полным доверием военного начальства и выдаёт увольнительные свидетельства и свидетельства на право бесплатного провоза по железным дорогам. Свидетельства эти писались или на особых маленьких бланках в 1/8 листа, или, в крайности, просто на клочке белой бумаги. В Трансваале не существует особой инструкции для освидетельствования воинов или расписания болезней, освобождающих от военной службы; поэтому врач решает в каждом отдельном случае по личному своему усмотрению. Принимая во внимание, что официальная врачебная практика в Трансваале отправлялась и лицами с низшим медицинским образованием (миссионеры, кровопускатели и тому подобное), не нужно удивляться, что при этих освидетельствованиях происходят ошибки и даже злоупотребления, не остававшиеся, однако, незамеченными для буров и их правительства, благодаря широкой гласности в ведении общественных дел и полной свободы печати. В трансваальских газетах, летучих листках и прокламациях всякие злоупотребления подвергались резкому осуждению и рекомендовались целесообразные меры по прекращению их. Из общего числа 256 амбулаторных больных, пользовавшихся мною в Ньюкасле, 36 были хирургические, именно: 9 с флегмонами⁹⁵, 7 с рваными и 1 с резаными ранами, 6 с язвами, 1 с ушибом; 1 перелом, 1 сужение мочеиспускательного канала, 5 с огнестрельными ранами и 5 с поранениями рогавицы и посторонними телами в ней. Женщин приходило 28, из них 8 с болезнями половой сферы; детей больных было также 28 (16 девочек и 12 мальчиков). Все 256 амбулаторных больных сделали 382 посещения.

В стационарном отделении внутренних и инфекционных болезней выдающееся место занимали тиф и малярия. Болезни простудные и органов дыхания встречались исключительно нередко. Течение болезней в нашем госпитале нужно вообще считать сравнительно весьма благоприятным; осложнений обычных, например, при тифе в виде паротита⁹⁶ и тому

подобное, не наблюдалось вовсе. Перемежающая лихорадка и так называемая неопределённая инфекционная форма (тифoid) большей частью легко уступали лечению противолихорадочными средствами. Было также немало больных, у которых мы затруднялись диагностировать какую-нибудь болезнь, кроме сильно физического и нравственного переутомления от лишений походной жизни. Буры сами указывали, что продолжительность этой войны с войсками Английской империи для них совсем непривычна и особенно утомляет; резервов в войске буров нет, а отпуска с трудом или вовсе не разрешались; между тем буры в войсках с **кафрами** привыкли обыкновенно через каждые 8 или 12 недель сменяться. Таких переутомлённых больных я оставлял для отдыха 2–3 дня в госпитале, где они пользовались освежающим купанием под душами, снабжались свежим бельём и улучшенной, в сравнении с лагерной, пищей. Результатом такого лечения было обыкновенно скорое возвращение выздоровевшего к своей команде. Были также и совсем здоровые, симулировавшие разные болезни, чтобы увольняться домой; такие, конечно, в нашем госпитале не задерживались. Ещё следует отметить один случай травматического невроза, краткая история которого следующая: африканер Йоханнесбургского округа **Яков Н.**, 22 лет от роду, поступил 7 марта в наш госпиталь с заявлением, что после случившегося 11 дней тому назад (в сражении под Колензо) поблизости его разрыва бомбы он почувствовал, что правая нога его не двигается. Ушиба или повреждения не было. Больной среднего телосложения, хорошо упитан, лежит на спине; правая нога отвисает в сторону кнаружи, чувствительность, рефлексы и пассивные движения в суставах ноги нормальны. Больной медленно, по-видимому с большим трудом может согнуть произвольно ногу в колене; он встаёт и может ходить, опираясь на палку, причём осторожно ступает на правый носок. Общее самочувствие при этом хорошее. Назначена ежедневная фарадизация⁹⁷ слабым током в продолжение 5 минут. После каждого сеанса больной становится смелее в движениях и 11 марта, то есть после 5

дней нахождения в госпитале, выписан совершенно здоровым в команду. Одновременно с этим больным в другом отделении нашего госпиталя находится такой же больной, товарищ моего больного, так же со слабостью в ногах, появившейся вслед за сильным потрясением, которое он ощутил при том же разрыве бомбы. Его наблюдал доктор **Гольбек** и лечил внутренними приёмами бромистого калия. Результат тот же – скорое наступление полного выздоровления. Я не скрою, что эти больные невольно могли бы возбудить подозрение в симуляции, но благодаря отсутствию личных мотивов к этому у наших больных, нам особых диагностических усилий делать не приходится.

Обстановка хирургического отделения в ньюкаслском госпитале была весьма удовлетворительна, инструменты и перевязочный материал, отпущенные обществом Красного Креста хороши; операционная комната просторная, светлая и изолированная от прочих помещений; комнаты для больных также были светлы и удобны. Больные распределялись между двумя врачами (мною и доктором **Гольбеком**) по очереди. Число хирургических больных было не особенно велико; за время существования госпиталя в Ньюкасле от 8 февраля до 14 мая их было 49 человек – из них в моём ведении за время от 8 февраля до 17 апреля было 18 человек. Среди больных хирургического отделения по числу первое место занимали раненные огнестрельными снарядами и затем следующие – больные с флегмозными процессами⁹⁸. Кроме огнестрельных повреждений, которые ниже будут рассматриваемы особо, остальные хирургические заболевания особого интереса в военно-хирургическом отношении не представляли.

Смертных случаев между хирургическими было 2.

Из общего числа 33 сделанных врачами в Ньюкаслском госпитале операций мною лично сделано 15, а именно:

ампутация	2
	(из них одна реампутация)
секвестротомия ⁹⁹	2
краниектомия	1

вылущение опухоли	1
радикальная операция вросшего ногтя	1
извлечение пули	1
вскрытие флегмоны	7

В числе хирургических больных были и 2 женщины. Одна из них, первая пациентка, поступившая 12 февраля в наш госпиталь, доставлена в бессознательном состоянии со сложным переломом черепа, полученным при падении с экипажа на твёрдую мостовую; она умерла через 6 часов по поступлению в госпиталь. Не могу не вспомнить здесь, что смерть этой первой пациентки нашего госпиталя произвела особенно грустное впечатление на весь персонал нашего отряда.

В пищевом довольствии наших больных в первые дни появились некоторые затруднения. Привезённые нами консервы не нравились больным, кроме того, нужно было нам считаться и с привычками буров в распределении времени для еды. Местными исполнителями распоряжений медицинской комиссии ландростом и фельдкорнетом нам доставлены были свежие продукты, мясо, хлеб, молоко, овощи и прочее. Кроме того, многие из жителей города приносили для больных фрукты и зелень, так что в съестных припасах недостатка не было; но зато из этого материала что-нибудь подходящее по вкусам буров приготовить оказалось трудно, так как не было никого в отряде, знающего этот вкус и поварское искусство. Попытки одной сестры милосердия-добровольцы помочь в этом оказались неудачными и привели к тому, что она быстро потеряла всякую охоту вести кухню, порученную ей начальником отряда. После взялась за дело другая сестра милосердия, которая вместе с нанятым поваром-трансваальцем устроила кухонное дело вполне удовлетворительно. Пища раздавалась 4 раза в день; в 7.1/2 утра, 12 часов в дня, 3 часа пополудни и 6.1/2 часов вечера. Меню для больных, не поставленных на особую диету, было обыкновенно следующее: в 7 часов утра овсяная или пшенная каша; ростбиф и чай или кофе; в 12 часов суп мясной, жаркое, сладкое блюдо, чай, в 3 часа чай или кофе с хлебом, в 6 часов холодное мясное блюдо, горячее

жаркое и тому подобное, чай; к столу подавались также почти постоянно фруктовые консервы, последние елись бурами охотно.

Несмотря на незнание языка буров, наши санитары и сёстры милосердия в Ньюкасле исполняли свои обязанности по уходу за больными с успехом. Находчивость русского солдата-санитара и здесь не оставила его и привела к самым добрым отношениям между ними и больными. Благодаря бесплатному доступу к телеграфу, наши больные и их родственники быстро и часто сообщались между собой известиями о состоянии здоровья. Распоряжением медицинской комиссии в госпиталь присылались ежедневно газеты во многих экземплярах для больных. Посетители имели свободный доступ к больным, но я не могу сказать, ноя не могу сказать, чтобы когда-нибудь кто-нибудь из посетителей злоупотребил этой свободой. Если почему-либо посещение больных могло оказаться неудобным, то мною делались соответствующие объяснения посетителям и они охотно внимали нашему совету не беспокоить больных. Неоднократно посещали нас и представители медицинской комиссии и правительства и всё восхищались благоустройством нашего импровизированного госпиталя¹⁰⁰.

Доктор **Садовский** также довольно подробно описывал деятельность санитарного отряда РОКК в Натале:

12 (11) октября прошлого 1899 года начались военные действия. Наш отряд приехал в Трансвааль в период полного успеха буров; Кимберлей, Мафекинг были окружены; на юге англичане не выходили ещё из пределов Капских колоний; **Уайт** был заперт в Ледисмите; попытки **Буллера** пройти ему на помощь были неудачны, на Тугеле англичане гибли под метким огнём буров. Организацией санитарной помощи раненым и больным ведала медицинская комиссия в Претории, состоявшая из 3-х лиц, назначенных от правительства, под председательством статс-прокурора **Якобса**; ей подчинялись

всё врачи, как местные, так и приехавшие из Европы санитарные отряды. В общем дело было так, что при каждой команде, выставленной дистриктом, по нашему – уездом, состоял уездный же врач с легкоподвижным амбулансом – обыкновенно несколько фургонов или на быках, или на мулах; в помощники врачу назначались несколько человек из служащих в правительственных учреждениях в качестве санитаров. Медицинским образованием эти люди не обладали, да и врачи африканеры были несколько подозрительны: так, в двух командах они, собственно, были фотографы (Свази, Каролина). Команды дробились на части, так как что этих врачей не хватало, большинство вольнопрактикующих врачей служило в госпиталях; из части приехавших из Европы отрядов тоже были образованы командные амбулансы, остальные основали госпитали – в Претории, Йоханнесбурге и других городах; голландский отряд устроил санитарные поезда для перевозки больных и раненых. Несмотря на то что в эту войну раненых буров было поразительно мало, болело их тоже относительно немного, всё же медицинская помощь была только достаточна. Кроме 3-х голландских отрядов, был ещё швейцарский, бельгийский, русско-голландский, американский, военный германский, наш отряд, австрийский, шведский, кроме того, приехало несколько врачей-добровольцев; они все были раскомандированы в команды и госпитали. Услугами нашего отряда желали воспользоваться многие бурские генералы – **Жубер, Кронье, Смит**, но пока велись переговоры, мы две недели пробыли в Претории без работы. Наконец, было решено предложить открыть госпиталь в занятом бурами Натале, так как битвы под Ледисмитом давали значительное количество раненых, кроме того, ожидалась сдача Ледисмита; болезненность в нём во время осады была большая и предполагалось, что больные по сдаче будут направлены в наш госпиталь. Пунктом для открытия госпиталя был избран английский город Ньюкасл. В то время медицинская комиссия просила нашего уполномоченного выделить часть персонала из отряда принять в своё заведование правительственный

центральный госпиталь в городе Фольксрусте, на границе Трансвааля и Наталя, так как многие буры не соглашались оставаться на излечение в госпиталях, находившихся на неприятельской территории. Главный отряд проследовал 8 февраля в Ньюкасл в составе 4-х врачей, 5-й – уполномоченный, 7-ми сестёр, 4-х фельдшеров и 10-ти санитаров, где и открыл госпиталь на 80 человек в помещении бывшего женского монастыря. В Ньюкасле можно было видеть, как быстро убегали англичане при наступлении буров. всё имущество бросалось, дома были полны прекрасной мебели, оставляли бронзу, серебро; на столах валялись карточки, письма, предметы одежды; в монастыре была покинута масса бархата, шёлка, парчи, в церкви – одеяния, чаши и прочее. Впоследствии были выделены 1 врач, 1 фельдшер и 2 санитар в Гленко, ближе к бурским командам, где был устроен приём амбулаторных больных и небольшой приёмный покой. Врачебный персонал там чередовался, так что врачи, фельдшеры и санитары, бывшие в Ньюкасле, по очереди перебивали в этом передовом отряде. В Фольксрусте были назначены и оставлены по пути для принятия госпиталя я, 2 сестры и 2 санитар. Под госпиталь было отведено здание лучшей гостиницы города; в лицевом флигеле помещался персонал, а номера, в числе 23-х, выходявшие на обширный двор, были предназначены для больных, которых в числе 12-ти раненых и больных, состоявших к 8-му февраля, я принял от врача, временно заведовавшего госпиталем. Местный персонал состоял из хозяйки гостиницы, она же заведовала пищей больных, 4-х бургских сестёр милосердия и помощника врача, исполнявшего обязанности секретаря и фельдшера. Все эти лица поступили в госпиталь добровольно, на время войны, и медицинским образованием не обладали. В качестве прислуги было 18 **кафров (зулу, готтентоты и бушмены)**.

Каких-либо госпитальных приспособлений в виде перевязочной, приёмной для больных, ванны – не было, чистота помещений оставляла желать многого. Немало труда стоило всему нашему персоналу привести камеры больных в должный

вид, устроить перевязочную комнату, привести в порядок аптеку и приучить как больных, так и прочий белый и чёрный персонал к соблюдению чистоты. Работа облегчалась, однако, полным сочувствием со стороны наших бурских помощников, крайней предупредительностью и полной готовностью служить всем необходимым со стороны местного начальства в лице ландроста (мирового судьи и начальника города) и военного комиссара. Всё нужное для содержания больных и их лечения доставлялось немедленно по первой телеграмме из Претории от складов, принятых в введение правительства; ни в медикаментах, ни в перевязочном материале недостатка не было. Много помогла благоустройству получка санитарного запаса для французских резервных госпиталей, который был пожертвован Трансваалю обществом французских женщин и переслан в наш госпиталь в количестве 12 корзин, содержавших полное госпитальное имущество на 20 человек больных, аптеку и перевязочный материал. При госпитале в помещении аптеки был открыт амбулаторный приём больных, которые являлись за советом в течение целого дня, не стесняясь временем и занятием врача. Редко когда приходящий больной являлся один, – обыкновенно его сопровождали несколько членов семьи; прежде, чем заговорить о болезни, каждый считает долгом пожать руку, спросить о состоянии вашего здоровья и только тогда переходить к перечислению всякого рода припадков своего недомогания; всё это происходит крайне медленно, не торопясь, и на приём приходящих больных тратилась масса времени. Буры в большинстве выше среднего роста, правильно и крепко сложены, с загорелыми мужественными лицами; костюм мужчин воинов составляют пиджак, брюки на выпуск, иногда на ногах кожаные или из толстой шерстяной материи гетры¹⁰¹, шпоры, широкополая мягкая шляпа с заломом поля с правой стороны, украшенная лентой или гербом Трансвааля, через плечо одна или две перевязи с патронами, в руках карабин **Маузера**. Женщины миловидностью и красотой не отличаются, все в чёрных платьях, более молодые в шляпах, старые – в чёрных

больших голландских капорах¹⁰² и все обязательно в нитяных или других перчатках. Первые дни служил мне переводчиком один поправлявшийся больной голландец, говоривший и по-бурски, и по-немецки, а недели через две был прислан от правительства переводчик, бельгийский француз (**Густав Дюа**), бывший в мирное время мировым судьей в городе Боксбург и владевший как местным, так и большинством европейских языков; так как мы научились понимать и объясняться с бурами, он, по моей просьбе, стал исполнять обязанности администратора госпиталя, так как присылки всевозможных съестных припасов, белья, одежды для больных следовали в таком большом количестве, что уследить самому за имуществом не было возможности. Фолькруст – небольшой пограничный городок на границе Трансвааля и Наталя, расположен среди Драконовых гор, тянущихся по всей границы Трансвааля, на высоте 6,500 футов над уровнем моря, у подошвы горы Амаюба. Ввиду значительной высоты местности, от жары пришлось страдать мало; несмотря на конец лета в феврале и марте месяце, температура более + 30-34 (градусов Цельсия) не наблюдалась, зато зимой, в мае месяце, ночные холода доходили до – 5-7 (градусов Цельсия). Воздух сухой, разреженный, почти свободный от пыли и только с апреля месяца, когда прекратились совершенно дожди, началась пыль. Жителей в мирное время насчитывалось около 905, а во время войны при нас царствовало полное безлюдье, почти все дома стояли заколоченными, владельцы англичане бежали, буры были в командах, семьи их переселились на фермы в глубь страны. Несмотря на небольшое население, в городе за 6 миль из горного озерца проведён водопровод, дававший чистую, вкусную воду. Растительность крайне скудная, как и везде вообще в Трансваале.

За время моих позднейших переходов по этой стране я нигде не встречал сколь либо богатой растительности – везде горы или волнистая степь, покрытые выжженной травой и редко-редко мимоза или эвкалипт. Буры не любят деревьев, говорят, что закрывают горизонт, вырубают их, садов не раз-

водят и только в более низких местах около ферм дают расти эвкалиптам, которым приписывают свойство предохранять от заболеваний лихорадкой. Фруктов и овощей почти нет, только под Преторией и Йоханнесбургом немного занимаются огородным промыслом, применяясь ко вкусу живущих там европейцев; нам иногда присылали для больных овощи и персики, но много хуже видом и вкусом европейских.

Количество стационарных, а также и амбулаторных больных стало быстро возрастать, в госпиталь был назначен ещё доктор **Чистович**, а к концу февраля приданы ещё 1 фельдшер для аптеки и 1 санитар. В конце февраля число больных дошло до 42-х, камер не хватало; госпиталь расширили, поместив более лёгких в бильярдной зале гостиницы, вмещавшей до 18 человек. К 1-му марта число больных возросло до 54-х, так что пришлось очистить соседний дом, в котором помещался большой торговый склад мануфактурных товаров, и в залах бывшего магазина устроить помещение для тифозных больных и дизентриков¹⁰³. Пища больных ничем не отличалась от пищи медицинского персонала, готовилась на той же кухне, из тех же принципов. Режим был следующий: в 8 часов утра каша или овсянка с молоком, жареное мясо (говядина или баранина) с белым хлебом, варенье, чай; в 11 часов утра более слабым и поправляющимся давалось ещё молоко или кофе; в 6 часов вечера суп, жареное мясо с белым хлебом, иногда варенье, чай; на ночь слабым давалось винное желе. Диета тифозных была молочная, а также всех лихорадящих; вино давалось лишь при настоятельных к тому показаниях; определённого количества пищи установлено не было, давалось сообразно аппетиту больных.

Госпиталь существовал по 30-е мая. Стационарных больных с 8 по 30-е мая было 484 человек; из них: выздоровело 435 человек, эвакуировано в другие госпитали 120 человек, сдано при закрытии госпиталя в город Стандертон 14 человек, умерло 5 (трое от тяжёлой формы брюшного тифа, 1 дизентерик доставлен умирающим и скончался через 4 часа по прибытии и 1 с огнестрельной раной головы с обширным раз-

рушением мозговой ткани). Операций больших и малых произведено 132.

Амбулаторных больных принято 2117, из них с огнестрельными ранами 106 человек. Много огнестрельных ранений приходилось наблюдать во время перевязки раненых, перевозимых по железной дороге в дальнейшие госпиталы, так как Фольксруст, как пограничный город, служил первым этапным и перевалочным пунктом для раненых, доставляемых из Наталя.

Не считая, что эвакуировались лишь те больные, где предполагался благополучный исход, процент выздоровления значителен – 67,1%; это объяснимо тем, что буры народ здоровый, сильный, обладают организмом, не ослабленным конституциональными болезнями; мы не видели ни одного случая Lues'a у бура, и питание во всё продолжение войны было превосходное. В командах было всегда свежее мясо и лишь редко, в течение 3–4 дней, бывал недостаток в хлебе или свежееиспечённых лепёшках за несвоевременной подвозкой муки, но и этот временный недостаток углеводов обыкновенно заменялся выдачей из комиссариата варенья и мармелада. Число заболеваний расстройством кишечного тракта было крайне малое, что происходило от того, что буры редко употребляют сырую воду; даже на кратковременных привалах они быстро успевают вскипятить воду и пьют кофе. В госпиталь поступали при первом чувстве недомогания; затем много значило, что буры относительно не переутомлялись. Ввиду крайней инертности англичан все воины могли время от времени пользоваться отпусками и отдыхали у себя на фермах от 2-х недель и до месяца, многие возили с собой в фургонах свои семьи и при долгих сидениях на позициях вели жизнь мирного времени. Каждый бур был верхом, чаще о двух конях, а иногда на третьей ехал **кафр**, везя на себе ружьё и патроны хозяина; оставшись без лошади, бур уже не считает себя способным быть в поле и на попутной повозке или лошади товарища отправляется домой за другой. Несмотря на то, что пешком бур не ходит, на лошадь, однако, смотрит лишь как на

способ передвижения, любви к ней не чувствует, обращается сурово и не ухаживает за ней. Трансваальские лошади некрасивы, малорослы, с большой головой, на толстых, мохнатых ногах, обыкновенно худы, но замечательно выносливы; иная положительно гнётся, когда садится всадник в 80–90 кило весом, но, оправившись, идёт галопом в течение многих часов без корма. Аллюр хода у буров – галоп и редко – карьер, рысь почти неизвестна; на привале или по приезде с дороги седло сейчас же снимается; чтобы помешать свободному бегу, переднюю ногу слегка подтягивают концом недоуздка к голове и пускают пастись. В пище бурская лошадь крайне неприхотлива; с конца лета, когда трава выжжена солнцем, и всю зиму она кормится только жёсткой, сухой, твёрдой травой и лишь в редких случаях дают в командах снопики полувывсыпавшего овса или кукурузу. Очень хороши лошади **кафров базутов**, больших любителей лошадей; они выработали мелкую, но замечательно грациозную, крепкую и крайне выносливую лошадь.

Состав наших госпитальных больных был крайне разнообразен как по возрасту, так и по национальностям. Возраст колебался от 14 до 55 лет; между прочим, было замечено, что молодые, то есть в возрасте от 16 до 23 лет, чаще болели брюшным тифом, нежели люди уже окрепшие; молодые организмы труднее выдерживали поход и ночные холода (из 34-х случаев брюшного тифа – 20 падают на сказанный молодой возраст). Кроме буров были русские, немцы, французы, итальянцы, ирландцы, австралийцы, португальцы и испанцы. Англичан в госпитале не было. Все европейцы были в большинстве понаехавшие добровольцы. Трансваальское правительство каждого приехавшего, заявлявшего себя добровольцем, приводило к присяге на верность республике, выдавало ему одежду, седло, лошадь, ружьё, перевязь с патронами и отправляло в команды. Никакого денежного вознаграждения никому не полагалось. Хотя кормило и поило правительство, но всё же это были люди с европейскими привычками, кое-что иногда приходилось и купить, дороговизна была большая:

так, например, булка стоила 1 шиллинг, молоко – за бутылку 1 шиллинг, пачка спичек 2 шиллинга, сахар за 1 фунт 4 шиллинга, папиросы дошли до 6 шиллингов десятков, а денег ни у кого почти не было. Это порождало попытки к разным аферам не всегда благородного свойства и не всегда приводившим к железной цели, так что жизнь была трудная, а когда стали покидать Трансвааль, положение стало отчаянным. Многие уехали матросами, судомойками на пароходах, многих отправили товарищи, сложившись между собой, многие передавались англичанам. В таком же положении были и добровольцы из офицеров; никому из них не было дано под команду ни даже малого отряда, да и трудно было дать, так как должность команданта выборная, а буры доверия к европейскому военному искусству и тактике не чувствовали. Офицеры были или простыми рядовыми в бурских командах или вербовали себе отрядики из нескольких десятков добровольцев, недовольных отношением к себе буров, и действовали на свой риск и страх. Так, был итальянский отряд из 50 человек, не умеющих ездить итальянцев, носивший громкое название иностранного легиона; был немецкий корпус из 150 человек, были русские отряды по 15–30 человек, французские – как **Дюбуа-Марейля (Вильбоа де Марейля)** из 60–70 человек, набранные из людей разных национальностей, поступавших в тот или другой отряд, нравящийся им по царившему в нём духу.

Вооружены были: буры – ружьями **Маузера**, появившимися у них с 1896 г., карабинами и большими пехотными, англичане – ружьями **Ли-Метфорда**. Ранения, которые пришлось наблюдать: в госпитале 59 случаев, амбулаторно 106 случаев, в дальнейшем ещё 18, все поражают своим замечательным счастьем в смысле сохранения неповреждёнными важных для жизни органов и быстрым выздоровлением. Не перечисляя всех случаев, скажу лишь, что сквозные раны полостей груди, живота, даже черепа (3 случая) кончались обычно выздоровлением; из 59 человек раненых мы потеряли в госпитале одного, о чём уже говорилось раньше. Лечение ве-

лось смешанное – анти- и асептическое¹⁰⁴; при сколь либо подозрительном виде раны или нагноений накладывалась всегда антисептическая¹⁰⁵ повязка; сухие повязки применялись очень редко, всегда влажно-высыхающие, и результаты получались отличные. Столь же благоприятные отзывы о течении и исходе огнестрельных ранений приходилось читать и в донесениях английских хирургов. Хирург **Астон** пишет: Входные и выходные отверстия невелики, сосуды и нервы поражены редко, пуля проникает иногда без вреда в большие сосуды, большинство пулевых ран навывлет. Заживление идёт очень быстро, процент гноящихся ран очень мал. Невольно приходится нынешние оболочки пуль признать гуманными, если только это название можно приложить к оружию убийства. Пулями **дум-дум** англичане пользовались несомненно; ружья и патроны большие оставляли в помещении аптеки, а позднее у меня в комнате и у всех, которые были вооружены отнятыми у англичан ружьями **Ли-Метфорда**, у всех на перевязях были **дум-думы**, но отличить точно сквозное ранение пулей **дум-дум** от такового же обыкновенной оболочечной рикошетировавшей или с испорченной и сорвавшейся оболочкой очень трудно и даже иногда невозможно. Во время боёв на Тугеле в феврале и в начале марта месяца работы по госпиталю было очень много, кроме того нам довольно скоро удалось завоевать доверие буров и приходящие больные являлись в большом числе; многие приезжали за 6–7 дней пути, чтобы посоветоваться с русскими докторами, разбивали палатки на площади перед госпиталем и являлись за советом целыми семьями. После сдачи генерала **Кронье** и отступления от Ледисмита, буры заняли позиции около Гленко на Бикерсберге, армия **Буллера** отдыхала после своих трудов и считала потери, раненые перестали прибывать и число госпитальных больных уменьшилось до 30–32¹⁰⁶.

Один из русских врачей писал в начале апреля 1900 г. из Ньюкасла:

За рубежом
(от наших корреспондентов)
Из Трансвааля
Ньюкасл, 9 апреля 1900 г.

Наш отряд получил распоряжение оставаться здесь до конца войны. Если послушать, что говорят, то, по словам одних, война кончится через 2 месяца – бурам больше не удержаться, по словам других – война может продлиться и более года. Мира без вмешательства держав не может быть между бурами и англичанами по добровольному соглашению. Сегодня одолевают буры и требуют таких уступок от англичан, которых те никогда не сделают. Англичане побеждают – и тоже заявляют непомерные требования. Общее мнение самих буров, что англичане в конце концов одолеют, – но когда? Война вообще странная, борцы плохи с обеих сторон. Бур храбр пока он в условиях охотника, превосходно умеющего стрелять, знающего, как и где накрыть зверя, с зорким глазом, стреляющий чуть не за 2 версты с поразительной меткостью. Но чуть подметил этот охотник опасность – сейчас драть. Не будет он преследовать разбитого, бегущего в панике врага, которого ничего не стоит добить. Быть может всё это происходит из-за того, что бурам каждый отдельный воин дороже, чем англичанам сотня, а может быть и от того, что дисциплины в войске буров нет, да и быть не может, так как каждому на войне предоставляется действовать по своему усмотрению, и они не внимают никаким приказам своих начальников. Англичане не храбры, но во всяком случае, не трусливее буров, что видно из того несомненного факта, что потери англичан, как при их поражениях, так и при их победах всегда велики, даже громадны сравнительно с результатами боя. Вся малоуспешность англичан при таком громадном количестве войска объясняется плохими начальниками; если чего и достигают англичане, то благодаря исключительно дисциплине. Англичане по приказанию идут на убой; буров же не могут заставить их начальники идти вперёд при малейшей опасности.

Весь наш отряд рад послужить на пользу ближних, тем более, что польза, приносимая нами бурам, очевидна. В первое время деятельности нашего отряда буры, исключая вышших сановников, относились к нам не только с недоверием, но даже с пренебрежением. Сестёр наших они называют Kafer sister.

У них все работы исполняются **кафрами**, женщины их, как и сами они, ничего для себя не делают. Чтобы не заплатить, бур начинает жестоко обращаться с **кафром** и тем заставляет его бежать, а за побег **кафр** лишается платы. **Кафры** ненавидят буров и, конечно, предпочитают им англичан. Нам правительство посылает **кафров** (часто, правда, только на бумаге), как обязанных работать даром. **Кафр** явится и ничего не делает, его надо бить, чтобы он работал, а мы на это не способны; поэтому уполномоченный нашего отряда положил каждому **кафру** плату по 1 фунту стерлингов в месяц, чего им нигде не дают. Народ, правда, неважный: получит деньги и убежит, истратит все и снова явится.

Отношение чиновников к нам просто полупрезрительное, как к обязанным исполнять все их нелепые требования. Например, требование, чтобы мы в госпитале давали помещение на ночь и кормили проезжающих буров, хотя сами почти ничего не доставляют для продовольствия как нашего отряда, так и раненых и других больных, которых у нас теперь очень и очень много. Генерал **Жубер** предлагал нашему передовому отряду поместиться в Haltingsprust'e, то есть там, где нечего делать. Генерал **Бота** хотел отобрать дом, в котором уже поместился наш госпиталь передового отряда. Долго, долго не давали лошадей и мы принуждены были на станцию и со станции (50 минут) бегать за больными пешком и носить их на собственных руках, и это тогда, когда тут же самый мелкий чиновник и шагу не делает пешком.

Когда же здесь распространился слух о скором нашем выезде, всё вдруг переменяется: забежали, стали внимательны, а когда узнали, что мы остаемся, стали ещё любезнее (впрочем, любезны – сравнительно с прежним). Теперь буры оцени-

ли наш отряд, увидели уход за больными и довольны, если их лечат русские врачи. Ничего удивительного, собственно говоря, нет в том, что ранее буры мало доверяли нам. Буры – это наши серые мужички, которое столько же знают о России, сколько наши крестьяне о Трансваале. Представьте, многие из них думали, что мы беглые матросы, что Россия или меньше Трансвааля или равна ему, но о настоящей величине даже и не воображали. Правительство трансваальское тоже вдруг переменялось с нам, стало даже дорожить нами. Вдруг прислало сбрую для мулов (у нас была сбруя только для двух лошадей), о которой безуспешно хлопотали мы более месяца. Стало присылать уже не 10 хлебов (это на 70 человек), как прежде, а сколько надо. Чиновники являются к нам более любезными.

К 19-му апреля нового стиля в русском госпитале было принято 800 больных, амбулаторных – до 3500 человек, большинство последних было принято на передовом пункте под Гленко. Самая частая болезнь – тиф; раненых за всё время в русской амбулатории принято около 100.

Относительно хода военных действий мы имели мало точных сведений, так как большинство слухов, которые доходят до нас, оказываются ложными. Единственное верное сообщение я могу сделать о бое, происшедшем 10 апреля под Эландслаагте. Дело было так: в ночь на 10 апреля буры, в числе 2000 человек, двинулись от Гленко к Эландслаагте и прибыли на место рано утром, настолько не замеченные англичанами, что первое бурское ядро (снаряд?) упало на плац, где в это время англичане делали упражнения. Это было в 9 часов утра. Первое время снаряды англичан переносило, много снарядов упало около передового отряда нашего русского Красного Креста, который последовал за воинами, чтобы подавать первую помощь. Бой продолжался недолго. Англичане пристрелялись и подбили три орудия буров, последние отступили, не потеряв ни одного человека.

Про иностранный отряд в 100 человек под начальством **Вильбоа**, говорят следующее. Попад в засаду и видя себя в

безвыходном положении, **Вильбоа** застрелился, а отряд, потеряв 7 человек убитыми, сдался.

Следующая почта отсюда идёт в 20-х числах. Пока кончаю письмо. Теперь, когда я пишу эти строки, у нас на Руси готовятся к самому торжественному празднику. Здесь же тишина. Весь отряд сильно скучает особенно в эти дни.

Кое-как мы устроили себе пасху, раздобыли что-то вроде кулича и за громадную цену приобрели 100 яиц.

Пасхи придётся на человека по ложке, но мы все рады, что хоть это есть, и уж не так тоскливо встретим праздник.

С.Н.К¹⁰⁷.

Далее врач писал о тяжёлой работе отряда РОКК:

В Трансвааль

(от нашего специального корреспондента)

Ньюкасл, 3 (16) апреля 1900 г.

О том, что мы останемся до окончания войны в Трансваале, мы, конечно, не замедлили сообщить президенту **Крюгеру** и немедленно получили от него телеграмму следующего содержания:

«Да благословит вас Господь Бог за ваши бескорыстные труды на пользу увечных и болящих. Молю всевышнего о скорейшем окончании кровопролитной войны и о наступлении повсеместного мира».

Мы принялись с удвоенной энергией за работу. Насколько сильно было день тому назад наше радостное волнение по поводу того, что вот наступит 28 апреля, и мы уедем домой, в наше дорогое отечество, настолько теперь нас охватило желание работать на пользу увечных и болящих.

Из всего нашего отряда отправляется обратно в Россию, 28 апреля, по экстренным домашним делам своим, одна только сестра-волонтерка **Т.Н. Соловьёва**. Она должна приехать в Петербург в конце мая. Все остальные члены отряда остаются здесь до окончания войны.

Работы с каждым днём становятся всё больше и больше. Отдел нашего отряда, находящийся в лагере Гленко, не в состоянии уже справиться с наплывом раненых, число которых ежедневно увеличивается, пересылает их в Ньюкасл, где, кроме нашего отряда, работают ещё городской госпиталь и два летучих лазарета. Все переполнено ранеными. Приходится делать серьёзные операции. Среди раненых, находящихся у нас на излечении, немало английских солдат и офицеров. Последние, впрочем, по большей части, довольно легко ранены, так как никелированные пули **маузеровских** ружей, которыми вооружены почти все буры, не производят особенно сильных разрушений в организме раненого.

Совсем иную картину представляют повреждения, наносимые бурам английским огнестрельным оружием. Мне пришлось, например, видеть одного бура, раненого английской пулей **дум-дум**. К счастью, пуля задела только мягкие части ноги. Но надобно видеть, какие ужасные повреждения эта пуля наделала в мускулах этого несчастного бура! Вся мускулатура ноги точно топором обрублена. Попади такая пуля в брюшную полость, и все внутренности превратились бы в общий кусок окровавленного мяса. Нечего сказать, достойное просвещённых мореплавателей изобретение для уничтожения себе подобных.

Ещё счастье, что англичане стреляют, по большей части зря и по меткости в стрельбе, — мальчишки и щенки перед бурами.... А то чтобы только было, если бы они пулями **дум-дум** так же изумительно метко стреляли, как буры!

В бытность мою в лагере Гленко я достаточно насмотрелся, как метко стреляют буры. В то время в окрестностях Гленко ещё не было в помине английских войск. Они показались ввиду бурского лагеря только 28 марта. Я же там находился в первой половине марта.

В один прекрасный день в лагере получено было сообщение, что в Гленко едет генерал **Бота**, назначенный на место скончавшегося генерала **Жубера** главнокомандующим Натальского фронта.

Наконец, приехал генерал **Бота**. Вы, конечно, знаете его по портрету. В нём, как и во всех бурских генералах, по внешности ничего генеральского нет, но он очень популярен в Трансваале и пользуется громадным авторитетом в рядах бурских воинов.

По прибытии в лагерь генерал **Бота** объявил, что в конце марта предстоит в окрестностях Гленко большое сражение и потому он предложил готовиться к нападению. Заметил он в лагере большое количество очень юных буров, совсем ещё мальчиков, лет 15-16. Вот он задумал испытать их искусство в стрельбе. На одном из холмов, на самой его вершине, на расстоянии около 200 шагов от лагеря, воткнуты были в один ряд штук 50 тонких жердей по количеству явившихся на испытание мальчуганов. По очереди, каждый из мальчиков должен был стрелять в намеченную им жердь.

Началась очередная стрельба и в результате все жерди, одна за другой, оказались простреленными, причём ни один из мальчиков не сделал больше одного выстрела.

Генерал **Бота** похвалил юных стрелков и разрешил им остаться в лагере.

Ф. Попов¹⁰⁸.

Русский врач продолжал свои весьма подробные заметки о бурском войске:

В Трансвааль

(от нашего специального корреспондента)

Ньюкасл, 3 (16) апреля 1900 г.

На 27 марта генерал **Бота** назначил выступление в поход. Намечен был маршрут из Гленко в Эландслаагте, куда уже прибывали английские войска и остановились лагерем на южном склоне горного хребта. Здесь один из много численных притоков реки Тугелы делает уклон и отделяет лагерь англичан от дороги в Гленко. Мост на этом притоке реки Тугелы был вовремя взорван бурами, и англичанам пришлось остановиться лагерем между рекой и дорогой в Ледисмит, так

как по случаю разлива, перейти эту реку вброд нет никакой возможности.

Раненые буры рассказывали нам подробности поражения генерала **Буллера** при переходе через реку Тугелу.

– Дорого эта река обошлась англичанам, – говорят буры про Тугелу, – она заставит рыжих (буры так называют англичан) перенести свои военные действия в Оранжевую Республику.

Так оно и случилось. Фельдмаршал **Робертс** занялся Блумфонтейном, столицей оранжевых буров.

Вообще я должен заметить, что буры хотя и не падают духом, но в душе они, кажется, все сознают, что англичане численностью своей в состоянии их задавить... Откровенно говоря, буры надеются, что Европа не допустит, чтобы англичане их окончательно задавили.

Блажен, кто верует! Я не знаю, может быть, надежды их и не напрасны. Из всех европейцев, – не считая, конечно, англичан, буры не надеются только на Португалию, которая за их спиной завела теперь шашни¹⁰⁹ с Джон Булем и намерена пропустить его в Трансвааль через Родезию.

Когда здесь, в Ньюкасле, узнали про этот коварный замысел португальцев, между здешними обывателями составилось нечто вроде антипортугальской лиги и в тот же день, за подписью 200 человек и послана была в Лоренсу-Маркеш, к португальскому адмиралу дону **Арамензо** телеграмма следующего содержания:

«Считаем долгом выразить наше общее негодование по поводу недостойной политики португальцев».

Говорят, что телеграмму эту адмирал **Арамензо** переслал **Крюгеру** с требованием, чтобы он извинился перед португальским правительством. Вместо ответа **Крюгер** предложил португальскому консулу выехать из Претории.

Таковы слухи, которые циркулируют в Ньюкасле по поводу португальско-трансваальского конфликта.

Наступило, наконец, 27 марта. С утра в лагере Гленко заметно было большое оживление. Буры снялись с лагеря, уло-

жили свои палатки, сели, наконец, и в количестве 3000 человек, под предводительством генерала **Бота** пустились в путь.

Одну любопытную особенность в сборах трансваальских полков следует отметить. Буры не имеют никаких трубных сигналов. Сборы у них не разыгрывают горнисты или трубы, и вообще громких команд по фронту у них не существует. Сигналы даются цветными значками. Ближайший к палатке генерала часовой выкидывает соответствующий приказанию флаг. Белого цвета флаг означает общий покой, красного – готовиться в путь, оранжевого – выступление.

По всей линии лагеря, через каждые 40 саженей, стоят часовые, которые и выкидывают флаги, соответствующие по цвету по цвету значка первого часового.

Таким образом, все приказания отдаются у бурских воинов молча и неприятелю они неизвестны.

Ф. Попов¹¹⁰.

Продолжим цитаты из его писем:

(Схема микрофильма с картой и нижеизложенной статьей)

В Трансвааль

(от нашего специального корреспондента)

Ньюкасл, 4 (17) апреля 1900 г.

Утром, 27 марта, по всему лагерю Гленко замелькали на пикетах оранжевого цвета флаги. Перед выступлением в поход все буры, с генералом **Бота** во главе, падали на колена и горячо молились. Молитва продолжалась около получаса. Два пастора, находившиеся постоянно в лагере, говорили проповеди, в которых указали, главным образом, на необходимость защищать интересы страны и отстаивать свою свободу и самостоятельность.

На буров, впрочем, эти проповеди большого впечатления не произвели, так как у каждого из них в душе и сердце давным-давно сложились те убеждения, которые послужили основанием для напутственных речей их пасторов.

Наш лагерный госпиталь тоже двинулся в путь вместе с трёхтысячным отрядом буров. Мы шли в тылу армии, под защитой знаменитого Красного Креста, и расположили свой лазарет на трёх повозках, запряжённых двумя парами волов каждая. Погонщиками волов, как у нас, так и у буров, были, по обыкновению, **кафры** и, к слову сказать, весьма апатично относившиеся к своим обязанностям. Буры с ними не церемонятся и ленивых погонщиков, в свою очередь, погоняют палкой или хлыстом.

Отряд генерала **Бота** двинулся к Эландслаагте, где стоял по ту сторону реки английский лагерь в 17 000 человек. Бурам удалось занять на холмах лучшие позиции, имея перед собой неприятеля как на ладони. В каких-нибудь полчаса буры установили шесть орудий, из них – одно орудие **Максима**, и начали пальбу. Первый выстрел, угодивший прямо на плац (№ 10), где в это время происходило учение английских войск, вызвал целую панику в неприятеле. Вскоре, однако, англичане оправились и открыли огонь против буров. королевские уланы двинулись в атаку и заняли холм № 7, в котором буры не успели ещё установить своих орудий. Так как этот холм должен играть важную роль в стратегическом отношении, то буры постарались прогнать оттуда улан. Пушечными выстрелами с батареи № 3 бурам удалось это сделать, англичане очистили холм № 7 и направили орудийный огонь с батареи № 9 на цепи бурских стрелков (№ 4).

Тогда буры открыли меткий ружейный огонь, находясь под превосходными природными прикрытиями, и нанесли англичанам страшный урон.

Выступая к лагерю своему (№ 8) англичане оставили на пути много убитых и раненых. К 2 часам дня на помощь англичанам прибыли из Ледисмита тяжёлые судовые орудия, которые начали серьёзно угрожать бурам. Выстрелы тяжёлой артиллерии англичан становились всё более меткими, начали появляться лиддитовые бомбы. Не желая терять людей, генерал **Бота** к 7 часам вечера отдал приказание отступить.

К 9 часам буры с очень небольшим уроном вернулись в лагерь Гленко, оставив в Эланслаагте только для сторожевой службы орудия № 3.

Утром, на другой день, вернулись в лагерь и эти орудия.

Ф. Попов.

(Окончание завтра)¹¹¹.

Это сражение увеличило число раненых и, соответственно, занятость отряда:

В Трансвааль

(от нашего собственного корреспондента)

Ньюкасл, 4 (17) апреля 1900 г.

Бой под Эландслаагте, длившийся около 12 часов, прибавил нам много работы. Обратный путь в лагерь Гленко наш отряд уже совершал не на трёх, а на 12 повозках. Всего в этот бой 28 марта буры насчитывали у себя 5 человек убитыми и 28 ранеными. Во время перестрелки с английскими уланами под генералом **Бота** убита была осколком гранаты его лошадь. Генерал **Бота** совершенно спокойно снял с убитой лошади седло и уздечку и сел на другого коня.

Вообще генерал **Бота** показал себя в этом бою в высшей степени храбрым и неустрашимым воином. Они лично объезжал цепи стрелков своих, подбадривал батареи и всячески уговаривал не в меру усердствовавших юных воинов своих не вылезать вперёд из-под прикрытий.

Общее мнение по поводу боя под Эландслаагте таково, что если бы буры несколькими часами раньше успели занять позиции на южной склоне гор и установить там орудия свои, они бы не только не принуждены были отступать, но прогнали бы англичан совсем с берегов Тугелы.

Часть раненых под Эландслаагте прибыла к нам, в Ньюкасл. Между прочим, к нам привезли раненого мальчика-бура. Ему всего лет 15. Несмотря на крайнюю свою юность, он находился в рядах бургских войск со дня объявления войны. Под Эландслаагте он был контужен осколком гранаты в жи-

вот. Наши санитары подняли его в то время, когда он лежал без чувств на земле. К счастью, серьезных повреждений мальчик этот не получил и теперь уже находится на пути к выздоровлению. Замечательно, что за всё время его болезни, он ни за что ни хотел расставаться со своим **маузеровским** ружьём и упрашивал нас, чтобы ему разрешили держать ружьё на кровати, на которой он лежит. Мы ему, конечно, дали это разрешение, предварительно разрядив ружьё.

Мальчик этот нам рассказал, между прочим, что их четыре брата на войне. Он самый младший. Отец находится в лагере генерала **Кронье** и вместе с генералом попал к англичанам в плен и теперь отправлен на остров Святой Елены.

– О! Я ещё отомщу за него! – с каким-то особым восторгом воскликнул этот ребенок; – я, впрочем, и так не дешёво обошёлся англичанам: я сделал с 20 октября 470 выстрелов и ни разу не промахнулся!

Глазки маленького бура блестели при этом ярким огнём, сам он точно переродился весь, когда говорил о своих удачных выстрелах.

Утром сегодня к нам привезли 8 раненых **кафров**, между ними были две женщины. До сих пор ни в нашем, ни в городском госпиталях раненых женщин не было. Этот транспорт чернокожих раненых явился из-под Эландслаагте. Дело в том, что маленькое селение **кафров** очутилось внезапно меж двух огней. С одной стороны лагерь буров, с другой – англичане.

Паны дерутся, а у хлопцев чубы летят. Когда началась пальба между англичанами и бурами, **кафрское** селение загорелось от случайно падавших в него бомб, а некоторые из не успевших так скоро скрыться в горах **кафров** были ранены осколками бомб.

До прибытия к нам, эти раненые **кафры** находились в нашем же отделении в лагере Гленко. Когда им стало лучше, их отпустили в Ньюкасл.

Ходят слухи, что неприятель продвигается всё больше и больше к северу Наталя и что, может быть, нам придётся скоро покинуть Ньюкасл и перенести свой госпиталь в другой го-

род. Постараюсь со следующей почтой сообщить вам всё, что произошло здесь нового.

Ф. Попов¹¹².

Чистович в своём докладе обстоятельно описывал причины, почему приезд большого числа врачей из-за рубежа не улучшил медицинскую помощь населению бурских республик:

При каждой команде в военное время состоит так называемый командный амбуланс, находящийся под начальством дистриктного, обращающего на время войны в командного врача. Личный состав такого амбуланса набирается самим врачом и состоит обычно из одного так называемого ассистента, нескольких помощников-санитаров и **кафров**. Кроме собственно санитарных обязанностей и ассистент, и помощники занимаются хозяйственными делами своего амбуланса: управляют упряжными животными, пасут их, ставят палатки, готовят пищу и так далее, и в этих своих обязанностях обыкновенно бывают гораздо ловчее, умелое, чем при уходе в больницы. Да это и понятно, так как и ассистент, играющий роль распорядителя по хозяйству амбуланса, и санитары люди совершенно неподготовленные, чаще всего различные приказчики из магазинов, клерки и тому подобные, предпочитающие не нести службы в командах и пристраивающиеся к амбулансам. Весь личный состав амбуланса первым долгом считает необходимым украсить себя знаками Красного Креста всюду, где его только можно прицепить. Врачом же устраивается и подвижной состав его амбуланса, добываются повозки, скот и прочее.

Лекарствами, перевязочными средствами все амбулансы снабжались правительством по требованию навещающего врача и в этом отношении никогда ни в чём не нуждались. Во многих из них кроме того были всевозможные лекарства и перевязочные материалы, инструменты и тому подобное, доставшиеся в добычу от англичан в первый период войны в

Натале и на юге Оранж-Фрейштата (Оранжевого Свободного Государства). Но зато, находясь при командах и довольствуясь от своих команд из командных крингскомиссаров, амбулансы и пациенты их часто из-за этого бывали в трудном положении, не будучи в состоянии питать больных подходящей пищей, особенно больных с пищеварительными расстройствами, вызванными этой же самой пищей. Работы, особенно амбулаторной, у таких передовых санитарных отрядиков было очень много, главным образом, когда войскам долго приходилось стоять на одном и том же месте и вследствие этого происходило значительное загрязнение лагерей, всегда почти сопровождавшееся увеличением числа всевозможных заболеваний. Нужно заметить, что при разбивке лагерей и впоследствии при долгом пребывании на том же месте никаких соображений или мер для содержания их в сколько-нибудь гигиеническом состоянии никогда не принималось и состояние лагерей в санитарном отношении было очень плохо. Так, например, во время долгой борьбы на Тугеле и под Колензо амбулансы были прямо завалены работой. Кроме командных амбулансов, несколько подобных же мелких передовых отрядов, только ещё лучше обставленных и богаче снабжённых, были устроены некоторыми частными лицами, содержались ими при помощи от правительства и работали там, где командных амбулансов не было или не хватало. Наконец, часть отрядов Красного Креста, приехавших из разных европейских государств, раздробилась и образовала целый ряд подобных же мелких летучих отрядиков, несших службу в виде командных амбулансов, чаще не при одной какой-нибудь, а при нескольких командах одновременно. Таким образом, немецкие бельгийские, швейцарские, голландские, русско-голландские и русские амбулансы работали в виде передовых санитарных отрядов в течение всей почти войны на разных фронтах театра военных действий. Ввиду этого, в течение настоящей войны, в особенности в начале её, в большинстве случаев, хотя и не всегда, недостатка в передовых отрядах не случалось.

С началом войны, ввиду отсутствия в дистриктах их врачей, находившихся при своих командах, взамен их, для подачи даровой медицинской помощи населению в стране, были привлечены вольнопрактикующие врачи, хотя и последних осталось очень немного, так как большая часть врачей-англичан бежали из пределов республики при начале войны. При недостатке врачей в командах, их опять-таки должны были замещать врачами частными, или же врачами добровольцами, приехавшими из Европы. Ввиду качеств многих из этих частных врачей, о чём я уже говорил выше, можно понять, что дело велось ими далеко не всегда удовлетворительно, а некоторыми и прямо плохо. Относительно же безвозмездности медицинской помощи местному населению, мне многократно приходилось убедиться, что помощь эта обходилась очень и очень не дешёво.

Наконец, врачам, живущим в более или менее крупных городках, особенно расположенных по железным дорогам, или по главным грунтовым трактам, было поручено устроить целый ряд мелких госпитальков, содержавшихся за счёт правительства и долженствовавших служить для эвакуации больных и раненых. Обычно госпитали такие устраивались на 15–20 кроватей, находились в заведовании одного врача и, в зависимости от качеств этого врача, и работали более или менее успешно. Персонал туда набирался опять-таки самим врачом из местного населения, всегда почти поражал своей численностью. Состоял он обычно из нескольких импровизированных сестёр, секретаря, ведущего отчётность, заведывающего хозяйственной частью и так далее, и массы **кафров** для исполнения всяких чёрных работ. Такой госпитальный персонал даже в совсем мирных местностях, удалённых на многие мили от театра войны, непременно первым делом украшался разными кокардами, повязками и тому подобным, со знаками Красного Креста. Помещались такие вновь устроенные госпитали чаще всего в гостиницах или школах, снабжались они всем необходимым при помощи местной правительственной администрации и продовольствовались от местного же комиссариата¹¹³.

Однако после изменения положения на фронте не в пользу буров, часть российского санитарного отряда, расположенная в Ньюкасле, стала работать с немалой нагрузкой, о чём писала **Ольга Баумгартен**:

17 февраля (1900 г.) как будто бы слышны были первые пушечные выстрелы, а к вечеру того же дня мы получили известие, что англичане прорвались из Ледисмита.

3 дня спустя к нам привезли тяжело раненных. Один из них тотчас попросил воды, когда ему подали стакан, он оттолкнул его со словами: «Вы русские приехали сюда отравлять нас». Слышавший это наш старый больной остановил нового пациента и даже сделал ему замечание за несправедливое к нам отношение...

1 марта к нам поступил раненый ирландец. Он нам много рассказывал об англичанах. Не задаваясь целью оспаривать или подтверждать его слова, мы должны были только признать, что в них было мало лестного для англичан за их обхождение с ранеными. Он говорил, что англичане во избежание лишних хлопот и трудов попросту добивают тяжело раненных и своих и чужих, дабы будто бы облегчить их предсмертные муки.

2 марта посетить наших больных приехала к нам вдова пастора. От неё нам пришлось услышать несколько рассказов про начало войны.

Жили буры спокойно по фермам. Объявили войну. Побросали они жён и детей. Взялись за ружьё и пошли в поход, захватив только самое необходимое. Вскоре собралось их до 30 000. Английских войск было тысяч 20, под командой **Буллера**. Поражение их было полное. У буров армия была не регулярная, но свежая, полная сил и с большим подъёмом духа. Все очевидцы могут подтвердить, что за чудеса в то время проделывали буры.

3 марта днём к нам привезли больного **Рикарди (Риччиарди)**, команданта итальянского отряда.

6 марта разнесся слух о небывалом поражении англичан. Буры заволновались, говорили, что 500 человек сдались со своим генералом – **Китченером** или **Робертсом**. На следующее утро оказалось, что эта блестящая победа просто не на чём не основанная выдумка – и только. К вечеру того же дня у нас было очень оживлённо – приехал голландский санитарный отряд и привёз много новостей¹¹⁴.

Она же оставила и небезынтересные замечания об отношении чёрного населения к хозяевам-африканерам:

В подлинности услышанного о ненависти **кафров** к бурам мы легко могли убедиться. Когда наш отряд прибыл в Ньюкасл, нам нужны были для чёрной работы **кафры**. Мы отправились к местной администрации, чтобы узнать, какие для сего существуют здесь условия. Оказалось, что они весьма несложны – **кафру** буры дают шиллинг (12 пенсов) в неделю, питаться должен он сам, – на то он и **кафр**, чтобы промыслить себе, что поест. Помещения для жилья **кафру** тоже не полагается – на то он и **кафр**, чтобы спать во дворе. Врачебной помощи оказывать ему тоже не полагается. Бур никогда не ляжет в госпиталь с чёрным. Таким обращением буры вряд ли могут вызвать к себе расположение **кафров**¹¹⁵.

О продвижении санитарного отряда РОКК к театру военных действий их непосредственному начальству в Санкт-Петербурге докладывалось постоянно:

Черновик.

Кремеру (неразборчиво) февраля 1900 г. № 1294.

Милостивый государь

Оскар Карлович.

В ответ на письмо от 8 сего февраля № 697 поспешаю уведомить Ваше Высокопревосходительство на основании только что полученной мною телеграммы из Претории, что сани-

тарный отряд русского Красного Креста находится ныне в Ньюкасле (Newcastle) близ границ Наталя.

Примите¹¹⁶.

Эбергардт оставил интересные записки о работе непосредственно у линии фронта в Гленко:

Выше уже указано было, что для обеспечения госпиталя больными, ввиду местных особенностей постановки военно-медицинского дела, нужно было находиться в самой тесной связи с передовыми перевязочными и медицинскими пунктами в лагере или на поле сражения. Необходимость этой связи особенно сильно ощущалась нашим русским отрядом, снаряжённым огромным в сравнении с другими отрядами числом персонала и большими запасами перевязочных и медицинских средств, к коим присоединились ещё другие предметы и припасы, так предусмотрительно представленные в наше распоряжение Военно-медицинской комиссией Трансвааля. Перед нашим отъездом из Претории в медицинской комиссии совместно с уполномоченным Российского Общества Красного Креста было решено, чтобы об открытии нашего ньюкаслского госпиталя тотчас же были извещены медицинская комиссия и главная квартира командующего армией Трансваальской республики генерала **Жубера** и затем немедленно же двинуть сформированный передовой отряд к реке Тугеле под Колензо. В Ньюкасле же нужно было достать необходимые средства для перевоза и движения в поле, в чём медицинская комиссия также обещала своё содействие. К сожалению, по разным причинам, передовой отряд наш, в состав которого назначались я и врач наш отряда доктор **Давыдов** и для которого мы в течение двух дней выделили всё необходимое из имевшегося лазаретного имущества, очень долго не получил возможности двинуться в путь именно главным образом вследствие несвоевременного приобретения перевозочных средств (лошадей, мулов и экипажей). В то же время, как, например, некоторым волонтёрам-воинам, приехавшим

в Трансвааль буквально без копейки, удалось при содействии и на счёт Трансваальского правительства в несколько дней сформировать и снабдить всем необходимым целые отряды воинов, наш отряд, снабжённый достаточными денежными средствами, тщетно ожидал почти целый месяц высылки упомянутых средств транспорта. Почти целый месяц пришлось нам в Ньюкасле, в прекрасно устроенном госпитале, сидеть в сравнительном бездействии (за февраль было всего 103 амбулаторных и 12 стационарных) и видеть, как раненых, конечно не всегда без ущерба для их здоровья, провозили по железной дороге через Ньюкасл, минуя наш госпиталь и подвергая их всем тягостям транспорта в отдалённые от театра военных действий госпитали Претории и Йоханнесбурга. О существовании нашего ньюкаслского госпиталя главная квартира генерала **Жубера** была извещена в последних числах февраля месяца. По наведённым мною справкам в бюллетенях Трансваальского медицинского справочного бюро за время от 6 февраля до 24 февраля в разных сражениях на реке Тугеле и под Колензо (5, 16, 17, 18, 20 и 27 февраля) буры имели 104 убитых и 400 раненых, а из последних – 14 умерших вскоре от ран. Из всего этого огромного числа раненых наш ньюкаслский госпиталь получил на своё попечение только шесть, и то благодаря случайному личному знакомству с ездившим с санитарным поездом врачом, который передал нам раненых по тяжести своего состояния уже неспособных к дальнейшему транспорту по железной дороге. Теперь известно, что после снятия осады Ледисмита на восточном театре войны настало сравнительное затишье в военных действиях и дальнейшие потери буров были уже незначительны. Таким образом, возможность получения такого огромного и в военно-хирургическом отношении весьма интересного клинического материала исчезла безвозвратно. На западном же театре войны уже в это время устроились и действовали с успехом другие отряды (немецкий, голландский, швейцарский, русско-голландский и др.) и нам оттуда никак нельзя было доставить больных в наш ньюкаслский госпиталь, даже если бы туда был направ-

лен передовой отряд с нашей стороны. К этому ещё нужно добавить, что первоначально предполагалось окончить к 1 мая нашу деятельность в Трансваале, следовательно, в случае закрытия ньюкаслского госпиталя и перенесения всего отряда (весьма неподвижного вследствие особенности его организации) на западный театр войны, мы только и проводили бы время в переезде, укладывании и распаковывании имущества. Ввиду последнего обстоятельства, нужно было остаться госпиталю на своём месте и сформированный передовой отряд выслать в Гленко, куда в конце февраля перенесена была главная квартира командующего войсками республики и где находились остатки главных сил восточной армии буров.

Благодаря содействию прикомандированного по просьбе уполномоченного Российского Красного Креста Военно-медицинской комиссии к нашему отряду агента (бывшего миссионера, занимающегося в Трансваале врачебной практикой), глава известной торговой фирмы **«Т.В. Бэккетт и К»**, он же член Трансваальского Общества Красного Креста, предоставил в распоряжение нашего отряда имущество и персонал сформированного им ещё в самом начале войны санитарного отряда (амбуланса). Члены этого амбуланса, известного под названием: **Bekets Sectie von het Transvaalse Ruvd Kruis**, были молодые чиновники фирмы **Бекетта** и некоторых других частных учреждений. Во главе амбуланса стоял врач-трансваалец, получивший специальное медицинское образование в Англии. Молодые люди, числом 6, были все обучены первой подаче помощи раненым на особых, существующих в Трансваале в мирное время курсах для самаритян; двое из них, сыновья врача, были раньше оспопрививателями и дантистами, но все они знали своё дело полевых носильщиков превосходно и, кроме того, как истые африканеры, отличались ловкостью в обращении с инструментами для разных работ домашнего обихода. 3 марта нового стиля началась совместная с этим отрядом деятельность и продолжалась до 20 марта с участием лишь одного русского врача (доктора **Давыдова**), 1 фельдшера и 2 русских санитаров. Врач-трансваалец

также остался при отряде; точно так же и вышеупомянутый агент-миссионер принимал участие в деятельности отряда как врач. О деятельности этого комбинированного врачебного отряда могу сообщить, что он за короткое время от 3 марта до 20 числа того же месяца успел принимать в амбулатории, лечить стационарно и отправлять в наши госпитали в Ньюкасл и Фольксруст всего 1007 больных (с 1180 посещениями). Хотя благодаря слишком самостоятельному участию агента-миссионера в диагнозе и отправлении больных в госпитали, иногда попадались или совсем здоровые, или не подлежащие госпитальному лечению, тем не менее нужно считать начало деятельности этого отряда началом оживления деятельности наших госпиталей в Ньюкасле и Фольксрусте.

20 марта передовой отряд в Гленко поступил в моё заведование, которое продолжалось лишь 8 дней и затем, после трёхнедельного перерыва, во время которого здесь занимались поочерёдно врачи нашего отряда доктора **Давыдов** и **Гольбек**, 16 апреля было возобновлено и уже с этого времени я находился при передовом отряде неотлучно до 7 июля.

Главная квартира командующего войсками Южно-Африканской Республики генерала **Луи Бота** в марте месяца была расположена вокруг станции Натальской железной дороги Гленко (Glencoe), в центре позиции буров в горах Биггарсберг. Крайние позиции центра находились от этой станции приблизительно в 10 или 15 верстах. Непосредственно вокруг станции железной дороги расположены были команды специальной полиции, резервная часть артиллерии, корпус разведчиков **Эвардса**, иностранные волонтеры под командованием господина **Ганецкого**, штаб и небольшие команды иностранцев при генерале **Лукасе Мейере**. Затем уже менее интересные нас команды: Претория, Крюгерсдорп, Миддельбург, Зоутпансберг, ирландская бригада волонтеров и немецкие волонтеры расположены были на северной стороне Биггарсбергов. Наш передовой отряд расположился почти непосредственно около рельсового пути боковой железнодорожной ветви, ведущей из Гленко в Денди, в 200 шагах от этой стан-

ции железной дороги. Здесь стоял небольшой дом со службами, оставленный жителями, в нём и на дворе в палатках поместился наш амбуланс. Расстояние от амбуланса до лагерей вышеупомянутых дальних команд было от 3 до 8 вёрст. Ко всем лагерям вели хорошие дороги, удобные для проезда в экипажах и верхом. Такое месторасположение нашего амбуланса, к которому вели все дороги, оказалось очень удобным для буров и не применило оказать хорошие последствия тем, что со времени открытия нашей деятельности до снятия лагерей наш амбуланс приобрёл наибольшее, в сравнении со всеми прочими передовыми отрядами, число больных.

Обоз наш состоял из 3 лазаретных линейек и одной телеги (trolley). Лазаретные линейки импровизированы были из повозок для транспорта мебели и очень напоминали наружным видом наши русские лазаретные линейки, употребляемые в пехотных полках. Между прочим, они отличались тем, что внутри нет боковых опускающихся скамеек. Носилок при каждой линейке шесть: внутри прикрепляется одна пара на середине высоты (так в тексте. – *Прим. авт.-сост.*) на опускаемых с боков прутьях, другая пара лежит на полу, третья, запасная, прикрепляется под низом экипажа. Носилки эти снабжены невысокими колёсиками и на одном конце (головном) прикрепляется небольшой складной из красного брезента кузов для защиты головы от влияния солнечных лучей. Особенность этой лазаретной линейки составляет также тормоз, управляемый педалью у кучерского сидения так, что одновременным придавливанием деревянных кубиков на все 4 колеса, последние перестают вращаться; задние колёса выше передних. Телега – соответственно нашей русской санитарной повозке – длинная, с брезентом, служила для перевозки палаток, провианта и прочего лазаретного имущества. К линейкам и телеге припрягались 3 или 4 пары мулов, смотря по величине и силе последних. Кроме 30 мулов (22 для одной запряжки и 8 запасных) при амбулансе находились лошади для верховой езды – у каждого санитаря своя собственная. Для ухода за лошадьми и для прочей шорной работы при амбулан-

се находились 6 **кафров**. Все (неразборчиво) был инвентарь **Беккета**; мы же из русского отряда, кроме вышеупомянутой палатки, прибавили к этому хирургические инструменты в количестве, достаточном для неотложных и необходимых операций (в том числе и ампутации набор), дезинфекционный аппарат профессора **Турнера**, фильтр **Беркефельда**, аптеку, аптечную посуду, самые необходимые лекарства, преимущественно в форме дозированных таблеток; затем ещё консервы мясные и молочные, некоторый запас вина и водки, чай, сахар и кофе. Кроме того, имелось ещё 25 полевых разборных носилок, одеяла, подушки и по одной смене нижнего белья на 10 человек. Большая часть имущества (походная мебель, палатки, утварь хозяйственная и прочее), выделённого первоначально нами из ньюкаслского лазаретного имущества для передового отряда, теперь не была нами взята, вследствие изменившихся обстоятельств по приобщении к нам амбуланса **Беккета**. По прибытии моём в Гленко врач-трансваалец, бывший до того при амбулансе **Беккета**, ушёл, получив от Военно-медицинской комиссии другое назначение; прекратил свою врачебную деятельность при отряде также и агент-миссионер и за неимением у меня в нём надобности уехал в Ньюкасл. При мне в качестве помощника остался один классный фельдшер (русский), 2 санитары русских и 6 санитаров-буров. Будучи теперь совершенно самостоятелен, я установил следующий порядок службы: больные должны были пользоваться амбулаторно и стационарно, последний вид пользования должен был сократиться до минимума и быть по возможности непродолжительным: наивозможно скорая эвакуация приёмного покоя нашего передового отряда должна была быть исходным пунктом успешной деятельности его. Амбулаторный приём больных ежедневно начинался с 7 часов утра и продолжался целый день до заката солнца, то есть до 6 часов пополудни; между 1 и 3 часами пополудни делался перерыв, так как в это время во всём лагере строго соблюдается обеденный отдых и только крайняя необходимость могла их заставить посещать амбуланс в это время.

Фельдшер работал в аптеке, отпуская при мне лекарства и помогая также при перевязках, санитары-русские помогали при непосредственном уходе за больными, санитары-буры разносили пищу, один из них следил также за приготовлением пищи, двое ежедневно отправлялись с лазаретной линейкой в лагерь для привоза и отвоза больных, перевозили больных на станцию железной дороги, а всех труднобольных, отправляемых в наши госпитали в Ньюкасл и Фольксруст, санитары наши сопровождали в железнодорожном поезде до места назначения. Над всеми санитарями-бурами был поставлен как старший господин **Фишер**, чиновник фирмы **Беккета**, очень энергичный и расторопный человек. Он же заведовал всем, что касается хозяйственной части и имущества, принадлежащего амбулансу **Беккета**; все требования, отправляемые мною комиссариату для получения провианта, контрассигновывались¹¹⁷ им также. Господин **Фишер** распределил также между санитарями-бурами ответственное ведение отдельными отраслями нашего хозяйства. Ввиду того, что команда округа Миддельбурга не имела своего врача, лишь передовой отряд, по предложению Военно-медицинской комиссии, принял на себя обязанность обслуживать в санитарном отношении эту часть особо, помимо нашей деятельности, посвящённой больным во всех командах, расположенных вокруг главной квартиры при Гленко. Деятельность наша, имея по отношению всех этих команд преимущественно терапевтический характер, должна была по отношению к Миддельбургу расшириться ещё попечением о санитарном благосостоянии лагеря этой команды в общегигиеническом отношении. Для сего я отправился на другой же день моего прибытия в Гленко, в означенный лагерь, расположенный у подножия горы Нидумени. Лагерь этот может служить типом всех остальных команд, расположенных в горах Биггасберга, и поэтому я останавлиюсь на более подробном его описании. Уже по дороге от нашего амбуланса к лагерю я встречал небрежные трупы павших животных в состоянии разложения и поэтому распространяющих сильное зловоние. Но вот, подъ-

езжая ближе через небольшую с мутноватой водой речку к скопищу разбросанных в разных направлениях палаток и телег, называемому лагерем, я убедился, что зловоние ещё более усиливается, и для непривычного человека на первых порах становится невыносимым. Начиная от берега речки, в небольшом расстоянии от коей находились первые палатки, вокруг всего лагеря тянулись кучи отбросов от зарезанного для получения мяса скота вперемешку с трупами павших животных. Буры расположили свои огромные фургоны в виде неправильного четырёхугольника в неравном расстоянии друг от друга, обращая дышла фуры к наружи, а зад к центру. Между фургонами и позади их стояли самого разнообразного типа палатки. Середину лагеря между палатками занимали места для ночной стоянки огромного числа вьючного и убойного рогатого скота, лошадей и мулов. Известные уже по многочисленным описаниям, огромные бурские фургоны нагружены всяким добром, провиантом, одеждой, подушками, столь излюбленными у буров шерстяными одеялами, сундуками и даже мебелью, как столы или стулья, и, наконец, даже в числе обитателей этих фургонов находилась домашняя птица: куры и гуси. Многие из буров, не имея палаток, помещались в этих своих фургонах или под ними на земле. В палатках, построенных большей частью из не особенно прочной парусины, особой тесноты не замечалось: пол обыкновенно устилался или сухой травой, или одеялами и матрасами, обшитыми на нижней стороне непромокаемой клеёнкой. Вокруг палаток и фургонов, на импровизированных из сложенных камней очагах горели огни и готовились в котлах и на всевозможных сковородках пища: здесь варили кофе и жарили мясо, там варят и жарят картофель, пекут из пшеничного теста пышки и лепёшки, поджаривают хлеб на масле и так далее. Банки и жестянки из-под всевозможных рыбных, мясных, молочных и фруктовых консервов, кухонные отбросы, кости, мусор – всё это в изобилии валялось тут вокруг да около костров и палаток. Во всей это кухонной сутолоке мне бросилось, однако, резко в глаза отсутствие свежей кухонной зе-

лени и овощей, и действительно, в это время в последних ощущалась нужда, зато свежее мясо и жир были в избытке. Питьевую воду буры брали из упомянутой речонки около лагеря, но и тут замечалось опять почти невероятное отступление от самых примитивных правил гигиены: в то время как выше по течению этой речки **кафры** производили стирку белья и одежды и таким образом загрязняли воду миддельбургцы, а также их соседи Крюгерсдорпской команды брали питьевую воду в нескольких десятках шагов ниже по течению. Было, конечно, немало людей, которые пили эту воду в сыром виде, не подозревая могущей произойти отсюда опасности для их здоровья. Точно так же некоторые без всякой нужды расставляли свои палатки в болотистых местах, около речки, лишь бы только находится ближе к другим палаткам общего лагеря. Одеждой и обувью буры были снабжены более чем в достаточном количестве, весьма хорошего качества. Вязанные, бумажные и шерстяные рубашки и фуфайки были надеты на большинстве людей, предохраняя их от влияния господствующих здесь резких перемен в температуре дня и ночи. Наружный вид у большинства буров здоровый, их в Миддельбургской команде было во время моего осмотра приблизительно от 600 до 700 человек различного (от 15 до 70-ти летнего) возраста. Замечательно было видеть, что во всём лагере господствовала полная трезвость обитателей и сравнительно тихий и скромный тон в поведении этой толпы вооружённых буров. Молодёжь и средний возраст забавлялись игрой в крокет и чехарду, старики, сидя небольшими кучками вместе и попивая излюбленный напиток буров – кофе, читали газеты или слушали чтение их, иные же, по-видимому, были заняты совместным обсуждением своих общественных дел. Такой вид лагеря был не исключительный: в соседних было то же устройство, те же погрешности против требований гигиены. Большой порядок и чистота видны были у команды специальной полиции, расположенной около станции железной дороги, в непосредственном соседстве с нашим амбулансом: здесь палатки были расставлены в известном по-

рядке, в форму буквы П, расстояние между палатками от 3 до 4 саженой, около палаток было прибрано. Но убой скота для мяса происходил также в непосредственном соседстве задних палаток, и мясные отбросы, переходя в разложение, распространяли зловоние, доходившее до нашего амбуланса. Особенность лагеря специальной полиции была ещё та, что здесь приютились во многих палатках также жёны и дети буров. Такое отсутствие благоустройства в лагерях не могло пройти бесследно для здоровья их обитателей, несмотря на уверение буров о своей выносливости, и должно было привести к развитию эпидемических болезней, случаи которых стали появляться всё чаще после основания лагеря под Гленко. Я поэтому счёл нужным предупредить об этом буров и советовал взяться за уборку и более широкое размещение лагерей и позаботиться о чистоте питьевой воды, затем доложить командующему армией генералу **Луи Бота** о результатах сделанного мной осмотра лагеря и о мерах, необходимых, по моему мнению, для установления гигиенического благоустройства в нём, предупреждая генерала о возможности эпидемического распространения инфекционных болезней, особенно тифа, среди его войск. Командующий войсками, поблагодарив меня за сообщение, тут же немедленно отдал приказ всем собравшимся в этот день для военного совета комендантам и фельдкорнетам озаботиться об уборке лагерей в смысле сделанных мной указаний. Хотя после этого и наступила некоторая перемена в лагерях, Миддельбургская команда разместилась шире и на более возвышенном месте, впрочем отчасти и по стратегическим причинам, вследствие ухода одной соседней команды (Крюгерсдорпской) на западный театр войны, всё же нельзя было заметить значительных улучшений. Буры о военно-санитарном деле имели такие же скромные понятия и сведения, как и военном искусстве, основанных на началах научных, и теперь в войне с первоклассной европейской державой не сразу могли расстаться с обычаями и порядками, имевшими у них место в прежних партизанских войнах с **кафрами**, когда продолжительные стоянки в лагерях на од-

ном месте встречались чрезвычайно редко и уборка лагерного места предоставлялась птицам, огромным орлам, поедающим падаль (Aasvogel). Гигиеническое значение этих птиц ценится бурами высоко и по законам Трансвааля убийство такого орла влечёт за собой высокий денежный штраф, налагаемый по суду. После снятия осады Ледисмита некоторые санитарные отряды (в том числе голландский) так поспешно отступали, что потеряли своё лазаретное имущество, вследствие чего им пришлось временно, до получения новых средств, прекратить свою деятельность. Это обстоятельство для буров выбранного нами места для амбуланса привели к тому, что больные стали к нам прибывать в большем количестве и после того, как личный состав восточной армии буров, вследствие перенесения нескольких больших команд (Крюгерсдорп, Зоутпансберг, иностранные волонтеры и другие) на западный театр военных действий, стал значительно уменьшаться. Директива транспорта больных из Натальской армии находилась почти всецело в руках русского передового отряда, через который направлялись больные и из санитарных отрядов дальних команд левого крыла восточной армии. Наши постоянные госпитали в Ньюкасле и Фольксрусте одно время были переполнены, так что Фольксруст должен был просить нас остановить временно присылку больных, которых пришлось поэтому уже направлять в Преторию и Миддельбург. Предположения мои о возможности развития эпидемии инфекционных болезней (тифа и др.) стали осуществляться. Количество амбулаторных больных с расстройством пищеварительного аппарата (запор и понос) вследствие однообразия мясной пищи, было тоже значительное в сравнении с болезнями других органов. Занесённый больными из команды Миддельбург в родной город и дистрикт брюшной тиф стал быстро там распространяться среди мирного населения и потребовалось не мало жертв, так как в городе Миддельбурге в это время не было врача. В газетах печатались воззвания к врачам с просьбой кому-нибудь поселиться в городе Миддельбурге для помощи населению, где уже было около 400 ти-

фозных. Естественно, что вызываемое этим обстоятельством угнетённое состояние духа буров способствовали тому, что многие изъявляли желание возвратиться домой к своим фермам и при малейшем заболевании стали одолевать просьбами об увольнении по болезни в отпуск. Задача врача, облечённого ответственным доверием, при этих обстоятельствах становилась весьма трудной, тем более что благодаря несомненным случаям злоупотреблений, совершённых в этом отношении некоторыми лицами, хотя и не врачами, но исполнявшими функции врачей в Трансваале, доверие к свидетельствам врачей подвергалось большим колебаниям: в трансваальских газетах издевались над лицами, сидящими дома с докторскими свидетельствами в кармане, в то время как их сограждане проливают кровь за свободу и независимость республики. Ряды Миддельбургского лагеря сильно поредели и к началу мая месяца в этой команде было не более 300 человек в строю, когда заболевания тифом стали встречаться здесь реже; теперь начали чаще появляться больные в Преторийской команде, которая, кстати здесь будет сказано, наиболее придерживалась прежних антисанитарных беспорядков в своём лагере, хотя место расположения его на возвышенности и возможность легче достать чистую питьевую воду должны были заставлять ждать противного. Что касается стационарного пользования тифозных в приёмном покое передового отряда, то оно носило характер экспетативный и обыкновенно ограничивалось наблюдениям в течение наивозможно короткого срока времени (1–2 дня) для выяснения диагноза, по установлении коего больные отправлялись уже в соответствующие их положению госпитали. Из 37 тифозных, посланных мной в госпитали, таким образом, 25 пользовались предварительно стационарно в передовом отряде. И по отношению к прочим больным я держался того же образа действия, допуская большой срок пребывания в нашем амбулансе в виде исключения только больным, могущим пользоваться по роду их болезни пищевым довольствием и обстановкой, от лагерной не особенно отличающимися. Имея в своём распоряжении лишь не-

большой запас больничного белья, предназначенный для экстренных случаев, я должен был принимать в амбулансе больных в собственном белье и одежде. Давались им только одеяла и подушки. Во избежание же загрязнения постелей, больных заставляли ложиться без сапог в постель, затем после выписки каждого больного из амбуланса постель его вывешивалась на солнце и чистилась. Только в случаях подозрения на серьёзное заражение, подушки освобождались от соломы, а наволочки вываривались в кипятке. Сушка белья, благодаря благоприятным метеорологическим условиям, затруднения не представляла. Пищевое довольствие для больных должно было ничем не отличаться от такого для здоровых. Только для подозрительных инфекционных больных у нас были в запасе молочные блюда и овсянка. Военно-медицинская комиссия распорядилась также о предоставлении нашему амбулансу одной дойной коровы для замены не по вкусу пришедшихся имевшихся у нас в изобилии шведских и швейцарских молочных консервов. Я упоминаю об этой «роскоши» для передового отряда, конечно, не потому, чтобы считать это достойным подражания, а лишь для характеристики своеобразной военной жизни буров, которые набиранием всевозможного скота, увеличивающего обоз и осложняющего походное движение, не привыкли стесняться. Характеристика внутренних болезней, наиболее часто встречавших в нашей амбулатории и в приёмном покое передового отряда в Гленко, не отличается ничем особенным от особенным от описанной выше при обзоре ординаторской деятельности моей в Ньюкасле. Из болезней хочу ещё указать на имевшиеся 23 случая язвы на руках. Язвы эти замечательны тем, что они получаются исключительно у кавалеристов, по всей вероятности, вследствие трения грязных поводьев об кожу рук. Появляющийся сначала маленький пузырёк быстро лопается и образует поверхностную язву, плохо гранулирующую¹¹⁸ и покрытую легко отпадающими струпиками, под которыми находится гнойно-серозная жидкость. Язвы эти имеют склонность умножаться и переходить постоянно с тыльной поверх-

ности руки, где они обыкновенно впервые являются, на ладонную, а также и далее вверх на кожу предплечья. Имея очень слабую склонность к заживлению и сопровождаемые болью, они составляют подчас очень мучительное страдание в остальном здорового человека. Обыкновенно лечение этих язв состояло из тщательной очистки и наложении влажной спиртовой повязки **Зальцведела**, что приводило к скорому исцелению.

Небольшое число (9) огнестрельных поранений среди наших больных объясняется тем, что за время нашего пребывания в Гленко буры вообще бездействовали. Мелкие стычки бурских патрулей с английскими обходились большей частью благополучно для буров, возвращавшихся зато весьма часто в лагерь с взятыми в плен английскими патрулями. Убитыми буры потеряли за это время 2: одного итальянца во время ночного нападения отряда волонтеров-разведчиков под командой **Рикарди** на английские аванпосты, и затем одного артиллериста в день отступления из Биггасбергов. 20 и 21 апреля мне вместе с передовым отрядом (из русских при мне были классный фельдшер **Маслов** и запасной унтер-офицер лейб-гвардии Егерского полка **Голев (Головлев)**) пришлось сопровождать войска буров при наступлении их на Эландслагте, где англичане заняли позиции после последней стычки с бурами 10 апреля на реке Сандривере. Это обстоятельство дало мне возможность практически заняться решением задачи о выборе места и об устройстве перевязочного пункта на поле сражения. Место предположенного столкновения воюющих сторон находилось в 25 километрах от Гленко. Выбранное мною место для стоянки 3-х лазаретных линеек и 1-й палатки по сию сторону реки Сандривера (в 100 шагах от воды) и непосредственно около дороги, ведущей в Гленко, оказалось очень хорошо прикрытым отвесными холмистыми высотами и в то же время наивозможно близко было придвинуто к передовой линии огня, именно на два километра. Лазаретные линейки стояли вне линии направления неприятельского артиллерийского огня и снаряды не могли попасть в это место

(мёртвый угол); за весь день один лишь снаряд упал в 50–70 саженьях от линейки. Далее отправившись от нашего перевязочного пункта впредь к стрелковой линии буров, которая подвергалась обстреливанию английской артиллерией, я вместе с фельдшером **Масловым** ближе ознакомился с обстановкой боя, при которой приходилось быть для наложения первой повязки. Канонада, начатая по позициям буров с 6 часов 35 минут утра, продолжалась с небольшими перерывами до 4-х часов пополудни, не поранив ни одного человека из собранных здесь 2000 буров; потери их ограничивались одной убитой двумя выстрелами лошадью. Получив приказ возвратиться к своим первоначальным позициям в Биггагсберге, войска направились в 4 часа пополудни обратно в Гленко; вместе с ними возвратился и наш передовой отряд в свой лагерь к обычной своей деятельности¹¹⁹.

Врач санитарного отряда РОКК так описывал работу своих непосредственных подчинённых, сравнивая её с положением дел в других санитарных отрядах:

Всеми лекарствами, перевязочным материалом, медицинскими предметами снабжало центральное правительство по мере нужды и требований. Но при всем этом виденные мною 5 таких госпиталей позволяли желать многого, что я приписываю исключительно качествам заведующих ими врачей и неподготовленность низшего медицинского персонала, охотно и усердно готового работать для пользы дела. Такой госпиталь в городе Фольксрусте, на самой границе Наталя, вскоре пришлось принять и мне с доктором **Садовским** от местного частного врача, временно заведовавшего им. Кроме бывшего уже там местного медицинского персонала, в помощь нам из нашего отряда было назначено сначала две, а позднее три сестры, фельдшер и три санитары. Госпиталь, принятый нами в печальном состоянии, почти пустой, хотя и носивший громкое название Central Hospital Volksrust (Централь-

ный Фольксрустский госпиталь), мог вместить до 20 больных. Нами он был приведён в приличный вид, расширен до 53-х кроватей, и работал при нас с 26 января по 17 мая настоящего (1900 г.), когда ввиду наступления англичан из Наталя и отступления буров, его пришлось закрыть и самим уходить на север к Машададорпу. За время нашей работы в нём лежало 484 коечных больных, из которых было 124 хирургических и 57 раненых, а амбулаторно нами было принято 2117 больных, в числе которых раненых было 196. Из всех больных умерло пять, а именно: один раненый, имевший пулевое ранение головного мозга и прибывший уже в безнадежном состоянии, трое тифозных и один дизентерик, пролежавший у нас лишь несколько часов. Прочие или выписались здоровыми, или были эвакуированы в другие госпитали или по домам. И наш госпиталь помещался в гостинице Transvaal Hotel и двух соседних зданиях, содержался за счёт правительства, служил одновременно и госпиталем, и амбулаторным, и этапным пунктом по натальской железнодорожной линии и заслужил отличную репутацию своей работой. А при расставании местные наши сотрудники горячо благодарили нас врачей и сестёр наших за работу и за то, что они от нас научились многому в деле ухода за больными и ранеными.

Кроме подобных местных госпиталей, европейскими и главным образом голландскими отрядами Красного Креста были устроены несколько передовых полевых госпиталей, обычно близ последней к фронту железнодорожной станции, подававших первую помощь больным и раненым, лечивших не залеживавшихся, более лёгких из них и затем эвакуировавших их по дальнейшим лечебным пунктам. Такие госпитали были при Моддер-Спруйте, Гаррисмите, одно время наш в Фольксрусте, Бальморале и так далее. Эти госпитали по большей части и снабжены были, и содержались на средства отрядов Красного Креста.

Нашим главным отрядом, выделившим нас в Фольксруст, был также принят в своё ведение местный госпиталь в Ньюкасле, который им был закрыт, а взамен его был устроен

вновь большой образцовый госпиталь – русский, работавший на средства Красного Креста, пользуясь лишь некоторой помощью от правительства в виде кое-каких пищевых продуктов. От этого отряда позднее был ещё выделен небольшой передовой отрядик, игравший роль не то амбуланса, не то передового госпиталя в Гленко¹²⁰.

Приведём и письмо одной из российских сестёр милосердия:

Из Трансвааля

(из письма сестры милосердия)

Сижу на первом ночном дежурстве, первые петухи начинают петь¹²¹, кругом всё тихо, все больные спокойно спят.

Мы ещё не совсем окончили устройство своего госпиталя, который по помещению будет настоящим дворцом, а два дня работаем из любезности в местном ньюкаслском; лишний раз приходится пожалеть, что я мало владею английским языком: большая часть жителей говорит на языке своих врагов. Два часа тому назад приняла двух больных, приехавших с места военных действий; мне кажется, что они не особенно больны, и скорее у них явилось довольно понятное желание отдохнуть от тяжёлых условий боевой жизни. Целый день вчера провели в довольно варварском занятии; выбрасывали всё вещи, между прочим, много чудных книг, которые находились в занятом нами монастыре; начали было (отчасти по моему настоянию) складывать всё вещи по категориям, начатые вышивки и другие рукоделия в одно место, книги и картины в ящики, как вдруг разнеслась весть, что к нам направлено 36 больных. Известие это, само собой разумеется, вызвало всеобщий переполох: занавески стали срываться, ковры энергично выбрасываться; в конце концов, известие было ложное, и я с усталыми ногами отправилась на дежурство.

Стрекотание кузнечиков так и врывается в открытые окна, так что не утерпишь и нет-нет, да выйдешь полюбоваться лунной ночью. Кое-где заржёт мул или попросту замы-

чит корова, а потом всё погружается в торжественную тишину. С сожалением думаю, что скоро мы будем лишены этого утешения десятичасовой неги, так как большей частью больные будут размещены во втором этаже здания, когда уже, конечно, не спустишься в сад.

Мы, сёстры, заняли помещение монахинь доминиканского ордена; это громадная зала, занимающая весь третий этаж; вдоль стен устроен ряд кают, задерживающихся белыми занавесками; каждая из нас заняла по два таких помещения, в одном из них – спальня, а в другой – род маленькой гостиной; в мебели, зеркалах и гравюрах недостатка в монастыре не оказалось. Посредине комнаты стоит круглый стол для чаепития и пианино – не очень-то это походит на лагерный бивуак, хотя сильно смахивает на описание покинутых жилищ (войны) двенадцатого года. Докторам был предложен дом убежавшего англичанина, в нём остались недописанные книги, разбросанные игрушки и даже не убранное серебро, другой же дом, предоставленный в наше распоряжение, вмещал полный зубоврачебный кабинет со всеми аккуратно разложенными инструментами, даже пломбы и мастика остались на месте. По странной случайности судьбы мы первую ночь провели в гостинице Солсбери, существующую благополучно под американским флагом. Очень небольшая часть нашего отряда осталась в Фольксрусте. Там сначала предполагали основаться более серьёзно. Два доктора с фельдшером и двумя или тремя санитарями должны на днях попробовать проехать на самый театр войны. Если возможно будет устроить перевязочный пункт, то, может быть, выпишут кого-нибудь из сестёр.

Очень интересно слушать рассказы побывавших под гранатами на самом поле действий, невольный страх и чувство самосохранения охватывает положительно всех новичков.

Находясь в самой стране, обыкновенно знаешь меньше, чем за границей; всё же по всем имеющимся данным положительно трудно сказать, на какой стороне больше шансов.

В Претории нас нагнал русско-голландский отряд, который сделал впечатление людей между собой перессоривших-

ся. Если будет много работы, то командировка, может, протянется до июля.

С.¹²².

Поучительные сведения не только об общем положении дел, но и о состоянии медицинской части у буров сообщал и административный секретарь отряда штабс-капитан **Потапов**:

Санитарный отряд Красного Креста прибыл в Преторию 13/25 января сего года. В это время правительственная медицинская комиссия, от которой зависело назначение отряда на тот или другой пункт театра военных действий, не имела точных сведений о числе больных и раненых в разных лагерях и о предполагаемых действиях союзных войск.

Председатель вышеназванной комиссии, господин **Якобс**, сказал мне, что он немедленно потребует необходимые сведения от всех генералов, но едва ли эти сведения придут скоро.

30 числа, узнав, что подполковник **Гурко** уезжает через час в лагерь под Ледисмитом, я обратился к доктору **Кускову** с просьбой уволить меня на несколько дней, на что и получил разрешение.

При содействии подполковника **Гурко** мне удалось получить паспорт и уехать с поездом, отходившим в тот же день вечером. 8 февраля, в 1 час дня, во время боя, я оставил подполковника **Гурко** на позиции на горе Спионскоп и выехал на встречу санитарному отряду, который, по полученным мною сведениям, двинулся из Претории в город Ньюкасл. 9 числа на одной из станций железной дороги я встретил отряд и вместе с ним вернулся в Ньюкасл. Часть отряда (1 врач, 2 сестры и 2 санитары) была оставлена на станции Фольксруст (к северу от Ньюкасла, на границе Наталя) для открытия местного госпиталя. В Ньюкасле под госпиталь местными властями был отведён оставленный англичанами местный монастырь. В течение нескольких дней трудом чинов отряда из монасты-

ря был устроен госпиталь с несколькими отделениями и мас-сой палат. Санитары работали очень много. Один из санитаров заболел, по заключению врачей, от переутомления. 1/13 февраля мною было принято имущество местного госпиталя, и в тот же день больные (6 человек) были переведены к нам в госпиталь. Трудно было ожидать, что число больных в госпитале сильно возрастет, так как в Ньюкасле с занятием города бурами осталось не более 200 человек жителей, больные других городов лечились в местных больницах, а раненые из лагеря под Ледисмитом и на реке Тугеле направлялись в Преторию или внутрь Трансвааля. Ввиду этого я доложил начальнику отряда о существующей организации военно-санитарной службы в Натале и предложил организовать передовой отряд под Колензо, откуда мы могли бы направлять раненых для лечения в Ньюкасл.

Организация военно-санитарной службы в Натале к этому времени приняла следующий вид:

Основной организационной единицей в армии буров является лагерь. Ни высших, ни низших соединений нет. Жители каждого округа (district) образуют свой лагерь. Численность лагеря колеблется в зависимости от числа жителей в городе или округе. Каждый лагерь имеет свой лазарет (ambulance) при 1 африканском враче, помощнике и нескольких **кафрах**-носильщиках. Африканские (бурские) врачи большей частью не имеют диплома, и приезжающие сюда европейские врачи называют их знахарями. Перевозочными средствами такого лазарета являются trolley – четырёхколёсная тяжёлая повозка около 2-х сажень длины с огромным кузовом, запрягаемая 16–18 волами и служащая для перевозки материальной части лазарета и 1–2 лёгкие повозки, взятые из гостиниц или торговых домов, запрягаемые 6–8 мулами. Такие повозки во время боя высылаются на позицию, забирают раненых как своего лагеря, так и других, и доставляет их или в свой лазарет, или по дороге передают в лазареты других лагерей.

Лагерные лазареты находятся или при лагере, или на фермах. Иногда очень близко к позиции, иногда в нескольких

верстах, иногда их оказывается несколько на одном пункте и ни одного на другом. Никаких распоряжений не отдаётся и никто ими не управляет. Каждый лазарет действует по своему усмотрению. В одном лазарете больных много, в другом, близко стоящем от первого, нет ни одного раненого. Лёгкие повозки для перевозки раненых высылаются тоже по инициативе того или другого члена лазарета. То их выедет несколько, и часто возвращаются пустыми, то в течение целого дня (обыкновенно первые дни боя) ни одна не появляется близ позиции. Врачи лазарета часто уезжают в отпуск, так что иногда во время боя лазарет остаётся без врача.

Из лазаретов раненые перевозятся: трансваальцы – на станции Моддер-спруйт (между Ледисмитом и Эландслагте), где близ станции на ферме открыт госпиталь 1-м отделением отряда голландского Красного Креста; буры Оранжевой Республики – на станции Смиткроссинг (верстах в 5 к северо-западу от Ледисмита, по пути в Гаррисмит), где находится госпиталь, устроенный 1-м отделением 2 отряда голландского Красного Креста.

С 5 февраля этим же отрядом открыт передовой пункт у фермы Поткуитс (верстах в 8 к западу от Ледисмита), на пути с позиций у Спионскопа к станции железной дороги. Со станции Моддер-спруйт больные и раненые в санитарном поезде перевозятся в Преторию, где кроме 2-х правительственных госпиталей, открыт 3-й госпиталь 2-м отд. 1 отряда голландского Красного Креста. Буры Оранжевой Республики направляются на Гаррисмит, в госпиталь, устроенный 2-м отделением 2 отряда голландского Красного Креста. По желанию буры перевозятся в разные местные госпитали внутри государства или лечатся дома. С санитарными отрядами ездят местные врачи или врачи интернационального отряда (бельгийско-немецкого) Красного Креста¹²³.

Для разнообразия приведём и отрывки из воспоминаний **Садовского** о его впечатлениях о Йоханнесбурге, во время деловой поездки в столицу Южно-

Африканской Республики Преторию, куда он направлялся по делам снабжения санитарного отряда, расположившегося в Ньюкасле:

Пользуясь более свободным временем, я в первых числах апреля собрался в Преторию по делам госпиталя в Медицинскую комиссию и главный комиссариат, а на обратном пути намеревался осмотреть золотые копи. В Претории видел английских пленных; содержатся они прекрасно: офицеры в самой Претории в отличном каменном доме, бывшем училище; питание, судя по весёлым, здоровым лицам, превосходное; такое же впечатление произвели и нижние чины, помещавшиеся в цинковых бараках за городом. Можно думать, что гуманное отношение и прекрасное содержание немало способствовали тому, что англичане очень охотно сдавались в плен.

Золотые копи под Йоханнесбургом начинаются от узловой станции Эландсфонтейна, продолжаются за Йоханнесбург на север и на запад и восток до Крюгерсдорпа и Спрингса. Большинство копей стоит без работы, шахты заливают вода, машины портятся; работы во время войны были приостановлены, англичане бежали, а другие акционерные компании – французские, немецкие, американские – должны были невольно прекратить работы за неимением рабочих рук; одни **кафры** бежали, другие были командированы на военные работы – постройки батарей, рытьё траншей и тому подобное. Недосток рабочих и в мирное время очень ощутителен и тормозит разработки настолько, что за поставку на работу **кафра** администрация мин уплачивает доставившему его 3.1/2 фунта стерлингов, из чего многие уитландеры сделали целый промысел, странствуя в глубине страны и нанимая **кафров** в мины (шахты), соблазняя их водкой и высокой заработной платой. Мне удалось осмотреть мины компании Росс-Диб, богатые английские мины, которые во время войны разрабатывало трансваальское правительство.

Способ добычи золота следующий: после доставки золотоносной породы из глубины шахт и предварительного её

измельчения, песок, образующийся в толчеях, смачивается обильно водой, содержащей в растворе синеродистый кали, и стекает по медным пластинам, покрытым ртутью; золотая амальгама¹²⁴ снимается и выпаривается. Для добычи золота, успевшего раствориться в синеродистом кали, раствор пропускают через цинковые стружки; образуется синеродистый цинк, а золото оседает на стружках, цинк растворяют в серной кислоте и золото выпадает. Месячный расход на этих копях, по словам наведывающего голландского инженера, составляет 14 000 фунтов стерлингов, золота вымывается на 80 000 фунтов стерлингов.

В 1896 г. Трансвааль дал 2 497 438 унций золота, в то же время Америка дала 2 618 239 унций золота, а Австралия – 2 217 874 унций.

Кроме золота в Трансваале находятся богатейшие бриллиантовые копи, из которых многие ещё не тронуты, как, например, под Преторией обширные залежи каменного угля, много серебра, железа, меди, ещё не разрабатываемых и ждущих своей очереди¹²⁵.

Доктор **Чистович** в своём докладе говорил и о серьёзнейших неисправимых недостатках медицинской помощи в обеих бурских республиках непосредственно во время войны, несмотря на значительное число санитарных отрядов, приехавших из-за рубежа:

Оба правительственных госпиталя в Претории и Йоханнесбурге были обращены в военные центральные, в Претории же, кроме того, голландским Красным Крестом устроен был отличный госпиталь, работавший в течение всей войны.

Таким образом, часть приехавших отрядов Красного Креста работала в виде передовых амбулансов, часть учреждала госпитали в различных пунктах, при приближении англичан отступая вместе с бурами, или продолжая работать на месте и после занятия его англичанами. Наконец, часть этих же от-

рядов приняла на себя транспортировку больных и раненых с фронта по разным местным и центральным госпиталям, пользуясь для этого железнодорожными линиями.

Все время войны, до самого взятия Претории, транспортировка была исключительно в руках голландских отрядов. Им, как прибывшим раньше других, а отчасти именно потому, что они были голландцы, железной дорогой, принадлежавшей тоже голландской компании, были предоставлены несколько специальных санитарных поездов. Все эти поезда были приспособлены для перевозки больных и раненых и обставлены так хорошо, что лучшего трудно было бы и желать; имелись в них и аптеки, и перевязочные, и кухни и так далее. Но рядом с этим была и некоторая несообразность, заключавшаяся в том, что в таких поездах собственно для больных было уделено места гораздо меньше, чем для врачебного персонала поезда. Персонал этот, живший в поезде, имел в своём распоряжении по несколько вагонов – один предназначался для врачей, другой – для сестёр и так далее, тогда как собственно под больных было уделено один, много – два вагона. Подобные поезда в течение всего первого периода войны работали по обеим главным линиям, перевозя больных с восточного и южного театров военных действий. По взятии же Претории англичанами поезда эти частью были правлением железной дороги отправлены за португальскую границу к Лоренсу-Маркешу, частью же обращены в постоянный госпиталь в Нот-Гедachte, устроенный отделением голландского отряда, и служивший для лечения главным образом пленных англичан, содержащихся около этой станции. В течение почти всего второго периода войны – от взятия Претории до отступления к Дальмануте, перевозкой больных по единственной оставшейся в руках буров Делагобейской линии пришлось исключительно заведовать мне, и в это время я едва смог добыть для этой цели и приспособить два простых вагона первого класса, которые часто представляли громадные неудобства при транспортировке тяжелораненых.

В местностях, где железными дорогами для перевозки больных нельзя было пользоваться, транспорт представлял громадные трудности и неудобства. Вozить их приходилось или в фургончиках различнейших образцов, главным образом из-под товаров, о которых я уже говорил, запрягаемых мулами и представлявших ещё наименее неудобств, или в оксенвагенах – этих громадных безрессорных фургонах, запрягаемых волами и доставлявших раненым невероятные мучения на каждом ухабе, при каждом толчке. А ввиду того, что они запрягаются чуть ли не целым стадом быков – от 7 до 12 пар и управление такими быками очень трудно, то избегать толчков прямо невозможно. Передвижение идёт страшно медленно, по 3–4 километра в час. Наконец, ещё нужно сказать, что сами дороги в стране представляют из себя часто нечто совершенно невероятное, не сравнимое ни с какой самой плохой нашей грунтовой дорогой, так что здоровому человеку проехать в фургоне по такой дороге несколько часов бывает нелегко – ну, а раненому такое путешествие представляется прямо пыткой. Надо считать прямо за счастье, что, благодаря способу ведения войны и манере вести бой, со стороны буров не бывало почти никогда большого числа раненых так что, несмотря на все неудобства и недостатки транспорта, с таким небольшим числом раненых справляться ещё было возможно. Будь же число раненых больше, как это бывает в любой европейской войне, то перевозка их, хотя до ближайшей железнодорожной станции, встретила бы прямо непреодолимые затруднения.

Теперь мне остаётся рассказать о том центральном учреждении, управляющем всей врачебной помощью во время войны, которое, хотя и не по своей собственной вине, на мой взгляд, было причиной большинства недостатков, недоразумений и ошибок, только благодаря судьбе ещё не повлекших за собой крупных несчастий.

Как в мирное время, так и в течение большей части того периода войны, которого свидетелями мы были в Трансваале, почти до самого последнего времени нашего пребывания там,

всей постановкой и ведением медицинского дела в войсках и всей республики (ведала) комиссия, состоявшая из 4 или 6 членов парламента. Члены этой комиссии участвовали в ней известное время, по истечении которого замещались другими. Эта-то самая медицинская комиссия, составляя во время войны центральное медицинское управление, ведавшая всю санитарную часть в войсках и стране, представляла ту, бросавшуюся в глаза несообразность, что за время её существования, пока мы были в Трансваале, в числе её членов не участвовало ни одного врача!

Само собой понятно, что такой медицинской комиссии без участия врачей, было очень не легко ведать все дела врачебного дела, распределением медицинской помощи, предвидеть нужду в ней в различных пунктах военных действий и так далее. Для последней цели, дабы определить потребность в медицинской помощи, комиссия сплошь и рядом должна была обращаться с расспросами о нужде в ней к генералам, из которых многие сами о постановке санитарного дела не имели никакого представления, и на основании мнений этих генералов они и распределяли медицинские отряды по тем или другим частям армии¹²⁶.

Именно подобным положением дел **Чистович** и объяснял простой в работе санитарного отряда РОКК в первое время после прибытия в столицу Трансвааля:

В этом и заключалось то недоумение, которое было при нашем приезде: комиссия никак не могла решить, где мы будем нужнее и полезнее. С одной стороны, генерал **Жубер** желал нас иметь при своей армии, **Кронье** просил нас к своей и, наконец, нас желали на юг к Колесбергу. Обсуждения о нашем назначении шли очень долго и, наконец, ввиду различных обстоятельств, было решено отправить нас на восток, к армии **Жубера**. Прибывшие раньше нас голландские отряды Красного Креста, пришедшие в соприкосновение с медицин-

ской комиссией, убедились в её несостоятельности по многим вопросам, решили, игнорируя её вовсе, учредить в Претории Центральное управление Трансваальского Красного Креста и взять всё управление врачебным делом армии в своё ведение. Ввиду этого, между обоими названными учреждениями началась борьба, интриги и так далее, а подобные довольно обострившиеся отношения ещё больше тормозили и мешали общему делу. Отношения к голландским отрядам тем более ухудшались, что, пользуясь поддержкой железной дороги и многих голландцев в Претории, они помимо правительства учредили свои госпитали, завладели поездами и, в ущерб комиссии, среди позднее прибывших санитарных отрядов других государств продолжали стремиться играть роль заправил. А между тем в то же самое время при ведении дела за всем необходимым они принуждены (были) постоянно обращаться к помощи правительства, то есть той же медицинской комиссии. Понятно, что и прибывшие позднее отряды, как немецкий, швейцарский и другие, не будучи в состоянии подолгу добиться распоряжений со стороны медицинской комиссии и не желая, с другой стороны, действовать под управлением голландцев, были принуждены к совершенно самостоятельным действиям, руководствуясь собственной инициативой и соображениями. Недостатком распорядительности и рознью между органами центрального управления объясняются такие факты, что в некоторых пунктах военных действий различных врачебных отрядов скопилось слишком много, а в других, кроме несчастных местных командных амбулансов, никакой медицинской помощи войска не имели.

Как я уже говорил раньше, бывшая в достаточном изобилии медицинская помощь в виде передовых санитарных отрядов, полевых и местных госпиталей и так далее, существовала только в первый период войны, до взятия Претории, пока армия буров не разбилась на мелкие отряды. Тогда же произошло нечто весьма печальное. Одиннадцать передовых отрядов – местных командных и частных амбулансов, по личному составу своему состоявших главным образом из жите-

лей занятых уже англичанами городов, решили, что дело проиграно и кончено и перешли на сторону англичан, сдаваясь им при первой возможности. Часть голландских отрядов, работавших в госпиталях, также осталась работать в них и после занятия этих пунктов англичанами. Медицинская комиссия перестала существовать, ибо остался единственный её представитель. Вот тогда-то стала всюду чувствоваться нужда во врачебных отрядах, для подачи даже первой помощи. Положение вещей доходило до того, что весь отряд **Девета**, отступающий из Фрейштата к северу, не имел ни одного амбуланса, ни одного врача, а при войсках главной армии **Луи Бота** был всего один врачебный отрядик, пока туда не поехал отрядик русско-голландский и один из нас. В это же самое время при армии **Христиана Бота**, отступавшей из Наталя через Эрмело, передовых отрядов состояло слишком много. Такая неравномерность в распределении санитарных отрядов происходила по той простой причине, что передвижениями их не руководил никто, да и сами команды решительно не заботились о своих же амбулансах, не предупреждая даже ни о передвижениях, ни об отступлениях, и врачи, начальники амбулансов, должны были постоянно действовать на свой страх, по своей инициативе, стеснённые при этом недостатком упряжных животных, так как масса их гибла, и той непрерывной работой, которой они были завалены всюду во время пути и стоянок¹²⁷.

Когда встал вопрос об отзыве отряда РОКК по истечении шестимесячного срока его командирования, то от трансваальского правительства МИДом России была получена следующая телеграмма:

(Без даты) Его Превосходительству
министру иностранных дел
(Пер. с фр.)

С благодарностью воспринимая добрые услуги, оказанные российским полевым госпиталем, который во многом способствовал страдающих от боли наших раненых, это пра-

вительство считает себя свободным в том, чтобы любезно просить вас быть посредником перед Её Величеством Императрицей **Марией Фёдоровной** и просить Её оказать своё высокое покровительство Императорскому обществу Красного Креста с тем, чтобы предоставить возможность этому полемому госпиталю продолжать оказывать столь высоко оцененные этим правительством и бюрогерами республики целительные усилия.

Подпись: Государственный секретарь¹²⁸.

Однако санитарный отряд всё же собирались отозвать обратно в Россию, но последовало иное распоряжение:

24 марта 1900 г.

Милостивый государь

Оскар Карлович.

Командированный на театр военных действий для состояния при войсках южноафриканских республик генерального штаба подполковник **Гурко**, упоминая, в последнем своём донесении о деятельности отряда Российского Общества Красного Креста, сообщил о предстоящем его отъезде из Трансвааля, вследствие полученной инструкции, не позже 28 мая сего года вернуться в Санкт-Петербург.

Во Всеподданнейшем докладе военным министром означенного донесения Его Императорскому Величеству в 23 день сего марта благоугодно было собственноручно начертать: «Я не допускаю мысли, чтобы наш санитарный отряд покинул Трансвааль пока война не окончена. Напишите в этом смысле председателю Общества Красного Креста».

Сообщая таковую Высочайшую волю Вашему Высокопревосходительству, имею честь уведомить, что вместе с сим, по приказанию военного министра, сообщено по телеграфу подполковнику **Гурко**, чтобы он задержал возвращение санитарного отряда в Россию до получения начальником его распоряжения Вашего Высокопревосходительства.

Примите уверение в совершенном моём почтении и преданности.

В. Сахаров¹²⁹.

Столь решительный царский приказ был исполнен немедленно:

В Главное Военно-медицинское управление.

Государь император в 23 день сего марта Высочайше повелел соизволить продлить предложенное ранее время пребывания в Трансваале санитарного отряда Общества Красного Креста впредь до окончания войны в Южной Африке.

В соответствии с таковым Высочайшим повелением, все командированные в состав санитарного отряда чины военного ведомства оставлены в распоряжении Главного управления Общества Красного Креста впредь до возвращения отряда в Санкт-Петербург.

Изложенное Главный штаб сообщает Главному военно-медицинскому управлению для сведения.

Управляющий делами генерал-лейтенант.

(подпись)¹³⁰.

Руководство РОКК не забыло, разумеется, сообщить в МИД о выполнении Высочайшей воли:

Председатель Главного управления Российского Общества Красного Креста, состоящего под Высочайшим покровительством Её Императорского Величества Государыни императрицы **Марии Фёдоровне**, 28 марта 1900 г. № 1425.

Его Сиятельству графу **М.Н. Муравьёву**.

Милостивый государь

граф **Михаил Николаевич**.

Главное управление в заседание 18 сего марта вследствие заявления уполномоченного нашего санитарного отряда, командированного в Южную Африку на срок 6 месяцев, о же-

лательности продлить действия отряда до тех пор, пока будет предстоять в том надобность, постановило не отзывать отряд впредь до нового распоряжения Главного управления, о чём и сообщило действительному статскому советнику **Кускову** телеграммой через нашего вице-консула в Претории.

Вслед за тем начальник Главного штаба сообщил мне, что по Всеподданнейшему докладу Государю императору военным министром последнего донесения командированного на театр военных действий для состояния при войсках южно-африканских республик подполковника **Гурко**, сообщившего, между прочим, в донесении о том, что срок командировки нашего отряда Красного Креста вскоре истекает, Его императорскому Величеству благоугодно было собственноручно начертать: «Я не допускаю мысли, чтобы наш санитарный отряд покинул Трансвааль, пока война не окончится. Напишите в этом смысле председателю Общества Красного Креста¹³¹».

Ввиду сего, телеграммой от 27 сего марта, через нашего вице-консула в Претории для передачи действительному статскому советнику **Кускову**, я сделал распоряжение о продолжении действий отряда до окончания военных действий.

О вышеизложенном имею честь уведомить Ваше Сиятельство для сведения, покорнейше прося принять уверение в искреннем моём уважении и совершенной преданности.

О. Кремер¹³².

О распоряжении **Николая II** не только послали телеграмму в Трансвааль, но и при этом позаботились, чтобы сообщение обязательно дошло до получателя:

Председатель Российского Общества Красного Креста состоящего под Высочайшим покровительством Её императорского Величества Государыни императрицы **Марии Фёдоровны**, Главное управление, 30 марта 1900 г. № 1442.

Его Сиятельству графу **В.Н. Ламздорфу**.
Милостивый государь

граф **Владимир Николаевич**.

Письмом от 28 марта за № 1925 я имел честь уведомить Министерство иностранных дел, что Государю императору благоугодно было повелеть, чтобы санитарный отряд Красного Креста оставался в Трансваале до окончания войны, о чём я 27 марта телеграфировал нашему вице-консулу в Преторию, с просьбой передать начальнику отряда действительному статскому советнику **Кускову**, и для большей уверенности в исправном доставлении телеграммы заплатил за ответную телеграмму; несмотря, однако, на это я до сих пор ответа не получил, и потому ввиду крайней необходимости сообщить Высочайшее повеление к исполнению и, опасаясь, чтобы наш отряд не выехал, как о том сообщает консул из Претории, а телеграмме от 9 апреля, которой вы любезно доставили мне копию, – я обращаюсь к Вашему Сиятельству с покорнейшей просьбой, не признаётся ли возможным телеграфировать от Министерства иностранных дел консулу в Преторию, чтобы он уведомил о получении и передаче моей телеграммы господину **Кускову**. – Независимо от этого я написал господину **Кускову** также почтой, но опасаясь, что он не может выехать до получения моего письма.

Пользуюсь настоящим случаем, чтобы просить Ваше Сиятельство принять уверение в отличном моём почтении и преданности.

О. Кремер¹³³.

Министр иностранных дел граф **Ламздорф** поспешил успокоить руководителя Российского Общества Красного Креста:

Черновик

Кремеру, 31 марта 1900 г., № 3047.

Милостивый государь

Оскар Карлович.

В ответ на письмо от 28 и 30 марта сего года имею честь уведомить Ваше Высокопревосходительство, что я сообщил

по телеграфу трансваальскому статс-секретарю и доктору **Кускову** через консула в Претории, что Государю императору благоугодно было повелеть, чтобы санитарный отряд Красного Креста оставался в Трансваале до окончания войны.

Примите¹³⁴.

Но вернёмся к запискам членов санитарного отряда РОКК. В воспоминаниях **Ольги фон Баумгартен** говорилось не только о тяжёлой многомесячной работе на чужбине сестры милосердия, но и о климатических условиях страны временного пребывания:

Март месяц, теперь у нас на родине ещё зима, а здесь лето (точнее, начало осени). А знаете ли вы, что такое лето в Трансваале? Это что-то ужасное. Днём печёт солнце, светит так ярко, что глаза болят, жара невыносимая. А только что закатилось – темно и ночь, какая только на юге и бывает, когда ни зги не видать. Дожди в летнее время перепадают ежедневно. Что сказать о нашей собственной жизни. А мы почти её для себя не ведём. Работы много, лазарет переполнен, больных всё привозят и привозят. Когда приходится дежурить ночью, то и минутки не улужишь, чтобы присесть, всё время на ногах; а среди больных формы довольно серьёзные; особенно тяжело с горячечными, того и гляди, что натворят беды¹³⁵.

Наши соотечественники-медики, равно как и медработники других зарубежных санитарных отрядов, оказывали помощь не только бурам, но и раненым пленным британцам:

23 апреля прошло у нас оживлённо. Утром привезли к нам тяжелораненого англичанина. Страшно было смотреть на его искажённое от боли лицо. Несчастный не стонал, а просто выл от чрезмерного страдания. Скольких трудов стоило оказать ему возможное облегчение. Весь день мы были под тяжёлым впечатлением его мук¹³⁶.

Быстрое отступление войск буров вынудило российский санитарный отряд к переезду в глубь страны.

Через день (1 мая 1900 г.) получили телеграмму немедленно отправить всех наших больных в Трансвааль и приготовить лазарет для новых больных.

Целый день провели в работе. Желание медицинской комиссии было, конечно, исполнено в точности. Когда всё было устроено и лазарет опустел, впервые улучили мы несколько часов отдыха после четырёхмесячной работы. Мы отправились на вокзал. Здесь узнали мы, что англичане приближаются из Гленко и буры принуждены отступить.

В ночь на 2 мая, часа в 2, разбудила нас дежурная сестра и передала известие немало нас взволновавшее, – мы выступаем немедленно, надо вставать и спешно укладывать вещи. Работа закипела и к 5 часам всё уже было сделано¹³⁷.

Врач **Эбергардт** так описывал свою работу в летушем прифронтовом лазарете:

14 мая с 4 часов пополудни войска Трансваальской республики под командой генерала **Лукаса Мейера** после сражения при Гельпмекаре стали отступать из Биггасбергов к юго-восточной границе Трансвааля. В сражении при этом у буров всего 3 раненых и 1 убитый, из раненых один остался в плену у англичан, а двое получили первоначальное пособие в нашем амбулансе в Гленко: одному извлечена пуля системы **Lee Metford** из правого бедра, а второму наложена асептическая повязка на сквозную огнестрельную рану груди. Этих раненых и ещё 3 больных (перелом левого предплечья, флегмона правой стопы и огнестрельная рана с переломом пястной кости левой руки), находившихся в нашем амбулансе в продолжение последних 3-х дней, я, узнав о всеобщем отступлении, немедленно доставил на железную дорогу и отправил в госпитали Фольксруста и Претории. Так как об отступлении я узнал поздно, 5 часов пополудни, то при укладке имуще-

ства передового отряда пришлось сильно спешить. Недостаток перевозочных средств, как я уже в предыдущей главе отметил, слабая сторона нашего русского отряда, тут поставил меня вдруг в затруднительное положение, из которого едва вышел благополучно, благодаря предупредительной любезности коменданта специальной полиции господина **Шредера**, доставившего мне единственно ещё не занятый отступающими пехотинцами товарный открытый вагон, на который я поспешно и уложил 2 палатки и почти все припасы и лазаретное имущество, которое я не мог уложить на единственно имевшейся у нас телеге **Беккета**. Выгодность занятого нашим амбулансом местоположения около самого рельсового пути сказалась здесь вновь, так как товарный вагон мог быть продвинут к самым нашим палаткам и мы без особенного труда уложили вещи. Замечательная расторопность железнодорожных чиновников ZASM'a, которая во всей этой войне принесла огромную пользу республике, пришлась и нам весьма кстати при отправлении наших раненых и имущества. Для охраны последнего я назначил санитар-русского, и отправил его вместе с тем же вагоном в город Фольксруст, крайний пункт нашего отступления. При себе я оставил и в лазаретную линейку уложил: почти весь запас перевязочного материала, хирургические инструменты, походный дезинфекционный аппарат профессора **Турнера**, санитарные сумки, несколько необходимых лекарств и пищевые консервы на 3 дня. В 8 часов вечера, то есть через 3 часа по оповещении нас об отступлении, выступил наш передовой отряд из Гленко в числе 14 человек (1 врач, 1 фельдшер, 6 санитаров и 6 **кафров**), имея при себе телегу с имуществом, 3 палатки, 3 лазаретных линейки, 5 лошадей, 30 мулов и 1 дойную корову с телёнком. Дорогу нам освещали огни от повсюду подожжённой высокой травы. Послышавшейся в момент нашего выступления 2 выстрела из артиллерийского орудия были пущены английской артиллерией из Денди по направлению к железнодорожной станции в Гленко, но никому вреда не причинили. Последними из Гленко выступили отряды разведчиков **Эвардса** и волонтёров

итальянцев **Рикарди** в 9 часов вечера, то есть через час после выступления нашего отряда. Находившийся в соседстве нашем амбуланс немецких врачей, несвоевременно узнав об отступлении, запоздал так, что был на дороге в Ньюкасл задержан английскими кавалерийскими разъездами и отведён в занятый англичанами Денди. Двигаясь всё время в рядах отступающих войск по прекрасной грунтовой дороге среди Драконовых гор, наш отряд 17 мая в 12 часов дня прибыл в Чарльстоун, совершив поход на расстояние 120 км в течение 64 часов. Несмотря на сильную жару среди полдня и на относительно холодные ночи, усталых и отставших не видно было. Состояние духа у отступающих было, по-видимому, хорошее. В пище и питье недостатка не было, если принимать во внимание, что мясо, рис и кофе составляют главную пищу буров. Взятые нами с собой мясным консервам из России и здесь предпочиталась жаренная в собственном сале или варёная с рисом свежая баранина. Злоупотребления спиртными напитками не замечалось, зато на каждой остановке буры спешат сварить чёрный или с молоком кофе, которым они наполняют также свои походные водоносные фляги. Последние здесь встречаются самых разнообразных сортов: металлические, стеклянные и деревянные, такие же, какими снабжены войска у нас в России. Фляги из алюминия, обшитые серым сукном, очень удобны и легки; остуженный напиток в них сохраняет температуру, придающую воде приятную свежесть, горячий напиток, как кофе, напротив, не так быстро охлаждается, если только сукно, которым обшита фляга, останется сухим. Лично на себе буры из своего снаряжения носят только ружьё (или карабин) и патронташи, штыков и тесака не имеется, остальное всё привязано к седлу. Способы ношения патронташей разнообразны: одни перекидывают их через плечо, другие носят на животе в виде пояса, некоторые же имели особые жилетки или куртки, сплошь покрытые небольшими, сверху застегивающимися на 1 пуговицу кармашками, в которые вкладывается по пачке патронов (5 штук) в каждую. Этот способ ношения патронов, составляющих как бы коль-

чугу из более 200 патронов, в том отношении удобен, что тяжесть распределяется равномерно на обе половины тела и не перемещается центр тяжести тела при прямом стоянии; однако неудобство его, что на спине кармашки неудобно доставать руками, приходится заранее переключивать всё из них, а затем при лежании на спине в этой кольчуге ощущается неудобство от давления патронов; кроме того, последние, как хороший проводник тепла, могут легко способствовать резким переменам температуры на поверхности тела, особенно неприятно ощущаемым на спине. Пособие больным было подано во время этого походного движения в 3 случаях, из них 2 – хирургические.

Остановившись в Чарльстоуне, у подошвы исторической горы Маюбы, войска стали занимать с 17 мая позиции на цепи гор и возвышенностей Маюбе, Ленгснеке, Поквани, Маулснеке и на Драконовых горах, у горного прохода Ботаспас. Штаб командующего войсками восточной армии, только что избранного в ассистент-комендант-генералы **Христиана Бота** поместился в Чарльстоуне, маленьком опустелом таможенном английском городке колонии Наталя. Представитель Военно-медицинской комиссии и хозяйственный комиссариат армии расположились около станции железной дороги в Фольксрусте, лежащем на расстоянии 5 км к северу от Чарльстоуна и соединённым с последним железной дорогой.

Для размещения амбулансов между командами восточной армии, единственный представитель Военно-медицинской комиссии в Фольксрусте адвокат **Штегман** пригласил на общее совещание военного врача из Швеции, доктора **Гаммара**, врача-американца доктора **Конройя** и меня. На этом совещании было, между прочим, и решено поручить доктору **Гаммару** временно заведовать делами Военно-медицинской комиссии. Я же, ввиду недостатка амбулансов, расположился со своим амбулансом в Чарльстоуне для общей санитарной службы при командах, расположенных на Ленгснеке, Маюбе и в самом Чарльстоуне близ Главного штаба генерала **Х. Бота** (Йоханнесбургская, корпус разведчиков **Эдвардса**,

артиллерия, специальная полиция, Претория, Ваккерстром и Зоутпансберг, всего приблизительно до 2000 человек). Прибывший 14 мая из Гленко в Фольксруст вагон с аптекой и имуществом нашего передового отряда в ночь с 18 на 19-е, по распоряжению оставшегося мне до сих пор неизвестным лица, был отправлен в Преторию, где в это время находился весь персонал нашего госпиталя в Ньюкасле, закрытого в день отступления войск из Наталя. Нуждаясь главным образом в аптеке из всего этого имущества, я телеграфировал немедленно в Преторию уполномоченному общества Красного Креста доктору **Кускову** с просьбой выслать обратно вагон с имуществом, если таковое там найдено будет, и затем ещё подробным рапортом от 22 мая донёс о том туда же, но ответа не получил, как оказалось впоследствии, телеграмма моя за выездом адресата из Претории не была доставлена по назначению. Через 5 дней надежда получить вагон обратно должна была быть окончательно оставлена, так как англичане заняли Гейдельберг и отрезали нам железнодорожное сообщение с Преторией. Пришлось устроиться иначе. С разрешения властей я занял для помещения амбуланса хорошенький дом-особняк, расположенный на окраине города Чарльстоуна и принадлежавший ранее врачу-англичанину, который при приближении буров оставил городок. В этом доме (из 5 светлых комнат) я нашёл, между прочим, небольшую химическую лабораторию и домашнюю аптеку, которой я не преминул воспользоваться для пополнения своего запаса медикаментов; кроме того, меня снабдили некоторыми медикаментами врачи Русского госпиталя в Фольксрусте, закрывавшегося в это время, а впоследствии ещё врачи немецкого амбуланса и аптекарь из Стандертон по распоряжению медицинской комиссии снабдили меня лекарствами сколько возможно удовлетворительно. В занятом мной доме, где нашлась ещё некоторая деревянная мебель и кухонная посуда, я устроился довольно удобно, заняв одну комнату для себя и для фельдшера, одну для больных, одну для амбулатории, она же операционная, и одну комнату для общей столовой.

Вода доставалась из водопровода, берущего начало из горы, хорошего вкуса и весьма чистая.

Находясь на расстоянии не более двух вёрст от боевой позиции буров и в центре обслуживаемых в санитарном отношении команд и, наконец, к тому же ещё поблизости (в 100 саженьях) станции железной дороги, наш перевязочный пункт занимал наивозможно удобное при данных обстоятельствах положение, и будучи снабжены в достаточной степени перевязочными средствами, мы могли спокойно ждать самого серьёзного дела. Что касается топографических особенностей лагерей буров около вновь занятых позиций, то в санитарном отношении они были вообще весьма удовлетворительны. Лагери занимали защищённые от влияния южных холодных ветров откосы гор, находящиеся над уровнем моря от 3000 до 4000 футов (высота горы Маюба 6000 футов). Небольшие, но ничем не загрязняемые горные источники обеспечивали хорошее водоснабжение. Настудившее со второй половины мая общее понижение температуры воздуха при малом количестве атмосферных осадков не оказывало особенно вредного влияния на здоровье войска, тем более что оно стало прекрасно снабжаться тёплой одеждой из расположенного в Фольксрусте военного хозяйственного комиссариата. Пищевое довольствие и здесь было вполне удовлетворительное. Большие количества свежего белого хлеба приготавливались ежедневно в пекарне в Чарльстоуне, быков и баранов для убоя было пригнано из Наталя больше чем достаточно, хотя мясо и стало худощавее вследствие ухудшения подножного корма в этот период бездождия – трансваальской зимы. Общее число заболеваемости значительно уменьшилось – единственный заболевший тифом был чернокожий рабочий, отправленный мной в Фольксруст.

18 мая в Чарльстоуне началась деятельность передового отряда тем, что санитары наши доставили в фольксрустский русский госпиталь 3-х изувеченных поездом железной дороги около Чарльстоуна. Затем санитары наши принимали деятельное участие при усиленной эвакуации фоль-

ксеруэского госпиталя, который стал направлять больных в Преторию.

С 21-го мая по 11-е июня позиции буров, расположенные поблизости нашего амбуланса на Маюбе и Лангснеке, подвергались ежедневно артиллерийскому огню англичан, стрелявших с изумительной аккуратностью с 7.1/2 часов утра до 12 часов дня и затем от 2-х до 4-х часов пополудни. Такое равномерное распределение времени стреляющих было для нас очень удобно, так как мы в свою очередь могли знать, когда и где нам нужно быть для исполнения своих обязанностей. Со 2-го по 4-е число июня был перерыв по случаю 3-х дневного перемирия, во время которого англичане укрепились на проходе Ботаспас. В 3 часа 45 минут пополудни пущенным англичанами по позиции бурского орудия **Лонг-Тома** выстрелом мы были извещены, что перемирию конец, и на другое утро в 7.1/2 часов утра началась опять аккуратная стрельба, которая, так же как и раньше ни одному человеку не сделала вреда. Лишь один бур Заутнансбергской команды пришёл к нам в амбуланс с заявлением, что он оглох на левое ухо от сильного сотрясения воздуха при разрыве английских снарядов; от приёма соответствующей дозы (1 унции) касторового масла глухота к утру прошла. 8 июня были ранены два (один бур со слугой **кафром**) картечью. 9 июня буры начали сдавать позиции при Бопасрассе, а 11 июня в 8 часов пополудни мы получили извещение об общем отступлении со всех позиций на Амерсфорте. За время существования нашего амбуланса в Чарльстоуне от 18 мая до 11 июня у нас были всего 191 больной с 227 посещениями, 4 из них пользовались стационарно. С огнестрельными поранениями был один, раненный по неосторожности товарищем пулей **Маузера**.

Отступление от Чарльстоуна на Амерсфорт прошло в полном порядке; буры ничего не оставили неприятелю. Переход от Чарльстоуна до Амерсфорта приблизительно в 40–50 км наш амбуланс совершил в 20 часов с соответствующими для отдыха и кормления лошадей стоянками. В пути было подано медицинское пособие 5 лицам.

В Амерсфорте – небольшом местечке (с 18 домами и 2 церквями) расположился штаб генерала **Х. Бота**, резерв артиллерии и команды Миддельбургского и Лейденбургского дистриктов. Лейденбургская команда охраняла проход Потаспас и первая пропустила авангард англичан – эта же команда потеряла свой амбуланс, который попался в плен к англичанам. По сему лейденбургские больные и раненые перешли к нашему амбулансу в Амерсфорте и на дороге между Фольксрустом и Амерсфортом.

Находясь с 12 по 17 июня в Амерсфорте амбуланс наш расположился на площади среди местечка в собственных палатках, из коих в одной производится приём амбулаторных больных. В числе 52-х больных, бывших у нас за время нахождения в Амерсфорте, было 6 с огнестрельными ранами. Из них 5 человек Лейденбургской команды были нам доставлены из сражения около Ботаспаса, где общее число убитых предполагалось около 12 или 15 человек и принятых всеми амбулансами раненых – 9 человек. Они помещались в дом местного пастора, где им были нами наложены соответствующие асептические повязки. Затем эти раненые отправлены были по собственному желанию в Эрмело. Один бур Вакерстромской команды, раненный по неосторожности товарищем из английского ружья в правую стопу, пользовался нами на дому и в день нашего ухода из Амерсфорта был отправлен в город Ваккерстром. В течение 5 дней, проведённых в Амерсфорте, нам пришлось один только раз совершить поездку (на расстояние 2-х часов езды) к занятым артиллерией буров позициям и подвала помощь воину, переломившем себе правую ногу. По наложении неподвижной повязки, он был отправлен на почтовой карете в город Каролина, лежащий приблизительно в расстоянии 100 км севернее Амерсфорта.

17 июня в 10 часов вечера я по предложению генерала **Фурье** оставил с амбулансом Амерсфорт и подвинулся к реке Валь, где предполагалось расположить штаб генерала **Х. Бота**, командовавшего остатками войска восточной армии, числен-

ный состав которой значительно уменьшился вследствие ухода некоторых команд по своим домам (Зоутпаснберг и Претория и часть – Ваккерстром). Но прибыв 18 в 10 часов утра к реке Вааль, я узнал уже о другом распоряжении, а именно, чтобы штаб и артиллерия отступали к Эрмело, поэтому и я должен был туда же отправиться.

Походное движение до Эрмело ничего особенно интересного с военно-санитарной стороны не представляет. Можно лишь упомянуть, что на дороге встречалось много пеших буров и **кафров**, которые, по-видимому, переносили отлично все тяжести быстрого отступления, почти не отставая от конных воинов. Затем ещё достойно отметить, что запасы печёного хлеба исчезли быстро и люди питались сухарями, мясом и варёным рисом. Сухари трансваальцев из белого печёного хлеба, тесто для которого замешано на молоке, – они очень вкусны, очень пористы, отлично сохраняются, – предпочитались привезённым нашим русским отрядом из Египта пшеничным галетам. Последние слишком жёстки, в холодной воде размачиваются только после продолжительного времени, вкус их слишком пресный; только будучи размочены в горячем кофе или чае они приобретают приятный вкус, уступающий однако трансваальским домашним сухарям. Кроме трансваальских сухарей нам встречались ещё и английские бисквиты из пшеничной (или ячменной) размоленной (с отрубями) муки. Вкус их напоминает употребляемый в Прибалтийском крае хлеб под названием сеппик. Бисквиты легко разжёвываются и размачиваются не трудно и в холодной воде.

В Эрмело (красивое местечко с приблизительно 500 человек белого населения) амбуланс прибыл утром 19 июня и расположился здесь также в палатках на окраине местечка недалеко от реки. Через час по прибытии нашем в Эрмело вслед за нами прибыла партия в 590 человек англичан йоманри, взятых в плен **Деветом** при Линдлее. Конвоировала их команда специальной полиции **Шредера**, который вместе с нами оставил Чарльстоун.

Из этих пленных 86 человекам было мною совместно с врачом швейцарского амбуланса доктором **Суттером** по-дано медицинское пособие в лагере, расположенном около Эрмело. Большинство больных жаловались на расстройство пищеварительного аппарата и на разные наружные болезни – экзема, чирьи¹³⁸; один – с рубцующейся огнестрельной раной в мягких частях бедра. Двое из них должны были остаться в Эрмело, один тифозный, другой с серьёзной ангиной. Пленные эти, хотя большей частью очень обеспеченные денежными средствами люди, поражали своей грязью на теле, у некоторых были большие язвы на туловище и на конечностях, появившиеся на расчёсанных местах от укусов вшей, коими кишело платье несчастных. Один из больных пленный жаловался нам на недостаток врачебной помощи в английской армии и был несказанно обрадован, когда мы поместили его вместе с 2 больными бурами в форму франкмасонской¹³⁹ ложи, которая должна была служить временным лазаретом, в заведовании доктора швейцарского амбуланса. За время от 19 до 25 июня у нас было 14 амбулаторных больных.

Ввиду того что в Эрмело собралось 5 амбулансов (швейцарский, немецкий, бельгийский, трансваальский и наш) и, следовательно, предложение медицинской помощи на долгое время должно было здесь превысить спрос на него и ввиду того что команда специальной полиции, которая всё время находилось под санитарным наблюдением, начиная с Гленко, теперь отправлялась в Машадорп, резиденцию Трансваальского правительства, я 25 июня оставил Эрмело и 28 числа того же месяца в 4 часа пополудни прибыл в Машададоры¹⁴⁰.

Из-за военных действий, а может из-за прямого вмешательства англичан, то и дело возникали пере-рывы в телеграфном сообщении с Преторией, и это обстоятельство временами сильно беспокоило руководителей РОКК, обращавшихся с соответствующими запросами в МИД:

Председатель Главного управления Российского Общества Красного Креста, состоящего под Высочайшим покровительством Её Императорского Величества Государыни императрицы **Марии Фёдоровны**,
11 мая 1900 г. № 2455.

Его Сиятельству графу **М.Н. Муравьёву**.

Милостивый государь

граф **Михаил Николаевич**.

Командированный Российским Обществом Красного Креста в Трансвааль санитарный отряд по последнему от 6/19 марта донесению уполномоченного отряда работал в Ньюкасле и Гленко, между тем, города эти, как видно из телеграфных сведений, заняты ныне англичанами.

Ввиду сего и за отсутствием сведений о местонахождении нашего отряда в настоящее время, имею честь покорнейше просить содействия Вашего Сиятельства к выяснению, через представителя русского правительства в южноафриканских республиках места нахождения в настоящее время нашего санитарного отряда.

В ожидании ответа по сему Вашего Сиятельства пользуюсь случаем просить Вас принять уверение в искреннем моём уважении и совершенной преданности.

О. Кремер¹⁴¹.

Неприятные для буров известия о ходе войны следовали одно за другим и зарубежные врачи понемногу уезжали домой, ввиду, как казалось, сравнительно скорого окончания боевых действий в пользу Великобритании:

3 мая мы снова в Претории. На следующий день по городу разнеслось известие, что произведено до ста арестов. Заключены в тюрьму буры, не желавшие идти на войну. 8 мая мы узнали о взятии Мафекинга. В Претории сравнительно спокойно и про войну говорят мало, как будто бы она и не ведётся тут же под боком. Ходят толки о храбрости бурских жен-

щин, о том, что будто бы хотят образовать команду амазонок, рассказывали про необыкновенную отвагу внучки **Крюгера**, про то, что и она принимала участие в войне.

13 мая мы поехали провожать часть русско-голландского отряда, уезжавшую в Россию.

Теперь Претория понемногу начинает терять свой обыкновенный вид; в городе становится беспокойнее, стало известно, что англичане подступают к Йоханнесбургу. Прошло ещё 3 дня и Претория неузнаваемо изменилась. Она более не город, а лагерь. Везде солдаты, волонтёры, всё вооружено, всё готово к бою.

17 мая. Вечер. Такое чувство бывает иногда перед грозой, когда свинцовые тяжёлые тучи начинают низко ходить над землёй. Что-то гнетёт, что-то давит всё существо, наполняя его ожиданием необъяснимого, страшного. Нервы напрягаются, пульс болезненно бьётся, а сердце словно щемит, оно ноет и болит. Если город, в целом, можно себе представить одним живым существом, то Претория в этот знаменательный вечер переживала такое именно чувство. Она томилась ожиданием. Никто не спал.

В час ночи раздался первый пушечный выстрел.

Наконец-то! – невольно пришло в голову каждому из нас.

А выстрелы учащались... Потушить огонь и выйти на веранду было делом одной минуты...

Волнение на улицах Претории росло.

Толпы народа во мраке ночи, путаясь и сбиваясь, волной хлынули с улицы на улицу. Разобрать что-нибудь в этой ужасной суеде было невысказимо. Картина поистине зловещая; перед нашими глазами стихия, никем не управляемая, никем не удержимая.

Сколько времени прошло, сказать трудно, но наша улица почему-то внезапно опустела. Толпа устремилась куда-то в сторону, всё смолкло и стихло. Мы ясно в это время увидели трёх мужчин в женских платьях. Громко разговаривая, они быстро прошли мимо нас. Часов через 5 мы узнали, что нам удастся скоро выехать из Претории¹⁴².

Один из сотрудников отряда РОКК писал 22 мая нового стиля из Претории:

Русскому санитарному отряду Красного Креста volens-polens (волей-неволей) пришлось покинуть Ньюкасл ввиду того что буры поспешно отступали и очистили Наталь вплоть до Маюбы. Ещё задолго до отступления, 14 мая (нового стиля) вечером, в Ньюкасле распространился упорный слух о том, что буры намереваются отступить от Гленко. Откровенно говоря, мы довольно сильно были встревожены этим известием: вслед за отступлением буров от Гленко, под стенами Ньюкасла должны были появиться англичане и окружить город, а это совершенно не входило в наши расчёты, так как мы не имели никакого желания попасть в плен к англичанам. Впрочем, наша тревога понемногу улеглась. Администрация Ньюкасла успокоила нас и обещала своевременно предупредить об отступлении буров от Гленко, в случае, если бы этот слух действительно подтвердился.

Нет дыма без огня, – говорит русская пословица, оправдавшаяся и на этот раз. В два часа ночи на 15-е мая, только мы улеглись спать, как были разбужены страшным известием: в Ньюкасл прискакал кригс-комиссар и сообщил, что отступление буров от Гленко началось, буры отступают поспешно, и что англичане, по всей вероятности, вечером уже будут возле Ньюкасла. Неожданное известие сразу всех подняло на ноги. Работа закипела. Через какие-нибудь двадцать минут начались поспешные хлопоты и приготовления по укладке госпитального имущества. К двенадцати часам не только всё было уложено, но даже доставлено на вокзал. Я в первый раз в жизни воочию убедился, как сильны, выносливы и терпеливы мулы: всё наше госпитальное имущество – несколько пудов, перевезли всего две пары животных в продолжение не более трёх часов, на расстоянии полутора вёрст. Медлить было невозможно. Наш передовой отряд, находящийся вместе с бурами в Гленко, также отступал. Причиной отступления, как говорят, было занятие англичанами Денди (Дунди)

(расположенного от Гленко в 5–6 верстах к востоку). Буров всего-навсего было только пять тысяч, тогда как врагов насчитывали до 25 тысяч. Часть отступающего от Гленко войска буров отправилось по железной дороге, а часть – на лошадях и фурах. Последний отряд буров прибыл в Ньюкасл тогда, когда мы уже все находились на вокзале. Бесконечной, казалось, лентой тянулись фуры войска, запряжённые каждая восемью парами волов или мулов по городу, по направлению к вокзалу, где к их приходу было уже приготовлено двести вагонов. Не было никакой суетни, шума и крика, не видно было, чтоб кто-нибудь распоряжался, а между тем хлопоты по отправлению войск совершались спокойно, с удивительным порядком; только от пыли, поднятой лошадьми, все сделались серыми. Затем, по мере отступления войск по направлению к Маюбе – полотно железной дороги разрушали, мосты взрывали, станции жгли и туннель, находящийся недалеко от Маюбы, также взорвали. Наш отряд выехал из Ньюкасла в 3 часа, а прибыл в Преторию только на другой день (16 мая нового стиля) вечером. Доктора и сёстры правительственного госпиталя, находящегося в Фольксрусте, были ещё там и медлили отступлением. 21 мая главный уполномоченный нашего отряда с двумя докторами и агентом по хозяйственной части отправились осматривать Варлибат (на север, в четырёх часах езды от Претории), куда медицинская комиссия предложила нам перенести госпиталь. Едва ли, однако, представится возможным осуществить это предложение, так как неприятель, намного превосходящий нас своей численностью, может занять и Преторию. Будущее, конечно, покажет, а пока, несмотря на неудачи последних дней, в войсках настроение прекрасное. Буры так же сильно воодушевлены желанием защитить свою независимость и свободу.

С.Н.К.¹⁴³.

МИД России, несмотря на все трудности с телеграфным сообщением, старался по возможности поддерживать связь с санитарным отрядом РОКК:

Черновик

Министерство иностранных дел, Второй департамент,
16 мая 1900 г. № 4371.

Кремеру

Милостивый государь

Оскар Карлович.

В ответ на письмо от 11 сего мая за № 2435 имею честь уведомить Ваше Высокопревосходительство на основании телеграфного сообщения консула в Трансваале, что командированный Российским Обществом Красного Креста в Южную Африку санитарный отряд находится в настоящее время в Претории.

Примите¹⁴⁴.

Приведём цитату из воспоминаний другого российского медика по поводу событий апреля-июня 1900 г. в Трансваале:

Военные события шли своим чередом. Кимберлей был освобождён, в конце марта был взят Блумфонтейн, 24 апреля был взорван динамитом в Йоханнесбурге завод, на котором готовились оружейные снаряды. Взрыв произошёл в момент замыкания электрического тока для освещения; разрушен был завод до основания; дома в прилегающем квартале города все дали трещины и осели – я видел эту картину на другой день после взрыва, проездом в Преторию. В конце апреля началось быстрое движение лорда **Робертса** от Блумфонтейна, а в первых числах мая начали ходить слухи, что **Буллер** также начинает своё движение в Натале для соединения с армией **Робертса**. Уже с марта месяца все малые госпитали в Натале прекратили своё действие, оставались на Натальском фронте только госпиталь нашего главного отряда в Ньюкасле и наш в Фольксрусте. Начались значительные ночные холода, температура доходила до – 5–6, так что больные сильно мёрзли, каждому приходилось давать по 3–4 одеяла, но и это помогало не много. Стены помещений из тонкого дерева,

обшитого цинком, мало защищали от холода, печей ни в камерах, ни в прочих зданиях не было. Днём на солнце температура доходила до + 30, + 35 и вследствие этого тем сильнее ощущался холод ночью. Другого подходящего помещения для госпиталя в городе не было. События, однако, сами по себе разрешили этот вопрос. 14 мая разнесся слух, что буры отступили от Хельпмара и быстро очищают Наталь. С полудня начали приходить поезда с командами, артиллерией, показались обозы. 15 мая проехал наш отряд из Ньюкасла в Преторию со всем своим госпитальным имуществом и запасами. На другой день наш госпиталь оказался в 3-х милях от передовых позиций. Буры заняли горный проток Лангснек, Амаюбу, начали рыть траншеи, строить батареи, железнодорожный туннель над Амаюбой был взорван. С этого времени госпиталь стал функционировать как передовой перевязочный и эвакуационный пункт; в командных амбулансах аптечный материал истощался, всех больных направляли в наш госпиталь – работа началась горячая. Поступающие больные эвакуировались по возможности быстро в дальнейшие госпитали и в глубь страны, оставались лишь слабые и раненые, для которых перевозка была тяжела и опасна. Так как не было убеждения, что буры устоят перед надвигающейся в большой массе армией **Буллера**, то 18 я послал по телеграфу запрос в Преторию в медицинскую комиссию: куда при настоящих обстоятельствах найдут удобным перевести госпиталь.

Город понемногу пустел, все оставшиеся ещё жители выезжали, кто в Преторию, кто на север в глубь Трансвааля. Начали и мы на всякий случай укладываться, приготовили к укладке аптеку, перевязочный материал. Буры подвезли из Претории **Лонг-Том** (155-миллиметровое орудие системы **Canet**¹⁴⁵) и поставили его немного левее и впереди Фольккруста. 28 мая мы оказались отрезанными от Претории, так как армия **Робертса** заняла железную дорогу на своём пути в Йоханнесбург; с того же 28 мая началась орудийная перестрелка на наших позициях и обходные движения англичан позади нас на Ботос-Пас и севернее, на Ваккерстром.

Лонг-Том стоял настолько близко, что мы ясно видели разрыв каждой гранаты, посылаемой в него из английских судовых орудий. 29 мая узнали, что командным амбулансам было приказано быть готовыми к отступлению, а артиллеристы начали поиск быков, чтобы снять с позиции и увезти **Лонг-Том**. В госпитале состояло 14 человек больных, из них несколько тяжёлых. Не получая никаких извещений или приказаний я отправился на другой день утром на позиции к генералу **Христиану Бота** проверить слухи и получил от него совет закрыть госпиталь и увозить больных возможно скорее. Сейчас же по возвращении аптека, перевязочный материал и часть госпитального имущества были уложены, всё остальное имущество сдано ландросту, трансваальский персонал был распущен и вечером все мы и наш администратор были уже в товарных вагонах, только один пассажирский удалось достать для больных. Прощание с ландростом и нашими бурскими помощниками было самое сердечное, ландрост поднес благодарственный адрес от имени правительства. В тот же день поздно вечером из Претории кружным путём была получена запоздавшая телеграмма от 22 мая о немедленном закрытии госпиталя и о нашем отправлении через город Стандертон на линию Северной железной дороги в Машададорп. Больные были перевезены в город Стандертон и сданы до дальнейшей эвакуации в местный небольшой госпиталь. Ландрост города Стандертон доставил в наше распоряжение 2 больших фургона, запряжённые 24-мя быками; из Фольксруста с нами было 2 мула, 4 лошади, 2 экипажа и 1 июня мы тронулись в путь, пересекая Трансвааль через города Беталь и Каролину на Машадорп, куда и прибыли 7. Переход был довольно утомителен, днём сильная жара, ночью – холод до – 5–7; ночевать, за неимением палаток, приходилось под открытым небом. Для сестёр на ночь освобождали от вещей небольшое пространство внутри одного из фургонов. Шли мы с перепряжками, в Бетале и Каролине давали свежих быков и другие фуры. Бурские фуры, запряжённые быками (называемые бурами – оксенвагонами), замечательны; это гро-

мадное сооружение из дерева и железа, покрытое холстом¹⁴⁶, очень тяжёлое, грубой работы и страшно крепкое. Тянет такой фургон от 12 до 16 быков и идёт он по дороге и без дороги, на тормозах спускаясь с каждой отлогости, прыгая по камням, переходя реки вброд, при громких неистовых гортанных криках погонщиков **кафров**, вооружённых громадным бичом. Рабочие быки поражают, как и вообще весь бурский рогатый скот, своей силой, большой величиной и огромными, часто красивыми рогами; тело держат хорошо, несмотря на плохой, малопитательный, сухой подножный корм. Путь наш шёл по малонаселённым местам; местность представляла из себя волнистую степь, покрытую жёлтой, выжженной солнцем травой, деревьев почти не видно, если не считать низкорослых мимоз и эвкалиптов около редких ферм, которые нам попадались по дороге. Из царства животных видели только несколько змей, да по ночам слышали вой шакалов; на одном ночлеге, пройдя Каролину и вступив в начинавшиеся к Машададорпу горы, встретили стадо обезьян. Трансвааль лет сорок назад был полон всевозможными представителями животного царства, но постоянные войны, которые буры вели с **кафрами**, и охота распугали и разогнали диких животных.

На севере Трансвааля, около Лейденбурга, где местность ниже, теплее и покрыта низкорослой частой зарослью, которую буры называют бушфельдом, ещё попадаются львы, гиены и большие антилопы; слоны, носороги, жирафы, бизоны перекочевали дальше на север, в сторону Родезии, на реку Лимпопо; там водится муха цеце, защищающая их от частых посещений охотников. В средней части Трансвааля, кроме обильного количества змей, почти всегда ядовитых, водятся ещё крокодилы, шакалы, муравьеды, антилопы и много мелких пород грызунов. Наши переходы были от воды до воды, чаще делали 2, редко – 3 перехода в день. Воды в той местности, где пришлось нам идти, было мало и на качество её уже не приходилось обращать внимание; все степные речки пересохла и часто приходилось довольствоваться небольшой лужей, оставшейся ещё невысохшей в низине. Недостаток воды

в Трансваале вообще очень ощутителен, в особенности в деле разработки золотых мин, и за право отвести воду из какого-нибудь небольшого степного озера администрация копей платит владельцу воды большие деньги. Мы часто заезжали по дороге на фермы в поисках молока или хлеба, но не всегда могли найти желаемое, особенно молоко. Дело в том, что около своих ферм буры держат скот лишь весной и летом, когда трава ещё держится, с наступлением же осени, когда всё выгорает, стада угоняются от голода в более тёплые и влажные места, где трава не так высыхает. Скот гонят обыкновенно в английские владения в Наталь, **кафрские** – Свазиланд и на север к Лейденбургу в бушфельды (бушвельды), как это было теперь; фермы покидают, оставляют сторожить их нескольких **кафров**, а вся семья на оксенагенах, забрав с собой палатки и лучшее имущество, переселяется вместе со стадами. Зима – это время, когда молодые буры закаляют свои организмы, учатся стрелять, переносить труды и опасности; это время охоты – благодаря засухе и холоду в низких влажных местах малярия прекращается и охотники, не боясь заболеть, забираются в глубины бушфельдов. Зима, это период деятельности буров, так как на своих фермах они предаются полному бездействию, если только нет войны с **кафраами**; иногда выедет бур, осмотрит, подсчитает стада, да проверит **кафров**, много ли те засеяли ему кукурузы; остальное время или спит, или пьёт кофе, или читает Библию. Бурских женщин нельзя назвать примерными хозяйками – за животными ходит **кафр**, пищу готовит **кафр**, бельё стирают, детей нянчат те же **кафры**; бурки занимаются немного шитьём, особенно оберегая руки, белизна и нежность которых считается ими признаком красоты и хорошего тона. Почти в каждой ферме, одноэтажном низеньком домике часто с земляным, реже деревянным, покрытым линолеумом полом, можно найти пианино; по фермам ездят странствующие учителя из европейцев, не нашедших ещё себе лучшего заработка, учат грамоте детей, а девочек ещё немножко играть на пианино, аккомпанировать пению псалмов. У каждого бура на его участке

земли находятся несколько хижин, иногда целые деревни (краали) **кафров**, – это частью потомки бывших невольников, частью покорённые племена **Машоно, Матабеле, Шанга**. За право жить на его земле **кафры** обязаны работой по дому бура и в поле. В городах и местечках слуги наёмные, приходят на заработки **зулу, базуты, свази-кафры**; плата им от 1 до 2-х фунтов стерлингов в месяц, причём **кафра** надо одеть, так как являются они в тех костюмах, как ходят у себя в краале, то есть почти без всякого признака одежды, с одним пояском, в холоде завёртываясь в какие-то тряпки. Народ они крепкий, отлично сложенный, иногда красивый – особенно **зулу**; оригинально красивы девушки и женщины **зулу** в своих украшениях из разноцветных бус. Буры обходятся с **кафрами** очень сурово; так, **кафр** не смеет спать в доме, а ютится на дворе, мясо дают редко, кормятся они вечной паппой – густой кашей из грубо толчёной кукурузы. Когда у нас в госпитале был раненый **кафр** то, за неимением отдельного помещения, его пришлось пристроить в сарае; только в Йоханнесбурге я видел отличную больницу для **кафров** – это влияние уже европейцев. Строго запрещено продавать **кафрам** спиртные напитки под страхом большого штрафа и даже тюремного заключения; они не имеют права иметь огнестрельное оружие, не имеют права отлучаться из места своего жительства.

Нам пришлось видеть довольно много **кафров** и близко познакомиться с ними в Фольксрусте, так как прислуга вся была чёрная и часто сменялась, одни уходили домой, на смену ландростом присылались другие; кроме того, мы часто ездили в их краали. Народ дикий, правда, ленивый, но добрый, наивный, крайне экспансивный, и, насколько можно было заметить, очень способный; редко приходилось на них прикрикнуть, а к более крутым мерам не прибегали ни разу. Арестанты **кафры**, которые присылались из тюрьмы каждую неделю мыть полы и производить усиленную чистку всех помещений госпиталя, часто скованные цепью за попытки к побегу, не производили никакого отталкивающего впечатления и не имели какого-либо зверского вида.

О тех преступлениях чёрных, которые судятся в Америке судом **Линча**, в Трансваале не слышно, так что в суровом обращении буров, не считающих **кафров** почти за людей, проглядывает скорее чувство обиды и мести за своих, убитых в войнах с ними сородичей.

Проходя город Каролину, мы получили известие, что Претория взята и что президент переехал в Машададорп. Пришли мы туда 7 июля утром. В обычное время небольшая, тихая железнодорожная станция, лежащая у подошвы Драконовых гор, была полна народу. Стояли лагерем команды, артиллерия; все правительственные лица помещались в железнодорожных вагонах, президент **Крюгер** жил в своём президентском салон-вагоне, рядом стояли товарные вагоны, охраняемые часовыми, с государственной казной и документами. Сумятица происходила отчаянная, занятие англичанами Претории произвело на всех огромное впечатление. Часть пленных успели перевезти ближе к Комати-Порту в Найтгедахт. Представителей Медицинской комиссии в Машададорпе никого не было, так что, узнав от доктора **Гейманса**, личного врача президента, что наш главный отряд находится на следующей станции Ватерфаль-Бовен, где им открыт госпиталь, мы, усталые от дороги и от работы последних дней в Фольксрусте, решили ехать к отряду¹⁴⁷.

Оставшийся медперсонал тем временем переводили подальше от фронта:

На следующий день (19 мая 1900 г.) мы были в Ватерваль-Бовене. В городе мы застали статс-секретаря **Рейца**. Тут же находились корреспонденты различных изданий. **Крюгер**, в это время уехавший также из Претории, имел пребывание на ближайшей станции. Мы поселились в школе. Помещение досталось нам небольшое, в 2 комнаты. Ночью мы ужасно зябли. Здесь в мае начинаются холодные ночи.

23 мая утром мы видели поезд с английскими пленными. Офицеров везли в 1 классе, а солдат в товарных вагонах.

Дня через 2 к нам присоединился Фольксрустский отряд. Ему пришлось совершить для этого в течение 8 дней поездку в Oхenvagen. Волы не спешили, хотя в каждый фургон было запряжено по 6 пар.

26 мая мы праздновали новоселье. Из школы выбрали в палатки, их 9, держались они слабо, с первым сильным ветром валились, рвались и взлетали на воздух.

Местность в Ватерваль-Бовене чрезвычайно живописная, но природа дикая. Куда не поглядеть – повсюду скалы, горы, утёсы и обрывы. Горные ручьи с шумом и рёвом, образуя водопады и каскады, низвергаются в долины и ущелья. Один недостаток, зелени, деревьев мало. Ветер так и гуляет на свободе. Вокруг виднеются **кафрские** краали – хижины¹⁴⁸.

Доктор **Эбергардт** писал об этом тяжёлом времени:

Прибыв 28 июня в Машададорп, я отправился в близлежащий Ватерфаль-Бовен, где в это время находился уполномоченный Российского Общества Красного Креста доктор **Кусков** с большей частью санитарного отряда (3 врача, 2 фельдшера, 8 санитаров милосердия, 2 агента по хозяйственной части и 8 санитаров) и при нём ещё переводчик, повар и несколько **кафров**. В Ватерфаль-Бовене был открыт лазарет на 18 кроватей. По распоряжению уполномоченного Красного Креста я должен был передать заведываемый мною до сего времени амбуланс врачу нашего отряда доктору **Садовскому**, который с ним отправился к войскам, расположенным на западном театре военных действий. Ввиду того, что в Ватерфаль-Бовене был несоответствующий числу больных большой персонал, и ввиду того, что там за отсутствием войсковых команд не было почти амбулаторных больных – я просил разрешения уполномоченного Российского Красного Креста на устройство амбулатории в Машададорпе, где буры стали вновь собираться и укреплять позиции под командой генерала **Лукаса Мейера**. В Машададорпе в это время находились пехотинцы, иностранцы,

волонтёры, резерв артиллерии, специальная полиция, охранительная стража железной дороги, хозяйственный комиссариат, полевая почта и телеграф. Так как я не мог для сего устройства амбулатории получить на палатки, ни свободного дома, то я выхлопотал для этой цели у правления ZASM'a, при посредстве заведывающего делами Военно-медицинской комиссии и.д. прокурора республики господина **Якобса**, товарный вагон, который я и превратил уже в подвижную амбулаторию на станции железной дороги. Внутреннее устройство вагона было очень простое: из нескольких деревянных ящиков была импровизирована мебель, к стенкам вагона прибито несколько деревянных полочек. Приобретена была некоторая посуда, ведро воды и прочего, установлены лекарства, перевязочные средства и лекарственный набор хирургических инструментов. Задача этой амбулатории была главным образом подавать медицинское пособие на станции железной дороги, как сборном пункте войск; кроме того, в случае необходимости, она могла быть немедленно передвинута на ближайшую к западу станцию Дальманута и далее вперёд к вновь занимаемым бурами позициям. В случае нужды в этом же вагоне предполагалось перевозить раненых на ближайшую (в 20 минутах езды) станцию Ватерфаль-Бовен в наш русский лазарет.

Деятельность моя в этой амбулатории продолжалось около 4-х недель, в течение которых произошли значительные изменения в судьбе Трансваальской армии. Командующий этой армией генерал **Луи Бота**, отступая перед превосходными в численном отношении силами генерала **Робертса** от Бальморала, в первых числах августа перенёс свою главную квартиру в Дальманута и занял позиции к северу и югу от железной дороги с тем, чтобы загородить дорогу наступающим англичанам в Ватервальандер и Лейденбург. Таким образом, к концу своего существования подвижная амбулатория очутилась бы в положении передового перевязочного пункта, что однако не вполне осуществилось ввиду последовавшего 14 августа отъезда отряда Русского Красного Креста из Трансвааля.

Кроме огнестрельных и других поранений, пользованных мной в этой амбулатории – особый интерес представила небольшая эпидемия кори, появившаяся между населением и войском в Машададорпе. Всех заболеваний было 11, из них 4 относятся к младенческому возрасту, остальные касаются взрослых людей – от 16 до 38-летнего возраста. Дети, заболевшие в Машададорпе, жили в доме и в палатке, расположенных в соседстве с палаткой, в которой было 2-е взрослых больных корью (16 и 22 лет от роду). Родители заболевших детей общались друг с другом и посещали также раньше и означенных больных взрослых. Как оказалось, по наведённым мной справкам, в это время трансваальской зимы всегда и раньше наблюдались эпидемии кори. Двоих из взрослых больных корью я отправил по железной дороге на 3-ю от Машададорпа станцию Нойтгедахт, где находился большой голландский госпиталь для инфекционных заболеваний. В Нойтгедахт была также эпидемия кори между содержавшимися там пленными англичанами.

11 августа сильным ветром разорвало несколько палаток, в которых помещался персонал нашего отряда в Ватерфаль-Бовене. Это обстоятельство было причиной того, что отряд Российского Общества Красного Креста, оставил Трансваальскую республику 14 августа, то есть на две недели раньше отхода пассажирского парохода в Европу из Лоренсу-Маркеша. 12 августа закрыта амбулатория в Машададорпе, в которой за всё время пользовалось 152 человека и сделано было 190 посещений.

Выше уже были изложены обстоятельства, благодаря которым нам, врачам русского отряда, пришлось сравнительно мало видеть раненых и таким образом, лишиться возможности изучать всестороннее действие современных огнестрельных снарядов при ранениях. Несмотря на настоящую в буквальном смысле погоню за ранеными, устроенную нами в виде наших запоздавших полевых амбулансов, русский отряд за всё время своей деятельности в Трансваале во всех его 3-х госпиталях (Ньюкасле, Фольксрусте и Ватерфаль-Бо-

вене) пользовались стационарно всего только 104 человек с огнестрельными ранами, в числе которых входят и раненые, которые с успехом могли бы быть использованы амбулаторно. Я имею возможность пользоваться амбулаторно. Я имею возможность пользоваться для описания действия современных огнестрельных снарядов 32 случаями, мною изученными и более или менее подробно описанными. В числе этих 32 случаев 11 раненых находились на попечении врача нашего отряда **Гольбека**, но наблюдались нами совместно и временно, за отсутствием доктора **Гольбека**, пользовались также моим уходом...

Снаряды, с которыми нам приходилось встречаться, были: осколки гранат (5), шрапнель (1), пули системы **Ли-Метфорд** (14), пуля **дум-дум** (1), **Генри Мартини** (1), **Маузера** (8) и пуля револьвера **Веблей**, также 1 осколок от игрушечной пушки, сделанной из железной водопроводной трубы и начинённой бездымных порохом. Пуля системы **Генри Мартини** свинцовая, цилиндроконической формы, калибра 11,43; такого же калибра и формы пули со стальной никелированной оболочкой, употребляемые для пулемёта **Максима**. Из ручного пулемёта **Максима** стреляли пулями ружья системы **Lee Metford**. Пулями **дум-дум** английские войска, по-видимому, были снабжены в изобилии, так как в числе отобранных бурами снарядов их находили массами. Пули **дум-дум** для ружья системы **Lee Metford** встречались мне двух сортов; с обнажённым от никелевой оболочки огивальным концом, и с боковыми в оболочке (параллельно длинной оси пули) надрезами и отпиленным концом с маркой E B на патронной гильзе. В марте месяце весьма редко, но зато впоследствии, с июля, весьма часто стали встречаться такие же пули **дум-дум** для ружья системы **Маузера**, одна с маркой на гильзе D M K, а другие с DM 1999 K. Буры имели обыкновение обмазывать свои патроны мазью, для уменьшения порчи ружейного ствола. Мазь эта, благодаря присутствию в ней свободных жирных кислот, способствовала образованию солей никеля или меди зелёного цвета на оболочках пуль, которые, конечно, не

сделались от этого ядовитыми, как об этом распространялись невежественные английские журналисты в своих газетах...

(Далее следует медицинское описание всевозможных огнестрельных ранений, которое авторы оставляют за рамками данной работы)¹⁴⁹.

Наш соотечественник-врач рассказывал в своих письмах об отступлении войск буров:

Трансвааль

(от нашего специального корреспондента)

Претория, 22 мая 1900 г.

Опять наш отряд Красного Креста в Претории. Как это случилось, опишу вам подробно.

До 14 мая (по новому стилю) мы совершенно спокойно работали в нашем госпитале в Ньюкасле, и время от времени получали сведения о ходе работ в отделах нашего отряда в лагере Гленко и в Фольксрусте. Утром 14 мая мы вдруг узнали, что англичане свершили передвижение своих сил от Эланд-слаагте и Денди и заняли там выгодные позиции. В этот же день мы узнали, что у оранжевых буров тоже неблагоприятно, – что англичане заняли Кронштадт и освободили Мафекинг.

Все эти обстоятельства вместе взятые заставили буров приняться за отступление к северу. Однако мы никогда не думали, что это отступление начнётся так быстро и будет сопровождаться такой поспешностью.

Ночью, около двух часов, с 14 на 15 мая мы были разбужены раздававшимися на улицах криками, необычайным для ночного времени движением. Впопыхах вбежал к нам какой-то человек и подал телеграмму на имя уполномоченного. В телеграмме сказано было, чтобы мы немедленно собрались в путь, так как в 6 часов утра уйдёт назначенный для врачебных отрядов поезд.

И вот началась поспешная укладка госпитальных вещей и врачебных принадлежностей.

Немедленно все были разбужены: больных одели во что

попало и принялись за упаковку багажа. Работа была не из лёгких, к тому же пришлось работать при тусклом освещении фонарей и свечей...

Однако мы не падали духом и энергично принялись за выполнение трудной задачи, возложенной на нас. Ровно к пяти часам утра всё было запаковано, ящики с медикаментами и перевозочными средствами были заколочены. Не забыли мы также и о своих собственных вещах. Сундуки, ящики и тюки, запакованные и заколоченные, складывались на дворе, где уже стояли две пары запряжённых в повозки мулов. Одну пару мулов нам прислала городская администрация, другая пара была у нас раньше. На этих мулах мы свезли наши вещи на вокзал, спустили мы со здания госпиталя наши два флага и простились с тем местом, на котором поработали около четырёх месяцев в пользу страждущего человечества. На вокзале нас ожидал сюрприз. Местный ландрат заявил нам, что он отберёт у нас на время (только на время) наших мулов. Мы в простоте душевной отдали ему мулов, но увы! До сих пор их обратно не получили.

На вокзале мы застали массу войска, отправлявшегося спешно в Фольксруст, к роковой и памятной для англичан горе Маюба. Наскоро нагружались вагоны всевозможной кладью, оружием, лошадьми и тому подобным. Люди помещались кое-как в вагонах, – кто сидя, кто стоял, а кто и на подножках. Проезжая дорога из Гленко в Фольксруст, проложенная через Ньюкасл, была буквально черна от тысяч повозок, медленно подвигавшихся с помощью волов, наш госпитальный багаж едва поместился в трёх багажных вагонах и на двух открытых платформах.

Ровно в 4 часа дня 15 мая мы, наконец, тронулись в путь и распростились навсегда с Ньюкаслем.

В 9 часов вечер мы прибыли в Фольксруст, где мы сдали наших больных; повидали мы здесь наших товарищей по отряду и, переночевав в вагонах, отправились утром в дальнейший путь. Вечером 16 июля мы приехали в Преторию.

Ф. Попов¹⁵⁰.

Далее врач говорил о бегстве из Претории руководителей буров и о новом местопребывании отряда РОКК в местечке Ватерфаль-Бовен:

В Трансвааль

(от нашего собственного корреспондента)

VATERVAL-BOVN, 15 июня 1900 г.

Последнее моё письмо я писал вам из Претории, куда русский отряд Красного Креста должен был перебраться из Ньюкасла и лагеря Гленко.

Увы! На этот раз столица Трансвааля оказалась далеко не такой гостеприимной, как в первый наш приезд туда. Виной тому, впрочем, не буры, которым теперь уже было не до нас, а просвещённые мореплаватели, сиречь¹⁵¹ англичане, которые грозной тучей надвигались на Преторию и совершили страшный переворот в житье-бытье преторианцев.

Ещё 12 мая по нашему стилю, когда мы только что приехали в Преторию после нашего бегства из Ньюкасла, по городу уже ходили тревожные слухи о том, что рыжие, как здесь называют англичан, приближаются и что **Робертс** дал приказ своим генералам во что бы то ни стало взять Преторию.

Жители трансваальской столицы начали не на шутку укладываться и собираться в путь. Все присутственные места республики прикрыли свои двери и перенесли операции свои к северу от Претории, в 10–12 часах езды от неё. Торговые заведения и транспортные конторы наглухо заперлись и прекратили всякую деятельность. И только одни мирные жители, старики, женщины и дети оставались в своих домах и решили не трогаться с места, пока правительство не объявит решение о поголовном бегстве из города в горы.

И вот 17 мая **Крюгер** получил официальное донесение, что англичане уже близко от Претории и собираются устроиться лагерем под стенами города.

Как электрическая искра пролетела тут по всему городу весть, что правительство решило не защищать Преторию, а оставить её на благоусмотрение неприятеля, который, как ни

как, а всё-таки не варвар какой-нибудь и не перережет ни в чём неповинных жителей города.

Начался усиленный вывоз из Претории золота, оружия и правительственных бумаг. Золото вывозили из трансваальской столицы что-то на 15 или 20 подводах, запряжённых волами. Этим презренным металлом, из-за которого собственно и затеяли англичане, вернее, **Чемберлен** и **Родс**, войну с мирными трансваальцами, нагружено было несколько вагонов северной железной дороги, которые и отправились 17 мая вечером в горы. Туда же уехал и папа **Крюгер** со всем своим штабом, охраняемый целым взводом хорошо вооружённых буров. Куда они отправились, а также куда увезли золото из Претории, никому неизвестно.

Само собой разумеется, что после того как правительство решило отдать Преторию без боя англичанам, отряд наш, в свою очередь, решил перебраться тоже на север, где в наших услугах может оказаться необходимость.

На другой же день мы отправили не распакованные свои тюки на вокзал и отправились тоже на север в горы.

Уныло выглядел город, когда мы его покинули. Что-то с ним будет, когда его займут англичане? Как оказалось, не одни старики, женщины и дети остались в Претории. После ухода из неё всего военного или, вернее, воюющего элемента города, остались в нём и многие фермеры – буры, которые сложили оружие и решили добровольно сдаться рыжим. Вообще, как заметно, многие трансваальцы страшно упали духом и категорически заявляют, что они не хотят больше воевать, что им надоело вести эту кочевую жизнь.

Бегство наше из Претории продолжалось около 14 часов по железной дороге. Для нашей стоянки мы выбрали небольшое село под именем Vatterval-Boven (Ватерфаль-Бовен), находящееся на склоне одного из горных хребтов, которыми так богата северная часть Трансвааля.

Местность чрезвычайно живописная, гористая и изобилует целой серией водопадов, из которых один особенно величествен и напоминает нашу Иматру.

Поместились мы у подножия горы, достигающей до 1500 футов высоты. Здесь мы раскинули свой лагерь, состоящий из нескольких палаток. В офицерском шатре поместился наш уполномоченный, в другом шатре – вначале для сестёр устроили более поместительную палатку; санитары разместились в дивизионном шатре, а фельдшеры – в абиссинской палатке. Для помещения больных нам уступили деревянное здание дешёней школы.

Таким образом, мы хоть и на бивуаках, но устроились довольно удобно.

Больных у нас пока мало, но ожидаем наплыва раненых. С первого же дня нашего переселения сюда мы начали получать неутешительные сведения из Претории. Оказывается, англичане хозяйничают в столице Трансвааля, как у себя дома, творят суд и расправу с бурами, не покидающими оружие и обращаются с ними, как с изменниками, точно Претория и на самом деле часть английского королевства, а не свободный город Южно-Африканской Республики.

Между прочим, мы узнали здесь новость, которая возмутила нас страшно. Оказывается, что англичане схватили многих из наших русских волонтёров и как военнопленных посадили их в тюрьму. Говорят, что англичане намереваются поступить с нашими волонтёрами как с лицами, пойманными с оружием в руках в завоёванной стране, то есть как с мятежниками.

Если это правда, так ведь это ужасно!

Закачивая письмо моё спешу сообщить, что весь отряд наш жив и здоров и шлёт свой привет далёкой родине, всем родным, друзьям и знакомым.

Ф. Попов¹⁵².

О страшной смертности среди английских солдат в Южной Африке говорилось в сообщении **Ермолова** (о том же писал и посол **Стааль**):

...огромное впечатление на английскую печать и общественность произвели разоблачения члена палаты общин **Бердетт**

Кутса о состоянии госпиталей на театре войны в Южной Африке и страданиях, коим подвергаются раненые и ещё больше – заболевшие лихорадкой солдаты. Неудовлетворительное устройство санитарной части... страшная нехватка матрацев, носилок, раненые лежат в Блумфонтейне на голой земле.

Товарищ военного министра ... не отрицал фактов, но старался объяснить их вообще невозможностью организовать в военное время и в столь отдалённой стране санитарную помощь, соответственную потребностям... Назначена комиссия из членов парламента...

... и представители военного министерства не отрицают, что последнее рассчитывало окончить войну с южноафриканскими республиками в короткий срок и с армией в 50 000 человек... Оно было застигнуто врасплох неожиданным неблагоприятным оборотом кампании, вызвавшем отправку 200 000 человек на театр войны, где не привыкшие к местному климату люди массами делались жертвами изнурительной лихорадки, унесшей больше воинов, чем... погибло от неприятельского оружия¹⁵³.

По поводу возможной эпидемии писалось:

В Главное интендантское управление.

Юлия (неразборчиво);

копии – Главное военно-медицинское

и ж-дорожный отдел

Главный штаб препровождает копию депеши посла в Лондоне, действительного тайного советника **Стааля** от 21 минувшего июня относительно состояния госпиталей на театре военных действий в Южной Африке.

Его Превосходительство (военный министр) изволили наложить резолюцию: «Надо дружно принять меры, дабы наших больных не постигла та же участь. Эпидемии, к сожалению, вряд ли удастся избежать. Прошу принять меры, чтобы эта эпидемия не захватила нас врасплох».

Упр. дел. г-л **Соллогуб**¹⁵⁴.

Врач подробно описывал временную столицу Трансвааля:

В Трансваале

(от нашего специального корреспондента).

BATERVAL-BOVEN, 4 (17) июля 1900 г.

Я вам уже писал, что мы устроили наш походный лазарет в горах к северу от Претории, на расстоянии 12 часов езды от неё.

Вначале мы думали, что попали в такое захолустье, от которого – хоть десять лет скачи, ни до какого царства не доскачешь. Оказалось, однако, что мы совершенно случайно очутились у самой резиденции президента **Крюгера**, основанной им после его бегства из Претории.

Резиденция эта находится в небольшом городке, вернее, селении Мальдсдорфе, где в настоящее время сосредоточено всё трансваальское правительство.

Так как наш лазарет находится на расстоянии какой-нибудь версты от новой столицы **Крюгера**, то мы посещаем её часто, а вчера нас уже официально пригласили для ознакомления с программой предстоящей деятельности трансваальского правительства, как гласило письменное приглашение, написанное на имя здешнего фельдкорнета.

И вот мы вчера явились в новую столицу Трансвааля. Вся она состоит из двух-трёх десятков одноэтажных домиков, в которых помещаются местные жители с их семьями. Для папы **Крюгера** отвели маленький домик с хорошеньким садиком, утопающим в белых и пунцовых цветах, от которых домик выглядит игрушкой.

Я нашёл, что глава Трансваальской республики, после всех этих передряг и после такого страшного переворота, постигшего страну, значительно изменился. Он ещё более осунулся, прибавилось несколько мелких морщин, избородивших теперь всё открытое добродушное лицо **Крюгера**. Но заметно, однако, что он духом не пал, что он призывает и всех своих соотечественников не падать духом и не вешать головы.

Мы как раз явились к тому времени, когда **Крюгер**, окружённый своим штабом и огромной толпой буров, говорил речь. **Крюгер** вообще хороший оратор, по образцу протестантских пасторов, а на этот раз, воодушевлённый высоким патриотическим чувством, он говорил с особенным увлечением.

Сущность его речи сводилась к тому, что собственно война кончена и что теперь со стороны англичан началось только мщение за те маленькие неприятности, которые им время от времени доставляют буры.

– Но так как, – закончил свою речь **Крюгер**, – мщение есть выражение недостойного истинных христиан чувства, то мы не будем следовать примеру наших врагов; мы не будем мстить, а только бороться за свою самостоятельность, отражая нападения на нас англичан. И каждый из нас, в ком не погасло чувство патриотизма, надеюсь, не положит так скоро оружия к ногам наших врагов!

Речь **Крюгера** вызвала неподдельный энтузиазм среди буров, общее воодушевление охватило слушателей и последние слова оратора покрыты были несмолкаемыми криками ура!

В результате решено было действовать мелкими отрядами, под командой не только генералов, но и просто опытных воинов, искусившихся уже в деле борьбы с англичанами.

На второй или на третий день после этой речи **Крюгера**, небольшой отряд в 600–700 человек, под командой фельдкорнета **Людерса** выступил из гор на юг, то есть по направлению к Претории; а в тот же вечер к нам в лазарет поступило около 30 человек раненых буров; оказалось, что англичане их уже поджидали и встретили, подготовленные к вылазке буров.

Ввиду этих частых стычек небольшими колоннами, у нас теперь ежедневно пополняется лазарет ранеными, среди которых попадают нередко даже 15-ти и даже 13-ти летние мальчишки-буры.

Ф. Попов¹⁵⁵.

Продолжим его письма:

В Трансвааль
(от нашего собственного корреспондента).
ВАТЕРФАЛЬ-БОВЕН.

Когда это письмо дойдет до вас, – чего, благодаря здешним почтовым распорядам, нельзя ожидать скоро. Мы, наверно, уже тронемся в путь... Домой. В нашу милую, дорогую нашему сердцу Россию...

Само собой разумеется, что наше стремление уехать отсюда вызвано не исключительным только желанием быть поскорее среди своих родных и друзей, но также и сознанием полной бесполезности нашего пребывания здесь.

Была пора – мы нужны были бурам, наше присутствие приносило им известную пользу и мы тогда гордились нашим пребыванием среди храбрых и неутомимых трансваальцев ведущих ожесточённую борьбу за свою независимость... Пора эта миновала.

Правда и теперь буры делают кое-какие вылазки против англичан, но увы! Это уже не война правильно организованная, а так как, какие-то вспышки еле догорающего костра.

Нам положительно теперь здесь делать нечего. Госпиталь наш, который мы устроили в горах, совсем пустует. Больных мы имеем всего пять-шесть человек, которые не нынче – завтра совсем поправятся, и нам придётся сидеть у моря и ждать погоды.

Пока что будет мы решили организовать из нашего отряда летучий лазарет и следовать шаг за шагом за передовыми позициями. Летучий этот лазарет составили врачи господ **Садовский** и **Давыдов**, фельдшеры господ **Маслов** и **Павлов** и один санитар. С завтрашнего дня этот летучий лазарет выступает в поход.

Насколько буры сами не надеются теперь на свои силы видно из того, что даже сам президент **Крюгер** упал духом. На днях, например, мы провожали нашего агента **К.А. Людига**, который по семейным делам собирается уезжать в Россию. Весь отряд наш его очень любит и потому мы устроили ему торжественные проводы. Перед отъездом **К.А. Людиг** от-

правился к папе **Крюгеру** проститься с ним. Тот любезно его принял, благодарил за участие, которое Русский Отряд Красного Креста принял в борьбе буров, а затем на прощанье обратился к господину **Людигу**.

– А где же остальные члены отряда вашего? Отчего они не пришли проститься со мной? Уж не рассердились ли они на меня за что-нибудь? Не обидели ли их у нас?

– О нет, господин президент! – ответил господин **Людиг**. – Я только один уезжаю в Россию, отряд остаётся ещё здесь.

– О, я им очень благодарен, – заметил **Крюгер**, – что они нас не покидают в такую тяжёлую минуту... Но, Боже мой! Неужели им придётся быть свидетелями окончательного нашего поражения?! Неужели они увидят позор Трансвааля?!

И на добрых глазах старика **Крюгера** показались две крупные слезинки.

Жаль было видеть этого мощного когда-то, энергичного деятеля, положившего столько труда на защиту своей дорогой страны, и теперь окончательно опустившего свои руки...

Нам приходится видеть теперь президента **Крюгера**... И, Боже мой, какая разница между тем **Крюгером**, которого мы видели в Претории в начале этой войны и теперешним! Он весь как-то сгорбился, и без того морщинистое лицо ещё более избороздилось угловатыми линиями. Походка его сделалась тяжёлая, ноги еле передвигаются. За последние три месяца он постарел лет на десять.

– Неужели вы, господин Президент, так-таки и не надеетесь придти к какому-нибудь соглашению с Англией? – спросили мы его.

– Я надеюсь на Бога; он нас не оставит, – сказал нам в ответ **Крюгер** и грустно поник головой.

Маленький домик, окружённый тропической зеленью, в котором живёт теперь глава Трансвааля, по целым дням атакуется бурами, который со всех сторон являются сюда с одним и тем же вопросом: что будет дальше?

Ответ **Крюгера** всегда один и тот же:

– Всё в воле Божьей. Кто желает продолжать борьбу за не-

зависимость нашей родины, – милости просим... Кто не желает, может возвратиться к своим обыденным занятиям и жить до поры до времени под знаменем лорда **Робертса**.

– Но, господин Президент, – пробует кто-то возразить, – дело не в том, желаем ли мы или не желаем, вести борьбу с англичанами, за независимость родины нашей, а вопрос в том: насколько эта борьба полезна будет для благополучия нашей родины?

– Друзья мои, – ответил мягко президент **Крюгер**, – когда надо было во что бы то ни стало переплывать через реку, тогда не рассуждаешь: полезна или вредна для меня холодная вода...

Ф. Попов.

(Окончание завтра)¹⁵⁶.

Далее врач писал о вынужденных переговорах **Крюгера с Робертсом** для улучшения участи гражданских лиц, оставшихся в столице Трансвааля:

В Трансвааль

(от нашего собственного корреспондента)

Ватервааль-Бовен

27 июля 1900 г.

Несмотря на отдалённость новой резиденции президента **Крюгера** от Претории, глава Трансваальской республики получает ежедневно сведения из бывшей своей столицы. Оказывается, что как деятельно ни охранял лорд **Робертс** заставы Претории, но находящаяся там супруга **Крюгера** ухитряется ежедневно присылать своему мужу самые свежие новости о том, как англичане распоряжаются на берегах реки Вааля.

На днях по всему **Ватерфалю** разнеслась тревожная весть о том, что будто бы лорд **Робертс** сделал распоряжение о высылке из Претории всех жён и детей буров, мужья и отцы которых находятся в отсутствии.

По этому поводу **Крюгер** созвал в своём домике экстренное собрание своего штаба для обсуждения вопроса: как

быть?

Председательствовал в этом собрании сам **Крюгер**, который обратился к присутствующим приблизительно со следующими словами.

— Друзья мои! Господу угодно было послать нам новое испытание: наши жёны и дети, имевшие до сих пор спокойное пребывание в родном нашем городе Претории, ныне по злой воле врага нашего лишаются своего мирного крова и пристанища. Им придётся скитаться теперь вместе с нами в горах и претерпевать вместе с нами лишения и невзгоды. В горах скоро наступит период дождей и бурь; малым детям нашим и женщинам трудно будет переносить эти стихийные невзгоды. Наши враги это знают очень хорошо, и, по-видимому, поголовным изгнанием ни в чём неповинных жён и детей наших из Претории хотят вынудить нас на известные уступки. Надо нам найти поэтому какой-нибудь исход из этого неприятного положения.

И вот после продолжительного совещания собрание решило послать лорду **Робертсу**, как временному хозяину города Претории, телеграмму с просьбой: не тревожить ни в чём неповинных, мирно живущих в городе жён и детей буров.

Английский главнокомандующий сэр **Робертс** оказался в этом отношении джентльменом и не оставил телеграмму **Крюгера** без немедленного ответа:

«Женщины и дети ваши нам не мешают, при условии, если нам не придётся их кормить из наших запасов».

Как только была получена эта телеграмма **Робертса**, **Крюгер** немедленно распорядился обратиться с воззванием к трансваальским и оранжевым фермерам.

Воззвание это составлено было собственноручно **Крюгером** и состояло из следующих выражений:

Граждане! Пришла пора, когда мы должны заботиться не только о нашей гражданской доблести, но также и о жизни и здоровье наших жён и детей, которым грозит опасность быть изгнанными из родного угла. Их изгоняют так же, как изгоняют из дома собаку, которую не желают даром кормить. Пусть каждый, кто может, из запасов своих отвезёт в Прето-

рию пшеницы и скота и отдаст эти съестные припасы в распоряжение живущих там женщин и детей. Только при таком условии англичане согласны не выгонять их из собственных наших домов.

Каким способом доставлено было это воззвание до южных фермеров Трансвааля, а также до оранжевых буров, мне неизвестно, но факт тот, что ровно через неделю в Преторию прибыли целые вагоны с пшеницей и всевозможными съестными продуктами.

Ф. Попов

(окончание следует)¹⁵⁷.

Небезынтересно и мнение российский сестры милосердия о местном чёрном населении:

Кстати скажу несколько слов о **кафрах**. У них различается несколько племён. Чтобы резче выделить свою принадлежность к известному племени, **кафр** или рвёт себе передние зубы, режет пальцы или уродует лицо шрамами смотря по тому, что установлено в том племени, к которому он себя относит. Во главе отдельных племён стоят короли и начальники. Среди народа особым уважением пользуются знахари, кудесники, они обставляют жизнь свою особой таинственностью, живут уединённо в пещерах, в скалах. Слов своих на ветер не бросают, а потому с простыми смертными в пустые разговоры не вступают. У них просят только советов в важнейших случаях жизни. Кормятся они приношениями своих посетителей...

Рождение человека сопровождается у **кафров** плачем, а смерть – радостью, вокруг трупа учиняются дикие пляски и не поддающиеся описанию ликования. Положение женщины у **кафров**, как у народов вообще малокультурных, довольно тяжёлое. В бедных классах преобладает моногамия, в богатых же, среди начальников племён, королей, – многоженство. Жён себе **кафры** покупают и они являются для них чем-то вроде рабынь. На улицах мы постоянно наблюдали такие случаи – идёт **кафр**

с пустыми руками и покрикивает на жену, которая изнемогает под непосильным грузом поклажи, что взвалил на неё как на вьючное животное её супруг. Вообще в домашнем обиходе вся тяжесть работы лежит на жене, а муж – её господин¹⁵⁸.

Следует всегда помнить, что англо-бурская война являлась сражением между жившими в Южной Африке преимущественно голландскоязычными и англоязычными белыми народами, использовавшими местное чернокожее население в качестве прислуги и дешёвой рабочей силы. Так, в книге фон **Баумгартен** встречаются и поучительные зарисовки о положении дел в Трансваале в мае 1900 г.:

Здесь пришлось мне видеть картину войны, – вернее, одну из её картин – отступление. 5 тысяч буров отступали. Они ехали частью в одиночку, частью группами: человек по 5, по 10. Их багаж – самое необходимое – везли **кафры**. Чернокожие также вели на поводках запасных лошадей для своих господ. **Кафры** сами ехали на мулах (езда на муле для бура считается позорной) – они сопровождали своих хозяев, или ехали перед ними. Среди буров многие были с перевязками на голове и на руках¹⁵⁹.

Про одно из чернокожих северных народностей Трансвааля она писала:

Туземцы, местные **кафры**, стройны, сухощавы, рослы, цвет кожи их почти совершенно чёрный. Жизнь здесь они ведут более близкую к природе, чем в Претории, и нравы проще, лучше, а то чём **кафр** просвещённое, тем безнравственное. Но, несмотря на близость к природе, здоровьем **кафры** слабы, они недолговечны, старики между ними редкость.

В работе они невыносливы, устают скоро. В домашнем быту отличительной чертой у них является чистота. **Кафры** любят наряжаться. У нас, например, **кафр** служил 3 месяца

и всё своё жалование за четверть года отдал за один солдатский английский мундир.

Кстати, зеркало играет немаловажную роль в жизни **кафра**. Он большой кокет и обращает много внимания на свою внешность. Как заботлива природа и добра, наделив его такой наружностью, а что с ним было бы, если бы он был действительно хорош!¹⁶⁰.

Даже философские размышления, несомненно, образованной женщины на досуге о бытие, оказались невольно связаны с местным населением:

22 июля. Это утро было особенно холодно. Говорили, что мороз доходил до 3 (градусов). В палатке было около 2.

23 июля. Все разошлись, я осталась дома одна, стала любоваться природой и задумалась.

Все прошлое казалось каким-то сном, долгим, приятным сном.

Все лица, оставленные мною в Европе, даже те лица, которые мне не были по душе, все до единого становились мне симпатичны и дороги. Я чувствовала, что я их любила. Всё, что когда-то волновало и огорчало меня, казалось пустяками, а горе и несчастье пронеслось молнией. Чем больше я думала о прошлом, тем на душе моей становилось легче. Теперь я убедилась, что продолжительное отсутствие и дальнейшее расстояние между мной и родиной облегчило тяжёлые обстоятельства. Время и расстояние развивают способность прощать и забывать, они способны создавать любовь, но я чувствовала, что любовь к родине сильнее любви к отдельным личностям, так как они только частицы родины.

Я думала о том, что необходимо для нас, чтобы мы были счастливы. Как часто, осматривая бедные крааи дикарей и видя их нищету, я не могла себе представить, что счастье может быть между ними. Но я ошибалась. Дикари несравненно счастливее нас, им чужда наша жизнь с её невзгодами и

тревогами. Их забавляет каждая мелочь, они живут минутой, они счастливы минутой, как малые дети.

Для нас счастье может быть только тогда, когда перед нами есть цель, есть будущее, а для дикаря довольно настоящего, он только им живет.

На этом мои думы прервались и чем? Пением, чистым, звонким пением дикарки. Она спускалась с горы по направлению к краалям, за ней бежал ребенок с собакой и своим хриплым голосом перебивал прекрасное пение матери. Сколько у нас тратится в Европе и времени и сил, чтобы научиться петь, чтобы добиться успехов и в результате часто получается какой-то крик. Я никогда не забуду её пения, с каким чувством она его исполняла. Как оно было хорошо. Да, по истине, природа выше всего. Певшая не представляет исключения. **Кафры** способны к пению и обладают хорошими голосами¹⁶¹.

Тем временем из столицы Трансвааля приходили не-
радостные известия:

29 мая к нам приехали члены русско-голландского отряда. Они были у англичан и явились свидетелями взятия Претории.

Английское войско, как узнали мы от него, по окончании бомбардировки устроило парад. Он длился что-то около двух часов. В конце его англичане с лордом **Робертсом** во главе образовали каре. В него вошли сдавшиеся буры, передали ключи города и сложили оружие¹⁶².

Война, впрочем, быстро докатилась до места очередного пребывания санитарного отряда РОКК:

14 июля (1900 г.) с утра слышались с железной дороги свистки, поезда один за другим прибывали и уходили. На вокзале крик, свалка, грузят необходимый багаж, всюду разбросаны пожитки отъезжающих, домашний скарб. В поез-

дах едут дети, женщины, бегущие из всех частей Трансвааля. Дети плакали, кричали и не могли понять, что происходило.

Я вернулась с вокзала и застала нашего фельдшера, который только что вернулся из Машададорпа и рассказывал нам, что буры отступают от Миддельбурга и устраивают там позиции. Что же касается **Крюгера**, он переехал в Ватерваль-Ондер. Последнее время ему приходилось жить в вагонах. Фельдшер принёс с собой речь президента, в которой он ободряет народ и просит его не терять храбрости и продолжать сражаться. Ходит по рукам ещё другая речь **Крюгера**. В ней он также ободряет народ, говоря, что Бог их не покинет и они победят, а если англичане их победят, то обозначает, что Бог не существует, но этого быть не может.

Ночью одну из наших сестёр и меня разбудили с просьбой подать помощь обожжённым. Мы быстро встали и пошли с врачом и ещё одним голландцем на вокзал, где к нашему большому удивлению мы увидели наш санитарный поезд, который в тот же самый день только уехал за ранеными. Он не мог доехать до определённого места, а потому так быстро возвратился.

19 июля. Всё утро идёт стрельба. От нас сверху видно даже один бурский **Longtom (Длинный Том)**. Кстати сказать, по мнению знатоков и специалистов, буры вполне справедливо могут хвалиться своей артиллерией, ибо она поставлена у них образцово. К сожалению, у них мало артиллеристов¹⁶³.

МИД России оказывал содействие и частным лицам, если возникала необходимость связаться с кем-либо из персонала отряда:

Российское Общество Красного Креста, состоящее под Высочайшим покровительством Её Императорского Величества Государыни императрицы **Марии Фёдоровны**, Главное управление, 21 июня 1900 г. № 3132.

Во Второй департамент Министерства иностранных дел. Канцелярия главного управления, не имея в настоящее

время сведений о том, где находится отряд Красного Креста в Трансваале, имеет честь покорнейше просить Второй департамент Министерства иностранных дел не отказать распоряжением о вручении при посредстве российского представителя на Юге Африки и дочери умершего генерал-адъютанта **Ольге Александровне Баумгартен**, состоящей сестрой милосердия в санитарном отряде Российского Общества Красного Креста, командированном Главным управлением в Трансвааль, прилагаемого при сём письма.

Управляющий канцелярией (подпись)

Делопроизводитель (подпись)¹⁶⁴.

Часть персонала санитарного отряда РОКК в июне-августе 1900 г. была направлена непосредственно на передовую для помощи бурским отрядам:

Ватерфаль-Бовен, небольшое голландское поселение, центр правления общества Южно-Африканских железных дорог, расположен очень живописно в ущелье на берегу красивой горной речки Эландс-спруйт, образующей здесь несколько водопадов. Наш русский отряд в помещении местной голландской школы устроил госпиталь на 20 человек, а персонал помещался в палатках. В июне месяце врачебный персонал наш разбился на отдельные небольшие отряды. Доктор **Чистович** принял на своё ведение санитарный поезд, который подвозил раненых и больных от Претории в наш госпиталь и дальше, в голландский, на станцию Ватерфаль-Ондер; доктор **Гольбек** принял от врача русско-голландского отряда, кончившего свою обязанную контрактом деятельность в Трансваале, командный амбуланс и отправился в крюгерсдорпскую команду; доктор **Эбергардт**, бывший в последнюю очередь в отряде в Гленко, отступивший с командами из Наталя и вернувшийся к главному отряду, принимал амбулаторных больных в Машададорпе; доктор **Давыдов** и я заведовали внутренними и хирургическими больными в госпитале, который быстро наполнился после боёв при станции Фан-Де-

Мерве под Преторией. В начале июля по распоряжению господина уполномоченного я принял летучий амбуланс, чтобы отправиться с ним в передовые команды буров. Амбуланс этот был устроен преторийским коммерсантом **Бекетом** и передан в ведение русского отряда. Состоял он из 4-х лёгких фургонов, запряжённых 30-ю мулами; при нём было 6 санитаров-африканеров, обученных полевому санитарному делу при начале войны, и 5 **кафров** прислуги. В двух фургонах везлись 3 небольшие палатки, носилки, пищевые припасы и вещи персонала; в третьем ящики с аптечными припасами и перевязочным материалом; в нём помещались также 1 фельдшер и 1 санитар, взятые из нашего отряда. Четвёртый был всегда свободен для больных. На стоянках лагерем 3 фургона освобождались и могли выезжать к месту сражения; в пути, при необходимости, можно было также иметь 2 фургона свободными от клади.

Санитары и я были верхами. Амбуланс этот по своей лёгкости и подвижности, благодаря обилию сытых и крепких упряжных и верховых животных, был один из наилучше снаряжённых трансваальских амбулансов. Положение буров к началу июля (1900 г.) было таково: со стороны Наталя до города Стандертон железная дорога была занята армией **Буллера**, которая понемногу подвигалась на север от линии железной дороги и на запад – на соединение с армией **Робертса**. А начиная от города Гейдельберга до Претории и севернее её стояла армия **Робертса**, отдохавшая после своего пробега от Блумфонтейна. Бурские команды, под главным начальством генерала **Луи Бота**, отступали переддвигающейся армией, партизанские отряды **Девета** и президента **Стейна** портили и разрушали пути сообщения в Оранжевой Республике, на западной стороне Претории англичан беспокоили отряды **Деларея**¹⁶⁵ и **Терона**.

Крюгер старался прокламациями поддержать падающий иногда дух буров, старался вселить в них надежду на Божий промысел и предостерегал от сдачи, так как были случаи, что буры временно складывали оружие; так это было под

Фрейбургом и в Ваккерстромском дистрикте, и выдавали его, – выдавали, однако, только старые ружья. А **маузеры** прятали до времени. Прокламации **Крюгера** особой связанностью не обладают, но, составленные в духе Библии, перемешанные с цитатами из псалмов и читаемые в лагере после молитвы, производили на воинов огромное впечатление. 9 июля, по указанию председателя Медицинской комиссии статс-прокурора **Якобса**, амбуланс отправился из Машададорпа к Претории и поступил в распоряжение генерала **Луи Бота**. Генерал **Бота**, в мирное время тип дельца-грюндера,¹⁶⁶ специальным военным образованием не обладает, но за свою храбрость, сметливость и умение одушевить воинов пользуется большой любовью буров. 13 июля генерал **Бота** назначил нас в отряды генерала **Бена Фельюна**, среди расположения которых стали лагерем недалеко от железнодорожной станции Вронко-Спруйта. 16 июля с утра началось сражение при Дондеруке, которым англичане начали своё наступательное движение от Претории; генерал **Бота** со всеми своими силами пытался задержать авангард неприятеля. Места для перевязочного пункта во время сражения никто у буров не указывает, – приходится самому врачу ориентироваться в местности и ходе сражения; обычно пунктом для остановки амбуланса выбирались артиллерийские позиции, так как на них всегда можно найти хорошее закрытие за скалами, обезопасить себя и раненых от перелётов английских гранат, следить за боем и в то же время, близость к стрелковым цепям достаточная, так как буры держатся недалеко от своих скорострельных **Максимов** (лёгкие орудия **Максим-Норденфельда**). Когда по орудийным выстрелам стало возможным определить центр боя я, взяв с собой нескольких санитаров-африканеров, выехал на артиллерийские позиции и остановился на обстреливаемых англичанами высотах. Англичане стреляли довольно метко; по общему голосу, они во второй половине войны стали стрелять лучше – в начале, по непривычке к степени прозрачности горного воздуха, плохо определяли расстояния. Лиддитные гранаты, о которых так

много писали, сравнительно мало приносили вреда: они плохо рвались и были опасны лишь на близком расстоянии от места взрыва; действовали они, однако, не только своими осколками, но горевший лиддит разбрызгивался в стороны и давал тяжёлые ожоги жёлтого цвета; кроме того, люди, которые находились близко около разорвавшейся лиддитной гранаты, дня 2–3 жаловались на состояние какого-то остоленения вследствие вдыхания удушающего дыма лиддита. Стрельба продолжалась до 2-х часов дня, англичане отступили. Помощь была подана нескольким раненым бурам. Запросив по гелиографу, нет ли ещё раненых в стрелковых цепях и получив отрицательный ответ, вернулись в лагерь. Потери буров в этот день, как и всегда, были ничтожны. Говорят, что буры делали большие тактические ошибки: они не преследовали разбитого неприятеля, не атаковали его, сражались лишь на хороших позициях, расстреливая из-за прикрытия англичан почти на выбор, при условии, чтобы путь отступления был вполне свободен; при малейшем в этом сомнении они бросали хорошие позиции и переходили на другие, где можно было отступить при первом признаке неуспеха; но именно благодаря этому своему способу ведения войны, они держатся до сих пор. Зная свою малочисленность, буры дорожат каждым человеком: раненый или убитый не всегда вызывал сожаление – они его обвиняли, зачем показался из-за камней, зачем напрасно рисковал своей жизнью.

Взгляды их на храбрость и военное искусство много разнятся от наших. Старики-буры говорят, что если бы они слушались пытавшихся их учить европейцев-добровольцев, то давно бы были перебиты и потеряли свои родину и свободу, и в разговорах буров очень характерно определяется их способ ведения войны – они не говорят: мы сражались, – а мы стреляли.

Потери буров поразительны в сравнении с таковыми англичан: так, при Моддер-ривере англичане потеряли 1000 человек, буры 17 убитых и раненых; при Ледисмите 30 октября англичане потеряли около 2000, буры – 5 убитых,

15 раненых; при Колензо 15 декабря англичане – около 3000, буры – 4 убитых, 14 раненых; при атаках Спиронскопа 20–24 января англичане – 4000, буры менее 150.

Той же ночью 16-го амбуланс потребовали на отбитые у англичан позиции для уборки раненых, которых днём не всех разыскали. Были ночью перевязаны и доставлены в лагерь 12 человек раненых англичан и буров, которых на другой день эвакуировали в голландский госпиталь на железнодорожной станции Бальмораль. 17 июля вечером мы получили приказание телеграммой от председателя медицинской комиссии из Ватерфаль-Ондера, куда за это время переехало правительство, перейти с амбулансом к южным трансваальским отрядам, к городу Стандертону, и присоединиться к командам Беталь и Гейдельберг, куда требовался большой, легко подвижный амбуланс, на наше же место был прислан небольшой бельгийский в 2 повозки. Это назначение было не из приятных: в стороне Стандертоне ночью холоднее на несколько градусов и кормы для животных хуже, но медлить было нельзя. 18-го выступили. Путь шёл по совершенно пустынной местности, ферм встречали мало, в стороне от дороги виднелись лишь **кафрские** краали; всё было мрачного серого цвета, без всяких признаков жизни, изредка только на холмах показывались небольшие стада антилоп, да взлетали безобразные грифы¹⁶⁷. 22-го к вечеру пришли на место и поступили в распоряжение генерала **Пита Фильюна**. В обеих командах насчитывалось около 1100 человек; более месяца они не имели при себе никакого амбуланса, больные и раненые оставались без помощи. Простоять на месте пришлось только полтора дня, так как уже 24 утром был получен приказ отступать возможно быстрее на северо-восток, к горам Дальмануты, чтобы не быть схваченными и отрезанными армиями **Буллера** и **Робертса**, из которых первая направлялась на север от Фольсксруста и Паардекона, вторая двигалась по линии железной дороги на Миддельбург и Машададорп. Буры шли очень быстро, особенно первые дни, делая по 3, иногда 4 перехода в день, так что амбуланс

на мулах едва поспевал. Шли без дороги, степью, оставляя города в стороне и выжигая за собой траву. Холод по ночам доходил до – 7, а днём от 10 до 4-х часов +35 +40 жары: жалко было смотреть на наших животных: исхудали они сильно, пересохшая жёсткая трава была малопитательна, овса достать негде, раза два только удалось купить в краалях у **кафрских** женщин немолоченой кукурузы. За эти переходы – в Стандертон и при отступлении, пришлось немного поголодать и нам самим. Скот угнали вперёд, так что мясо было не всегда, хлеба не было, а мука вся вышла, питались из командного комиссариата всевозможными солёными и маринованными консервами, вареньем и истребляли обильно кофе. Больных в командах, несмотря на резкие колебания температуры, было сравнительно немного; одеты были буры довольно тепло, в тёплые шерстяные фуфайки, на седле у каждого 3–4 одеяла, одно для лошади, 2–3 для себя, но холод часто мешал спать, костры поддерживались почти всю ночь, а утром с трудом удавалось согреться. Из нас никто не болел; благодаря сухому, чистому, здоровому воздуху, все мы даже поправились и пополнили. Движение замедлялось присоединявшимися к командам семьями буров, спасающимися от англичан; они везли с собой в повозках на быках всё лучшее имущество, и 1 августа только мы подошли к горам Дальмануты. К нашему отряду придана была ещё 3-я команда Каролина, которые вместе образовали левый фланг бурских позиций впереди Машададорпа.

Амбуланс расположен лагерем в таком расчёте, чтобы можно было поспевать по первому требованию во все три команды. Это были последние позиции, где буры пытались задержать англичан, сконцентрировав свои силы. Вопреки господствовавшему мнению, буры в дальнейшем не намеревались отступать в горы к Лейденбургу, а на военном совете 3 августа было решено: если придётся оставить эти позиции, то отступить к Барбертону, по линии железной дороги, и распасться на мелкие отряды. При командах пробыл я по 12-е августа; за это время происходили только небольшие

перестрелки, раненых было немного. Всего было принято с 8 июля по 12 августа 310 человек больных, подано пособие 18 раненым. Здесь могу заметить, что флаги с Красным Крестом и повязки на рукаве, которые должны заявлять о нейтральности и неприкосновенности санитарного отряда, мало имели значения. На всех моих повозках развевались флаги с Красным Крестом и русские национальные, но заметны они были лишь на близком расстоянии, не далее версты, при ветре и ярком солнце, а на сером фоне степи или гор при безветрии надо было подъехать очень близко, чтобы распознать Красный Крест; повязку на рукаве и у всадника можно было различать только шагов на 200, так что полагать на них безопасность от неприятельского огня никоим образом нельзя¹⁶⁸.

Когда буры и отряд РОКК вместе отступали к границам Португальского Мозамбика, то покровительница РОКК приняла решение отозвать санитарный отряд:

Председатель Главного управления Российского Общества Красного Креста, состоящего под Высочайшим покровительством Её Императорского Величества Государыни императрицы **Марии Фёдоровны**,
19 июля 1900 г. № 3590.

Его Сиятельству графу **В.Н. Ламздорфу**.

Милостивый государь

Владимир Николаевич.

Командированный в ноябре прошлого года в Трансвааль отряд Российского Общества Красного Креста под начальством действительного статского советника **Кускова** был по Высочайшему Государя Императора повелению оставлен там до окончания военных действий. При настоящих обстоятельствах Августейшая покровительница Российского Общества Красного Креста Государыня императрица **Мария Фёдоровна** изволила признать возможным отозвать из Трансвааля весь

отряд. Имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство довести о таковом желании Государыни императрицы до сведения Его Императорского Величества Государя императора, и в случае воспоследования Его Величества на возвращение отряда в Россию, не отказать доставить официальным путём, через нашего консула, или, как изволите признать вернее, прилагаемую при сём телеграмму уполномоченному **Кускову**, прося консула ответной телеграммой удостоверить о действительном получении **Кусковым** телеграммы.

При этом имею честь сообщить, что по последним известиям отряд наш находится в Vatterval Boven (Ватерваль-Бовене) и что все расходы, сопряжённые с доставкой телеграммы, будут уплачены Главным управлением Красного Креста.

Прошу принять уверение в совершенном моём почтении и преданности.

О. Кремер¹⁶⁹.

Видимо, начальство в Петербурге не решилось оставлять санитарный отряд Российского Общества Красного Креста в Трансваале ввиду постепенного перехода войны в партизанскую:

27 июля мы получили телеграмму – возвращаться на родину. Мы никак не ожидали этого радостного известия, а напротив, были убеждены, что придётся оставаться здесь ещё по крайней мере 6 месяцев¹⁷⁰.

Санитарный отряд РОКК оказал немалую помощь бурам во время наступления англичан, когда стала ощущаться сильная нехватка медработников, но, как уже говорилось, был неожиданно отозван на родину:

Чем дальше наступали англичане и мельче дробились отряды буров, тем недостаток в передовых отрядах становился больше, тем сильнее чувствовался недостаток в госпиталях и

лечебных пунктах. Тогда-то из нашего русского отряда было выделено два отрядика к ближайшему фронту и образован один амбулаторный пункт на ближайшей к позициям станции, а кроме того, и самый госпиталь наш, ставший в это время ближайшим к фронту, был расширен насколько это было возможно. И вот в это самое время совершенно неожиданно получили мы приказ немедленно вернуться в Россию, бросив всё дело. Как нас, так главным образом и Трансваальское правительство, приказ этот застал совершенно врасплох. Кроме нашего отряда, на всей линии дальнейшего отступления буров имелось всего три врача и два госпиталя, переполненных больными, и правительство было поставлено в очень трудное положение, тогда должно было в три дня, оставшихся до нашего отъезда, найти нам заместителей, которые могли бы принять от нас и госпиталь, полный больных и раненых, и передовые отряды, и так далее. Для госпиталя нашёлся ещё врач в лице местного железнодорожного, нашлись сёстры; а наш передовой отряд, самый лучший из всех оставшихся при войсках, так и был покинут нами без врача, которого в такое короткое время ни откуда не могли добыть. Каков был состав медицинской комиссии до нашего приезда и были ли в числе её членов в мирное время врачи, я не знаю, но по тем заготовленным для войны медикаментам, перевязочным средствам, аппаратам и прочего я должен думать, что во всяком случае руководили всеми заготовками люди опытные и в высокой степени добросовестно смотревшие на дело. Да и существовавшая при нас комиссия, если и проявляла несостоятельность в делах распределения и управления медицинской помощью, зато всюду, где она имевшимся уже медицинским учреждениям могла чем бы то ни было помочь, ни в чём возможном с её стороны не бывало отказа, и всё делалось не только охотно, но часто чрезмерно, по первому запросу, иной раз – по одному намёку. Если чего из просимого почему-нибудь не имелось в заготовленных запасах, комиссия добывала, покупала, конфисковывала, но, если только требование могло быть удовлетворено, она всегда охотно, быстро удовлетворяла. Наш госпиталь в Фольксрусте

был снабжён всем почти исключительно через медицинскую комиссию. От нашего отряда нам были уделены лишь инструменты – в виде карманного лекарского набора, да кое-каких других, да такие пищевые продукты, как чай, сахар, кофе, вино в очень сравнительно ограниченном количестве, и, наконец, небольшое число медикаментов. Всё прочее мы получали от местного трансваальского правительства. Весь перевязочный материал – и асептический – всё было заготовлено в очень удобной для применения форме. Одно из главных удобств в этом отношении заключалось в том, что все материалы были отлично запакованы в мелких пакетах, расходовавшихся в течение одного дня, что при отсутствии стерилизаторов имело громадное значение. А стерилизаторов как у нас, так почти ни у кого не было, или хотя и были, но не могли быть применяемы. Захваченные нашим отрядом с собой два аппарата работали в главном госпитале и в Гленко.

Поэтому нам приходилось изредка для стерилизации перевязочного материала пользоваться просто кофейником, а главным образом, полагаясь на прекрасные отсасывающие качества материала, употреблять его в том виде, как он был, причём ни разу никаких осложнений у нас не случилось. Бинты разного качества, шины всевозможных сортов и образцов, носилки, носилки на колёсах, всё было в изобилии, всем, если было нужно, снабжали нас. Лекарства были заготовлены в готовом для употребления в виде – или в форме тинктур, экстрактов, порошков и мазей, или в виде пилюль и таблеток. Последние были в громадных запасах, прекрасного качества и очень удобны в деле. Аптечная посуда, склянки, банки, – всё имелось в изобилии и высылалось по первому требованию. Наконец, нам прислали целый транспорт всего, начиная от лекарств и перевязочного материала, до белья, платья, обуви и кухонных принадлежностей включительно, из военных госпитальных запасов, присланных в начале войны в Трансвааль из Франции. Но о качествах как лекарств, так и перевязочных средств этих – французских – я должен заметить, что они гораздо хуже, чем заготовленные трансвааль-

ским правительством, и их мы применяли только в крайних случаях, когда первых не хватало. Наконец, как госпитали, так и большинство станций железных дорог были снабжены, насколько возможно, перевязочными средствами: первые – в виде экипажей, лошадей и мулов, последние – достаточным количеством всевозможных носилок, для доставки больных и раненых со станции до госпиталей и обратно. О пищевых продуктах, одежде, обуви, осветительных материалах, топливе и тому подобное говорить не приходится; всё это было доставляемо в изобилии, прекрасного, даже отличного качества. В этом отношении дело всё было поставлено так хорошо, что может служить примером для снабжения любой регулярной армии в военное время. На основании всего этого мне думается, что при всей своей своеобразности медицинская комиссия, оказавшаяся далеко не на высоте положения, как орган центрального управления медицинским делом, как учреждение, способствовавшее работе санитарных отрядов, не только делала всё, что могла, но, по-моему, часто даже и более того, чем, казалось, была в состоянии, и в этом отношении и смысле она заслужила глубокую благодарность как со стороны своих больных сограждан, так и от лица работавших при ней иностранных санитарных отрядов Красного Креста¹⁷¹.

Далее русский доктор писал об отъезде отряда в Россию вместе с подполковником **Ромейко-Гурко**:

В Трансвааль

(от нашего специального корреспондента)

Лоренсу-Маркеш, 15 августа 1900 г.

Эту корреспонденцию мою следовало бы озаглавить: «Из Трансвааля, чем в Трансвааль», потому что мы находимся теперь на пути в Европу.

Как это случилось, что мы покинули наших бедных буров, я вам расскажу подробно после. Пока скажу только одно: мы, то есть весь русский отряд Красного Креста, находимся теперь на пути в Европу.

Как это случилось, что мы покинули наших бедных буров, я вам расскажу подробно после. Пока скажу только одно: мы, то есть весь русский отряд Красного Креста, находимся теперь в Лоренсу-Маркеше, на португальской территории, и ждём прибытия немецкого парохода «**Kronprinz**», на котором и уедем в Европу завтра или послезавтра.

Вместе с нами уезжает также и наш военный агент полковник **Гурко**, который стяжал себе у всех буров всеобщий почёт и уважение и завидную славу превосходного стратега и храброго воина. Надо было видеть, с какой почтительностью и даже подобоострастием буквально все буры при встрече с полковником **Гурко** обнажали свои головы и низко кланялись ему. После **Крюгера** и **Кронье** вряд ли кто из трансваальских главарей пользовался таким уважением, как полковник **Гурко**. В своём мундире русского штаб-офицера он производил внушительное впечатление на всех буров. Даже англичане, у которых, как я вам уже писал, полковник **Гурко**, помимо своей воли провёл несколько дней, – даже они, холодные и зазнавшиеся Джон Були, выказывали ему особенное почтение.

Бедный старик наш, как буры называют теперь своего бывшего президента **Крюгера**, узнав, что полковник **Гурко** уезжает в Россию, только и сказал, грустно качая своей седой головой:

– И Вы нас покидаете, полковник?

– Меня вызывают в Россию, – ответил полковник – и я должен уехать.

– Ну, что ж делать! – сказал **Крюгер**, – поезжайте с Богом! Благодарю Вас за всё, что Вы сделали для нашей бедной страны. Засвидетельствуйте там у себя, что мы делали всё, что от нас зависело, чтобы спасти нашу родину от вторжения врага, но видно, Богу так угодно было, чтобы мы очутились в руках корыстолюбивых англичан, затеявших с нами войну из-за золота.

– О! Не пойдёт им впрок это золото! – воскликнул со слезами на глазах **Крюгер**.

Перед отъездом своим из Трансвааля полковник **Гурко** хлопотал у англичан, чтобы они выпустили на свободу наших волонтеров, находящихся у них в плену, но лорд **Робертс** не уважил этого ходатайства нашего агента. Говорят даже, что некоторые из наших волонтеров, попавших к англичанам в плен, отправлены **Робертсом** на остров Святой Елены, а остальные сидят в Претории в тюрьме.

Когда кто-то поставил английскому главнокомандующему на вид бесчеловечность его обращения с пленными бурами и добровольцами, он ответил: «А как же прикажете с ними поступать?»

– Поступайте с ними так, как поступали с вашими пленными буры. Пленные англичане были не только на свободе у них, но даже забавлялись игрой в футбол, а вы держите буров в тюрьме.

– Вы хотите знать, почему я так поступаю с пленными бурами и волонтерами? Извольте, я вам скажу. Наши войска попадали в плен во время настоящей войны, а теперь не война, а мятеж буров, и потому я смотрю на них, как на мятежников, которых я поймал с оружием в руках в завоёванной мной стране...

Ф. Попов¹⁷².

Отъезд искренне опечалил лечившихся от ран и недугов больных, поскольку санитарный отряд Российского Общества Красного Креста, работая за время своего пребывания в нескольких населённых пунктах, оказал значительную медицинскую помощь местному населению, без различия национальностей:

31 июля (1900 г.) после ужина один из нидерландских агентов, раненый и лечившийся у нас, сказал речь. Он говорил, что мы радуемся своему отъезду, но что есть люди, которые тоскуют, и к последним принадлежит он сам и больные. Часов в 6 вечера мы пошли прощаться с больными, которые

расставались со слезами и со всех сторон только и слышалось: *Gott segne u, suster, Dank u suster...*

1 августа. В 6 часов утра мы все были на ногах, и к нашей радости увидели на станции наших больных, которые, несмотря на раны, пришли провожать *Die Russische Ambulance* (Русский санитарный отряд). Часов в 8 мы навсегда покинули Трансвааль.

В продолжение нашей езды по железной дороге я стояла на платформе и любовалась грандиозными видами громадных скал, обрывов, водопадов и каскадов. Мы проезжали *Nooitgedacloot*, где помещены были пленные англичане. Посторонним доступ туда воспрещён. Тогда находилось там более двух тысяч пленных англичан. Последние чрезвычайно легко сдавались в плен и говорили, что идут на отдых к бурам, так как последние очень хорошо относились к ним. Часов в 7 вечера мы прибыли в Лоренсу-Маркеш. Город невелик... Улицы людны, широки и чисты, пока нет дождей. Магазинов сравнительно мало. Город освещается плохо, хотя кое-где и проведено электричество. Разговорная речь английская и французская.

5 августа. У нас в гостинице остановились 12 человек англичан. Они, оказалось, были знакомы с одним из наших бывших пациентов, находившихся с ними в плену у буров. Он им много рассказывал о хорошем отношении нашего отряда Русского Красного Креста к больным всех национальностей. Говоря о бурах, они не находили достаточно слов, чтобы описать, как сердечно относились к ним трансваальцы.

7 августа. Сегодня летела саранча. Мы были очевидцами ужасного зрелища. Картина угнетающая. Нам приходилось и ранее много слышать про опустошительные её перелёты, но то, что пришлось нам видеть, превзошло все ужасы воображения. Началось на заре. Появилась саранча в одиночку. Потом небо потемнело и вошедшее солнце, во всём блеске дня, померкло. Его нельзя было видеть, надвигалась живая туча. Мы сидели на балконе. Саранча летала вокруг нас, путалась в складках нашего платья. Когда приходилось двигаться нуж-

но было закрывать глаза. Саранча больно била в лицо. Хозяин гостиницы боялся, чтобы она не объела ценных сортов растений в его саду. Он поставил **кафров** и они весь день били в жестяные ящики. Шум её отгоняет. Полёт продолжался до заката солнца. Весь день воздух был удушливо-тяжёлый. Какую печальную картину представляла зелень! Её почти не осталось – кое-где виднелись объединенные листики.

17 августа утром мы отправились на пристань. Отъезд был назначен. Как только наша карета остановилась, её окружила толпа чёрных, они наперебой предлагали нести наш багаж, желая при случае украсть. Мы от них отделались с большим трудом. Долго пришлось самим сидеть на солнце и стеречь своё имущество, пока не уселись в лодку и не отправились на пароход.

«**Кронпринц**» снаружи произвёл на нас неприятное впечатление: громадный, угрюмый.

Сёстры поместились в двух маленьких, но очень опрятных каютках. Первые 2 часа плавания они крепились, а потом не выдержали и заболели¹⁷³.

Любопытно и описание спешного отъезда отряда из Трансвааля, оставленное доктором **Садовским**:

10 августа из главного лагеря было дано знать о получении приказа возвращаться в Россию. Отозвание для нас было совершенно неожиданно, оно случилось в период наибольшей полезной работы отряда. Буры стали действовать отдельными партиями, потребность в амбулансах возросла, а число врачей значительно уменьшилось, так как часть приехавших вернулась обратно в Европу, многие передались англичанам и немало команд оставалось без медицинской помощи. Сердечно простившись со своими бурскими помощниками, с командантами команд, сопровождаемые их благодарностями, 13 августа мы присоединились к главному отряду за несколько часов до выезда его из Трансвааля. Трансваальское правительство, узнав о нашем отъезде, просило оставить ему

госпитальное имущество, аптеку и инструменты – это было охотно исполнено. Много надежд буры полагали на наши госпитальные палатки, в которых чувствовался у них большой недостаток, но 11 августа над нашим лагерем в Ватерфаль-Бовене разразилась буря, палатки сорвало и изорвало до полной непригодности.

Расставаясь с Трансваалем и бурами, могу характеризовать этот народ лишь с лучшей стороны: буры обладают спокойным, флегматичным характером, крайне религиозны, свято чтут воскресенье, проводя этот день в пении псалмов, чем немало пользовались англичане, начиная нападение в то время, когда большинство буров в лагере на молитве. Они бесстрашны, выносливы и свою свободу ставят выше всех материальных благ. Они отнюдь не экспансивны, так что ожидать от них сколь либо живых выражений благодарности нельзя, но своим обращением, предупредительностью, готовностью служить всем, чем могут, показывали, что ценят услуги присланных им отрядов. Много говорилось о неблагодарности буров; на это замечу, что по моему личному наблюдению, добровольцы никаких услуг, за исключением артиллеристов, не оказали и никакой особой благодарности не заслуживали, а санитарным отрядам, посланным помогать больным и раненым, правительство оказывало всегда полное содействие и возможную материальную помощь. За всё время моего заведования правительственным госпиталем и позднее, во время пребывания в бурских командах, ни одна просьба, которая могла быть исполнена, не осталась неудовлетворенной. Буры крайне недоверчивы, европейцев остерегаются и не любят, цивилизации чуждаются, но, проследив их историю видим, что доброго от Европы они ничего не испытали. Преследуемые за свои религиозные убеждения, они искали новой родины; поселившись в дикой стране и заплатив за каждый шаг своей земли своей кровью, они и там не нашли покоя от алчных цивилизованных искателей наживы. Упрекают их в излишней самонадеянности, но надежда их могла быть до сих пор только на себя и на Бога. Обращение с пленными пря-

мо противоположно обращению их неприятелей, показывает, что они добры до наивности. Несмотря на содержание их пленных в трюмах кораблей, высылку на остров Святой Елены, на Цейлон, грубое обращение и высылку их женщин и детей, чему нам пришлось быть свидетелями, всё это не изменило их и они продолжают быть выше меры гуманными.

В Лоренсу-Маркеш отряд ожидал пароход 2 недели и только 30 августа вышли на пароход **«Kron-Prinz»** немецкой компании Ost-Afrika Linie. Плавание было в высшей степени благоприятное, немного только покачало в Мозамбикском проливе, около Бейры, и в Средиземном море, проходя остров Крит. По пути заходили в порты экваториальных немецких владений в Африке – Дар-эль-Салам и Тангу; виды и растительность – чисто сказочные по своей величине, красоте и богатству красок, но пароход очень торопился и побывать на земле можно было лишь короткое время. В Красном море шли в период сильной жары, в 9 часов вечера термометр показывал +32, но, на счастье, дул встречный ветер и немного освежал пароход. Там встретили несколько транспортов с германскими и английскими войсками, шедшими в Китай. Из Порт-Саида предполагали ехать прежним путём на Одессу, но предстоявший 10-дневный карантин в Смирне за проход по Суэцкому каналу изменил наши планы и решено было ехать на Неаполь, куда и пришли 12 сентября утром (старого стиля). В Неаполе пробыли немного больше суток и далее через Рим, Вену, Варшаву 17 сентября приехали в Санкт-Петербург.

А борцы за свободу всё бьются и будут биться, пока хватит патронов; провианта хватит надолго, а недостаток патронов они пополняют, отбивая ружья и патроны от англичан. Дорого, слишком дорого может стать англичанам захват обеих республик и вряд ли золото и бриллианты Трансвааля окупят те расходы и жизни, которые приносятся в жертву достижения планов **Родса и Чемберлена**.

Да и успех усталой Британии более чем сомнителен при той живой энергии, которую проявляют воины – граждане,

потерявшие всё, которым не осталось ничего больше терять, кроме свободы и жизни¹⁷⁴.

Об отъезде отряда на родину сохранилась следующая телеграмма из Претории:

Телеграмма в министерство иностранных дел из Претории в Санкт-Петербург (Пер. с англ.)

Получены новости из Лоренсу-Маркешо. Доктор **Кусков** и его госпиталь на пути в Россию.

Консул Франции¹⁷⁵.

Российский санитарный отряд вернулся на родину лишь в конце сентября 1900 г., о чём Главный военно-медицинский инспектор немедленно сообщил начальнику Главного штаба:

Председатель Главного управления Российского Общества Красного Креста письмом от 25 сего сентября за № 4396 уведомил, что командированный означенным управлением в 1899 г. в Трансвааль санитарный отряд ныне возвратился.

Ввиду сего всё входившие в состав этого отряда чины военного ведомства, в том числе штабс-капитан **Потапов**¹⁷⁶, с 27 сего откомандированы.

Имею честь уведомить об этом Ваше Превосходительство для зависящих распоряжений.

Главный военно-медицинский инспектор, почётный лейб-медик двора Его Величества **Реммерт**.

Начальник отделения (неразборчиво)¹⁷⁷.

После возвращения санитарного отряда РОКК начальство в лице военного министра **Куропаткина**, потребовало предоставления отчётов военными медиками:

Главный штаб... Министерство военное, Главное военно-медицинское управление, 10 октября 1900 г. № 17502.

Начальнику Главного штаба

На докладе по Главному военно-медицинскому управлению о возвращении санитарного отряда Российского Общества Красного Креста из Трансваальской республики Его Превосходительству военному министру угодно было положить следующую резолюцию: Будет ли отчёт о деятельности чинов военного ведомства? Надо потребовать.

Уведомляя об этом Ваше Превосходительство для зависящего распоряжением, в дополнение к отзыву моему от 28 минувшего сентября за № 10776 имею честь присовокупить, что о предоставлении отчётов входившими в состав названного отряда врачами мною предложено последним лично на приёме в Главном военно-медицинском управлении 3-го сего октября, а ныне, по получении упомянутой резолюции военного министра, подтверждено вновь через надлежащие начальства.

Главный военно-медицинский инспектор, почётный лейб-медик двора Его Величества **Реммерт**¹⁷⁸.

Приведём и краткие личные впечатления врача **Чистовича** о своей командировке в бурские республики:

Трансваальские впечатления

Из беседы с доктором **Чистовичем**

О буре, их характере и свойствах уже столько писалось, что беседуя с возвратившимся на днях из Трансвааля доктором **Чистовичем**, мы более всего интересовались его сведением о теперешнем положении дел в Южной Африке и о последствиях, к которым приведёт этот год войны. Доктор **Чистович** того мнения, что англичане без всяких затрат и гораздо скорее могли бы фактически обратить буров в подданных своей королевы мирным путём культурных завоеваний, а теперь, если англичанам и удастся присоединить Трансвааль к своим владениям, то буры не останутся там, они все уйдут на другое место.

– Но я сомневаюсь, – продолжал доктор, – в возможность присоединения Трансвааля. Слишком много войска пришлось бы держать англичанам в покорённой стране. У буров имеет широкую организацию некое тайное общество южно-африканских республик. В одной Капской колонии членов этого общества около 80 тысячи, борьба с ними почти невысказана. Телеграфные сообщения о том, что буры сложили оружие, совершенно не верны. Сложение оружия есть не более как комедия, хорошо понимаемая обеими сторонами. Так, мне известно, что когда в Преторийском округе было сдано оружие, англичане получили старые негодные ружья **Мартини** и лишь около 200 ружей **Маузера**, между тем как их было здесь до 150 000 (точнее – 50 000). Но война ещё может быть очень продолжительна.

Местность Лейденбургского округа, куда теперь перенесена борьба, изрезанная реками и горами, даст прекрасные условия для партизанской войны, к которой только в сущности и способны буры. К организованной борьбе и к рукопашным битвам буры совсем не подготовлены и бегут, когда приходится выдерживать натиск английских солдат, в особенности кавалерии с пиками. Это и не мудрено. Всё вооружение буров составляют ружья, и притом даже без штыков. Буры даже не горят воевать с кем-то а стрелять в кого-либо Впрочем, в отдельных случаях буры храбро выдерживают и рукопашную. Так, мне известно, что небольшой отряд буров, всего человек в 200, прорвался через окруживших их англичан, прикладывая расчищая себе дорогу.

– Большие ли опустошения произвели англичане среди буров?

– Едва ли большие. Английские лиддитные бомбы больше нагоняют страха, чем причиняют вреда. Лиддитные снаряды прежде всего, разорвавшись, поднимаются на значительную высоту, но мало разбрасываются в стороны, а затем куски этих снарядов слишком велики для того, чтобы производить большие потери в неприятельских войсках. Для сравнения скажу, что лиддитная бомба разрывается на 80 кусков, тог-

да как снаряд в нашей артиллерии разрывается на 240 кусков. Мне известно, что в одном случае лиддитный снаряд убил и ранил 10 человек, в другом – 9 и 4 лошади. Что ужасно, так это пули **дум-дум**. Англичане говорят, что ими снабжены только индийские войска, которым вследствие спешности вызова не успели дать других пуль. Насколько мне известно, и действительно, **дум-дум** есть только у этих войск.

– Есть, – продолжал доктор, – четыре вида **дум-дум**: пули первого вида лишены в верхней части оболочек (имеется в виду частично полая внутри разрывная пуля. – *Прим. авт.-сост.*), второго вида имеют плоский конец, пули третьего вида, кроме плоского наконечника, обладают ещё четырьмя насечками и разрываются на четыре части; самый опасный вид **дум-дум** – разрывной, эти пули разрываются на мелкие кусочки и наносят страшные раны.

– Много в Трансваале русских добровольцев?

– Кажется, довольно много, но, откровенно говоря, буры относятся к ним в большинстве случаев совсем недоброжелательно. И добровольцы в этом сами виноваты. Они являлись и довольно развязно заявляли претензии командовать чуть ли не отдельными частями войск. Но буры быстро осаживали их: Если вы пришли нам помогать, то становитесь в строй, – говорили им буры, и ни сколько не стеснялись посылать добровольцев в самые опасные места, так что добровольцев сравнительно очень много убито. Некоторые добровольцы успели, однако, снискать большие симпатии буров; так, два военных чиновника и один доктор пользовались общим уважением у буров, так как не заявляли претензий на командование, а дрались весьма храбро.

– А медицинская помощь хорошо была организована?

– Организация была плохая, но докторов, с в сущности, было вполне достаточно. Буры имели 12 своих отрядов, правда, иногда с очень сомнительными врачами-англичанами; но если было бы умелое распределение, врачей должно (было) бы хватить. Как на курьёз можно указать, что среди врачей у буров был фотограф, никакого медицинского образования

не получивший. Этот фотограф, вместе с другим товарищем по профессии, практиковал ещё в войну 1881 г. Наш отряд Красного Креста был встречен бурами очень сердечно; правда, правительство было несколько равнодушно, но население старалось угодить, чем только могло и даже мне на пункт были присланы, например, кресла. Проводы нам были торжественные, устроили обед и вообще, были выражены искренние симпатии. На прощание буры просили оставить им наше снаряжение, так как у них чувствовался недостаток в перевязочных средствах, инструментах и тому подобном. Мы и оставили все.

– Большой ущерб нанесла война бурам?

– Ущерб выражается в том, что нынче не снята жатва и погибло, кроме того, значительное количество скота, который нельзя было переправить на корм в Наталь. А затем грабежа особенного не было. Кстати, когда буры ворвались в Ньюкасл и Гленко, они тоже захотели попользоваться имуществом английского населения этих городов и действительно похозяйничали, но брали почти исключительно фарфоровую посуду. Нам был предложен в Ньюкасле дом одного богатого англичанина, переполненный драгоценными серебряными вещами, вазами и тому подобным. Всё это оставалось в целости, буры не подумали воспользоваться богатством.

Ф. Б-р¹⁷⁹.

Приведём и интервью с доктором **Садовским**:

Приезд из Трансвааля отряда Красного Креста
(факты и впечатления)

В воскресенье по Варшавской железной дороге прибыл обратно в Петербург отряд Красного Креста, кажется ещё не так давно, с самыми благими пожеланиями, отправленный нами на доброе дело – оказание помощи раненым бурам, храбрецам, этой небольшой горсти людей, отстаивающей так упорно свою независимость от притязаний британского льва... Приезд домой санитарного отряда вышел довольно неожиданный, а потому

никакой особенной встречи вернувшимся на родину добровольцам-санитарам не было приурочено... Собственно в воскресенье успели прибыть лишь часть санитарного отряда, другая же часть, во главе с доктором **Кусковым**, временно осталась в Неаполе, ввиду задержки, вследствие чумного карантина, багажа. Прибывшая часть санитарного отряда состоит из докторов **Садовского, Давыдова, Чистовича, Эбергардта и Гольдберга**, двух фельдшеров и двух сестёр милосердия.

Беседа с врачом отряда доктором **Садовским**

– Много ли пришлось поработать нашим санитарам у буров?

– Работы у нас, откровенно говоря, – ответил нам доктор **Садовский**, – было менее, чем мы этого ожидали... Иногда выпадали такие периоды времени, что буры и англичане совершенно бездействовали, взаимно чего-то выжидая, случилось, на целые три недели, и нам, конечно, при таком положении вещей, почти нечего было делать... Больше всего нам пришлось потрудиться в Фольксрусте и то только потому, что Фольксруст находился в границах Трансвааля, где буры чувствовали себя ближе к дому и потому были более спокойны. В Фольксрусте мы держались до тех пор, пока англичане не начали стрелять по высотам и буры стали отступать... Это было 15 мая, и с этой поры началось постепенное отступление буров..

– Были ли на ваших руках русские добровольцы?

– Нет, ни одного.

– Говорят, генерал **Робертс** не согласился выдать нашему военному агенту русских военнопленных?

– Не могу вам этого сказать... Знаю только наверное то, что много русских военнопленных заключены англичанами в тюрьму... Я сам видел этих пленников.

– Какая страна прислала больше других добровольцев на помощь бурам?

– Среди добровольцев преобладали немцы, итальянцев было тоже очень много... Французы были как-то незаметны...

Русско-голландский санитарный отряд в полном составе

– Правда ли, что англичане обращались жестоко с пленными бурами?

– Насколько я мог убедиться, это – неправда... Наоборот, были даже такие случаи, что узнав, что **кафры** грабят бурские фермы, англичане наказывали **кафров** и даже, как я видел, раздавали бурам-фермерам и бурским женщинам ружья и патроны для защиты от нападения **кафров**. Если же англичанам приходилось останавливаться в бурских фермах, то они буквально за всё платили. В особенности в Претории и Йоханнесбурге была очень строгая дисциплина.

– А вы не замечали женщин в английских рядах в качестве добровольцев?

– Нет, не приходилось. У буров было предположение основать отряды амазонок, даже в этом смысле было напечатано бурами воззвание, но генерал **Бота** не допустил этого, ссы-

лаясь на то, что женщины нужны для охраны бурских домов и забот об оставленных отцами детях...

– Какое вы себе составили мнение о бурах, как о воинах?

– Самое хорошее... Мне приходилось часто слышать мнение, что буры – трусы, ибо они вечно отступают от англичан, никогда не преследуют бегущего противника и стреляют в противника только из-за прикрытия... Это верно, но из этого вовсе не следует, что буры – трусы... Это не что иное, как своеобразная бурская тактика, основанная на превосходстве английских сил перед бурскими... У англичан численность войска доходит до 150 000 человек, у буров же всего каких-нибудь 7000... Нужно ли говорить, что если этот крошечный, в сравнении с английским, отряд пустится, например, на англичан в атаку, то от него, что называется, и следа не останется... Нет, бурская тактика умна... Пусть, рассуждают они, нас зовут трусами, но мы лучше побережём своих немногочисленных солдат, чтобы побольше из-за какого-нибудь прикрытия перестрелять англичан... А стрелки буры действительно замечательные! – закончил господин **Садовский**.

Spectator (Зритель)¹⁸⁰.

По возвращении отряда на родину были награждены несколько человек. Доктор **Оттон Маркович Гольбек** получил орден Станислава 3-й степени, а **Карл Августович Людиц (Людиг)** (провизор) – орден Анны 2-й степени. Золотой медалью на анненской ленте были награждены сёстры милосердия **Адель Аль**, **Ольга фон Баумгартен**, **Феодосия Зандина**, **Вера Макарова**, **Натаалья Онкоева**, **Любовь Страховская**, **Амалия Тауц** и санитар **Филипп Епифанов**. Серебряной медалью было отмечена **Ольга Тихомирова**¹⁸¹.

В январе 1901 г. в отечественной печати была напечатана следующая заметка доктора **Кускова** о деятельности отряда в бурских республиках:

Русский санитарный отряд в Трансваале

Буры и Трансвааль продолжают живо интересоваться наше общество. 16 января помещение охранения народного здравия было переполнено публикой, собравшейся выслушать доклад бывшего уполномоченного Общества Красного Креста и главного врача санитарного отряда в Трансваале приват-дочента **Н.Н. Кускова**.

Коснувшись в общих чертах климатических и медикотопографических условий Трансвааля, на основании собственных наблюдений, докладчик шаг за шагом проследил деятельность санитарного отряда Общества Красного Креста.

После представления членов отряда **Крюгеру**, медицинская комиссия, в ведение которой поступил отряд, решила направить его в район восточного театра войны, где предполагено было устроить два госпиталя: в Ньюкасле и Фольксрусте; отсюда уже можно было посылать летучие отряды на театр военных действий. В Фольксрусте дело организовывалось очень быстро: здесь в ведение отряда был передан правительственный госпиталь на 23 кровати, обставленный, в общем, вполне удовлетворительно. Госпиталь вскоре стал охотно посещаться больными: число приходящих доходило до 30 в день, а с 8 февраля пришлось увеличить число кроватей до 50, заняв для этой цели, кроме гостиницы, где помещался госпиталь, и соседний магазин. Гораздо труднее была организация дела в Ньюкасле, где первоначально пришлось устроиться в гостинице, часть которой продолжала выполнять свои функции. Только впоследствии удалось приспособить для госпиталя здание Доминиканского монастыря. Здесь и отношение публики было другое, и получение различных необходимых вещей сопровождалось значительными затруднениями; так, перевозочные средства (платформа и мулы) были доставлены только через два месяца, а до того раненых приходилось носить на носилках.

Отряд пробыл в Трансваале девять месяцев (до 17 августа) и за это время в госпиталях русского отряда (третий го-

спиталь был основан в Гленко) лечилось стационарно от огнестрельных ран – 90, амбулаторно – 213, а по внутренним болезням – 735; общие результаты лечения были вполне удовлетворительны, смертность – крайне незначительная.

По сведениям, собранным **Н.Н. Кусковым** за 6.1/2 месяцев относительно потерь у буров, у них было 850 убитых и 2832 раненых.

Отряд оставил по себе самые лучшие воспоминания, и приказ двинуться обратно был вызван тем, что партизанский характер войны не позволял организовывать правильную поочасу медицинской помощи.

Доклад был иллюстрируеи многочисленными фотографическими снимками.

Докладчик был награждён продолжительными аплодисментами¹⁸².

О некоторых итогах деятельности санитарного отряда РОКК в начале 1901 г. рассказывал его уполномоченный доктор **Кусков**:

На днях в обществе охранения народного здравия бывший уполномоченный РОКК и главный врач Санитарного отряда в Трансваале **Н.И. Кусков** сделал, как передают столичные газеты, сообщение о климатических и медико-топографических условиях Трансвааля. Этот доклад, составленный весьма подробно в форме дневника, даёт много новых интересных сведений о бурях и Трансваале.

Отряд состоял из 33 лиц, среди них: 6 врачей, 2 агента по административной и хозяйственной части, 4 фельдшера, 9 сестёр милосердия и 12 санитаров. На шестимесячную командировку отряда ассигновано было всего 100 000 рублей. Израсходовано же за десять месяцев всего 112 000 рублей, из коих жалования персоналу 55 000 рублей, путевые издержки – 25 000 рублей, перевозка вещей, рабочие и прочее – 4534, снаряжение отряда – заготовка медикаментов, консервов и прочего – 197 000 рублей. Во время пребывания среди буров

трансваальское правительство почти всё время на свой счёт доставляло отряду мясо и печёный хлеб; всего приблизительно, считая по тамошним ценам, отряд получил этих продуктов на 35 000 рублей. В распоряжение отряда предоставлено было также необходимое количество волов, мулов и лошадей для перевозки тяжестей, и **кафров** – для чёрных работ.

Временами расходы отряда на содержание персонала и больных были чрезвычайно велики; так, например, за небольшой мешок картофеля приходилось платить до 10 рублей, фунт сахару стоил около рубля... Между прочим, отряд запасся сахаром ещё при проезде через Египет, в Александрии, где он стоит всего по 5 копеек фунт. Особенно дорого обходилось содержание в Фольксрусте, где всё приходилось приобретать за свой счёт, и в Лоренсу-Маркеше, где отряд провёл долгое время на пути в ожидании парохода и израсходовал за это время свыше 3000 рублей.

Долгое время по приезде отряд оставался в полной бездеятельности, потому что медицинский совет, в ведение которого поступил отряд, решительно затруднялся назначить ему какой-либо пункт для устройства госпиталя. Только уже в конце января отряд по собственному выбору остановился на двух пунктах – Фольксрусте и Ньюкасле, расположенных близко от театра военных действий, где и открыт был госпиталь на 50 коек (в здании Доминиканского монастыря) и небольшой лазарет. Но и здесь долгое время делать было нечего: раненых почти совсем не было, больных также было немного, и персонал отряда скучал. Впоследствии постепенно условия изменились и временами на долю отряда с его летучими отделениями выпадало много трудов по уходу за ранеными и лечению амбулаторных больных.

За время пребывания в Трансваале отряду неоднократно приходилось переменять места своей деятельности, отступать вслед за бурами и временами претерпевать различные неудобства и лишения.

Любопытно отношение буров к отряду. В первое время они почему-то думали, что вслед за прибытием отряда Рос-

сия вообще заступится за буров. Слухи по поводу заступничества были весьма различны: говорили, что со стороны России предложено Англии посредничество для прекращения войны, затем, что уже предъявлен ультиматум, и, наконец, что в Трансвааль скоро прибудет на помощь бурам 10 000 казаков!.. Но время шло, помощи никакой не являлось, и отношение к отряду постепенно изменилось, сделалось холоднее и индифферентнее (безразличнее)...

Тем не менее за 202 дня деятельности отряда в стране, в его лазаретах были на излечении 191 раненый, проведенных на попечении отряда в общем 7300 дней, и принято было 5700 амбулаторных больных, сделавших всего 7570 посещений. Отношение буров к **кафрам**, по словам докладчика, оставляет желать многого. **Кафры** у них почти не имеют никаких гражданских прав, для них применяется телесное наказание. В присутствии бура **кафр** не имеет права сидеть. Это считается величайшей дерзостью, и так во всем. Например, в то помещение или палатку, где лежит больной бур, нечего было и думать положить **кафра**: это вызвало бы целый бунт. Во время войны в Трансваале **кафры** обязаны были бесплатно помогать бурам, исполняя для них все чёрные работы, тогда как англичане, по слухам, за всё это платили деньги.

К иностранцам-добровольцам, сражавшимся среди буров, последние относились крайне пренебрежительно и не редко враждебно. Причин много, иностранцы во многом виноваты сами. Из шести тысяч (?) человек, приехавших в Трансвааль сражаться за буров, только некоторая часть – порядочные люди, большинство же – искатели приключений. Они несравненно менее выносливы, чем буры, плохо стреляют и не имеют той специальной выдержки в характере, присущей исключительно бурам. Большинство их предпочитали жить в городах и весьма мало времени проводили на позициях. Однажды бурам чуть-чуть не удалось захватить в плен фельдмаршала **Робертса**, забравшегося с небольшой свитой весьма далеко от своих позиций, но предприятие не удалось только благодаря иностранцам. Буры, заметив опасное поло-

жение **Робертса**, спокойно отправились в обход, наперерез его свите, иностранцы же без всяких рассуждений с радостными криками бросились попросту догонять **Робертса**, и конечно, он и вся его свита вовремя успели ускакать к своим¹⁸³.

Встретилось среди документов АВПРИ и любопытное пояснение, сделанное уже через несколько месяцев после возвращения санитарного отряда РОКК на родину из столь длительной командировки и работы в Оранжевом Свободном Государстве и в частично захваченном африканерами Натале:

Председатель Главного управления Российского Общества Красного Креста состоящего под Высочайшим покровительством Её Императорского Величества Государыни императрицы **Марии Фёдоровны**,
9 апреля 1901 г. № 1800.

Его Сиятельству графу **В.Н. Ламздорфу**
Милостивый государь
граф **Владимир Николаевич**.

В ответ на письмо от 5 сего апреля за № 3374 имею честь уведомить Ваше Сиятельство, что наш отряд Красного Креста в Южной Африке всё время находился на стороне буров и, хотя поднимал всегда оба флага – национальный и Красного Креста, – не встречал против этого возражения со стороны кого-либо.

Прошу Ваше Сиятельство принять уверение в совершенном моём почтении и преданности.

О. Кремер¹⁸⁴.

Врач **Садовский** привёл в своих записках некоторые общие цифры о помощи, оказанной им и его российскими коллегами:

Деятельность отряда Красного Креста выразилась в следующих цифрах:

В госпиталях: Ньюкасле, Гленко, Фатерваль-Бовене и Фольксрусте стационарных больных состояло 1097 человек, из них с огнестрельными ранами – 112; смертельных случаев – 15.

Амбулаторных больных принято 5854 человек; из них с огнестрельными ранами – 132.

Летучими амбулансами подано пособие 713 человек больных; из них с огнестрельными ранами – 35 человек¹⁸⁵.

О некоторых итогах деятельности санитарного отряда РОКК сообщалось и в газетах:

Санитарный отряд в Трансваале. За семь месяцев пребывания отряда в Южной Африке в его лазаретах лежало 1690 человек, в том числе 123 раненых, амбулаторных больных было 5716 человек, которые сделали 6570 посещений. Санитарная помощь бурам обошлась в 112 096 рублей¹⁸⁶.

Русско-голландский санитарный отряд

О малоизвестных широкой общественности потомках преимущественно голландских поселенцев-бурах осенью 1899 г. вдруг зашумели российские журналисты, призывая к сбору пожертвований для отправки частного санитарного отряда к африканерам:

Газета «Новое Время» от 18 ноября 1899 г.

Письма в редакцию

Мы получили следующее письмо от голландского комитета для оказания помощи раненым бурам. Комитет обращается ко всем, у коих сердце болит за страждущих: «Когда мы заговорили впервые, мы не знали, что нам ответят. Мы надеялись, это, правда, что нам протянут руку помощи, потому что мы давно знаем, что от финских холодных скал до пламен-

ной Колхиды бьются миллионы отзывчивых сердец, но мы не могли предполагать, что симпатии к маленькому героическому народу, который умирает, но не сдаётся, – так велики. Теперь мы это знаем».

Сотни писем, полученных нами от лиц, принадлежащих ко всем слоям русского общества и со всех концов необъятной Руси, вызывают слёзы умиления, а 70 000 с лишком рублей, доставленных нам, образовались из копеечных и рублевых взносов.

Приносим глубочайшую благодарность всем, в том числе столичной и провинциальной печати, которая с величайшей готовностью поддержала нас всячески, что выразилось и в сборах пожертвований. В редакциях газет уже собрано до сих пор: в «Новом Времени» до 15 000 рублей, в «St-Petersburger Zeitung» до 7000 рублей, в Риге 3200 рублей, в «Dunazeitung St-Petersburger Herold» до 2500 рублей, в «Московских ведомостях» до 2000 рублей, в «Южном Крае» до 1500 рублей и в других редакциях меньшие суммы.

Сердечно благодарим богатых и бедных, учащуюся молодёжь, рабочих и служащих в разных конторах, обществах и учреждениях, в которых повсюду устраиваются подписки.

Эта всеобщая симпатия указала нам и путь, которому мы должны следовать. Недостаточно было бы отослать деньги в Южную Африку, необходимо проявить самим деятельную помощь. Ввиду этого комитет (состоящий из 6 лиц: граф **Пётр Александрович Гейден**, **Густав Гейзе**, пастор **Кротте Фан-Гильзе**, **Фандер-Пальс**, **Крейс** и пастор **Гиллот**) единогласно постановил отправить как можно скорее в Южную Африку санитарный отряд на 40 кроватей. Русско-голландский походный лазарет – таково будет название отряда.

С этим названием связано трогательное воспоминание. В 1877 г. во время русско-турецкой войны, по почину голландской общины в Петербурге был отправлен по таким же наименованием на Кавказ лазарет на 72 кровати. В течение года, целого года проработал он там. В течение целого года знамя Красного Креста развевалось между русским и голландскими

флагами, указывая тот единый путь, который всегда указывается крестом, – путь милосердия и любви. Это – драгоценное воспоминание. Сохраним и оживим его. Пусть свершит святой Крест далёкий путь через море-океан в ту юдоль¹⁸⁷ плача и пусть рядом с символом мира развеваются русско-голландские цвета.

Но без дальнейшей помощи наших друзей мы не в состоянии осуществить то, что должны сделать. Дело требует средств. Снаряжение, перевозка и деятельность санитарного отряда поглотит огромные суммы, и собранные 70 000 составляют едва две трети необходимого.

Помогите нам! Шесть или восемь врачей, частью голландцев, знающих местный язык, частью русских, владеющих немецким или французским языками (это неизбежное условие), 10 сестёр милосердия из русских и голландок, несколько фельдшеров, фармацевтов и служителей – подобный штат, это ясно всякому, обойдётся очень дорого в стране, где всё содержание здоровых и больных надо везти с собой.

Но чего не превозмогает деятельная любовь! С мечом в руке стоят друг против друга два народа. Два других народа, русские и голландцы, протягивают друг другу руки, чтобы исцелить раны и облегчить страдания.

Таков завет Христа и его святого символа.

Пожертвования адресуются: Санкт-Петербург, Невский проспект, 20, пастору **Гиллоту**. Екатерининский канал, 34-1, господину **Фан Гильзе**, **Фан Дер Пальсу** (контора Нейшеллео), Большая Морская, 38 (магазин Ява), господину **Крейсу**, графу **Петру Александровичу Гейдену** (Сергиевская, 79), **Густаву Гейзе** (директору Русско-американской резиновой мануфактуры), пастору **Кротте** (Конногвардейский бульвар, 13)

Голландский комитет для оказания помощи бурам¹⁸⁸.

Пастор голландской общины¹⁸⁹ **Гиллот**¹⁹⁰.

Впрочем, кроме призывов о пожертвованиях, в печати сообщались и кое-какие общие сведения о происхождении и занятии бурав:

Газета «Новое Время» от 18 октября 1899 г.

Воззвание Голландского комитета для оказания помощи
раненым бурам
(статья)

С разных сторон раздаются вопросы: кто же такие буры, которые в числе 200 000 решились противиться одной из могущественных держав мира и пролить кровь за свою независимость?

История их похожа на сказку. На берегу Северного моря лежит маленькая Голландия. Трудолюбивый и храбрый народ, закалённый в вечной борьбе с морем, обрабатывал плодородную почву. Народ этот всегда повиновался установленной власти, но когда в XVI в. пришли чужеземцы и хотели отнять у него право молиться Богу по обычаю отцов, тогда все встали как единый человек, с мечом в руках за свою веру. Беднейшие из них – гезы¹⁹¹, переселились в Капскую область, где создали себе вместе с выходцами из Франции гугенотами новое отечество, обрабатывая его в качестве земледельцев, виноделов и скотоводов. Стали они называться бурами (бауер – крестьянин). В их жилах течёт кровь героев XVI в. и никогда они не изменили принципам, воодушевлявшим их предков. Вытесненные из Капской области, потянулись они с жёнами и детьми в пустыню и заняли в 1840 г. провинцию Наталь. Но и отсюда принуждены были уйти в дикие дебри, где основали в 1858 г. Трансвааль и Оранжевую Республику.

Ныне в борьбе с превосходящими силами буры истекают кровью на поле битвы. Это отцы семейств, смерть которых пустит по миру жён и детей. По сведениям, полученным в Голландии, буры нуждаются во всём: в медицинской помощи, в уходе за ранеными, в пропитании осиротелых семей.

«Помогите нам, – доносится до нас крик из дальней Африки, – сердце надрывается от боли, глядя на борцов. – Помогите нам. Медлить нельзя».

С этими словами обращается Голландский комитет ко всем друзьям буров в России. В нашем втором отечестве, на Святой Руси, мы знаем, что рука дающего никогда не оскуде-

ет. Помогите ослабить страдания раненых, вдов и сирот. Ручаемся, что ваша помощь дойдет по назначению. Во имя человеколюбия обращаемся мы к вашим сердцам.

Голландский комитет для оказания помощи бурам.

Пастор **Гиллот**¹⁹².

Следует заметить, что буры заняли на северо-востоке нынешней ЮАР отнюдь не пустыню, а в течение многих десятилетий вели кровопролитные войны с окрестными чёрными народами захватив, в конце концов, обширные и плодородные земли, которые, как позднее оказалось, очень богаты полезными ископаемыми и, в частности, крупнейшими в мире золотоносными месторождениями и редкоземельными металлами.

Печать сообщала следующие сведения о русско-голландском отряде:

Русско-голландский санитарный отряд

Не успели мы проводить санитарный отряд Красного Креста, отправившийся в Трансвааль, на помощь раненым и больным бурам, как готовится новый такой же отряд, стремящийся туда же с той же целью. На этот раз санитарный отряд организуется голландским комитетом для оказания помощи раненым бурам.

Душой этого комитета является, как известно, пастор голландской церкви господин **Гиллот**, который не только сумел в каких-нибудь полтора месяца создать крупный капитал, необходимый для оказания помощи раненым и больным бурам, но ещё и воодушевил своими вдохновенными речами и проповедями массу людей, готовых оказывать эту помощь личным бескорыстным своим трудом в качестве врачей, сестёр милосердия и санитаров.

Достаточно заглянуть теперь в квартиру почтенного пастора **Гиллота**, чтобы убедиться, какая лихорадочная деятельность там теперь происходит. Я был в этой квартире 19

октября, то есть в первый день, когда объявлена была подписка на помощь бурам. Везде, во всех комнатах царила образцовая, настоящая голландская чистота, полы и стены точно отполированы были. Бронза, дорогой фарфор, всевозможные *objets d'art* (произведения искусства) на столах, столиках, каминах, окнах. Теперь эти комнаты не узнать... Разные громоздкие тюки, свертки, пакеты, узлы – всё это заслонило собой роскошное убранство квартиры, и полы, и стены уже не блещут той полированностью – не до того теперь... Сам пастор **Гиллот** – всегда цветущий, жизнерадостный, как-то осунулся за это время, видимо, переутомился, не покладая рук работая по целым дням. Все комнаты его квартиры переполнены народом: тут и врачи, и сёстры милосердия, и санитары.

Несколько дней тому назад к пастору **Гиллоту** приехал из Голландии амстердамский врач **Фан Леерсом (Фан Леерсум)**. Как выдающийся хирург и главный врач Амстердамского полевого хирургического лазарета, доктор **Фан Леерсум** будет руководителем формирующегося теперь русско-голландского санитарного отряда. Кроме доктора **Фан Леерсума**, прибыл сюда из Амстердама ещё один голландский врач, который получил надлежащие инструкции относительно формирования кадра санитаров, уехал уже обратно в Голландию.

Службу санитаров будут нести в этом отряде исключительно голландцы. Как мы узнали, обязанности санитаров и сестёр милосердия взяли на себя представители и представительницы Амстердамской родовой и даже финансовой аристократии. Сестёр милосердия предполагается иметь в отряде около 20.

Из России отправляются с этим отрядом врачи: господа **Борнгаупт, Лилиенфельд, фон Ренненкампф, Вебер, Кухаренко, Лоренсен и Вебер**. Кроме того, будут три голландских врача, которые присоединятся к отряду в Неаполе, откуда отряд и двинется около 20 декабря в дальнейший путь на германском пароходе.

Недели через полторы отряд русских врачей и сестёр милосердия отправится из Петербурга в Неаполь.

Большая часть необходимых медикаментов, хирургиче-

ских и перевязочных средств отправлена будет вместе с отрядом из Петербурга. Из Амстердама же в отряд поступит почти весь продовольственный запас¹⁹³.

Можно добавить, что во многих странах не только готовили к отправке к бурам санитарные отряды, но и собирали им в помощь денежные средства:

Выдержки из открытой печати для доклада царю
(от 21 сентября 1899 г.).

В пользу эмигрантов и бежавших из Трансвааля, англичанами собрано уже по подписке 117 000 рублей; в Голландии собирают деньги для буров.

16/28 октября из Амстердама отправится голландский санитарный отряд; немецкий отряд Красного Креста отправляется из Неаполя 18 ноября¹⁹⁴.

Российские газеты живо откликнулись на призыв о сборе пожертвований:

«Петербургские вести»

С миру по нитке в пользу буров

(от нашего корреспондента)

Петербург, 26 октября (1899 г.).

Поток пожертвований в пользу раненых буров растёт с каждым днём. Общая сумма приношений, поступивших до сих пор к пастору голландской общины **Гиллоту** (Невский проспект, 20) превзошла к 26 октября 30 000 рублей. Если исключить из этой суммы 5000 рублей, пожертвованных голландским церковным советом, все остальные, то есть 25 000 рублей, составилось из небольших пожертвований отдельных лиц, поступивших либо непосредственно к пастору **Гиллоту**, либо через редакции газет и от учреждений, банков, канцелярий, контор и т.п.

Если сбор будет продолжаться столь же успешно, то пастору

Гиллоту, может быть, удастся осуществить грандиозный план отправки на театр военных действий особого русско-голландского санитарного отряда, подобного тому военно-походному лазарету, который был им снаряжён на Кавказ в 1878 г. и который принёс русским раненым огромную пользу.

Пастор **Гиллот** запросил телеграфом в Голландию о размерах расходов по снаряжению отправляемых туда, в Трансвааль санитарных отрядов. По выяснении всех подробностей дела голландский комитет для пособия раненым бурам напечатает второе воззвание, в котором объяснит публике своё намерение. Осуществление проекта будет стоить не дешёво, потребуется, вероятно, до 50-ти или 60-ти тысяч рублей, но, судя по отзывчивости русского общества и народа до сих пор, нет основания опасаться, чтобы потребная сумма не было собрана.

Я намеренно употребил выражение общество и народ, потому что пожертвования сыплются из всех слоёв общества, не исключая и самого простого народа.

Поддевки¹⁹⁵ и армяки¹⁹⁶ не переводятся в гостиной пастора **Гиллота**. Кровные рубли приносятся то от какой-нибудь артели, то от служащих в тех или других конторах, магазинах, складах и т.п.

Входит трое детей. Один из них – мальчик – начинает выкладывать деньги.

Этот рубль – от **Мани**, этот рубль – от **Сони**, этот – от меня, а это, прибавил он с оттенком некоторого пренебрежения, кладя на стол полтинник, это от **Наст**, кухарки.

Появляется старый-престарый генерал:

– Только что получил я сегодня своё жалование. Стал читать газету, а тут как раз ваше воззвание. Даже слеза прошибла. Делать нечего, надо раскошелиться. Вот вам моя сильная лепта.

И он вынул сто рублей.

Бывают трогательные сцены.

– Я живу только на жалование, – говорит офицер средних лет. – У меня нет вовсе денег, которыми бы я мог располагать. Но мне так жаль буров, что я непременно хочу сделать хоть

что-нибудь. Я пересмотрел все свои вещи и, наконец, вот что я нашёл.

С этими словами он передал пастору **Гиллоту** золотое колечко с голубым камнем.

– Это кольцо, – продолжил он, – мне очень, очень дорого. Оно досталось мне после матери. Я думал, что никогда не расстанусь с ним. Но я хочу пожертвовать то, что у меня есть самого дорогого для меня. Возьмите его.

Офицер ушёл. Вскоре вместо простенького кольца в кассе буров оказался солидный взнос, самое же кольцо хранится в семье, которое будет дорожить им как реликвией.

Одна дама принесла рубль, завернутый в бумажке, на которой стояло: «Капля в пользу буров».

Являются предложения и, так сказать, натурою. Некто из провинции предлагает, например, десять пудов изобретённой им целебной мази, которая могла бы, по мнению изобретателя, очень пригодиться для лечения ран.

Из провинции и со всех концов России пастор **Гиллот** получает огромное множество денежных писем и писем с предложениями личных услуг в санитарном отряде и в воображаемом отряде добровольцев. Одно письмо было адресовано: «В Петербург, в Трансвааль». Пастор **Гиллот** начал было отвечать на каждое письмо, но скоро посыпался такой дождь писем, что не оказывается никакой физической возможности отвечать всем. Иногда, к сожалению, пишущие забывают прибавить свой адрес. Так, одна женщина, подписавшись просто **Мария**, без обозначения адреса, обращается к пастору, называя его «отец мой», с предложением ухода за ранеными, к чему она привыкла ухаживать с малолетства за больными. Она взывает к пастору с трогательной мольбой: «Ради Господа – Отца всех сирот, волю которого Вы исполняете, не откажите мне в совете, но научите, как мне поступить, куда обратиться, что делать, я ничего не знаю. Вас не оставит Бог, а я буду вечно молиться за Вас». И, несмотря на всё, именно этой благородной личности из народа ничего сообщить нельзя.

Рязанец¹⁹⁷.

Пастор **Гиллот** обратился с письмом к руководителю Российского Общества Красного Креста **О.К. Кремеру** с просьбой оказать необходимое (не денежное) содействие:

...Петербургский комитет помощи раненым бурам решил отправить в Трансвааль русский санитарный отряд на 40 кроватей, управлять (главный врач) – голландец для удобства, часть личного состава русские, часть – голландцы...¹⁹⁸.

Он просил согласия на снабжение личного состава отряда удостоверениями о принадлежности Красному Кресту. В письме содержалась справка, согласно которой во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. приходом Голландской церкви был организован под начальством доктора **Тилинга** лазарет на 20 кроватей, впоследствии расширенный до 40 кроватей. Он функционировал с 5 июля 1877 г. по 30 апреля 1878 г. в Александрополе, затем в Тифлисе и Кутаиси. Стоимость организации и содержания лазарета обошлась приходу в 25 885 рублей 50 копеек¹⁹⁹.

Приведём несколько прошений на имя пастора **Гиллота** от врачей с просьбой включить их в состав русско-голландского санитарного отряда:

Ваше Преподобие.

Меня постигло тяжкое горе, чувствуя настоящую нужду забыться в работе, я обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой оказать мне милосердие. Я врач, окончивший курс медицинских наук в Харьковском императорском университете в этом году. В настоящее время я исполняю обязанности ординатора в госпитальной хирургической клинике пр. Подреза при Харьковской городской Александровской больнице. Хирургией занимаюсь специально с 3 курса, о чём представляю свидетельство старшего врача Александровской больницы, рекомендацию профессора, если это нужно будет, я могу предоставить. В данное время профессора нет, и потому я не

могу здесь её поместить. Работая в больнице, я всё же не могу найти себе успокоения, так как семейная неурядица гонит меня из Харькова. Сочувствуя вполне бозрам в их борьбе за независимость, я желал бы принести им посильную помощь в качестве врача. Я думаю, что врач, любящий свою профессию и честно относящийся, может всюду приносить пользу, тем более на войне. Хотя Вы меня не знаете, но я позволю себе дать честное слово, что люблю и честно исполняю обязанности врача. Более не смею распространяться о себе. Считаю долгом заявить, что я еврей, хотя думаю, что это не сможет послужить препятствием. Если бы у меня были средства, я приехал бы в Петербург, чтобы лично поговорить с Вами. Если Вы найдёте возможность исполнить мою просьбу, то есть послать меня в качестве врача в снаряжаемой экспедиции, то соблаговолите ответить по следующему адресу: Харьков, госпитальная хирургическая клиника пр. Подреза при Александровской Городской Больнице. Врачу **М.Г.Горенштейну**

Само собой разумеется, что я согласен ехать на каких угодно условиях.

С совершенным почтением **М. Горенштейн.**

P S. Не сочтите письмо за ловкую уловку попасть в интересную экспедицию, так как если Вы меня лично не знаете, Вы этого не скажете. Могу сказать, что только вчера я отказался от наследства. Больше писать мне нечего. Это письмо я адресую к Вам лично и прошу никому не показывать. Так как семья моя не должна знать об этом письме, что легко может случиться, если письмо попало бы в руки репортёра. Письмо должно быть только у Вас. Город Харьков, 24.X.99. Преподобный отец, во всяком случае прошу удостоить меня ответом. В случае отказа удостоверение прошу прислать обратно²⁰⁰.

Обращались с подобными просьбами не только терапевты, но и зубные врачи:

Милейший государь господин **Гиллот.**

Простите, что снова беспокою, но не понимаю, должно ли

предоставить рекомендации от частных лиц (от некоторых врачей, например) или ж от властей. Но, если Вы не доверяете мне, то можете не поверить рекомендациям тех лиц, от которых они будут. К сожалению, я ни в каком учреждении не служу, а занимаюсь частной практикой, а потому удостоверением моей личности могут служить только мои документы (аттестат московской гимназии и диплом на звание зубного врача).

Покорнейше прошу разъяснить мои сомнения, а также не откажитесь сообщить: составляется ли кружок сестёр милосердия и нужны ли они там, на театре войны? Я ни о чём не знаю. За сообщение сведений буду чрезвычайно благодарен и ещё раз прошу простить за причинение беспокойства.

С совершенным почтением, **А. Бруссер**. 5 ноября 1899 г.
Астрахань, зубной врач **Бруссер**²⁰¹.

Среди желающих поехать были и студенты-медики:

Москва, Кудрино, 11 августа 1899 г.

Спешим выразить Вам, господин пастор, глубочайшую благодарность и признательность за то, что Вы были настолько любезны, что не оставили нас в неведении и уведомили нас. У нас теперь единственное желание, чтобы мечты наши осуществились, именно: отправиться помогать бурам. Сегодня в газете мы прочли, что в отряд, который Вы снаряжаете в Трансвааль, будут приниматься из русских те, которые говорят по-английски или по-немецки. К прискорбию нашему, господин пастор, мы не говорим ни на одном из вышеупомянутых языков. Немецкий язык мы знаем в том объёме, который преподавали у нас в гимназии. Но, умоляем Вас, господин пастор, не пренебрегайте нами, мы с готовностью будем отдавать все наши силы, лишь бы только им как-нибудь помочь. Мы, действительно, не знаем языков, но мы обладаем некоторыми медицинскими познаниями и довольно хорошим здоровьем, так что мы надеемся, что мы можем сослужить службу. Далее, как говорится в газете, в отряде будут находиться наши соотечественники-русские – значит, мы не будем на-

ходиться в беспомощном положении. Итак, господин пастор, будьте добры, обратите Ваше внимание на нас и дайте нам возможность оказать доброе дело. Студенты-медики **Б.и Л.**

Конюшковский переулок, дом **Сердцевой**, квартира **Петровой** (№4). Студенту **Б.**²⁰²

Немало прошений приходило и от бывших студентов:

Милостивый государь господин **Гиллот!**

Имею честь просить Вас, если найдёте возможность, принять меня в один из санитарных отрядов для оказания помощи раненым бурям.

При сём имею честь сообщить, что я, бывший студент 3 курса медицинского факультета Томского университета, уволенный за февральскую историю. С 15 марта по 1 июля был на эпидемии тифа и цинги от Красного Креста. С 1 августа по 20 октября работал на лечебно-продовольственном пункте в городе Симбирске²⁰³. Теперь продолжаю работать в Санитарном бюро.

Новых языков не знаю.

Симбирск, Губернская земская управа, Санитарное бюро,
Владимир Иванович Ильинский²⁰⁴.

Телеграммы с подобными просьбами были как правило, краткими:

Покорнейше прошу зачислить меня безвозмездно отряд Красного Креста Трансвааль врач **Ивакин Самара** номера **Корнилова**²⁰⁵.

Некоторые доктора так и не дождались ответа:

Москва, 10 декабря 1899 г.

(...) месяца полтора назад я обращался в Комитет по Вашему адресу с заявлением того, что я бы с радостной душой

согласился в качестве врача принять участие в посылаемом отряде. Вероятно, тогда не было места вакантного (...) Кажется мне, что своей медицинской помощью я мог бы, хоть и немного, но всё же облегчить страдания героев буров, защищающих свою независимость.

Москва, Богословский проспект, **К. Исакович**, врач²⁰⁶.

Проезд до Трансвааля стоил дорого, поэтому многие врачи просили отправить их туда за счёт пожертвований:

Херсон, 10 декабря 1899 г.

Милостивый государь!

Нельзя не сочувствовать горести буров, сражающихся в Южной Африке с более многочисленным и могущественным неприятелем, каковым являются англичане. Сочувствуя им, я желал бы оказать им помощь и быть полезным им в качестве врача, так как, по моему мнению, во врачах они более всего нуждаются. Не будучи в состоянии поехать в Южную Африку на собственные средства, за недостатком последних, я предлагаю Голландскому Комитету для оказания помощи бурам воспользоваться моими услугами и отправить меня на театр военных действий. Прошу Вас, Милостивый государь, о решении относительно моего предложения Голландскому Комитету уведомить меня по нижеследующему адресу.

Адрес: Херсон, угол Витовской и Грязной улиц, врач

Бабский²⁰⁷.

Подобные письма приходили отовсюду:

Томск, 29 января 1900 г.

Искреннее сочувствие бурам и горячее желание, по долгу евангельской любви, помочь раненым нашим единоплеменникам (...) благородной за золото свободы – побуждает почтительнейше спросить и просить Вас, многоуважаемый пастор, не найдёте ли Вы возможность ответить, где и как я,

как врач, и моя жена акушерка-фельдшерица, могли бы быть причислены к военно-санитарному отряду буров, а равно, где и у кого найти средства материальные для отправления и обеспечения во время службы, так как личных средств я и моя жена не имеем.

P.S. Желательно было бы вступить в члены отправленного отряда Русского Красного Креста, но как это сделать – не знаю²⁰⁸.

Среди желавших поехать было немало русских подданных, обучавшихся за границей:

Я, бывший студент-медик Московского, теперь Павийского университета, узнав, что имеется возможность составить и послать в Трансвааль санитарный отряд, имею честь предложить Вам свои услуги. Из языков я лучше знаю французский, чем немецкий и итальянский. Голландский я хоть не знаю, но надеюсь, что при моём навыке к языкам я, по приезде в Трансвааль, буду уже в состоянии обстоятельно расспросить больного. По получении телеграммы с первым же поездом отправлюсь к месту назначения. Язык затруднения для меня не составляет и я надеюсь принести пользу горячо любимому делу.

Socoloff.

Italia, Milano, via Galileo 8”²⁰⁹.

Обращались и лица без медицинского образования:

(...) я согласился бы отправиться в действительную армию на перевязочный пункт, чтобы врачевать раны этих славных героев.

Константин Исакович.

Грозный, Терская область²¹⁰.

Врачи разных специальностей присылали подобные прошения:

23 марта 1900 г.

Одушевлённый искренним сочувствием к многострадальным бурам, героически отстаивающим свою независимость и свободу против эгоистических притязаний угнетателей-англичан, я искренно желал бы оказать свою посильную помощь в качестве врача по уходу за больными и ранеными. А потому прошу Вас, по поводу сего моего предложения, не оставить меня своим ответом по адресу: Шихобаловский уездный амбулатор **Пётр Назарович Русейкин**²¹¹.

Для примера приведём и списки студентов-медиков, желавших поехать в составе отряда:

От студентов-медиков Казанского университета. Хотим, но нет средств доехать.

1. Виктор Сивемский (Сидемский?)	9. ?
2. Константин Данилов	10. Александр Вакуленко
3. Аристарх Ильин	11. Александр Зайцев
4. Михаил Богомолец	12. Н. Орлов
5. Александр Половинкин	13. С. Доманский
6. Михаил Сутевский	14. С. Мялиновский
8. Иосиф Ярославский	15. Вл. Бервольф ²¹² .

(Остальные письма дела № 57 дадим в сокращении):

1. Врач **Михаил Танский**, Казань. 20 октября 1899 г.

2. Студент-медик 5 курса **Леонтий Якобсен**, Москва.

3.(...) nach Transvaal zu begehen um meine Dienste als Arzt

(Speziell-Chirurg) auszubieten. (...)Vielleicht konnten Sie das Reisegeld zu ersparen oder zu vermindern? Russe 26Jahre alt, Deutsche und Franzosiche Sprachen, **Kucharenko** (Чтобы) объехать Трансвааль во исполнение моих обязанностей врача (хирурга-специалиста)... Возможно, Вы смогли бы сэкономить проездные или уменьшить их. Русский, 26 лет, знаю немецкий и французский языки, **Кухаренко**).

В. Кухаренко, Москва.

4. Студент-медик 5 курса **Файн**, Москва.

6. Ординатор хирургической клиники **Г.В. Соболевский**, Москва, 24.10.1899 г.

7.**Dr. Ernoos**(?) Lu..twerk, г. Ченстоков Петриковской губернии.

8.26.10.1899 г. Dr.med.**A.Brodskij**, Полтава. Из газет узнал, что Голландский комитет снаряжает отряд врачей раненым бурам в их симпатичной и героической борьбе а Англией. Доктор Дерптского университета, немецкий – в совершенстве, 10 лет заведовал хирургической больницей в угольных рудниках Донецкого бассейна. Каковы условия, расходы, гонорар, сроки? Прилагаю семикопеечную почтовую марку на ответ.

9. 27.10.1899 г. Dr. **B.Aronstam**, Riga.

10. 30.10.1899 г. **Григорий Тихинов**, Москва. Хочу посвятить себя помощи раненым и ухаживать за больными бурами.

11.4.11.1899 г. Dr. med. **W.Spri...**

13.5.11.1899 г. Provisor **Muller**, Tula.

15, 16. 7.11.1899 г. на нем.языке.

17. **Покровский**, Армянский переулок, Невские номера.

19. 12.11.1899 г. Врач **А.М.Шполянский**, Харьков.

20. 13.11.1899 г. Rezald ...circa 2000 Rbl., Revel.

21. Dez.1899, **Rosen**.

22. 18.11.1899 г. **Ernst Boronowsky**, Odessa (на бланке Oscar Witte, Agentur & Comission).

23. 18.11.1899 г. Dr. **Fr.Lindig**, Riga. Далее по адресу: ст. Заречье Витебской губернии сельскому врачу, 2-й участок Себежского уезда.

24. 19.11.1899 г. Dr. **Heymann**, Юрьев.

25. 21.11.1899 г. 2-е письмо студента 5 курса **А. Файна**, Москва.

26. 18.11.1899 г. **Friedrich von Pantzer**, г. Новохопёрск Воронежской губернии.

27. 13.11.1899 г. Dr. **Arthur Schilling**, Marienburg, Livland.

28. 15.11.1899 г. **Chirurg O.Brandt**, Mitau.

29. 26.11.1899 г. St.-P., письмо напечатано. Auf unsere heutige Unterredung zuruckkommend, erlaube ich mir Ihnen fur alle Falle Adresse mitzuteilen:(Исходя из нашего ныне восстановленного Вам подчинения, позволю себе на всякий случай отметить для Вас некоторые адреса).

Bankhaus EM Meyer & Co. Englischer Quai № 30 **John V. Nikultschenko**, (Банкирский дом Е.М. Мейер и К. Английская набережная, 30, **Иван В. Никульченко**)

Wo ich mir vergnugen Ihren geschätzen Nachrichten entgegen sehe. Mit vorzuglichen Hochachtung **Johan. Nikultschenko** (где имею удовольствие ожидать от Вас ценных известий. С неперменным высоким почтением. **Иван Никульченко**).

34. **Паулина Александровна Мартсон**, Москва.

35. Студенты-медики Харьковского университета **Владимир Воробьёв** (4-й семестр) и **Леонид Гоген** (7-й семестр).

36. Student-Mediker **Anatoli Dubowski**, СПб, Казанская ул.

40. Врач **Яхнин**. Условия: 1. Бесплатный проезд туда и обратно хотя бы 3-м классом и содержание в пути. 2. Содержание во время войны (не жалование), как у военных транваальных врачей. 3. Подъёмные в сумме 250 рублей, чтобы быть свободным. 4. Жалования не надо. Запасной чиновник Военно-медицинского ведомства, при принятии кандидатуры будет добиваться разрешения правительства. Доктор **А. Яхнин**, станция Марьина Горка, Либенско-Роменск. железной дороги, Малые Пуховичи.

41. Врач **Станислав Витальевич Контовт**, Харьков.

42. Выпускник Медицинского факультета в Киеве Лившиц, Харьков.

44. Dr.med. **N. Avonstam**, Libau, Curland²¹³.

Приведём и письмо **Вацлава Гапинского** офицеру **Петрову** с просьбой о зачислении его добровольцем в защиту буров от 15 октября 1899 г.:

Лодзь, 15.10.

Ваше Высокородие.

Сим ... лично покорнейше просить Вас принять меня в счёт охотников имеющихся биться с англичанами.

Мне 19 лет от роду (и) Римско-католического исповедания и в силе здоровья.

Ожидаю ж ответов с нетерпеливостью. Поддающийся к Вашим услугам **Вацлав Гапинский**.

Мой адрес: Петроковская улица № 176, квартира 16.

(Вторая сторона письма) Открытое письмо: Его

Высокородию офицеру **Петрову** – Собирателю охотников для помощи бозрам против Англии в Петербурге (спр.: У пастора **Гиллота** Невский, 20)²¹⁴.

Приведём и некоторые другие прошения, направленные пастору **Гиллоту**:

Уважаемый господин пастор!

Прочтя в 291-ом номере «Российских ведомостей» Ваше воззвание и не имея средств, я могу предложить свои услуги в качестве сестры милосердия. Я слышала, что Вы собираете отряд сестёр милосердия, чтобы отправить их в Трансвааль для ухаживания за ранеными бурами и очень прошу, если возможно, зачислить меня в этот отряд. Я имею свидетельство сестры милосердия, выданное мне Калужским местным управлением Российского Общества Красного Креста. Прилагаю конверт с моим адресом и прошу Вас, уважаемый господин пастор, дать мне ответ. По получении ответа могу сейчас же выехать в Петербург.

Е. Ключарева, 5 ноября 1899 г.²¹⁵.

Писали письма не только врачи:

Господин пастор!

К Вам обращается человек, желающий хоть чем-нибудь быть полезным этим героям-боэрам, так смело сказавшим англичанам: «Досюда и не дальше!». Я глубоко сочувствую храбрецам, решившим до последней капли крови отстаивать свою независимость. Я также глубоко возмущён поступками Англии, осуждая её как человек. Может быть, с точки зрения политического деятеля, Англия и мудро поступает, не мне судить, но с точки зрения человеческой, видя в каждом мире брата, несмотря на различие положений и наций, на какой бы точке земного шара не был я, – я считаю поступок Англии – преступлением, преступлением против совести, порядочности! Поэтому, понятное дело, я, не колеблясь, принимаю сторону Трансвааля, желая этой почтенной стране победы и достижения полной независимости. Если существует на свете правда, в чём я не сомневаюсь, – она восторжествует, несмотря ни на какие силы!

Но я сознаю, что, к сожалению, вся сила пока ещё на стороне противника и боэрам нужна во многом помощь.

Не считая себя способным на эту помощь какими-нибудь иными (неразборчиво), я с радостью предложил бы хоть свою жизнь, если она сможет на что-нибудь годиться боэрам.

Я, к сожалению, не знаю никакого другого языка, кроме родного русского и это меня останавливало, тем более я прочёл по газетам, что Вы, господин пастор, таких претендентов не принимаете. И вы совершенно правы: Куда же (неразборчиво) защитников? Кроме того, ещё и без денег! Но сегодня я прочёл в той же газете весть, разом поднявшую мою энергию и горячее желание помочь хоть чем-нибудь. Я прочёл, что в Петербурге организуется санитарный отряд Красного Креста для отправки в Южную Африку. В этом отряде принимают участие сёстры милосердия, студенты и врачи.

Господин пастор! Скажите, пожалуйста, не могу ли и я присоединиться к этому отряду. Неужели же я не буду в состоянии сделать доброе христианское дело? Неужели я при всем горячем желании буду только обузой и жалким фана-

тиком идеи, той идеи, которая с первого момента, с первого известия об объявлении войны, овладела мной и заставляет бросить всё и идти в далёкий край с предложением принести пользу.

Я знаю, Вас осаждают подобными предложениями, но Вы все отклоняете. Неужели и моё Вы также отклоните? Не может быть! Моя просьба состоит только в том: возьмите, ради Бога, меня в санитарный отряд Красного Креста, попросите, как председатель комитета!

Я, моё горячее желание и моя жизнь к Вашим услугам – назначьте её, в какое хотите дело, но только дайте его сделать для Трансваальской республики.

Я верю, надеюсь, что Вы устроите о принятии меня в санитарный отряд, или хотя бы только отправили меня в Трансвааль, а там я найду, как принести пользу. Лишь бы было сочувствие и желание, все эти чувства найдут исход.

Повторяю, я прошу принять меня в число кандидатов отряда.

Ради всего святого, господин пастор, не отвергайте и возьмите меня, авось я пригожусь; ведь я имею то, что так дорого теперь для бозров, а именно жизнь – её-то я и предлагаю, – что для войны важно.

Господин пастор! Будьте добры, во имя голландских поселенцев, храбрых бозров, не откажитесь помочь мне.

Я прошу Вас, улучите хотя бы несколько минут и напишите мне решение моей судьбы. Быть или не быть. Пожалуйста, выслушайте голос неведомого, незнакомого человека. Профессия моя – учитель в доме помещика. Я молод, мне 20 лет, здоров. Вот всё, что могу сказать о себе. Человек я интеллигентной, получил образование в гимназии классической.

Вот эти сведения, может быть, будут нужны.

Мой адрес; город Плес (Костромской губернии). Усадьба Никольское. Учителю **Стефану Вениаминовичу Бирюкову**.

Какое бы ни было Ваше решение, прошу Вас, господин пастор, быть настолько добрым, войти в моё положение и возможно скорее ответить мне. Вспомните, что вашего сло-

ва ждёт человек, решивший, твёрдо решивший, поступать, как Вы скажете. В случае Вашего благоприятного ответа, я не медля ни минуты еду в Петербург, чтобы отправиться с отрядом Красного Креста на войну.

Жду с нетерпением Вашего ответа. Ваш ... (подпись)

Прошу, господин пастор, считать мой письмо к Вам конфиденциальным.

20 октября 1899 г.²¹⁶

Просьбы шли из обеих столиц:

Пастору Голландской общины господину **Гиллоту**.

Не имея возможности оказать нашим африканским братьям денежную помощь, – я и мои три подруги, желали бы быть командированными в качестве сестёр милосердия в Трансвааль. Не зная куда обратиться и как привести наше желание в исполнение, мы решили обратиться к Вам за указаниями.

Фельдшерица-акушерка

Антонина Ивановна Альтковская.

Адрес: Москва, 3-я Мещанская улица, дом Чулкова, квартира 42²¹⁷

Прошения шли в основном из крупных городов тогдашней Российской империи:

Прочтя воззвание Голландского комитета для оказания помощи раненым бозрам и желая предложить свои услуги при уходе за ранеными бозрами, я обращаюсь к Вам с просьбой сообщить, могу ли я рассчитывать на бесплатный проезд в Южную Африку. Кроме того, я хотела бы знать, где собирается отряд и когда он отправится.

Адрес мой; город Харьков, Екатеринославская улица, дом 9-й. Библиотека С.Е. Егорьевой для **Надежды Ильиничны Смирницкой**.

25 октября 1899 г.²¹⁸.

Некоторые просители обращались с предложениями своих услуг из-за временного простоя:

Милостивый государь.

В настоящем году я имел окончить Институт братьев милосердия и до постройки общины я должен ожидать полгода; в настоящее время я бы с любовью поработал, если бы Вы нашли возможным посодействовать отправлению меня для медицинской помощи раненым бурам. Остаюсь в ожидании благоприятного ответа готовый к христианским услугам.

Василий Тимофеев.

Жительство имею здесь; Гончарная улица, дом № 13, квартира 14.

Василий Андреевич Тимофеев. 16 ноября 1899 г.²¹⁹.

Милостивый государь!

Прочитавши Ваше последнее воззвание, я окончательно укрепился в мысли посвятить себя служению страждущим бойцам за правое дело, Вашим соотечественникам, поселившимся в Южной Африке и мужественно отстаивающим теперь свою свободу от притязаний длиннорукого **Джона Буля**.

Россия всегда питала уважение к трудолюбивым голландцам и многому научилась от них, даже наш великий царь **Пётр I** учился у голландцев, благоговел перед ними и нас всех научил уважать трудолюбивый народ. Теперь настала пора русским выразить свою благодарность и признательность по отношению к голландцам на деле, пришла пора осуществить великие заветы царя **Петра**. Не мудрствуя лукаво, с горячей верой и любовью в груди протянет признательная Россия своей учительнице Голландии руку помощи в лице её сынов, когда пробьет к тому час; в настоящее же время государственная мудрость всех народов держит нейтралитет, принимая во внимание Гаагу (конференцию). Наша Русь долготерпелива, но и всякому терпению бывает конец.

Теперь же, пока Русь шлёт своих сынов, а главным образом дочерей, для оказания помощи больным, измученным,

израненным бурам. Если Вы, господин пастор, не откажетесь принять мою жертву, то я душевно и телесно весь к Вашим услугам, откажусь от службы, чтобы идти на помощь симпатичному народу в том врачебно-санитарном отряде, который Вы проектируете послать в Трансвааль. Хотя я и не получил специального медицинского образования, но всё-таки несколько подготовлен к тому, чтобы подать руку помощи страждущему, раненому, могу с успехом исполнять обязанности санитаря. Образование получил в реальном училище, хорошо знаю немецкий язык, несколько знаком и с французским и даже с латинским языком, остальное пополнится старанием, усердием, знанием, а это главное.

Мне 30 лет, холост, меня ничто здесь не задерживает, имею достаточно житейской опытности, здоров и силён.

С почтением. Желаю быть Вашим покорным слугой.

Адрес; город Пермь, Государственный контроль железной дороги, **Михаилу Ивановичу Пономареву**.

26 ноября 1899 г.

Ответ можно открытым письмом²²⁰.

Некоторые медики неоднократно обращались с просьбами:

Ввиду того, что теперь несколько выяснился вопрос о составе санитарного отряда, я считаю возможным предложить свои услуги в качестве простого служителя.

Я мог бы предложить свои услуги в качестве фельдшера или фармацевта, но, к сожалению, имею мало практики, а служителем я мог бы быть хорошим, потому что здоров, силён и ловок и понимаю дело.

Из языка, как я уже писал, я знаю французский лучше немецкого и итальянского, и при навыках к языкам я скоро мог бы понимать по-голландски. Если будет возможность, то, пожалуйста, исполните мою просьбу, я готов во всякую минуту.

Студент-медик **Socoloff**

Milano, Italia, Via Galileo, 8²²¹.

Приходили и письма-сопроводилочки материальной помощи бурам:

Глубокоуважаемый Отец пастор!

Сегодня бывшие харьковские студенты праздновали годовщину своего университета. После тостов за державного покровителя, за университет и профессоров, за (неразборчиво), вышедших из числа бывших студентов и за молодое поколение, один из старых студентов, высказал такой тост;

Вдаль, туда, где буры-братья
Против сил за правду бьются
И за правду умирают.
Наши братские объятья
Пусть с молитвой донесутся.
Пусть страдальцы там узнают,
Что молитву, нам родную.
Мы возносим к Богу силе,
Дабы их борьбу святую.
Он победой осветил.

Восторженным сочувствием был принят этот тост.

Вашему сердцу, болящему о страданиях (неразборчиво) братьев, в этом тосте откликнутся чувства правды и участия к страдающим за неё.

На облегчение этих страдальцев благоволите, глубокоуважаемый Отец пастор, принять прилагающуюся при этом сильную помощь.

Старый Харьковский студент

Город Харьков, 17 января 1900 г. 10 часов вечера²²².

Как уже говорилось, много прошений было от студентов-медиков:

Варшава, 21 октября/2 ноября 1899 г., четверг.

Милостивый государь!

Из газет мне известно, что голландское правительство приглашает в Трансвааль людей, которые так или иначе мог-

ли бы быть полезными. Я, студент 4 курса медицинского факультета, могу исполнять фельдшерские обязанности, то есть делать перевязки, ходить за больными etsy (и так далее). Если, по мнению вашего комитета, я могу оказаться полезным в Трансваале, то предлагаю себя к вашим услугам.

Мне 25 лет, я здоров, физически развит довольно хорошо, не боюсь никакой работы, знаком хорошо со всеми видами спорта; езжу верхом, стреляю, плаваю etsy. Владею слегка немецким языком (в случае надобности могу в короткое время выучиться по-голландски). Я русский, православного исповедания.

Относительно нравственных моих качеств вы можете получить сведения, если пожелаете, из университета.

Материальными, то есть денежными средствами, я не располагаю или, по крайней мере, в очень незначительной степени. Ехать на свой счёт и содержать себя не могу. Если я окажусь пригодным, то, пожалуйста, известите меня об этом немедленно, а также:

1. Как я должен отправиться в Трансвааль и долго ли ехать туда.
2. Как долго, приблизительно, придётся пробыть там.
3. Нужен ли мне заграничный паспорт.
4. Есть ли и чье именно руководство для изучения голландского языка на русском языке.

На эти вопросы, будьте любезны, ответить мне, как можно скорее. Я также желал бы сохранить инкогнито (и надеюсь, что Вы не откажете мне в этом), пока дело не будет окончательно решено.

На ответ заказным письмом прилагаю конверт с адресом и 2-мя марками.

Василий Абрамович

Адрес: Варшава. Университет.

Студенту 4 курса медицинского факультета

В.И. Абрамовичу.

P.S. Если очень нужно могу приехать в Петербург немедленно.

Адрес для телеграмм: Варшава, студенту **Абрамовичу**²²³.

Заявления шли не только от лиц, имевшим казённые места:

В Голландский комитет для оказания помощи бурам.
Вольнопрактикующего старшего
медицинского фельдшера, имеющего жительство в
местечке Гениченск Мелитопольского уезда Таврической
губернии **Ивана Васильевича Башенкова**

Заявление

Желая участвовать в качестве фельдшера на поле сражения на всё время англо-трансваальской кампании для оказания личной помощи раненым и больным бурам. Имею честь покорнейше просить Комитет, принять меня в санитарный отряд русско-голландского походного лазарета, и дать знать, в какую местность я должен явиться на сборный пункт для присоединения к упомянутому отряду.

Я холост, владею русским и латинским языком.

Старший медицинский фельдшер **И.В. Башенков**.

23 ноября 1899 г. М. Гениченск²²⁴.

Немало фармацевтов также предлагали свои услуги:

Одесса, 3 января 1899 г.

Ваше Преподобие господин пастор!

Из газет я узнал, что Ваше Преподобие организует из свещующих в медицине людей, русских и голландцев, отряд для отсылки в Африку на театр войны, чтобы нести помощь раненым, несчастным жертвам бича войны. Я из полного сердца готов нести мои силы и знания на это доброе дело и прошу Ваше Преподобие доставить мне возможность присоединиться к организуемому отряду, в котором, надеюсь, буду членом не последней пользы.

Я в летах, полных силы и энергии, и владею ими в довольно высокой степени, к тому я дипломированный опытный фармацевт – эти данные – суть миссия отряда. Меня здесь знает кон-

тора господина **Нейшиллера**. Жду с благоговением Вашего решения. Фармацевт **Григорий Соломонович Финкель**.

Ответ прошу прислать на имя конторы господина **Нейшиллера**²²⁵.

Немало и отставных фельдшеров писали письма, зачастую малограмотные:

Пастеру **Геллоту**

Докладная записка

Предлагаю услуги фельдшера в действующую армию во всякое время, имею АТТЕСТАТ, знаю военную службу, так как я отбывал воинскую повинность. Желательно знать условие и содержание на оной. Благоволите дать ответ: есть ли ещё охотники из врачей и фельдшеров.

В ожидании утвердительного ответа имею честь быть фельдшер **Бажанов**. Жительство моё обозначено на конверте²²⁶.

Хватало и лиц, желавших отправиться на войну в качестве добровольцев и писавших письма пастору **Гиллоту**:

В канцелярию Комитета по высылке добровольцев
в Трансвааль

Скучен мир однообразный сердцам, рождённым для войны. Подлинные слова незабвенного поэта представляются великодушными для тех, которые желают наслаждаться войной. И вот, узнав, что в Петербурге образовался Комитет для высылки добровольцев на помощь несчастным Трансваальцам, я, желая присоединиться к ратоборствующим за независимость и свободу несчастных, честь имею просить помянутый Комитет о сообщении, где именно можно присоединиться к партии, вознамеривающейся идти на защиту трансваальцам против англичан.

При сём честь имею присовокупить, что я владею немецким языком.

Готов к услугам – **Мариан Миронович Кулеша.**

Город Згерж, октября 15 дня 1899 г.

Адрес: **Мариану Кулеше**, писарю Згержской городской кассы²²⁷.

Иногда прошения приходили от имени сразу нескольких человек:

Харьков, 22 октября 1899 г.

Милостивый государь!

Господин пастор **Гиллот!**

В Харькове образовался кружок лиц, искренно желающих ехать в Трансвааль для оказания помощи воюющим боэрам.

Нам известно, что вы принимаете живейшее участие в судьбе боэров и, наверно, Вам небезынтересно всё касающееся отрядов, отправляющихся из России в Трансвааль, а потому мы имеем честь покорнейше просить Вас не отказать сообщить нам сведения на вопросы, поставленные ниже:

1) Маршрут из Харькова в Трансвааль, указав пароходы тех наций, на которых удобнее ехать в Трансвааль, а также и время отхода пароходов из разных портов?

2) Могут ли быть в пути какие-либо препятствия или задержки нашего или других правительств, если могут, то как их избежать?

3) Можно ли иметь при себе оружие?

Сообщите нам, если возможно, цифры, которые были рассчитаны на каждого человека в уже отправившихся отрядах русских добровольцев.

В настоящую минуту имеется налицо 20 человек, изъявивших желание ехать добровольцами, из числа которых только трое могут отправиться за свой счёт, предполагая израсходовать по 200 рублей, остальные могут выехать в том случае, если будет собрана необходимая сумма путём пожертвований; можем ли мы рассчитывать на помощь со стороны голландского комитета и в какой сумме.

Мы имеем честь покорнейше Вас просить ответить немед-

ленно на все наши вопросы, так как не исключительно материальная помощь (хотя она и очень желательна), но и все те вышеуказанные вопросы, разрешение которых может много повлиять на скорейшее осуществление нашей идеи.

В ожидании скорого приятного Вашего ответа пребываю с глубочайшим почтением (подписи)

Адрес: Харьков, Скобелевская площадь № 3.

Александр Ивановичу Косманькову²²⁸.

Опытные отставные офицеры также направляли подобные прошения:

Ваше Преподобие!

Не зная к кому обратиться за разъяснением для выполнения моей мечты, я осмеливаюсь беспокоить Вас, надеясь, что Вы сообразоволяете мне ответить.

Я отставной капитан Русской армии, участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 годов, в отставку вышел 10 мая 1899 г., мне от роду 41 год.

Имея ревностное и искреннее желание уехать добровольцем и постоять за правое дело угнетённого народа Трансваальской республики, я не знаю к кому обратиться и каким путём пробраться в центр военных действий, а потому обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой указать мне путь и способ, как это выполнить, причём я готов во всякое время выехать с первой оказавшейся возможностью, так как меня ничто не может задержать.

Надеюсь, что с Божьей помощью и Вашим пастырским вразумлением и я достигну искреннего душевного желания и по первому Вашему требованию явлюсь к Вам, а дальше с Божьей помощью и добрых людей доберусь до цели.

Прошу Вашего благословения и в ожидании Ваших указаний пребываю.

Адрес: город Саратов, Малая Казачья улица, дом Сухоцких № 17, квартира 2, Отставному капитану

Фёдору Криуну²²⁹.

В числе желавших отправиться на войну были люди из различных уголков страны:

Пастору Голландской церкви господину **Гиллоту**.

Имею к Вам покорнейшую просьбу и если только найдёте возможным, то не откажите мне.

Дело в том, что я имею искреннее, душевное желание уехать в Южную Африку и в качестве охотника принести хоть малую пользу бозрам, почему и позволяю себе обратиться к Вам с той просьбой, чтобы Вы дали мне средства, возможность доехать туда, так как на свои средства я не могу этого сделать. При чём объясняю: мне 40 лет; учился в военной гимназии; здесь занимал службу смотрителя по надзору за рыболовством в здешнем море, кроме сего занимался сельским хозяйством, преимущественно скотоводством.

Имею в Астрахани, здесь, дом и семью. Повторяю, что на свои средства я с удовольствием бы уехал, если бы к тому имел бы маленькую возможность. Для этого пришлось бы продать дом за бесценок. А так как моя семья останется, понятно, здесь, то я и не могу этого сделать, чтобы совершенно не лишить свою семью последних средств к жизни.

Ещё раз покорнейше прошу, если только будет возможно, не откажите в моей просьбе, или, наконец, дадите мне указания, с помощью которых я мог бы, имел бы возможность уехать в Южную Африку.

Найдёте ли возможность дать мне средства проехать через Одессу–Константинополь–Суэцкий канал.

С истинным почтением и преданностью имею честь быть Вашим покорным слугой **Михаил Александрович Колокольников**.

Февраля 24 дня 1900 г.

Город Астрахань. 3-й полицейский участок, 8 околот.,
Конный базар, Покровская площадь, собственный дом
№ 30²³⁰.

На пожертвованные российскими подданными в общей сложности 170 000 рублей был сформирован русско-голландский санитарный отряд. В его состав, как уже было сказано выше, со стороны россиян брали медиков со знанием немецкого языка. Поэтому туда попали в основном российские немцы. Разумеется, всех членов отряда снабдили соответствующими документами:

Председатель Главного управления Российского Общества Красного Креста, состоящего под Высочайшим Покровительством Её Императорского Величества Государыни императрицы **Марии Фёдоровны**,
8 декабря 1899 г. № 6122.

Его Сиятельству графу **В.Н. Ламздорфу**.

Милостивый государь

граф **Владимир Николаевич**.

Председатель Голландского комитета по оказанию врачебно-санитарной помощи раненым и больным бурам пастор **Гиллот** обратился в Главное управление с просьбой о выдаче русским подданным, вошедшим в состав сформированного названным комитетом санитарного отряда, посылаемого в Трансвааль, личных карточек, подобно тому, как это было сделано в отношении членов санитарного отряда, командированного Русским Красным Крестом в Трансвааль.

Главное управление Общества, исполняя прямую задачу Красного Креста оказывать содействие всяким благим начинаниям, направленным к облегчению положения страждущих раненых и больных воинов, имеет честь просить Ваше Сиятельство не отказать в настоящем случае своим содействием к выдаче через посредство нашего посланника в Нидерландах членам Голландского санитарного отряда Красного Креста, русским подданным, требуемых карточек по прилагаемым при сём списку и 6 документам.

При этом считаю нужным добавить, что по заявлению пастора **Гиллота** лица эти направляются в Неаполь, где при-

соединятся с остальной частью отряда, отправляющегося на пароходе из Амстердама.

Прошу вас, Милостивый государь, принять уверение в совершенном моём почтении и преданности.

О. Кремер²³¹.

Ниже приводится список членов отряда из России:

Список

русских врачей и сестёр милосердия русско-голландского походного лазарета.

1. **Вебер Фёдор Карлович**, родился в 1871 г. в Петербурге; окончил курсы в Военно-медицинской академии в 1892 г. Работал за границей у знаменитых хирургов: **Бергмана** в Берлине, **Кохера** в Берне, **Черни** в Гейдельберге, а затем в Париже и Лондоне. В настоящее время состоит ординатором хирургического отделения больницы Святой Марии Магдалины в Петербурге.

2. **Кухаренко Владимир Александрович**, родился в 1874 г; окончил курсы в Московском университете в 1897 г., с тех пор состоит ординатором в хирургической госпитальной клинике при Ново-Екатерининской больнице в Москве.

3. **Фон Ренненкампф, Карл Густавович**, родился в 1870 г. в Эстляндии. Окончил курсы Юрьевского университета в 1896 г. Будучи ещё студентом, он состоял уже в течение семи месяцев ассистентом у доктора **Грейфенгагена** в Ревеле. Затем он участвовал в летучем глазном отряде в Эстляндии при враче **Миттендорфе**, состоял в течение полутора лет первым ассистентом в госпитальной клинике в Юрьеве у профессора **Дегно**, в Кёнигсберге у **Гербера** и, наконец, при Александровской мужской больнице в Петербурге.

4. **Борнгаупт, Лев Вильгельмович**, родился в 1874 г. в Москве. Окончил курсы в Харьковском университете в 1897 г. Затем в течение двух лет он был ассистентом в хирургическом отделении Рижской городской больницы у доктора **Бергмана**.

Сёстры милосердия:

1. **Алиса Якобсен** из Александровского мужского госпиталя.

2. **Ольга Николаевна Попова**.

3. **Хильда Мейснер** из Евангелического госпиталя.

4. **София Владимировна Изъединова** из Георгиевской Общины.

Председатель Голландского Комитета для оказания помощи раненым Бурам пастор **Гиллот**.

3 декабря 1899 г.

Невский проспект, 20²³².

Сестра милосердия этого отряда **Софья Владимировна Изъединова** написала интересные воспоминания. Приведём лишь несколько отрывков. Так, судя по её мемуарам, число российских медработников отряда было несколько иным:

От русских требовалось обязательное знание немецкого языка²³³ и выставлялась на вид желательность некоторого знакомства с голландским и английским. Мне, занимавшейся уже более двух лет в больнице в хирургическом приёме Георгиевской общины сестёр милосердия и хорошо владеющей немецким и английским языком, причём ознакомление с голландским не представлялось особенно затруднительным, удалось тотчас попасть в состав этого отряда. Остальные русские члены были врачи: **Ф.К. Вебер**, оператор петербургской больницы Святой Марии Магдалины, старший из русских докторов и единственный имевший степень доктора медицины; **К.К. фон Ренненкампф** из Александровской немецкой больницы; **Л. Борнгаупт**, ассистент профессора **Бергмана** в Риге и **В.А. Кухаренко**, врач московской больницы Святой Екатерины. Сёстры, кроме меня, были: старшая, безусловно, самая опытная из нас, **Йозефина Ежевская**, сестра Крестовоздвиженской общины, работавшая уже в санитарном отряде в греко-турецкую войну (1897 г.); **Амалия Якоб-**

сен и **Йоганна Мейер** из Александровской немецкой больницы и **Гильда Мейснер** – Евангелической больницы, младшая из нас²³⁴.

По поводу пробурских настроений, господствовавших в Европе и России в самом конце XIX в., сестра милосердия русско-голландского отряда справедливо заметила:

Одним из интересных явлений общественной жизни Европы на рубеже только что сменившихся двух столетий для будущего её историка, несомненно, явится последовательное и, в большинстве случаев, совершенно бескорыстное увлечение героической борьбой за правое и патриотическое дело буров, проявленное обществом почти всех цивилизованных стран.

У нас, в России, общество особенно горячо откликнулось на этот порыв и до сих пор деятельно проявляет свои симпатии многочисленными пожертвованиями, как явствует из опубликованного пастором **Гиллотом** отчёта об употреблении сумм, поступивших в его распоряжение для облегчения участи несчастных бурских семей, лишённых этой войной крова и всяких средств существования. Но особый интерес возбудило в нашем обществе образование ещё в начале войны, то есть осенью 1899 г., на общественные пожертвования санитарного отряда, снабжённого средствами и всем необходимым чуть ли не лучше всех остальных отрядов, пребывавших в Трансваале²³⁵.

Изъединова рассказывает в своих мемуарах о напутственной встрече российского персонала отряда с пастором **Гиллотом**:

Наконец, после бесконечных тревожений и хлопот, 13 декабря (1900 г.) мы все собрались на завтрак у пастора **Гиллота**, пожелавшего напутствовать нас, по его выражению ры-

царей и сестёр Красного Креста, горячей и торжественной речью. Кроме его напутствия, было произнесено ещё несколько речей... высказано много умных и благородных мыслей, выпито много тостов за отряд и его будущую деятельность, жертвователей и организаторов, успех дела...

Отъезд был назначен на другой день, с 12-ти часовым поездом на Берлин, Мюнхен, Рим и Неаполь, где мы должны были встретиться с нашими голландскими товарищами и сесть на пароход немецкой Южно-Африканской линии «**Канцлер**», взявший уже в Амстердаме весь огромный и сложный багаж амбулации, числом около 600 ящиков. Закупка всего необходимого материала в Амстердаме была решена вследствие удобства для начальника отряда и для администратора заняться ею там, относительно дешевизны всего этого в Голландии, а также удобства погрузки на гамбургский пароход²³⁶.

Она с юмором описывала отъезд санитарных отрядов из столицы:

Многие из жителей Петербурга помнят горячие проводы громадной толпой совсем незнакомых людей, двух санитарных отрядов, отправленных в Южную Африку. На первых проводах правительственного отряда я, пришедшая проститься со знакомыми сёстрами Георгиевской общины, чуть не была сброшена под поезд напором возбуждённой толпы. О втором я помню массу горячих рукопожатий и пожеланий знакомых и совершенно незнакомых лиц, страшную давку и невольное облегчение, когда, наконец, раздались последние свистки и поезд, среди восторженных криков, молитв и крестных знамений, посылаемых нам вслед, отошёл от дебаркадера (платформы).

В поезде, кроме захваченного каждым из нас небольшого запаса провизии, мы оказались щедро снабжёнными от членов комитета, а то и (от) неизвестных друзей: были тут закуски, вино, фрукты, конфеты в таком количестве, что их хватило ещё на корабле и кое-что даже пришлось выбросить, так

что мы трунили между собой, что начало поездки не сулит ещё нам опасности от лишений, а разве только от излишества²³⁷.

Остановимся и на воспоминаниях одного из российских медиков, работавшего в составе русско-голландского санитарного отряда – хирурга **Фёдора Карловича Вебера**:

Прежде чем сообщить свои наблюдения полевой хирургии в Южной Африке, я хотел бы в кратких чертах дать кое-какие сведения о нашем отряде и описать те странствования, которые нам пришлось совершать в Трансваале и Оранжевой Республике.

Наш отряд был сформирован комитетом для оказания помощи раненым бурам, образованным в Санкт-Петербурге под председательством голландского пастора господина **Гиллота** на средства, собранные в виде добровольных пожертвований со всей России, главным образом при посредстве печати.

Комитетом было решено, чтобы во главе отряда стоял голландский врач, так как предполагалось, что ему легче будет вести переговоры и получать нужные справки у Трансваальского правительства.

Для этого был избран доктор **фан Леерсум**, ассистент профессора **Stokfisch'a** в Амстердаме, специалист терапевт.

В остальном медицинский персонал состоял из 4 русских врачей – докторов **Борнгаупта**, **Вебера**, **Кухаренко** и **Ренненкампа** и 2 голландских докторов – **Ромена** и **фан Диссель**, 5 русских и 5 голландских сестёр милосердия и 3 братьев милосердия.

Большинство врачей были хирурги и только доктор **Ренненкампф** терапевт; ему было поручено заведование аптекой.

Снарядить отряд всем необходимым решено было в Голландии, так как здесь всё можно было получить дешевле, и такие вещи, как консервы, лучше приспособленные к даль-

нему путешествию; отправка вещей из Голландии обошлась также значительно дешевле, чем из Санкт-Петербурга. Кроме того, из Амстердама уже были отправлены 2 амбулатории в Южную Африку, так что мы имели образцы, по которым легко могли закупить всё необходимое и притом избегали многих ошибок, совершённых первыми амбулаториями; благодаря всему этому снаряжение отряда до самых деталей было образцовое.

Так как предполагалось, что в Южной Африке будет весьма затруднительно добывать продовольствие для отряда, то решено было всё взять с собой из Европы с таким расчётом, чтобы его хватило на 3.1/2 месяца на 60 человек. Всё мясо и овощи взяты в виде очень хорошо приготовленных консервов, которые впоследствии, несмотря на жару, не утратили своих первоначальных хороших качеств. Понятно, что благодаря всему этому отряд имел очень громоздкий обоз и не мог обладать большой подвижностью.

Поэтому по приезде в Трансвааль имелось в виду устроить полевой госпиталь вблизи железнодорожной линии на 40 кроватей, число которых, в крайнем случае, можно было увеличить до 60. Из этого основного госпиталя думали посылать 1-2 летучих отряда непосредственно к боевой линии.

Что же касается специально хирургического снаряжения, то оно вполне соответствовало новейшим требованиям современной хирургии. Отряд имел 4 стерилизатора – 2 небольших – для стерилизации перевязочного материала и 2 стерилизатора Schimmelbusch'a для инструментов. Среди перевязочного материала первую роль играла марля лучшего качества, которая была стерилизована фабричным путём и очень хорошо упакована. Понятно, что эта марля обыкновенно подвергалась стерилизации, но и в тех случаях, где благодаря недостатку времени или порче стерилизатора приходилось обходиться без него, никогда никаких неприятных осложнений в течение ран не замечалось. Йодоформная марля пользовалась в случаях гноящихся полостных ран большой популярностью.

Из веществ, служащих для всасывания раневого отделимо-

го, у нас имелась только асептическая гигроскопическая вата. По моей просьбе выписать один из сортов древесной ваты, которая, благодаря своей лучшей всасывающей способности и более дешёвой цене, начинает у нас в России вытеснять гигроскопическую вату, нам из Голландии прислали скверно очищенную вату с прослойками из древесных опилок, которая почти никакой всасывающей способностью не обладает и потому была оставлена нами без употребления. Весь перевязочный материал был размещён в 36 ящиках таким образом, чтобы каждый ящик содержал всё необходимое, так что при отправке, например, летучего отряда не надо было переупаковывать материал из различных ящиков. Для первых повязок непосредственно после повреждения у нас имелось около 10 небольших жестяных ящиков (Mooi Verband), которые содержали около 100 пакетиков, состоящих каждый из нескольких слоёв стерилизованной марли и ваты. Разрезав тесёмку и бумагу, покрывающую марлю, можно наложить марлю на свежую рану, не дотрагиваясь до неё руками, которые на поле сражения никогда нельзя привести в мало-мальски асептическое состояние.

Инструментарий отличался замечательной полнотой; всё необходимое для брюшной хирургии и для вскрытия черепно-мозговой полости было налицо, между прочим, полный набор трепанов Doyen'a.

Как шинный материал имелись преимущественно проволочные шины различной конструкции; несколько санных аппаратов Volkmann'a для вытяжения. Кроме того, имелись шины из тонкого бамбука Rottanverbande, которые выкраиваются определённого фасона для нижних и верхних конечностей; они очень легки, легко накладываются и довольно хорошо фиксируют конечности; вследствие этого они оказывают хорошие услуги в тех случаях, где нет времени наложить повязку *Lege artis*, например, при транспорте раненых с поля сражения в ближайший лазарет.

Гипсовые бинты, каждый в отдельности, были упакованы в цинковые коробки, которые вскрывались перед самым употреблением.

Аптека была снаряжена очень богато, большинство лекарств имелось в виде таблеток²³⁸.

Чуть более половины персонала русско-голландского отряда составляли нидерландские подданные:

Голландцев в нашем отряде, кроме доктора **фан Леерсума (Эверта Корнелиуса)** (начальника) и администратора **фан-Мойэна**, оказалось два врача-хирурга, докторы **фан Диссель** и **Ромейн**, пять сестёр и три санитары²³⁹.

Уже во время плаванья начались недоразумения между голландской и российской частью санитарного отряда:

Ещё с самого начала путешествия мы были поражены хладнокровием, с которым наши товарищи игнорировали самые элементарные правила вежливости, постоянно употребляя в нашем присутствии голландский язык, хотя все достаточно владели языком немецким, причём мы, по многим знакомым словам и даже интонациям, часто не могли сомневаться, что разговор в нашем присутствии идёт о нас же, и при том далеко не в дружелюбном, а часто и в саркастическом тоне. При этом высказывалось весьма наивное убеждение в культурном превосходстве и важности голландского языка... Но отзывчивость на наше желание учиться их языку мы встретили только у одной из сестёр. Остальные же голландцы сами весьма усердно и часто бесцеремонно пользовались любезностью тех из нас, которые могли оказать им помощь в изучении немецкого языка и особенно английского... все мы приняли их систему разговаривать на родном языке, не стесняясь ничьим присутствием²⁴⁰.

Письмо врача русско-голландского походного лазарета **Кухаренко** о путевых впечатлениях по Европе:

На пути к бурам

(от нашего специального корреспондента)

I. От Петербурга до Неаполя

От Эйдкунена ехали мы без приключений. Настроение нашего русско-голландского отряда, вернее, русской его части, двинувшейся из Петербурга, было, в общем, довольно грустное. Каждый из нас покидал кого-либо из близких, а последние дни в Петербурге, с неизбежными хлопотами и волнениями, сильно утомили нас. Ясной звездой среди этих хаотических впечатлений светила нам задушевная и воодушевляющая напутственная речь пастора **Гиллота**.

В Эйдкунене мы были приятно поражены любезностью немцев, чиновников таможи, обыкновенно столь сухих и неприветливых. Узнав, что мы члены русско-голландского отряда, они нас не беспокоили осмотром багажа и чемоданов. В наше распоряжение были предоставлены два купе, хотя число мест в них значительно превышало число наших билетов, так что до Берлина мы ехали с тем же комфортом, как и до прусской границы.

С приближением к Берлину, наплыв пассажиров всё увеличивался, особенно ввиду Рождественских праздников, и наш курьерский поезд express, был полон элегантно публики, среди которой резко выделялся наш скромный отряд.

Все уже знали из газет, что наш санитарный отряд находится в пути и мы всё время были предметом любопытства, особенно сочувственно относились бывшие в поезде дамы к нашим сестрам милосердия. Одна барышня пригласила их даже на чашку традиционного кофе в Берлине и сёстры провели у неё несколько приятных часов среди совершенно незнакомых, но симпатичных и ласковых дам.

В Берлине встретил нас на вокзале представитель Германского Красного Креста, любезно предлагая нам свои услуги. Публика устроила нам на вокзале небольшую овацию. Остановились мы в Центральной гостинице (Centralhotel), где нам сделали значительную скидку со всех цен. Пробыли мы в Берлине сутки.

С утра же отправились мы всё в так называемый тропический магазин (Tropenhandlung) некоего **фон Типпельскирха**, поставщика немецкой колониальной армии, у которого имеется громадная фабрика в Берлине, чтобы закупить всё необходимое для нашего отряда: шляпы, обувь, бельё и так далее. Санитарный отряд Германского Красного Креста, ушедший так же в Трансвааль, закупал всё необходимое в этом магазине, и мы воспользовались готовым списком нужных нам вещей, цены на всё умеренные. Я лично рекомендовал бы каждому отправляющемуся в Трансвааль закупать здесь всё, ибо, как мы убедились, – все мы имели самое неверное представление о том, что необходимо для пребывания в тропических странах. Через день, вечером, отряд наш покинул Берлин и 18 (30) декабря утром прибыл в Рим. Здесь мы пробыли двое суток, осматривая достопримечательности города. 19 (31) декабря нам удалось присутствовать на торжественной новогодней мессе в соборе Святого Петра. Служили кардиналы. Публика допускалась лишь по билетам.

В гостинице, где мы остановились, впервые повстречались нам трансваальские добровольцы – немецкие офицеры, вышедшие в отставку, чтобы вступить в ряды буров. Они, узнав, кто мы, сейчас же познакомились с нами. По их словам, в армии буров теперь до 80 германских офицеров, большей частью артиллеристов, которые особенно охотно принимаются в Трансваале. Интересно, что среди них встречается не только увлекающаяся молодёжь, но есть и пожилые, заслуженные офицеры, например, один командир драгунского полка и несколько опытных офицеров Генерального штаба, находящихся теперь в штабе генерала **Жубера**.

На пути в Неаполь мы встретили в поезде трёх голландских врачей, догнавших второй отряд Голландского Красного Креста, ушедший уже два месяца тому назад, – отряд, задержанный вместе с другими пассажирами английским крейсером и находящийся теперь в Дурбане.

Не доезжая Неаполя, нашему отряду пришлось впервые оказать медицинскую помощь. Какой-то психопат выбросил

ся из окна вагона на полном ходу поезда, сильно расшибся и переломал себе несколько рёбер. Мы привели его в чувство, перевязали раны и доставили в Неаполь.

В Неаполе нас освободили от городского таможенного осмотра вещей – как только узнали кто мы и куда едем.

Второй, голландской части нашего отряда, ещё не было в Неаполе. До отхода парохода оставалось ещё три дня, и мы воспользовались этим временем, чтоб ознакомиться с окрестностями Неаполя. Мы были в глубоком гроте²⁴¹ на Капри, посетили Сорренто и через Кастелламаре вдоль морского берега проехали до Помпеи. Поднимались мы также на Везувий и притом не по железной дороге, а более трудным путём, со стороны Помпеи, пешком и к тому же ночью. Везувий был, к нашему удовольствию, довольно спокоен, и нам удалось увидеть несколько хороших взрывов. У кратера мы дождались восхода солнца и, достаточно налюбовавшись величественной картиной Неаполитанского залива, отправились обратно.

В Неаполе мы узнали, что «Канцлер» прибыл и уходит вечером. Прибыли и голландцы с нашим главным врачом **фан-Леерсумом**, с которым мы имели случай познакомиться ещё в Петербурге.

(продолжение следует)

Доктор **Вл. Кухаренко**²⁴².

Письмо русского врача о Средиземноморье и Красном море:

На пути к бурам

II. В 10 часов вечера 3 января (по новому стилю) мы, то есть русские представители русско-голландского лазарета, собрались на пароходе «**Канцлер**». Наши голландские товарищи, с доктором **фан-Леерсумом** во главе, находились уже там. Встреча была в высшей степени сердечная и радостная, и в задушевности этой встречи совершенно незнакомых друг другу людей чувствовалась та внутренняя связь, которую

создала наша общая цель. Голландцы прибыли за день до отхода парохода и, подобно нам, успели несколько ознакомиться с окрестностями Неаполя.

В 12 часов ночи мы тронулись в путь. Отплытие было очень торжественное. Собралась масса провожавшей публики. Около парохода сновало множество лодок, раздавались песни с аккомпанементом мандолин, отовсюду слышались и перемешивались звуки трансваальского, русского и немецкого гимнов. На палубе нашего парохода заиграл оркестр музыки, и воздух огласился криками ура. Пароход тихо тронулся, мы прощались с Европой.

Кроме **фан Леерсума** в голландской части нашего отряда находились ещё два врача, один **фан Диссель**, ассистент Амстердамской хирургической клиники, и **Ромейн**, молодой врач, ординатор той же клиники. Любопытно, что четверо врачей нашего отряда, трое русских и господин **Ромейн**, все окончили курс в одном и том же, именно в 1897 г. Все пять голландских сестёр работали до сих пор в Амстердаме; они принадлежат к так называемому Белому Кресту, то есть голландскому обществу сестёр милосердия, и посвящают всю жизнь свою, и в мирное время, уходу за больными. Костюм их состоит из чёрного платья, чёрной шапочки с белым бантом и брошки с белым крестом. Все эти сёстры опытные, серьёзные девушки, хорошо знающие своё дело и получившие основательное хирургическое образование, теоретическое и практическое.

С нами на пароходе едут и те три отставшие врача Голландского Красного Креста, которых я упоминал в предыдущем письме. Вообще почти вся публика нашего парохода носит характер, так сказать, трансваальский.

В трёх рослых молодых людях опытный глаз сейчас же узнаёт прусских офицеров; они едут к бурам. С ними едут во втором классе 5–6 здоровенных молодцов в тропических костюмах, это унтер-офицеры, сопровождающие своих бывших начальников туда же. Держатся они все как-то в стороне и почти ни с кем не разговаривают. Дело в том, что капитан

предупредил каждого пассажира, известного ему лично, что на всяком пароходе, идущем в последнее время в Южную Африку, имеются английские шпионы, старающиеся вкрасаться в доверие пассажиров и выпытывать цель поездки. Этим можно объяснить и временный захват пароходов «**Bundesrath**» и «**Herzog**». И на нашем «**Канцлере**» есть несколько подозрительных личностей²⁴³, англичан, которые постоянно трутся около всякой компании. Собственно нашему отряду они не опасны, но благодаря им, нас также могут задержать (в последнем мы даже уверены).

С нами едут ещё два офицера голландской колониальной армии, откомандированные Нидерландским правительством в качестве военных агентов при армии буров.

Есть ещё одна интересная личность. Это – русский тамбовский помещик граф **Бобринский**, человек со средствами; он едет в Трансвааль с искренним желанием принести хоть какую-нибудь пользу бурам. Он присоединился добровольцем к нашему отряду, готовый исполнять даже обязанности санитары, лишь бы только быть в кругу земляков-русских. У нас в последнее время происходили ежедневные занятия с сестрами по хирургическим повязкам, и граф **Бобринский** принимает в них самое живое участие.

В Средиземном море нас порядочно покачало, мы все страдали сильнейшими приступами морской болезни, особенно наши сёстры – лишь ввиду Порт-Саида стали они приходить в себя.

В Порт-Саиде был какой-то праздник и все суда, стоявшие в порту разукрасились флагами.

Случайно были здесь один французский пароход общества «Messageries Maritimes» и громадный английский пассажирский пароход. Сперва мы проходили мимо французского судна и приветствовали его «Марсельезой», что вызвало бурю восторга со стороны французов, долго махавшим нам платками и шапками. Затем идём мы мимо английского парохода – оркестр наш многозначительно молчит. Чувствует ненависть с обеих сторон. Англичане зло смотрят на наших пасса-

жиров, и красные кресты, нашитые на наших левых рукавах, по-видимому, сильно им не нравятся. Здесь же, в военной части порта, стояли два красивых белых английских военных судна, недавно прибывшие сюда.

В Порт-Саиде мы сошли на берег, прошлись с гидом по городу, осмотрели грязный арабский квартал, побывали в арабской мечети, закупили то, что забыли приобрести в Европе, и через несколько часов тронулись тихим ходом по Суэцкому каналу.

Наш капитан получил, по-видимому, какое-нибудь предупреждение, вероятно, о возможности обыска нашего корабля англичанами, потому что сейчас стал отбирать у всех всякое оружие, особенно огнестрельное, так как последнее считается англичанами, в каком бы количестве оно не было обнаружено, – хоть бы один револьвер, – военной контрабандой.

Мы подозрительно разглядываем каждый корабль, как только он показывается на горизонте, и принимаем всякое судно за английский военный крейсер.

При входе в Черное (Красное) море мы обогнали тот французский пароход, о котором я упоминал. Он раньше нашего вошёл в канал и дольше стоял в Суэце.

– *Vive la Russie!* (Да здравствует Россия!) *Bon Voyage!* (Счастливого пути!) *Vivent les Boers!* (Да здравствуют буры!)

12 января по новому стилю мы, русские встречали наш Новый год, находились мы в Черном море на 15°15' северной широты и 40°55' восточной долготы. Была дивная тропическая ночь, чудное небо сияло мириадами звезд, море было совершенно тихо. Мы собрались на палубе вокруг русского самовара, которым снабдил нас на дорогу наш Голландский Петербургский комитет. Мысли наши были на далёкой Родине, в России, мы знали, что наши близкие и друзья также встречают Новый год, вспоминают нас и шлют нам сердечный привет и горячие пожелания.

В 11 часов вечера на палубе появился оркестр музыки – любезность со стороны капитана, – который заиграл русский, голландский, немецкий, трансваальский и португальский

гимны (у нас на пароходе много португальцев). К нам присоединились знакомые пассажиры, подали шампанское, и долго сидели мы в оживлённой беседе, вспоминая Россию и близких нам людей и обсуждая предстоящее нам дело в Трансваале.

Dr. **Вл. Кухаренко**²⁴⁴.

Его впечатления об Индийском океане:

На пути к бурам

III. От Адена до Дар-Эс-Салама

В Адене все мы, то есть члены русско-голландского санитарного отряда, сильно опасались, что англичане задержат и станут обыскивать наш пароход, как они поступили с «**General**» и «**Bundesrath**»; однако опасения наши не оправдались – английские чиновники ограничились тем, что заставили всех мужчин поодиночке проходить мимо них, под предлогом – нет ли у нас на пароходе больных.

Очень не по себе было нашим немецким офицерам-артиллеристам и тем пассажирам второго и третьего классов, которые едут в Трансвааль в качестве добровольцев.

В Неаполе наш пароход принял 80 мулов; их везут в южноафриканские колонии. Они сильно не нравились англичанам, подозревавшим, что они предназначены для буров. В порту было несколько грозных английских военных кораблей под парами.

Мы осмотрели в Адене самый город, знаменитые водохранилища (Tanks), которым более 200 лет, затем арабский квартал города, и через несколько часов двинулись дальше.

До следующей остановки (Танга) было 8 дней пути, и нам предстояло несколько интересных моментов – мыс Гвардафуй и переезд через экватор.

При выходе вечером из гавани Адена мы встретились с громадным пароходом Добровольного флота, название его нельзя было разобрать в темноте. С парохода неслись широкой волной звуки «Вниз по матушке по Волге...» И странно, и мило было нам слышать здесь родную песнь.

16 января нового стиля миновали мыс Гвардафуй, а 19-го, в 8 часов утра, переезжали экватор. На корабле это – событие, и празднуется оно совершенно своеобразно: все пассажиры, ещё не переезжавшие через экватор, подвергаются так называемому экваториальному крещению. Является **Нептун** с **Амфитриной** в сопровождении нескольких тритонов и других лиц своей свиты (всё это переодетые матросы) и при различных, подчас довольно грубых шутках, совершают обряд крещения, то есть просто окачивают публику водой. Сопровождается этот обряд различными играми, бегом взапуски, гимнастическими играми, борьбой и прочим. Победители награждаются призами.

Разумеется, скучающие утомлённые пассажиры неприхотливы, и подобные эпизоды доставляют развлечение и даже удовольствие.

Приняв в Танге несколько пассажиров мы двинулись дальше.

В Занзибаре наш «**Канцлер**» нагнал «**Генерала**», пароход нашей же линии, задержанный англичанами в Адене. Они, между прочим, завладели всеми спиртными напитками, напились на судне пьяными, буянили, беспокоили пассажиров, били бутылки и посуду. В это время, когда англичане хозяйничали на «**General**», проходил мимо пароход французской линии «**Messagerie Maritime**», который не был задержан. На нём был, между прочим, отряд Общества Красного Креста.

Чем ближе подъезжаем мы к Трансваалу, тем больше бросается в глаза одно странное обстоятельство. Здесь везде очень мало интересуются событиями в Южной Африке, положительно у нас в Европе больше шумят и следят за войной нежели здесь, в самом близком соседстве.

Следующая станция была Дар-эль-Салам, живописнейший уголок, с дивной тропической растительностью. Здесь своего рода административный центр Восточно-Африканских немецких владений. Здесь наш пароход был встречен почти всем европейским населением. Нашему отряду устроили на берегу овацию.

Самое интересное в Дар-эль-Саламе, это – немецкая больница для европейцев. На берегу моря, среди леса пальм, на возвышении красуется великолепное белое двухэтажное здание. Внутреннее устройство – последнее слово науки. Эти чудные палаты всего на 50 человек. В лаборатории больницы главный врач любезно показал нам несколько в высшей степени интересных микроскопических препаратов малярии, с которой здесь приходится иметь дело чаще всего. В этой же лаборатории, между прочим, изучал малярию известный профессор **Кох**, о чём и гласит прибитая к стене бронзовая доска.

Вечером состоялся в саду единственного ресторана концерт оркестра нашей паровой музыки. В саду собрались все европейцы местечка. Наш отряд опять был предметом любопытства и интереса со стороны публики, – с нами знакомились, расспрашивали много о России и прочее. Поздно ночью вернулись мы на пароход, который в 4 часа утра должен был двинуться дальше.

Dr. **Вл. Кухаренко**²⁴⁵.

Кухаренко подробно описывал путешествие к Португальскому Мозамбику:

На пути к бурам

IV. Вдоль восточного берега Африки

16 (28) января 1900 г.

25 января нового стиля мы, то есть русско-голландский санитарный отряд, прибыли в бухту Памба (Pamba-Bai), северный пункт португальских южноафриканских владений. Здесь выгрузили 80 мулов, закупленных в Италии для строящейся здесь английской железной дороги. Ещё три месяца тому назад здесь было пустынное место, не было ни одного европейца. Теперь, благодаря деятельности английской компании, проводящей железнодорожную линию к озеру Виктория, – берег пестреет весёленькими домишками и палатками. Есть и несколько магазинов, в которых восседает неизбежный индус – еврей Африки.

Замечателен этот залив ещё обилием акул громадных размеров, которыми кишит здесь море. За несколько часов до прихода нашего парохода огромная акула схватила купавшегося португальца, оторвала ему ногу и вырвала все внутренности; несчастный умер в страшных мучениях.

Все пассажиры первого класса нашего «**Канцлера**» устроили здесь пикник в пальмовом лесу, где, несмотря на действительно тропическую жару, провели несколько приятных часов среди любопытно разглядывавших нас туземцев и обезьян на деревьях.

На другой день пароход наш был в Мозамбике. Здесь предстояла нам интересная встреча с пароходом нашей же линии «**Герцог**», который англичане перехватили в бухте Делагоа и потащили в Дурбан. Лишь только «**Герцог**» пришёл в гавань, как почти все наши пассажиры поспешили туда, чтобы получить известия с театра военных действий, которых мы давно уже не имели.

На «**Герцог**» встретили мы амстердамского хирурга, профессора университетской клиники **Кортвега**, который с голландским отрядом Красного Креста провёл около трёх месяцев в Трансваале и теперь возвращается на родину. Он сообщил нам много интересного. По его словам, порядка в Трансваале никакого нет, так, например, прибывающие из Европы санитарные отряды нигде не могут добиться сведений о том, где они больше всего могут быть полезны, куда им направляться; административных центров в этом смысле совершенно нет, и отряды обыкновенно, по собственному усмотрению или по совету частных компетентных лиц, избирают место деятельности. Мотивируется это обстоятельство тем, что генерал **Жубер** по военным соображениям не желает указывать те пункты, где медицинская помощь могла бы быть более всего полезна.

В Южной Африке на стороне буров в настоящее время шесть санитарных отрядов: два голландских – голландско-индийский (с острова Явы), русский, французский, бельгийский и немецкий. Кроме того, англичане имеют великолепный госпиталь в Претории для своих раненых.

Буры вообще с недоверием относятся к европейцам, к сожалению, так же относятся и к нашим европейским отрядам, ни один бур не станет лечиться у врачей отряда, – они предпочитают своих бабок и знахарей, так что деятельность отрядов ограничивается исключительно полем военных действий.

Профессор **Кортвег** с удовольствием указал на то, что тяжёлых, дурно протекавших повреждений он не встречал. Все раны, большей частью от разрывных снарядов, протекают хорошо, без всяких осложнений. Из нехирургических случаев отмечает лёгкую форму тифа, дизентерию мало. В общем, в первый период войны было мало дела до врача. За месяц пребывания профессора **Кортвега** в лагере буров у Ледисмита было там лишь около 40 хирургических случаев, но, конечно, в ближайшем будущем можно ожидать большого сражения и большой работы для хирурга. По официальным сведениям, пока (то есть до конца января) (1900 г.) по новому стилю, со стороны буров всего лишь 350 убитых и 80 раненых с самого начала войны.

При звуках музыки и восторженных кликах расстались мы с **«Герцогом»**.

В Мозамбике мы осмотрели больницу, замечательную по своим размерам и благоустройству, и обошли город, в общем малоинтересный. Несколько месяцев тому назад здесь свирепствовал страшный циклон, разрушивший много зданий и разбивший несколько кораблей; при этом погибло около 20 человек. Следы этого несчастья видны и теперь.

Вчера, 27 января по новому стилю, у нас на пароходе праздновали день рождения германского императора. На палубе играла до поздней ночи музыка. Капитан, от имени Общества нашей линии, угощал всех пассажиров первого класса шампанским и немецким пивом, здесь столь редким и дорогим, пелись ультра-патриотические немецкие песни. Пароход был разукрашен фонариками и разноцветными флагами.

Мы крейсируем в настоящее время около Бейры, предпоследней нашей остановки. Ввиду отлива нельзя войти в гавань.

Сегодня, в 6 часов утра, во время грозы и противного дождя, мы стали свидетелями величественного явления. В 200 метрах от нашего **«Канцлера»**, шумя и пенясь, понёсся огромный водяной смерч.

Через 4 дня мы в бухте Делагоа покинем гостеприимный корабль и по железной дороге достигнем Претории.

Dr. **Вл. Кухаренко**²⁴⁶.

Небезынтересны и его первые впечатления:

На пути к бурам

20 января мы, то есть члены русско-голландского отряда, прибыли в Бейру; это последняя остановка нашего парохода **«Канцлер»**. В небольшой залив можно войти только во время прилива: мы поспешили немного и сели на мель, с которой сошли через пять часов. Наш **«Канцлер»** окружили сотни акул, и пассажиры, среди которых много любителей-рыболовов, во всё время остановки занимались ловлей этих акул на особенные удочки. Акулы прекрасно клевали, но вытащить нам не удалось ни одной, так как ни один крючок не удерживал такой тяжести.

Бейра, как почти все приморские пункты Португальских восточно-африканских владений, получил некоторое значение лишь лет шесть тому назад, то есть с тех пор, как поселились здесь англичане, проводящие железную дорогу к озеру Ниаса (Ньяса). Мы осмотрели достопримечательности города, которых, впрочем, немного, в том числе фабрику минеральных вод и льда, где нас угощали свежеприготовленными лимонадом, и несколько улиц с металлическими домами из волнистого железа.

Оригинален способ передвижения по городу. Экипажей, в европейском значении этого слова нет, я не видел ни одной лошади. Весь город изрезан сетью рельсовых путей, шириной не больше фута, каждый дом имеет свою маленькую тележку. И вот вы видите очень характерную для здешних условий картину: два голодных тощих **кафра** бегут рысью,

толкая впереди себя такую тележку, в которой сидят жирные откормленные португальцы. Осмотрели мы и больницу – огромное светлое здание, прошлись с заведывающим врачом по палатам – повсюду чистота, опрятность, благоустройство. Сиделки все – монахини какого-то португальского ордена, в белых чистеньких халатах с повязками на голове. Вспомнил о некоторых русских больницах и вздохнул...

После двухдневной стоянки двинулись мы дальше к бухте Делагоа, и сейчас же, в первую же ночь, попали в бурю. Корабль кидало как щепку, волны гуляли по палубе, пассажиры все сильно страдали от морской болезни и проклинали море. К утру погода стала лучше; измученные и усталые выползали мы из кают, и первое, что увидели, это – английское военное судно, величественно приближавшееся к нам. Наш «**Канцлер**» салютовал, оно ответило тем же, потом тихо повернуло и ушло. Очевидно, вход в бухту Делагоа зорко охраняется англичанами. Мы все, конечно, боялись, что нас потащат в Дурбан, но дело обошлось без этого.

1 февраля нового стиля прибыли мы в Лоренсу-Маркеш и были удивлены количеством военных кораблей, стоящих здесь. В бухте находятся восемь военных кораблей: два голландские, один французский, три английские и два португальские. Ввиду того, что выгрузка наших вещей займёт, по крайней мере, сутки, мы покидаем пароход завтра, 3 февраля, чтобы на экстренном поезде достичь Претории.

Почти все пассажиры нашего парохода у цели, так что пароход пустеет с каждым днём. В Дурбан (конечный пункт линии) едут только пятеро.

Первый день нашего пребывания в Лоренсу-Маркеше прошёл в посещении различных официальных лиц. Были мы у русского консула (очень любезный француз), португальского губернатора и у других. Каждый желающий проехать в Трансвааль через португальские владения обязан иметь для этого особое разрешение губернатора. В этом сказывается влияние англичан, потому что этих порядков прежде не практиковалось. Сегодня весь наш отряд был приглашён на голландское

военное судно, где мы провели около часа, нам показывали всё судно, капитан и офицеры были замечательно любезны и предупредительны. Посещение окончилось ленчем с шампанским и неизбежными тостами. В общем было весело и мило. Паровой баркас²⁴⁷ доставил нас обратно на «**Канцлер**».

Лоренсу-Маркеш очень эффектный город, совершенно европейский по внешнему виду. Широкие улицы освещаются электричеством, много красивых каменных двухэтажных зданий, масса громадных английских магазинов, много ресторанов в виде павильонов со столиками на открытом воздухе, чернокожих не видно совершенно. Местность, в которой лежит город – болотиста. Берега бухты Делагоа считаются самой нездоровой местностью восточного побережья. Здесь встречается большой процент заболеваний малярией и другими злокачественными лихорадками. Вода в бухте мутна, грязна, купаться здесь не рекомендуется, равно как и пить сырую воду. Наш отряд уже с Танги принимает ежедневно небольшую дозу хинина, равно как носит поголовно шерстяное бельё, неизбежное в тропических странах.

Завтра в 10 часов утра мы на экстренном поезде едем в Преторию. Русский отряд Красного Креста проехал здесь 12 дней тому назад. Он имел какое-то столкновение с англичанами. Они, кажется, хотели задержать отряд или что-то в этом роде.

Со слов одного пленного английского офицера мне сообщили следующий эпизод. В битве близ Колензо, продолжавшейся около четырёх дней, один английский полковник, умирая на поле битвы от полученных ран, воскликнул:

– The boers are brave fellows (Буры молодцы) (Буры храбрые парни)!

Dr. **Вл. Кухаренко**²⁴⁸

По прибытии в Африку русско-голландский санитарный отряд провёл некоторое время в Португальском Мозамбике, прежде чем по железной дороге проследовал в Трансвааль:

Во время нашего пребывания в Лоренсу-Маркеше кафе торговали особенно бойко, вследствие сильного наплыва приезжих европейцев – добровольцев и членов санитарных отрядов, – стремившихся в Трансвааль в таком количестве, что билетами и местами на отходившие в Преторию поезда приходилось запасаться заблаговременно и вперёд заказывать пищу на больших станциях. Формальности были очень сложны и скучны для частных лиц, которым португальцы, подозревая в них будущих добровольцев, в угоду Англии ставили самые неожиданные и мелочные препятствия (в основном денежные поборы)²⁴⁹.

Хотя эта война являлась борьбой белых против белых, однако англичане с самого её начала, без лишнего шума, временами использовали местных чернокожих для диверсионных вылазок:

6 февраля начался суточный проезд по железной дороге из Лоренсу-Маркеш в Преторию, но не ночью, вследствие предосторожностей из-за нескольких попыток враждебных или подкупленных англичанами **кафров** портить железнодорожный путь и даже делать вооружённые нападения на поезда²⁵⁰.

Сведения в газеты о поездке русско-голландского санитарного отряда поступали регулярно:

Новости о русско-голландском лазарете.

Письмо из Петербурга (от нашего корреспондента),

5 января (1900) г.

Русские доктора и сёстры милосердия, выехав из Петербурга 14 (26) декабря, запаслись в Берлине, в так называемом тропическом магазине, 20 полными костюмами, строго приноровленными к потребностям тропического климата. Цены оказались весьма низкими, так что всякому направляющемуся в Трансвааль полезно было бы запастись всем необходимым не в Петербурге или Москве, а именно в Берлине. Тропи-

ческий магазин ввиду своего специального характера может давать к тому же и весьма практические советы. Так, например, нашим докторам посоветовали запастись тонкими жестяными чемоданами-сундучками, потому что деревянные сундуки и кожаные чемоданы разъедаются в Южной Африке большими муравьями (термитами), которых там очень много. Другой полезный совет заключался в том, чтобы не запасаться шерстяным бельём, столь распространённым в Германии, но совершенно непригодным на юге, так как в Красном море развивается от шерстяного белья особенная, чрезвычайно мучительная кожная сыпь, носящая странное название «красной собаки».

Из Берлина удобнее всего выезжать в Рим с вечерним поездом, как и сделали наши доктора и сёстры милосердия. В Мюнхене поезд останавливался на один час.

Чудные тирольские Альпы предстали нашим путникам в зимнем уборе, но при ярком солнечном освещении.

В Риме наши доктора и сёстры милосердия попали к самому Новому году по новому стилю. Им удалось присутствовать на торжественном богослужении в соборе Святого Петра. Церемония была особенна парадная, потому что Италия вступала в новое столетие, но не в XX-е, а лишь в XIX-е. Дело в том, что итальянцы называют столетия не по наступившему с первого года веку, как остальные народы, а по первым двум цифрам, то есть тысячам и сотням. Так например, и XVIII-е столетие началось у них в 1800 году, продолжалось в течение всего нашего XIX столетия и кончилось с 1899 годом, то есть годом раньше, чем кончится XIX-е столетие у нас. Папа объявил, что первый год нового XIX столетия будет юбилейным годом, который и встречали с необыкновенным тожеством. В Риме была полная весна; везде цвели фиалки.

На другой день наши доктора и сёстры милосердия уже отправились в Неаполь. Дальнейшие сведения получены до сих пор лишь телеграфным путём.

В Неаполе русские члены санитарного отряда встретились с голландскими, прибывшими также по железным доро-

гам из Голландии 22 декабря (3 января), двинулись дальше на пароходе Германо-африканского общества «**Канцлер**».

В русских газетах появились телеграммы о том, что английский консул в Неаполе заявил будто бы, что английское правительство намерено помешать высадке русско-голландского санитарного отряда в Лоренцо-Маркеше, в бухте Дела-гоа. Все эти слухи, по проверке, оказались лишёнными всякого основания...²⁵¹

Немало писем о поездке отряда приходило от его руководителя:

На пути в Трансвааль

(письмо главного доктора русско-голландского
полевого лазарета)

Мы получили от пастора **Гиллота** интересное письмо, присланное главным доктором русско-голландского **фан Лерсумом** с парохода «**Канцлер**». Письмо написано через два дня после отъезда из Неаполя, где русские члены отряда соединились со своими голландскими товарищами и двинулись в дальнейший путь 22 декабря (3 января). Письмо помечено 5 и 6 января, Средиземное море, близ Крита. Оно привезено в Европу, вероятно, встречным пароходом. Сообщаем это письмо в переводе с голландского:

5 января.

Погода, по уверению нашего капитана, прекрасная, а между тем... весь личный состав нашего лазарета лежит навзничь. Вчера ещё сели за обеденный стол 16 пассажиров первого класса. Через полчаса я уже был один. Сегодня было накрыто на 12 человек, но я остался вдвоём с капитаном... Я ещё могу сказать: пишу, следовательно, существую. Остальные, за исключением инженера (нашего администратора), уже не могут сказать и этого. Они все страдают морской болезнью, и мне представляется весьма удобный случай основательно изучить эту болезнь. Это, однако, не так просто, как кажется; проявления её крайне разнообразны. В нашей курии

тельной комнате, где я сижу в эту минуту, лежат, например, четыре пассажира. У меня не хватает духу глядеть на них: до такой степени завистливы и почти гневны взгляды, которые они бросают по временам на своего спокойно покуривающего и пишущего товарища. Иные, как, например, доктор **Рамейн**, уверены, что они отравлены. Другие хотят во что бы то ни стало покинуть корабль, умоляют, чтобы их выбросили в море, согласны быть заживо утопленными. Двух сестёр милосердия я уже не видел со вчерашнего дня. Голландцы ищут спасения большей частью в глубине судна и остаются в своих каютах, русские же проводят время охотнее на палубе, где они, несмотря на сильный ветер, лежат, вытянувшись на спине. Лица бледные, зелёные и серые... По временам то тот, то другой направляются, шатаясь, с неподвижным взором и глубоко вздыхая, к борту судна, повинувшись непреодолимому, по-видимому, стремлению бросить взгляд в морскую пучину. Те немногие, которые остались здоровыми, курят... и насмеются над другими без милосердия.

Но будьте благонадёжны, что когда, наконец, болезнь пройдёт, то мы составим, наверно, прекрасную компанию.

В Риме и Неаполе сёстры милосердия привлекли к себе общее внимание. Голландки, состоящие сестрами Белого Креста, то есть посвящающие себя и в мирное время всецело уходу за больными, одеты в свой простенький костюм: чёрное платье, чёрная шляпочка с белым бантом и брошка с белым крестом; у русских сестёр нашит на рукавах Красный Крест.

Сестра **Росс** (я только что справился – на пароходе ли она ещё вообще, так как я не видал её в течение суток), возьмёт на себя главное руководство сестрами, сестра **Изъединова**, из Петербурга, будет вести всё хозяйство. В эту минуту, впрочем, обе они относятся к будущему с полнейшим равнодушием, и если бы им предложили в эту минуту княжеский венец, то я полагаю, что они отвергли бы и его.

5 января

Немедленно, по прибытии в Преторию, мы учиним генеральную репетицию и инспекторский смотр. Все 15 палаток

будут разбиты, и мы вновь проверим содержимое всех ящиков – не забыли ли чего, потому что на театре военных действий, конечно, уже ничего нельзя будет достать. При разбивке лагеря командиром будет только **Моейн**, – все остальные явятся лишь исполнителями его повелений.

Я сказал раньше, что мы вполне снаряжены. Прибавляю: насколько это вообще возможно. На палубе стоят две огромных бочки с керосином. Кроме этого, мы везём с собой более 300 кило (до 20 пудов) calcium carbid, упакованного в двух переносных котлах, в которых мы будем готовить ацетилен для двух ламп, силою каждая в 72 свечи. Одна из них предназначена для операционной палатки, где сильный свет совершенно необходим; другая – для освещения лагеря. Наконец, имеется у нас ещё изрядное количество велосипедных лампочек на случай ночных передвижений.

О пропитании мы тоже позаботились. Шесть тысяч жестянок с консервами овощей, картофеля и мяса; 7200 порций супа, 12 000 сухарей и ещё всякая всячина, которой и не упомнишь, – всё это должно прокормить 60 человек в течение 100 дней.

Аптека наша – в образцовом состоянии. У нас есть большой запас противочумной сыворотки, любезно предоставленной нам доктором **Ру** из Пастеровского института в Париже. Имеется также сыворотка (serum) против ужалений змей; это – подарок доктора **Кольмет (Colmette)** в Лилле. Перевязочный материал занимает целых 57 ящиков. Мы образуем целый небольшой караван, который будет доставлен из Лоренсу-Маркеша в Преторию на экстренном железнодорожном поезде, согласно особому распоряжению главного управления южноафриканского железнодорожного общества.

Вчера вечером ветер стих, и большинство решилось расположиться ненадолго на палубе. По-видимому, самое плохое время миновало. Сегодня утром мы всех потащили наверх, кроме обоих голландских докторов, которые не могут ещё покинуть своих углов. Они жизнерадостны, пока лежат на спине, и никуда не годятся, когда им приходится стоять на но-

гах.

– Ах! – жаловался мне один из них, в обычной жизни Аполлон²⁵² и Донжуан, – ах, я представлял себе морское путешествие таким раем! Я надеялся даже пополнить немного, а между тем, посмотрите, – и он медленно провёл рукой по своему туловищу, – всё пусто, платье висит как на вешалке, я никогда уже не стану прежним!

И всё-таки всё идёт хорошо. Иные русские уже вытащили свои грамматики и усердно учатся по-голландски. Другие чувствуют потребность поиграть на вольном воздухе в подвижные игры: более всех отличается сестра **Якобсон**.

Завтра первое заседание нашего научного кружка, где мы будем обсуждать всё на свете, кроме морской болезни. Вместо введения предстоит внушительный доклад о действии бомб, разрывных гранат, картечи и о разных других ужасах.

Скоро буду писать снова.

Доктор **фан Леерсум**.

P.S. В Сенттардском²⁵³ тоннеле один швейцарский офицер просил нас принять 100 франков в пользу буров²⁵⁴.

Первые впечатления доктора **Кухаренко** о Трансваале:

На пути к бурам

(от нашего специального корреспондента).

VI. Из Лоренсу-Маркеша в Преторию

3 февраля в 6 часов утра мы, то есть члены русско-голландского санитарного отряда, покинули наш гостеприимный пароход и, сердечно простившись с капитаном и офицерами нашего «**Канцлера**» направились к вокзалу Лоренсу-Маркеша, откуда наш поезд уходил в полвосьмого утра.

Небольшой незатейливый вокзал был полон отъезжавшей публики, здесь был пассажиры и с «**Канцлера**» и с «**Генерала**», который лишь за день до нас прибыл в Лоренсу-Маркеш. Настроение было у всех отличное, особенно у волонтеров, направлявшихся в Трансвааль. Им ведь больше всего пришлось

преодолевать затруднений для получения пропуска через португальские владения, без которого никто не может перейти границу Трансвааля. С радостными лицами пожимали они руки друг другу. Мы тоже были рады что, наконец, находимся на поезде, который доставит нас в Преторию.

Отряд наш поместился в двух вагонах I класса, очень удобных и чистых, несмотря на весьма небольшие размеры. Все купе I и II классов освещаются электричеством. Паровоз маленький, с нефтяным отоплением, замечательной силы и скорости. Мы всё время ехали по 55 вёрст в час, вагоны страшно кидает из стороны в сторону, с минуты на минуту ждёшь, что слетишь с рельсов; повороты замечательно круты, равно как подъёмы и уклоны полотна; всё это делает езду не особенно приятной. Сначала дорога идёт по берегу залива, эта часть замечательно живописна; далее путь уклоняется в глубь страны и идёт среди богатейшей растительности вдоль красивой реки Комати, с зеленеющими берегами, на которых то и дело попадаются деревни **кафров**.

Через 4 часа мы были на границе Трансвааля, отмеченной громадной белой каменной пирамидой по правую сторону реки, на берегу Комати. Здесь же граница пересекается железнодорожным мостом, у которого мы увидели первого бура, спокойно облокотившегося на ружьё и покуривавшего трубку. Недалеко от моста была раскинута палатка, из которой по приближении поезда показалось ещё несколько вооружённых буров. Они все охраняли мост и такую охрану мы встречали впоследствии у каждого моста. Оказывается, несколько раз ловили **кафров**, пытавшихся различными способами портить железную дорогу, особенно мосты.

Первая станция на это дороге, на трансваальской территории, это Комати-порт, здесь же и таможня. На вокзале толпилось множество вооружённых буров, ждавших какого-то поезда, среди них было несколько раненых. Встретили нас с восторгом. Буры окружили нас, пожимали руки, расспрашивали о нашем путешествии, о нашей национальности, стали напереерыв рассказывать о событиях последних дней, пока-

зывали свои ружья, патроны и так далее. Наших вещей, конечно, не осматривали в таможене, просмотрели только наши бумаги.

Во время путешествия на корабле и в Лоренсу-Маркеше, мне постоянно твердили об отсутствии порядка как на дорогах, так и во всём другом в Трансваале. Всё это оказалось вздором. Здесь, напротив, замечательный порядок, нигде поезд долго не задерживается, чиновники и железнодорожные служащие быстро исполняют свои обязанности, после двух-трёх минут остановки поезд мчится дальше.

На первой станции мы завтракали, так как следующая большая остановка предстояла лишь вечером. За простой завтрак взяли с нас по 6 шиллингов (3 рубля) с персоны. Спиртных напитков, вина, пива – нет. Президент **Крюгер**, ввиду военного положения, запретил по всей стране продажу их; все пьют тёплую содовую воду, так как льду нет.

При громких кликах ура покинули мы Комати-порт. Один пожилой бур крикнул нам даже русское «прощайте». Это особенно поразило меня! Вероятно, он усвоил себе этот возглас при проезде нашего Русского Отряда Общества Красного Креста.

Далее дорога идёт по интереснейшей местности. Мы поднимаемся всё выше и выше, по сторонам цепи высочайших скалистых гор своеобразных очертаний, напоминающих немало горы Италии, но только с более остроконечными вершинами. По склону одной цепи идёт рельсовый путь, внизу пенится горный поток крокодиловой реки, замечательно быстрый и извилистый.

У 8 часов вечера мы были в Waterfal-Onder, где в последнее время останавливаются на ночь поезда. **Кафры**, по наущению англичан, кладут на рельсы огромные камни, кроме того, могут напасть вооружённой толпой на поезд. Поэтому поезда до рассвета прерывают свой путь. На этой станции весёленькая гостиница, содержит её француз. Пассажиров в поезде было чересчур много, и не хватило всем посетителям. Многим, в том числе и мужской части нашего отряда, пришлось ночевать в вагонах.

На другой день все мы встали с рассветом и двинулись раньше поезда пешком ради прогулки к следующей станции, отстоящей от Waterfal-Onder на 5 вёрст. Приблизительно на половине расстояния между обеими станциями находится туннель, а сейчас же за крокодиловой рекой, по берегу которой идёт дорога, образуется порядочный водопад, вышиной приблизительно в 30 метров. Вода широкой лентой отвесно падает на груды камней, разбиваясь в белую пену. При нашем приближении большая стая обезьян, прохлаждавшихся на берегу у самого водопада, с гиком рассыпалась по кустам.

На станцию Waterfal-Boven прибыли мы в одно время с поездом. Было воскресенье и вокзал этого небольшого местечка был полон ожидавшей нас публики, шумно приветствовали отряд и добровольцев. Нашим сестрам милосердия подносили букеты цветов, корзины фруктов, всем нам пожимали руки, несколько фотографических аппаратов было направлено на наш вагон. Одна пожилая дама подошла ко мне и, узнав, что я врач отряда, со слезами на глазах рассказала, что у неё под Ледисмитом в рядах буров пятеро сыновей и просила, чтоб я, если они, будучи ранены попадут в наши руки, обратил на них особенное внимание. Это уже не в первый раз к нам обращались с такими просьбами, и мы, врачи, конечно, успокоили соответствующими обещаниями не одно материнское сердце.

В Миддельбурге повторились снова шумные приветствия, крики ура, махания платками и шляпами, подношение цветов сестрам и фотографирование вагона Красного Креста, в котором мы находились.

Местность, по которой мы проезжаем, по мере приближения к Претории, всё более и более оживляется. Встречаются весёленькие фермы, утопающие в зелени, чистенькие беленькие домики с фруктовыми садами. Когда поезд проходил мимо, в них появлялись загорелые буры, женщины, дети, всё это махало нам шляпами. По сторонам рельсового пути стояли караулы, охраняющие дорогу. Они нас несколько раз приветствовали выстрелами в воздух.

В 6 часов вечера мы были в Претории. Здесь нас ожидала толпа публики человек в пятьсот, устроившая нам восторженную овацию. Крикам ура не было конца. Все теснились у нашего вагона, любопытно разглядывая нас. Было много официальных лиц, представителей Трансваальского Красного Креста и несколько господ от города, в чёрных сюртуках и цилиндрах, со всевозможными значками в петлицах.

Мы, русские врачи, предпочли остановиться в гостинице и нас поместили в Transvaal hotel. Подъезжая к этому зданию мы заметили на нём русский флаг. Оказалось, что Русский Отряд Красного Креста ещё здесь и именно в этой гостинице.

Мы рады были случаю повидаться с нашими товарищами, среди которых у нас несколько дорогих знакомых. Они все, здесь, в Претории, уже больше недели и до сих пор не могут добиться толку, куда и как ехать. Здешние власти, заваленные делами, ещё не пришли к окончательному решению этого вопроса.

Сестёр наших разместили в семьях, где они пользуются всевозможным комфортом. За два дня пребывания здесь, они перезнакомились со всеми лучшими местными домами, их наперерыв приглашают к себе, занимают и чувствуют они себя прекрасно.

Dr. **Вл. Кухаренко**²⁵⁵.

Русский врач рассказывал и о своих впечатлениях о столице Трансвааля:

Среди буров.

VII. В столице буров

Претория, 9 февраля нового стиля.

Голландская часть нашего русско-голландского отряда, то есть 3 врача и 5 сестёр, принадлежат официально к Голландскому Красному Кресту, нам же, русским, не удалось стать под покровительство Русского Красного Креста, вследствие чего нас принимает Трансваальский Красный Крест.

Медицинской санитарной частью заведует здесь особая комиссия, она распределяет отряды, даёт работу отдельным врачам и наблюдает за всеми местными госпиталями, но, к сожалению, дело это ведётся не особенно толково, трудно добиться чего-нибудь положительного. Это видно, например, из того обстоятельства, что наш Русский Отряд Красного Креста полторы недели сидит здесь, в Претории, между тем как медицинская помощь необходима во многих пунктах и нам, вероятно, придётся побыть здесь без дела несколько дней.

Описывать Преторию я не стану, её уж не раз отписывали. Скажу лишь, что город этот действительно похож более на село, чем на город, что буры выражают и в языке, они называют свои города сёлами, *dorp* (деревня). Дома низенькие, большей частью из волнистого железа, улицы пыльные и немощёные.

Интересна лишь главная улица, переходящая в одном конце в большую площадь. Здесь все лучшие магазины, большей частью английские, банки, конторы. Площадь окружена несколькими большими зданиями. Здесь парламент, здание суда, почтовая контора, первоклассная гостиница *Grand Hotel*. Посреди площади церковь, которую предлагают снести. Рядом с ней начали воздвигать памятник **Крюгеру**; пока готов лишь пьедестал; всё окружено лесами; ввиду войны работы прекращены. Улицы все освещаются электричеством. Особенного движения на улицах не заметно, да и не мудрено, так как половина жителей, англичане, должны были уехать.

Бросается в глаза большое количество евреев – все русские подданные!

В начале войны всем евреям, а их здесь около 20 000, было предложено или стать в ряды буров, или выселиться из страны. Тогда они все достали себе русские паспорта. Я сам видел таковые у нескольких евреев. Получили они эти паспорта каким-то образом от здешнего русского консула и в качестве иностранцев продолжают свои гешефты лучше прежнего, ибо конкурентов их, англичан, здесь больше нет.

Наш *Transvaal Hotel* служит почему-то излюбленным местом сбора добровольцев. Во время завтрака и обеда их здесь особен-

но много. Бывает здесь и много буров, возвращающихся с театра военных действий в отпуск, домой. Дело в том, что воинов-буров через известные промежутки времени отпускают недели на две, на три домой, заняться домашними делами. Потом, по истечении срока, она возвращаются на свои места.

У меня в первый же вечер была интересная встреча с двумя такими бурами. Во время обеда к нашему столу в общей зале подошли два молодцеватые бура исполинского роста и заняли два свободные места рядом с нами.

Я заговорил с ними по-немецки.

Оказалось, что они только что приехали с Тугелы, где происходило многодневное сражение, в котором они особенно отличились. Один из них вынул из кармана вырезку из газеты и подал её нам. В ней описывался геройский поступок этих двух буров. Они взобрались во время сражения на высокий холм, водрузили там трансваальский флаг и легли на землю. Англичане вообразили, что буры укрепляются на этом холме и открыли по нему сильнейший огонь, оставив в покое главные силы буров, которые, между тем, успели занять лучшие позиции. Они со смехом рассказали, как английские снаряды свистели над этим холмом.

На мой вопрос, дали ли им за это какую-нибудь награду в виде знака отличия, они ответили отрицательно, прибавив, что таких знаков у них совершенно нет, да в противном случае, пришлось бы давать такие отличия решительно всем.

Много интересных подробностей рассказывали нам эти молодцы. Так, например, один из них уложил, в общем, шесть английских офицеров.

– По этой дичи мы особенно охотно стреляем, – прибавил он.

На нём, между прочим, были гетры и башмаки одного убитого им офицера. Буры вообще не стесняются брать себе вещи убитых англичан; часть их они должны, впрочем, отдавать в общую пользу.

Буры бьют англичан в голову и без промаха, так как подпускают их обыкновенно шагов на 200–300. Я говорил со

многими врачами по этому поводу; все утверждают, что, собственно, других ран, кроме ран головы, они почти не встречали. Находят трупы с 5 и 6 пулями во лбу.

– Мы всегда начинаем бить англичан с офицеров, которых узнаем по лучшей одежде, они падают первыми, а раз офицеров нет, то пропали и другие, – сказал мне один бур.

Я этих двух молодцов сфотографировал. Они были очень довольны.

(Окончание следует)²⁵⁶.

Публиковались и частные письма врачей, рисовавших картину отношений внутри русско-голландского отряда далеко не в радужном свете:

Москвич о бурах

Доктор **В.Н.Д.**, получив частное письмо из Претории от доктора **В.А. Кухаренко** (бывшего ординатора Екатеринбургской больницы и московского домовладельца), любезно сообщил нам некоторые выдержки из него, имеющие общественный интерес. Ввиду того, что багаж нашего отряда (русско-голландского) задерживается португальцами, которые не хотят беспоплавно пропускать его (а пошлина около 1000 рублей), мы, персонал отряда, рассыпались временно по различным местам. Я с двумя другими товарищами (русскими) неделю работал в здешнем госпитале трансваальского Красного Креста, а затем с этими же товарищами прикомандировался к санитарному поезду, перевозящему раненых и больных из окрестностей Ледисмита сюда, в Преторию. На днях приедет багаж, мы двинемся, разделившись на два маленьких отряда к боевой линии в Кольсберге, в Капской колонии, южной Оранжевой Республики. С санитарным поездом были мы у самого Ледисмита на позиции и провели там несколько интересных дней. Ледисмит бомбардируется непрерывно. Раненных довольно – преимущественно от больших разрывных снарядов. В Кольсберге, куда мы двинемся теперь, центр тяжести военных действий, где генерал **Робертс** и знамени-

тый **Китченер**, равно как и лучшие бурские генералы; здесь ожидают решительного сражения и нам будет много дела. Скверно только то, что много тифозных, но, к счастью, больше брюшной тиф – от плохой воды. Живём здесь очень скромно. Спиртных напитков нет, кроме пива, бутылка которого стоит здесь два рубля. После семи часов вечера ходят патрули с заряженными ружьями. На письма здесь строгая цензура; не одно письмо не проходит без неё. О войне нельзя ничего писать, ни хорошего, ни дурного – письма задерживают. Мы отправляем наши письма через здешнего французского консула (он же и русский). Его штемпель гарантирует неприкосновенность письма. Пища здесь ниже всякой критики. Всё безобразно дорого. 12 яиц стоят 3 рубля 50 копеек, фунт сахара – 1 рубль (да и то не белого, а какого-то желтоватого), цыплёнок – 2 рубля 50 копеек, мытьё тоже дорого – 50 копеек за крахмальную рубашку, 25 копеек за чулки. Здесь вообще деньги не играют почти никакой роли, – их у всех много. Так, например, горничная, убирающая в гостинице комнаты, получает 80 рублей в месяц, повар в нашей гостинице – 800 рублей в месяц, половой – 150 рублей. Всё, благодаря войне, вздорожало неимоверно. Как всё кажется в розовом свете, пока не узнаешь сам, так и с этой поездкой. Голландцы (из состава русско-голландского отряда) – это такой несимпатичный, грубый народ, что мы с ними совершенно не сошлись. Живём хотя вместе, но всё-таки на два лагеря и среди нас, русских, тоже неважно. Я рад, что сошёлся с **Борнгауптом** (один из старших врачей отряда), не будь его, хоть святых вон выноси²⁵⁷.

Первые впечатления **Кухаренко** весьма показательны:

Среди буров

Х. На холмах Ледисмита

(от нашего специального корреспондента).

Претория, 20 февраля.

Вот уже 10 дней как мы, члены русско-голландского санитарного отряда, в Претории, а до сих пор ещё нет наших вещей из Лоренсу-Маркеша (перевязочного материала, палаток, консервов и прочего). Португальцы под влиянием Англии, всячески тормозят всякое дело которое могло бы быть полезно бурам. Все европейские санитарные отряды имели с португальцами неприятные столкновения, так, например, германский отряд Красного Креста потерял, благодаря их усердию, весь свой перевязочный материал. Португальцы перерыли все ящики, ища снарядов и пушек, и не позаботились снова уложить вещи; они мокли под дождём, запыхались, подпортились, и пришлось всё бросить. У русского отряда Красного Креста они также вскрыли 3 ящика, более других внушавшие им подозрение, несмотря на протесты консула и главного врача. Теперь, по последним телеграммам из Лоренсу-Маркеша, они требуют от нас около 100 фунтов стерлингов пошлины ввиду того, что не имеют официального уведомления о проезде нашего отряда. Чем это безобразие кончится, не знаю, а время идёт.

Необходимость в медицинской помощи велика, раненых поневоле приходится со всех сторон боевой линии транспортировать в Преторию, Йоханнесбург и другие центры. Потери буров вообще в последнее время увеличиваются; у Ледисмита и в Кольсберге – тиф, но, к счастью, не особенно злокачественный.

Насколько возможно, мы стараемся быть полезными здесь – пока не отправимся к месту своего назначения: несколько наших сестёр работают в различных пунктах, мы посещаем здешние госпитали, помогаем врачам при операциях и прочее. Меня с двумя другими врачами нашего отряда прикомандировали к санитарному поезду – для перевозки больных и раненых из окрестностей Ледисмита сюда, в Преторию. Поезда эти здесь очень хорошие, со всеми удобствами, особенно вагоны для раненых и больных. Всё чисто, опрятно, покойно.

Кроме нас, врачей, в нашем поезде было 10 сестёр милосердия, среди которых несколько дам здешнего русского об-

щества, далее несколько санитаров и **кафров**. Поездка туда было очень интересна. Дорога идёт по юго-восточной части Трансвааля к границе Наталя, уже через 2 часа езды попадаешь в область золотых приисков, по обе стороны рельсового пути тянутся ряды зданий с высокими трубами, промывными котлами огромных размеров и кучами уже промытого песка. Золотоносная почва тянется правильной полосой от самого Йоханнесбурга на юго-восток. Рядом с золотыми приисками попадают и каменноугольные копи. На станции Фольксруст находится часть русского отряда Красного Креста, – два врача и две сестры, – и имеет здесь небольшой госпиталь в 20 кроватей, расположенный в здании гостиницы, а главный госпиталь – в Ньюкасле. Больных у нас пока 12 человек, все тифозные.

Сейчас же у границы Наталя, по ту сторону, приходится проезжать мимо горы Маюба, где в 1882 (1881) г. буры уничтожили несколько тысяч (менее сотни) англичан, с генералом **Коллей (Колли)** во главе, – вооружённым глазом можно различить остатки позиций обеих сторон, видны и могилы англичан, памятник **Коллею**, здесь замечательно живописные местности.

Далее Денди (Дунди), Гленко, Эландслаагте, мосты, наскоро поправленные бурами, разрушенные здания, пробитые бомбами крыши.

Поле сражения везде видно из окна вагона, на станциях буры, большей частью участники дела, охотно рассказывают о ходе битвы при Эландслаагте; особенно зверски поступали английские уланы: кололи пиками раненых, убитых, пленных, – много подробностей об их жестокостях слышишь здесь. Буры больше всех ненавидят этих улан и поклялись отомстить им. Улан должен умереть за Эландслаагте, их мы не щадим, поднимают ли белый флаг в сражении или нет, всё равно, их мы не берём в плен, их мы перестреливаем без пощады, – слышу я со всех сторон от многих буров.

Конечный пункт этой линии – станция Моддерспруйт; далее путь прерывается, ибо следующая станция – Ледисмит.

Буры привезли на быках 4 локомотива и пользуются ими для военных целей вокруг Ледисмита.

В Моддерспруйт приехали мы поздно. Была чудная лунная ночь, поезд остановился недоезжая станции, в открытом поле, нас уже ждали: несколько фургонов с ранеными и больными с развевающимся флагом Красного Креста, запряжённых восьмью мулами цугом, стояли у полотна. Много буров, покуривая трубки в мирной беседе, сидели здесь же на траве. Мы сейчас же занялись больными и, перевязав, разместили их по вагонам.

Долго сидели мы с бурами, слушая их рассказы о позициях, о Ледисмите, о последних сражениях.

Всё было тихо. Ярко светила луна. К югу на горизонте вырисовывались две плоские возвышенности, на них при лунном свете можно было различить белые палатки лагеря буров, – там горели костры. Между возвышенностями лежит осаждённый Ледисмит. Его можно видеть только с возвышенности. Слышны были звуки хора, – это буры совершали вечернюю молитву.

На другой день, приняв ещё несколько больных, мы, в сопровождении одного бура, отправились верхом на позиции. Слышна была пушечная пальба. Направились мы в Ломбардскоп, к самой близкой к Ледисмиту позиции буров, где стояла раньше большая пушка **Длинный Том**, причинявшая англичанам большой вред. (Англичане ночью пробрались к ней и сильно её испортили.) Нам пришлось проезжать через несколько лагерей, между прочим, через лагерь генерала **Жубера**, живописно расположенный на холме.

Подъезжая к Ломбардскопу, можно было уже заметить следы бомбардировки. Земля местами взрыта рвом, местами в виде воронки, – это результат лиддитовых бомб морских английских орудий, трупы лошадей и быков наполняют воздух зловонием. У подножия горы мы привязали лошадей к деревьям и по крутой тропинке взобрались на вершины. Сверху открылся нам великолепный вид.

Среди зеленеющей долины, окружённой со всех сторон горами, лежит город, белеющий на солнце своими домиками,

утопающими в зелени, это – Ледисмит. Ничто не указывает зрителю на его положение; лишь позади его, на небольшом холме, группа палаток – английский лагерь, и вокруг города несколько фортов. Влево, приблизительно в одной версте от него, ещё большая группа палаток, над которыми развеваются белое знамя с Красным Крестом – это госпиталь. Кругом – горы, на них кольцом – лагерь буров. В подзорную трубу можно видеть подробности; в Ледисмите не видишь никого – всё пустынно и мёртво, изредка заметишь английского солдата, шагающего усталой походкой по улице. В госпитале – больше жизни – видишь сестёр милосердия в белых чепчиках, с зонтиками в руках, спешащих из одной палатки в другую, видишь больных, сидящих в креслах в тени. Судя по количеству палаток в госпитале, в Ледисмите огромное количество больных, а множество могил, недалеко от госпиталя, постоянно увеличивающееся, говорит о большом проценте смертности.

Буры без усталости бомбардируют город. Интересно наблюдать, как разрываются снаряды над самым Ледисмитом и над лагерем англичан. Последние лениво отвечают – чувствуется, как утомлены и обессилены они пятимесячной осадой и бомбардированием.

С Ломбардскопа, где в настоящее время два больших орудия, при нас выпустили около 10 снарядов. Один из них попал прямо в середину форта, подняв облако пыли.

Налево можно различить в трубу лагерь буров при Колензо, целый день слышна была бомбардировка, – это генерал **Буллер** тщетно наступал на бурские позиции.

На обратном пути нам удалось увидеть неприятельский снаряд. Метрах в ста от нас упала на дорогу граната, с треском разорвавшаяся.

В Моддерспруйте пробыли мы два дня, набирая больных: заразные, с одним врачом и 2-мя сестрами нашего отряда, были направлены в Денди, а мы с 30 ранеными благополучно достигли Претории. Волонтёры охотнее всего избирают позицию Ледисмит–Колензо, все встретившиеся нам поезда были полны ими. Встретили много русских. В Ньюкасле мы оста-

вили несколько больных в госпитале нашего русского Красного Креста. Остальных поместили в здешней Преторийской городской больнице.

Dr. **Вл. Кухаренко**²⁵⁸.

Когда русско-голландский санитарный отряд прибыл в Преторию, то наблюдательная сестра милосердия **Изъединова** отметила одну характерную особенность отношения африканеров к иностранцам:

При первом нашем знакомстве с Трансваалем, несмотря на радушный приём и все, оказанные лично нам любезности, мы были прямо поражены характерным недоверием буров к понаехавшим к ним тогда в таком большом количестве европейцам. Но скоро нам стало понятно, что основание этому отношению положили ещё те европейцы-промышленники и по большей части хищники, которые нахлынули в Трансвааль с открытием его рудных богатств и по вине которых, наконец, разгорелась и последняя война.

С началом её бурам, правда, пришлось познакомиться с иным типом европейца, приехавшего уже не с признанной целью наживы, а с целью, по крайней мере, на словах, послужить делу справедливости, свободы и человечности. Но и здесь, между добровольцами и членами санитарных отрядов попадалось, конечно, большое разнообразие нравственных типов. В общем, впечатление от них получалось очень смешанное, да и буры не могли сразу отрешиться от столь свойственной их характеру осторожности и выжидательных приёмов. Я знаю, наверное, в иностранцах, поступавших на трансваальскую службу, вначале чрезмерно опасались английских шпионов, и эти подозрения переносились даже на членов санитарных отрядов, так что само правительство, относясь весьма любезно и предупредительно к устройству центральных госпиталей внутри страны – в Претории, Йоханнесбурге, Кронстаде, всё же избегало давать нам серьёзные и точные сведения о ходе военных действий и пунктах, где ожидаются

сражения. При сравнительно большом количестве санитарных отрядов, служивших наглядным доказательством сочувствия всех главных европейских наций, не имевших возможности поместиться в этих нескольких центральных пунктах и рассчитывавших, преимущественно, на полевую практику, подобное отношение сильно тормозило дело, особенно вначале, пока лица, стоявшие во главе этих отрядов, разобравшись несколько в местных условиях, не приходили к выводу, что следует с благодарностью принимать всякое разумное указание, но прежде всего полагаться только на самих себя, уметь рисковать и действовать, соображаясь с обстоятельствами.

Таким образом, успешное ведение дела стояло прежде всего в зависимости от личности начальника, от его умения понять окружающую обстановку, сойтись с окружающими людьми. Много способствовало затруднениям амбулаций и их начальников неправильность организации всего санитарного дела в Трансваале, зависевшего от двух учреждений, не ладивших между собой – Трансваальского Красного Креста и Главной медицинской комиссии в Претории, что, конечно, осложняло все санитарные вопросы и сбивало с толку приезжий санитарный персонал, не посвящённый в счёты и столкновения чисто местных интересов и самолюбий.

Другое затруднение, которого не избег ни один из прибывающих санитарных отрядов, это затруднения на португальской таможне Лоренсу-Маркеша, придиравшейся, в угоду англичанам, даже к таким частям багажа, как хлороформ²⁵⁹ для операций, спирт, вино и водка для больных, и всячески тормозившей доставку амбулационного багажа в Преторию, а, следовательно, и возможность начать правильную самостоятельную деятельность. Одной амбулации, кажется, немецкой, даже умудрились потерять весь набор хирургических инструментов, который ей пришлось кое-как восстановить из ограниченного запаса, имевшегося в магазинах Претории и Йоханнесбурга, или подарков других амбулаций. Не у всех таможенные затруднения окончились столь неприятно, но всем они выпали на долю в большей или меньшей степени.

Совсем беспрепятственно проехал, кажется, только отряд Русского Красного Креста, одновременно в сопровождении русского военного агента в Трансваале полковника (подполковника) **Гурко**. Надо заметить, что к русским в Трансваале в эту минуту относились исключительно любезно и предупредительно, так как недавний почин нашего правительства в проведении идей мира и человечности заставлял многих из буров, даже в правящих сферах, надеяться на возможность воздействия с нашей стороны для прекращения войны и передачи спорных вопросов на рассмотрение третейского суда. Впоследствии, это отношение временно пострадало вследствие недостойного поведения некоторых из приезжих русских и ряда, к сожалению, бестактностей некоторых лиц, которых официальное положение ставило особенно на вид и приводило в соприкосновение с местными властями²⁶⁰.

Доктор Вебер в целом подтверждал мнение **Изъединовой**:

После 4-х недель морского путешествия, начиная из Наполя, мы 1 февраля нового стиля приехали в Laurenzo Marques и 4-го въехали в Преторию. Так как весь наш громадный багаж, отчасти вследствие нераспорядительности португальских властей, отчасти вследствие переговоров по поводу провоза нами палаток, сёдел и других вещей, считавшихся военной контрабандой, был в течение 3 недель задержан в Delagoabay (бухте Делагоа), мы имели достаточно времени ориентироваться в Трансваале и познакомиться с распределением медицинских учреждений на различных бурских позициях.

Так как Трансваальское правительство, хотя и приняло нас очень любезно, но не высказывало никакой распорядительности и вообще было очень плохо осведомлено относительно необходимой санитарной помощи, и не особенно торопилось назначить нам определённый пункт для устройства нашего госпиталя, мы скоро пришли к убеждению, что нам

придётся действовать более самостоятельно. Для этого требовалось нам личное знакомство с распределением как бурских, так и до нас прибывших европейских амбулаторий.

В начале военных действий санитарная часть в бурской армии была очень плохо организована, так как большинство врачей трансваальских обладает весьма невысоким научным цензом; многие из них даже не оканчивали курса; эти врачи со своими помощниками, большей частью евреями, которые этим способом могли избежать обязательной для всех военной службы, следовали за бурскими отрядами, подавая им первую помощь непосредственно после сражения.

Лишь с приездом первой и скоро затем второй голландских амбулаторий, санитарная организация скоро значительно улучшилась.

Доктору **Limbeck**, заведывающему первой голландской амбулаторией и брату председателя трансваальского Красного Креста, было предоставлено устроить в Moderspruit'е к северу от Ladysmith'a, недалеко от железной дороги, госпиталь на 60 кроватей.

На долю этого госпиталя выпадала главная работа, так как сюда доставлялись раненые с перевязочных пунктов и со всех команд, лежавших вокруг Ледисмита, а также со всех позиций, лежавших к северу от Тугелы. Особенно кипучая работа здесь была после сражений при Plattrand'е и Spionskor'е, когда в продолжение нескольких дней пришлось перевязать несколько сот раненых.

Большинство раненых после наложения повязок отправлялись в свои отряды обратно или же в обыкновенных поездах пересылались в Newcastle и Volksrust, где были расположены лазареты отряда Русского Красного Креста, или же дальше – в Standerton, Heidelberg и Преторию. Более тяжёлые случаи ран удерживались в госпитале при Moderspruit'е до тех пор, пока состояние ран не улучшалось настолько, что можно было без опасности перевести их в Преторию. Понятно, что здесь иногда при громадном наплыве раненых и спешности сортировки в поезда назначались такие больные, которые не

могли переносить продолжительные путешествия. Так, мне пришлось видеть 2 случая, где слишком ранний транспорт имел для раненых тяжёлые последствия. В одном случае имелась огнестрельная рана черепа, причём пуля застряла в веществе мозга; больной 4 дня после повреждения себя чувствовал очень хорошо и, кроме паралича левой руки и ноги, никаких мозговых явлений не представлял; в поезде больной через несколько часов впал в коматозное состояние и скончался за несколько часов до приезда в Преторию; вскрытие не было произведено, но следует предполагать, что пуля, лежавшая свободно в мозговом веществе, во время тряски, которая на натальских железных дорогах весьма значительна благодаря крутым подъёмам и поворотам, изменила своё положение и, пожалуй, прорвалась в желудочек. Во втором случае имелась рана желудочной области; больной был доставлен в госпиталь без всяких перитонических симптомов, так что врачи сомневались, имеется ли повреждение желудка или кишечного канала; во время переезда скоро появились рвота и боли в животе и при доставке в Преторию больной представлял полную картину разлитого перитонита²⁶¹; через день после прибытия в Преторию он скончался.

Для перевозки тяжёлых раненых служили особо устроенные санитарные поезда числом четыре, которые постоянно поддерживали сношения между Преторией, где находились все основные госпитали, и фронтом, т.е. Наталем и северной частью Капской колонии. На западном театре военных действий, то есть у Modderriver'a южнее Kimberley, где стоял **Cronje** со своей армией, основной госпиталь был устроен в Jacobsdal'e, где поместилась немецкая амбулация (доктора **Kuttner** и **Hildebrand**); отсюда не имелось железнодорожного сообщения с Преторией.

Перед отъездом нашего отряда к фронту, несколько членов его получили приглашение сопровождать санитарный отряд, отправляемый за ранеными в Moderspruit.

При этом мы имели возможность убедиться, насколько хорошо функционируют эти поезда. Несмотря на то что при

сооружении поездов в начале войны приходилось очень спешить, устройство их надо назвать превосходным.

Для этого взяты большие поместительные товарные вагоны, тщательно очищены и выкрашены в белую масляную краску снаружи и внутри; пол покрыт линолеумом, по сторонам выделано несколько небольших окон; двери сделаны настолько широкими, что свободно пропускали широкие носилки. Койки с пружинными матрацами были размещены по бокам вагона, в длину его и в два этажа.

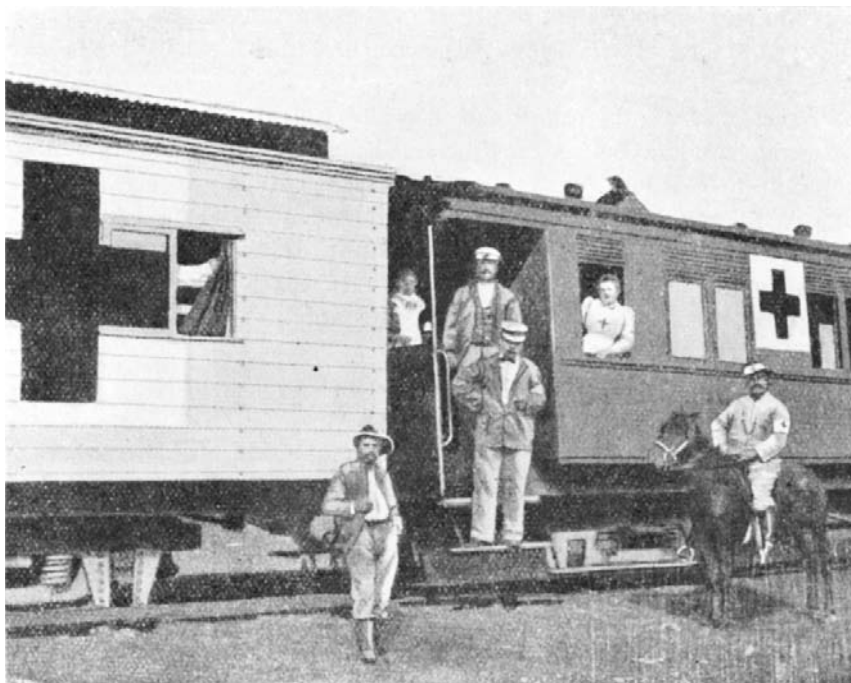
Между койками оставался очень широкий проход. Каждый вагон был снабжён большим пастеровским фильтром.

Подобный вагон вмещал от 20–30 раненых; кроме тех вагонов, в каждом поезде имелись ещё обыкновенные вагоны первого класса для помещения врачей, сестёр и санитаров, а также более легко раненных, вагон-кухня, кладовая и бельевая и вагон с большим водяным резервуаром. Всякий поезд снабжён очень хорошо составленной аптекой и перевязочным материалом.

Так как большинство раненых доставлялись в поезда в довольно хорошо наложенных повязках, то роль врачей, сопровождавших эти поезда, была более наблюдательная. Впрочем, были тут молодые, очень любознательные хирурги, которые считали своей обязанностью снимать всякую повязку, не всегда в пользу раненым. Несмотря на это, громадное большинство раненых переносило двухдневный переезд даже в самое жаркое время очень хорошо. Последовательных кровотечений во время переезда, несмотря на сильную тряску, ни разу не наблюдалось.

В Претории главным госпиталем, назначенным для приятия раненых с фронта, была больница, устроенная в городской школе для девочек и преданная для заведования первой голландской амбулатории.

Консультантом по хирургии в течение декабря и января месяцев состоял здесь профессор **Korteweg**, известный хирург из Амстердама. Школа состоит из большого каменного и меньших размеров деревянного зданий, расположенных в большом тенистом саду.

Русско-голландский санитарный отряд

Для помещения раненых было приготовлено деревянное строение, большое же здание держалось наготове на тот случай, когда наплыв раненых будет чересчур велик.

Однако до самого последнего времени в этом не было необходимости, и каменное здание всё время пустовало. Оба здания были построены по требованиям новейшей строительной техники, имели хорошую вентиляцию, повсюду водопроводы и электрическое освещение. Обширные веранды и тенистые беседки давали раненым возможность большую часть дня проводить на открытом воздухе. Под операционную была назначена обширная комната, с освещением со стороны и с потолка. Имелись отдельные комнаты для фотографических и Rontgen'овских снимков.

Эта больница была исключительно предназначена для раненых, число которых в самое горячее время в середине февраля доходило до 80 случаев, обыкновенно же колебалось между 60–70.

Благодаря любезности главного врача доктора **Limbeck'a**, мне было разрешено заниматься в этой больнице до моего отъезда к фронту, а также впоследствии в течение двух недель перед возвращением в Европу, так что я имел достаточно времени ознакомиться с деятельностью этой больницы; мне было также разрешено произвести здесь целый ряд операций и воспользоваться Rontgen'овскими снимками, которые были сняты в моём присутствии...

Несмотря на то, что амбулаторией из Европы были привезены целый ряд стерилизаторов, их не употребляли, так как большинство их попортилось и починить их в Претории не было возможности; только инструменты стерилизовались кипячением. Перевязочный материал был доставлен из Голландии стерилизованный фабричным путём и хорошо упакованный, так что употребление его без вторичной стерилизации ни разу не вызвало неприятных осложнений; йодоформная марля была в большом ходу; она клалась как первый слой на рану и употреблялась для тампонации раненых полостей. Вообще антисептический способ и употребление раствора сулемы²⁶² при перевязках играли очень важную роль.

Перемена повязок производилась очень частая и большинство ран с более значительным раненым отделимым перевязывались ежедневно. Понятно, что вследствие недостатка времени, перевязки часто делались небрежно и ради экономии перевязочного материала наружные слои ваты, раз они не были загрязнены, не менялись в течение 3–4 перевязок. Было бы гораздо рациональнее производить перевязки реже, но тщательнее, так как частые смены повязок, например, при сложных переломах конечностей, не могли не отразиться вредно на течении ран.

Несмотря на всё это, течение ран было весьма благоприятное и на первые 100 раненых, между которыми был целый

ряд тяжёлых случаев, не было ни одного смертельного исхода. Уже при первом моём посещении больницы бросилось мне в глаза гладкое безлихорадочное течение целого ряда довольно тяжёлых костных повреждений конечностей. Скоро я пришёл к убеждению, что тяжёлые септические осложнения ран, которые в прежние войны требовали такую массу жертв, в настоящую войну встречались крайне редко.

На несколько сот раненых, которых мне пришлось наблюдать, я не видал ни одного типичного септического или септико-пиемического случая; на основании тех сведений, которые я получил от врачей других амбулаторий, эти случаи надо считать единичными. Случаев рожи мне не пришлось ни разу наблюдать. Относительно инфекционных болезней укажу ещё на столбняк, который был отмечен в единичных случаях; насколько мне известно, случаи столбняка на стороне англичан встречались гораздо чаще; все они кончались летально.

Если предположить, что причина такого благоприятного течения ран кроется в том, что раненые с самого начала получают хороший уход, то можно сильно ошибиться. В особенности в начале войны на поле сражения и на первых перевязочных пунктах работали исключительно африканские врачи, медицинская подготовка которых большей частью весьма несовершенна и которые никакого понятия не имели о современных способах лечения ран вообще, и огнестрельных в частности. Один из голландских врачей, приехавший в Трансвааль в начале войны и хорошо изучивший приёмы африканских врачей, очень остроумно делил их на три категории. Первые зондируют все свежие раны и извлекают оттуда осколки, вторые вставляют во все раны дренажные трубки, которые сохраняются в грязных коробках, а иногда даже валяются на полу, и третьи зашивают все раневые отверстия без исключения. Все три разряда имеют то общее, что они считают совершенно лишним перед подобными операциями вымыть себе руки и вычистить инструменты. Один из подобных врачей, как я потом узнал, не получивший никакого медицинского образования, с большой гордостью показывал

мне пулю **Lee Metford**, которую он вырезал перочинным ножом из-под кожи спины на поле сражения у Kimberley под градом пуль. Когда я ему заметил, что не было никакой необходимости торопиться с его операцией, он был очень удивлён и, по-видимому, считал меня профаном в полевой хирургии.

Благодаря всему этому большая часть раненых, поступавших в госпиталь в Претории, в особенности раненных в конечности с застреванием пуль, имели зараженные гноившиеся раны; но эта инфекция была строго локализованная; значительной инфильтрации или больших гнойных затеков я почти никогда не наблюдал. Обыкновенно после двух-трёх перевязок раны очищались и незначительная лихорадка исчезала. Только в одном случае, который был доставлен с множественным оскольчатый переломом шрапнелью верхней части плечевой кости, имелось обширное нагноение и довольно резкие явления общего сепсиса, так что я уже предполагал, что случай кончится летально или по крайней мере придётся провести экзартикуляцию конечности. Но уже после второй перевязки нагноение стало уменьшаться и температура понизилась, и после того как неделю спустя после приёма в больницу была произведена резекция плечевой головки и удаление осколков, больной быстро стал поправляться.

Причину, что течение ран было так благоприятно, надо главный образом, по моему мнению, видеть в том, что всякие микроорганизмы, вызывающие септические процессы, хотя и встречаются в Южной Африке, но не имеют такой вирулентности, как в Европе. С развитием культуры, в нашем смысле слова, и с увеличением скученности населения и здесь инфекционные заболевания станут встречаться чаще и септические заболевания протекать тяжелее.

Понятно, что оболочечные пули новейших систем вызывают в ранах благоприятные условия для быстрого заживления. О них я подробнее буду говорить впоследствии, здесь же только отмечу, что раны от шрапнелей и даже гранатных осколков протекали гораздо благоприятнее, чем в наших европейских войнах.

Понятно, что крепкое здоровое телосложение буров, не знающих никаких хронических конституционных болезней, и хороший климат с чудным чистым разреженным воздухом, также способствовали гладкому заживлению ран.

Благодаря такому благоприятному течению ран, ампутации конечностей производились крайне редко. Современные оболочечные пули, как мы впоследствии увидим, хотя большей частью и раздробляют кости, но, в общем, дают довольно благоприятные условия для консервативного лечения огнестрельных переломов конечностей, и только в очень редких случаях приходится делать ампутации.

Но и при повреждениях осколками гранат, шрапнельными пулями и при единичных повреждениях пулями **Dumdum**, только в исключительных случаях приходилось удалять повреждённый член, несмотря на то, что имелось обширное разрушение костей, масса осколков, обнажение костей на значительном протяжении от подкостницы. Понятно, что заживление подобных сложных ран наступало не скоро и требовались повторные операции – удаление секвестров, сглаживание острых концов костей. Но в конце концов больные поправлялись и сохраняли конечность, годную к употреблению.

Мне на несколько сот раненых, виденных мной, пришлось наблюдать всего три ампутации. В двух случаях были удалены пальцы руки и в одном случае – большой палец левой ноги. Во всех случаях имелись раны на близком расстоянии из ружей **Маузера**, с совершенным раздроблением костей и разрушением мягких частей.

Кроме вышеописанной больницы, в Претории существует постоянная больница (Volkshospital) на 60 кроватей, выстроенная в 1890 г. на средства государства. Она расположена за городом, в красивом тенистом саду, и имеет кроме общих палат целый ряд отдельных платных комнат, которые выходят на утопающие в зелени веранды. Заведует больницей голландский врач доктор **Kolff**, консультантом по хирургии состоит русский врач доктор **Гернет**, кончивший наш Юрьевский университет. Больница устроена с большим комфортом

и хирургическая часть поставлена хорошо, соответственно требованиям современной асептики. Однако вследствие большого наплыва больных с фронта больница крайне переполнена и больные лежат крайне скученно. Кроме главного здания больницы имеется ещё небольшое здание, совершенно отделённое, назначенное для больных **кафров**; эти помещения не имеют никакого комфорта и даже содержатся весьма грязно. Буры, как известно, относятся к **кафрам**, как к расе, несравненно ниже их стоящей, и ни под каким видом не разрешат, чтобы больной **кафр** был помещён не только в одной комнате с ними, но и в том же самом здании. Доктор **Kolff**, человек очень гуманный, хотел бороться с этим предрассудком и поместил однажды молодую **кафрянку**, очень интеллигентную девушку, в отдельную платную комнату. Администрация больницы, узнав об этом, сделала ему строжайший выговор, и велела её немедленно перевести в отделение для **кафров**.

Вследствие всяких интриг и неприязненных отношений между врачами больницы и членами Красного Креста, заведовавшими перевозкой раненых и сортировкой их по различным больницам, в Volkshospital за последнее время стали направлять исключительно тифозных и дизентерийных больных, так что хорошо устроенное хирургическое отделение оставалось без работы. Вначале, однако, я имел случай видеть здесь целый ряд очень интересных огнестрельных повреждений. Здесь отмечу только случай обширной септической флегмоны, единственный, виденный мною в Южной Африке, кончившийся выздоровлением.

Dutoit (Дютюа)²⁶³, бурский артиллерийский офицер, ранен при Dundee, первом сражении между бурами и англичанами, в ногу осколком гранаты, причём получилась большая рана мягких частей и раздробление большеберцовой кости. В больницу он доставлен в конце ноября, через неделю после багажа повреждения, в тяжёлом состоянии, с явлениями общего сепсиса. Вся нога была страшно раздута, причём отёчная припухлость вверх через Poupard'ову связку переходила на нижнюю часть живота и сзади на ягодичную область; по-

всюду при ощупывании ощущался хруст, из раны голени выделялся вонючий гной; tibia была обнажена. Здесь имелась, значит, обширная газовая флегмона всей ноги и нижней части живота, присоединившаяся к сложному огнестрельному перелому голени.

Ампутацией или даже вычленением всего бедра спасти больного нельзя было надеяться, так как инфекция зашла слишком далеко и больной был слишком слаб, чтобы вынести тяжёлую операцию. Были произведены 14 глубоких разрезов по всему бедру и на нижней части живота, после чего состояние больного улучшилось и он, против всяких ожиданий, довольно быстро стал поправляться, причём опухоль ноги уменьшилась и из всех ранг стали выделяться куски омертвевшей клетчатки и фасции²⁶⁴. Так как первоначальная рана голени ещё сильно гноилась и не имела склонности к заживлению, то пришлось в конце января разрезом широко обнажить большеберцовую кость, причём удален большой секвестр, длиной в 10 сантиметров и толщиной в половину диаметра всей кости, причём задняя половина кости оказалась хорошо консолидировавшеюся. Обширная полость в кости, хотя и медленно, но совершенно зарубцевалась, и больной сохранил, хотя и несколько обезображенную, но совсем не укороченную конечность. Приходится удивляться, каким образом при обширном повреждении кости тяжёлая инфекция, развившаяся в виде разлитой газовой флегмоны, не вызвала тяжёлого воспаления костного мозга, а ограничилась только секвестрацией одного костного осколка.

Кроме двух вышеописанных госпиталей, в Претории имелись ещё две больницы – Burkhospital, устроенной в здании школы для мальчиков на средства, пожертвованные **Burk'om**, богатым английским коммерсантом, который этим хотел доказать свою лояльность, и больница для пленных англичан. Burkhospital имела 40 кроватей и находилась в заведовании английского доктора **Veal**. Последний, подобно всем английским хирургам, с которыми я познакомился в Африке, ярый приверженец антисептического метода лечения ран. Несмо-

тря на это, и здесь течение ран было также очень благоприятное, ампутации, насколько мне известно, были произведены только в единичных случаях.

12/25 февраля, наконец, прибывают в Преторию наши вещи, всего 9 товарных вагонов, которые вследствие всяких недоразумений с португальской таможней и вследствие отсутствия распорядительного человека, который бы ускорил осмотр вещей, в течение 2.1/2 недель были задержаны в Lorenzo-Marques.

К этому времени выяснилось, благодаря частным образом наведённым справкам, а также благодаря сношениям с медицинской комиссией, что в северной части Капской колонии имеется настоящая необходимость в хорошо устроенном санитарном отряде, так как предполагалось, что англичане, потерпев поражение на Восточном (Tugela) и западном театре войны (Modderriver), двинут свои главные силы на южную часть Оранжевой Республики, которая представляет довольно открытую местность, и не имеет хороших природных укреплений.

Через несколько дней, однако, оказалось, что все наши расчёты оказались не верными. Англичане совершенно неожиданно обошли генерала **Cronje**, занимавшего позиции на западной границе Оранжевой Республики, и с одной стороны с небольшим отрядом кавалеристов под начальством генерала **French** освободили Kimberley, с другой же стороны, с главными силами под предводительством **Roberts'a**, стали с запада вторгаться во Фриштаты, преследуя малочисленный отряд **Cronje**²⁶⁵.

К мнению доктора **Вебера** присоединялись и другие иностранные врачи-добровольцы:

В «Munchener Medizinischer Wochenschrift» (Мюнхенское медицинское недельное описание) недавно было опубликовано письмо германского врача **Гильдебрандта** из Якобсдаля от 21 января:

Первые дни после принятия нами лазарета, – пишет доктор **Гильдебрандт**, – мы имели работы по горло, потому что с одной стороны, состояние большей части пациентов было таково, что требовалась немедленная операция; с другой стороны, пришлось переменить почти все перевязки. Врачи обеих республик, пользовавшие до нас раненых, по-видимому, обладали крайне недостаточными знаниями по хирургии; они во всяком случае, не были в состоянии ни накладывать хорошие перевязки, ни определять состояние раны, а тем более производить необходимые операции. Большой частью их деятельность заключалась в сидении у кровати раненых, в утешении их и в назначении им внутренних средств, как то наркотических, слабительных и прочих, которые вообще играют большую роль в Южной Африке. Большинство врачей в Южной Африке, вместе с тем так же владельцы аптек, и они сами сознаются, что доходы с аптек значительно превышают доходы их от практики. Результаты деятельности наших южноафриканских коллег мы ясно увидели при самом прибытии: большая часть ран гноилась под перевязкой, другие раны ухудшились вследствие слишком крепкой перевязки; кроме того, осложнения многих ран давно уже требовали оперативного лечения, но время для этого уже было упущено, нам стоило больших трудов изменить порядок пользования раненых в лазарете и переменить все перевязки и побудить пациентов согласиться на необходимые операции. Раненые вначале относились к нам с полным недоверием, что следует приписать влиянию врачей, симпатизирующих англичанам и всячески нас избегавших. Впоследствии наши пациенты всё-таки убедились, что попали в хорошие руки, недоверие постепенно рассеялось, благодаря чему наша работа стала гораздо легче. Я могу даже сказать, что наш лазарет ныне стал даже очень популярным, что доказывается как хвалебными (даже чересчур) статьями в местных газетах, так и большим наплывом пациентов, которые нередко, несмотря на военное время, приходят искать помощи в своих старых недугах.

О поранениях при малокалиберных ружьях доктор **Гильдебрандт** пишет: Большая часть поранений, которые нам пришлось видеть и наблюдать, были от малокалиберных пуль (**Ли-Метфорда**) 7,71 мм и **Маузера** 7 миллиметров. Большая часть ран, которые мне пришлось пользоваться, были тяжелы, с пробитием кости или сквозные через более значительные внутренние полости; таких случаев у нас было 34. Легкораненых было до настоящего времени всего восемь, у которых были поранены только мягкие части; эти последние быстро поправлялись и, чтобы освободить место для тяжелораненых, они обыкновенно очень скоро эвакуировались в тыловые лазареты. При поражениях мягких частей входное отверстие пули обыкновенно очень незначительно, преимущественно правильной формы – круглое или овальное; только в двух случаях, когда пуля попадала в тело под малым углом (наклонно), входное отверстие было больших размеров и неправильной формы; выходное отверстие пули большей частью было лишь немного больше входного, и только в тех случаях, когда пуля попала в тело на близком расстоянии от дула ружья, входное отверстие было очень велико. Кровотечение во всех случаях поранений поразительно незначительно, это также замечали врачи на полях сражений. Насколько мне известно, ни один бур не погиб от истечения крови, только некоторое число англичан, раненых в конечности, было найдено мёртвыми на поле сражения среди большой лужи застывшей крови. Большинство раненых в момент поранения кости не чувствовали боли; значительная часть раненых навывлет продолжали сражаться и лишь по окончании боя шли или ехали верхом на перевязочные пункты; ещё удивительнее, что многие тяжелораненые продолжали принимать участие в бою и даже стреляли.

Должен так же упомянуть, что тяжёло раненные малокалиберными пулями лошади скакали далее. Я видел лошадь одного германского врача, которая была ранена в тазовую кость, в шею навывлет, и тем не менее была в состоянии нести дальше своего всадника. Другая лошадь была ранена в лёгкое, но всё-таки оставалась под всадником до конца дня,

когда, наконец, неожиданно пала. Подобные случаи наблюдались на каждом шагу²⁶⁶.

Русско-голландский санитарный отряд некоторое время был вынужден ждать прибытия багажа из Португальского Мозамбика:

Задержка багажа объяснялась тем, что **фан Мойэн** убедил **Леерсума**, что никому из врачей не нужно оставаться в Лоренсу-Маркешо наперекор мнению русских врачей.

Мойэн был занят гораздо больше представительством и развозом нас 10 сестёр по приглашениям именитых граждан Претории, чем застрявшим в Лоренцо багажом и серьёзными делами отряда, так что до нас стали доходить довольно бесцеремонные шутки над нашим администратором и сидением в Претории.

Наконец, доктор **фон Ренненкампф**, выведенный из терпения, потребовал, чтобы **Мойэн** поручил ему съездить в Лоренсу-Маркеш с полномочиями начальника отряда и, принявшись за дело со свойственной ему энергией и толковостью, через неделю мог уже вернуться в Преторию со всем нашим скарбом²⁶⁷.

В Южно-Африканской Республике, как писала в своих мемуарах **Изъединова**:

Нас, русских, вначале изводил один, твёрдо, укоренившийся в Трансваале, голландский обычай, именно: начинать день в 6–6.1/2 часов, проглатывая в кровати чашку кофе, по большей части отвратительного. Ещё в частных домах возможно растолковать хозяевам, что вы не гонитесь за эти непривычным угощением, или же как мои милые хозяева в Претории, устраивают так, что горничная входит к вам с чашкой чаю или кофе за 1/2 часа до общего завтрака (то есть в 8–8.1/2 часов), и этим мешает проспать и попасть в неловкое положение. Но в гостинице, хотя бы в первоклассной, несмо-

тря на все протесты, вы обязательно проснётесь в седьмом часу от неистового стука в запертую вами из предосторожности дверь²⁶⁸.

Об отношении буров к иностранцам и, в частности, к сотрудникам русско-голландского отряда она заметила:

Мне самой не раз приходилось слышать от более развитых представителей даже сельского Трансвааля, что против поселения и приобретения у них гражданских прав иностранцами, хотя бы английского происхождения, они ровно ничего не имеют, так как земли у них много и это может только поднять её ценность, народное богатство вообще, и разложить необходимые подати на большее число плательщиков; но что они хотят сохранить право строго различать между человеком, действительно оседающим в их стране, связанным с нею всей своей жизнью и интересами, и алчной толпой дельцов и золотоискателей, отбросов европейской жизни, стремящихся только к скорой и лёгкой наживе, которым стыдно и опасно вверить серьёзные интересы страны.

Эти и подобные сведения и наблюдения мне приходилось собирать преимущественно во время частных переездов, заносивших меня, сообразно условиям работы, в разные, часто захолустные, углы бурских земель... Способствовал мне интерес, обнаружившийся населением к этим иностранцам нового типа, приехавшим не с намерением грабить богатства страны, а из сочувствия к нему лично и для помощи. Не скажу, чтобы бескорыстие наших побуждений всегда встречало полное доверие, чему, к сожалению, способствовало недостойное поведение некоторых из приезжих европейцев, навлёкших подозрение на людей вполне честных и бескорыстных. Часто приходилось наткнуться на предположение, что если не теперь, то впоследствии мы имеем в виду личные материальные выгоды. Часто мы слышали, например, коварный вопрос: А что, *zuster* (сестра), не желаете ли вы и ваши доктора

после окончания войны получить у нас казённые назначения? Надо сказать, что казённые места составляют большое место природных трансваальцев, так как вследствие усиленной закупки земель иностранными компаниями в золотоносных округах, многие из них в последние годы остались без определённых средств к существованию, и большим предметом неудовольствия как для них самих, так и для их многочисленных родственников и друзей, служило замещение казённых должностей, очень хорошо оплачиваемых, приезжими европейцами, преимущественно голландцами, как это было особенно в бытность статс-секретарём доктора **Лейдса**. Причины этого предпочтения правительства к пришлым чиновникам следует видеть в большей их подготовленности к той спешной реорганизации всех отраслей управления, какая велась в Трансваале в последние 20 лет. В Претории мне приходилось постоянно и близко видеть многих из этих, так называемых голландеров (голландцев), и убеждаться в полной пригодности большинства из них к занимаемым ими должностям и в плодотворности их работы на пользу приютившей их страны. Таков, например, господин **Мансфельд**, трансваальский секретарь по народному образованию, больше чем кто-либо способствовавший в последние 20 лет развитию природных сил молодого поколения, а также развитию в них разумных патриотических стремлений и идеалов. Встречались, конечно, также исключения противоположного характера, лица, смотревшие на занимаемые ими должности, как на способ наживы, часто весьма бесцеремонный; они часто сознательно терпелись правительством ради знания порученного им технического дела. Тем не менее неудовольствие на предпочтение якобы оказываемое правительством пришлым голландерам перед природными жителями страны, до войны, несомненно, существовало весьма определённое и сильное, и остаётся только удивляться, как английская дипломатия, в подобных случаях вообще столь цепкая, не сумела ухватиться за эту черту для более мирного достижения своих целей, а сочла за лучшее прибегать к грубым приёмам вро-

де «набега Джемсона» и явно недобросовестных придилок последних лет, сразу сплотивших всю голландскую расу Южной Африки в одном общем чувстве самосохранения и солидарности интересов. Объясняется этот промах, как и большинство промахов этой варварской войны, расчётами чисто биржевыми и прежде всего состоянием дел знаменитой «Chartered Company», требовавшим скорейшего захвата новых богатств во избежание разорения своих влиятельных акционеров.

Из этих объяснений понятно подозрение, скрытое в невинном, по-видимому, вопросе о казённом месте для нас, приезжих. Но это подозрение обыкновенно исчезало перед несколько подробным объяснением, что как семейные, так и служебные отношения делают возвращение в Европу вполне необходимым для большинства из нас, а приехали мы из интереса к их стране и сочувствия их национальному бедствию, для посильной помощи на средства своего народа. Большое впечатление всегда производило именно объяснение, что наш русско-голландский отряд снаряжён не управлением Красного Креста, как это делается во всех случаях войны, а на суммы, собранные по мелочам всем русским народом из сочувствия их правому делу²⁶⁹.

О российских докторях, в том числе и из состава санитарного отряда РОКК, сестра милосердия **Софья Изъединова** писала:

В Фольксрусте большая остановка поезда дала нам возможность посетить городскую больницу, в которой под руководством одного врача (доктора **Садовского**) и двух сестёр Георгиевской общины (**Тауц** и **Страховской**), отделённых ещё раньше от русского Красного Креста, работали местные бурские женщины. Хотели мы посетить и главный госпиталь русского отряда в Ньюкасле, но он оказался так далеко от станции железной дороги, что мы не имели на это времени и должны были ограничиться передачей через начальника станции поклона членам отряда.

Вообще нас поразило странное и недоброжелательное отношение железнодорожных служащих, а также жителей, вышедших для встречи санитарного поезда, к расположившемуся у них санитарному отряду. В этот приезд нам пришлось слышать много интересных и поучительных подробностей насчёт первого устройства русского отряда в Ньюкасле, и эти сведения, дополненные в Претории отзывами лиц хорошо осведомлённых, дали нам возможность оценить, какую ошибку сделал доктор **Кусков**, отказавшись следовать указаниям трансваальских властей и самого президента **Крюгера** при выборе места деятельности.

В Фольксрусте, находящемся в самом Трансваале и за позициями, представлявшими вероятие серьёзной обороны в случае наступления англичан, госпиталь был постоянно переполнен и наши сёстры, высланные туда по просьбе администрации, едва успевали устраивать необходимое помещение и руководить работой своих помощниц. Между тем в Ньюкасле, расположенном совершенно открыто, да ещё на вражеской земле, госпиталь пустовал по изложенным уже мною выше причинам. Это, вместе с дурными отношениями, установившимися между господином **Кусковым** и местным населением и властями, долго лишали отряд работы, к которой он был так хорошо подготовлен по своим материальным средствам и санитарному составу. Насколько целесообразнее было бы, следуя указанию президента **Крюгера**, открыть большой госпиталь близ южной линии военных действий, мы, заменившие господина **Кускова** на этом театре войны, вполне испытали на той спешной и ответственной работе, которая выпала нам на долю в Кронстаде. Пока же мы с удивлением выслушивали злорадные замечания жителей Ньюкасла по поводу того, что услугами русского отряда за его двухнедельное пребывание в их городе воспользовалась только одна дама, разбитая на улице понёсшей лошадь.

На возвратном пути наши доктора уговорили администрацию нашего поезда сдать в Ньюкасл двух раненых и несколько терапевтических больных; но это, конечно была капля в море!

Такое невыносимое положение длилось до тех пор, пока некоторые из врачей русского отряда (**Давыдов, Гольбек, Эбергардт**) не настояли на открытии передового полевого лазарета в Гленко, куда к этому времени (начало марта) передвинулась от Тугелы и Ледисмита оборонительная линия буров.

Эти врачи своими знаниями и сердечным отношением в короткое время приобрели доверие и симпатии окружавших их лагерей и так умели влиять на больных и раненых, что те, несмотря на укоренившееся между ними предубеждение, соглашались ложиться в ньюкасльский госпиталь для полного излечения или хотя бы временной помощи; там же это предубеждение скоро исчезло перед образцовым уходом и отношением всех членов отряда.

Вообще же ньюкасльский госпиталь, занимавший роскошное здание прежнего женского монастыря, был прекрасно обставлен с материальной стороны, благодаря отношению персонала как к больным, военным, так и местным, для которых был устроен весьма помещавшийся амбулаторный приём, шероховатости первого времени постепенно сгладились. В последнее же время своего пребывания в Ньюкасле отряд вследствие неожиданного оборота в ходе военных действий был буквально завален работой, о которой до сих пор вспоминают с благодарностью все сражавшиеся на этом театре военных действий²⁷⁰.

Русско-голландский отряд, после долгих мытарств, получив багаж, отправился из Трансвааля в Оранжевое Свободное Государство:

В Блумфонтейне отряд поселился в гостинице. Через четыре дня после нашего приезда получилось известие о сдаче **Кронье**. Началось безделье, которое тяготило. Живя празднично в своё удовольствие, мы бесполезно тратили средства, предназначенные на доброе и справедливое дело... Неудовольствие на такое ведение дела к этому времени передалось и голландским нашим товарищам.

Когда **фан-Леерсум**, уехавший на разведку, не вернулся в назначенный срок, вернувшись застал столь враждебное отношение даже своих соотечественников, что сам заторопился разборкой вещей и отправлением.

Решили отправить передовой перевязочный пункт в Поплас-Гров, где и произошло следующее сражение, в этот отряд, к моему удовольствию, была назначена я с голландской сестрой **Коген** и докторами **фан Дисселем** и **Борнгауптом**, другой отряд, из 6-ти сестёр, с докторами **Вебером** и **Кухаренко** и администратором, должны были устроить большой лазарет в тылу войск, в Катдорнспруйте и, наконец, третий – из двух сестёр (фан **Скармбек** и **Мазефен**) с доктором **Ренненкампом** (как терапевтом) должен был быть в Брандфорте, на железнодорожной линии Блумфонтейн–Претория, открыть передаточный лазарет для эвакуируемых от фронта больных.

Нераспорядительный **фан Леерсум** для выгрузки и переноски тяжёлых ящиков через правительство откомандировал себе целую толпу чёрных и не смог руководить их работой – так что они целыми днями пропадали неизвестно где, или варили кашу из кукурузы, ящики же в это время таскали и заколачивали не только доктора, работавшие буквально как чернорабочие на выгрузках, но и сёстры, желавшие хоть как-нибудь пододвинуть дело. Наконец, распоряжение работой чёрных и сношения с железнодорожным начальством принял на себя всегдашний наш спаситель в затруднительных положениях доктор **Ренненкамф**, и всё сразу пошло глаже. Мы, несмотря на трудности этой работы, работали охотно, довольные, что, наконец, избавились от тягостного бездействия²⁷¹.

Приведём и письма сестры милосердия **Йозефины Ежеской**:

Из писем сестры милосердия русско-голландского санитарного отряда.

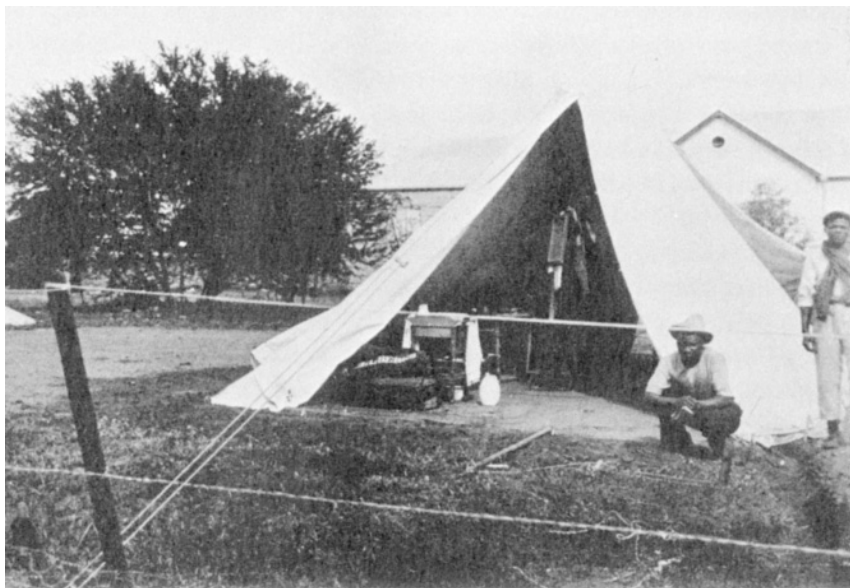
Гейдельберг, 4 февраля.

Сегодня с одной из моих помощниц, **Lizzie Heckermann**, мне удалось осмотреть город. Это 18-летняя, очень симпатичная барышня, бывшая учительница в школе, а теперь помогает ухаживать за больными; она говорит по-немецки, все же остальные знают лишь голландский и английский языки. Город называется Гейдельбергом в воспоминание родины деда **Lizzie**, который дал ему название, поселившись первым в этой местности. Это довольно зажиточные люди, имеют собственный дом с садом, в котором можно встретить самые разнообразные цветы, а также фруктовые деревья – всё это, собственно, ручная работа деда, которая поддерживается его сыном. Внучата не любят этого занятия, имеют другие стремления, семья их большая – всего 9 детей, отец и 16-летний сын на войне. Мы пошли гулять после 5 часов дня, когда было не так жарко, и обошли почти весь город, местоположение его очень красиво, город окружён невысокими горами, при каждом доме садик. Магазинов не много, но они просторны и довольно красивы.

Моё ночное дежурство было очень тяжело; тифозный больной постоянно срывался с постели, бредил и, приняв меня за врага, так толкнул, что я едва удержалась на ногах. К счастью, ночью привезли нового больного и мне дали в помощь сторожа. С 5 на 6-е февраля опять дежурю, больной очень слаб. Завтра ожидают здешнего доктора, а затем, вероятно, и мы уедем в Преторию.

7 февраля

Завтра в 5 часу утра уезжаем из Гейдельберга; ночь сегодня не дежурю, потому что рано утром едем на вокзал. Сегодня видела доктора **Oraty**; это немолодой невысокого роста флегматик, но как доктора его очень хвалят. Меня, однако удивляет, что при такой форме тифа, здесь не обращают внимания на дезинфекцию белья, носимого платья, хотя иногда к мелочам относятся слишком серьёзно. Вчера была гроза, сегодня зато не так жарко.

*Палатка доктора **фан Леерсума***

Претория, 8 февраля

В 5.1/2 часов утра мы выехали из Гейдельберга; в Претории нас встретили все сёстры вместе с заведывающим нашими делами. Ехать не можем на место назначения, потому что багаж не получен ещё с таможни в Лоренсу-Маркеше. Во время нашего отсутствия доктор **Вебер** и доктор **Кухаренко** ездили с санитарным отделом в Ледисмит. Погода здесь тоже изменилась, ежедневно бывает гроза с ливнем и ветер бушует с такой силой, что боишься, что снесёт крыши, пыль поднимается столбом, окна и двери приходится плотно закрывать, но через час-другой всё утихает, становится тепло, как будто ничего не бывало.

9 февраля

Была на кладбище; дорога идёт мимо президентского климата. Кладбище ещё очень мало – лучшее доказательство здоро-

вого климата; красивых памятников почти нет, зелени мало, но порядок образцовый. Какая разница с афинским кладбищем, где кладбище – настоящий музей, – возле каждого памятника, стоишь в изумлении, как они хороши и своеобразны

10 февраля

Сегодня так прохладно, что на балконе сидеть невозможно. Когда же мы, наконец, примемся за работу. Медикиمنتы ожидаются с нетерпением, обещали их выслать беспошлинно и без всякой задержки, а между тем в таможене вскрыли их и придётся внести за них большую сумму; доктор **Реннен-кампф** уехал по этому поводу в Лоренсу-Маркеш. Только что потребовали для отправки с санитарным поездом доктора и двух сестёр; мне удалось видеть устройство санитарного поезда, нахожу их очень удобными, жаль, что не удалось принять участия в этой командировке и ближе ознакомиться с условиями перевозки раненых. Наш багаж ожидается завтра; говорят, что и здесь будут осматривать его, значит, опять будет остановка.

12 января.

Вечером, в 9 часу, едем в Блумфонтейн, где нас встретит наш главный доктор **Ван-Леерсум**. Кажется нас разделят на партии и пошлют в разные места. Пока кончаю письмо²⁷².

Приведём и мнение **Кухаренко** о тех тяжёлых для африканеров событиях:

По полям битв

(от нашего специального корреспондента).

XIV. Временная паника

Брандфорт, 11 марта (1900 г.)

Как я уже писал, наш русско-голландский санитарный отряд должен был разделиться на две части: одну предполагалось направить к южной границе – Кольсбергу, а мы, двое русских врачей, с пятью сестрами и несколькими санитарями, должны были отправиться открыть большой госпиталь на 40 кроватей вблизи бурских позиций на западной границе, у

Кимберлея, именно – близ Петрусберга. Наш главный врач отряда, Др. **Фан-Леерсум**, в первых числах марта был там, нашёл небольшую покинутую бурскую ферму, при которой находится маленькая голландская церковь для **кафров**. В церкви предполагали мы устроить госпиталь, а персоналу поместиться в жилом помещении фермы.

Мы стали готовиться к отъезду. Несколько дней в Блумфонтейне ушло на разборку и сортировку вещей и перевозочного материала, – Петрусбергского отделения нужно было нагрузить на повозки, так как железнодорожного сообщения с Петрусбергом нет. От правительства Оранжевой Республики мы получили в наше распоряжение 10 **кафров** и пять громадных здешних телег, каждая на 8 пар волов. Много хлопот было нам с **кафрами** и волами.

Здесьняя полиция ловит беспаспортных **кафров** и заставляет их исполнять всякие общественные работы, – их прикомандировывают к лагерям для ухода за волами, лошадьми, дают добровольцам в качестве прислуги, размещают в медицинские отряды, как работников и санитаров. Понятно, что такой **кафр** только и ждёт момента, чтобы удрать. От нас в первый же день сбежало 4 **кафра**, бросив волов, которых пасли; **кафров** поймали на другой же день и после внушительной порки опять отдали нам. То же и с волами; у нас теперь 70 голов, – то и дело сбегает они с пастбищ и смешиваются с другими стадами; несколько волов так и пропали у нас. Народ здесь тёплый, мало отличает своё от чужого, и если не глядеть в оба, останешься без всего.

Наконец, 5 марта, поздно вечером, всё было уложено на повозки, мы простились с товарищами и, при гиканьи погонщиков-**кафров** и недовольном рёве волов, тронулись в путь из Блумфонтейна. Волы шли бойко, дорога тянулась среди однообразной бедной растительности, по равнине изредка перегоняли нас небольшие отряды вооружённых буров, телеги с военными снарядами, лёгкие повозки для перевозки раненых, – всё это направлялось к позиции буров. После четырёх часов бесперывной езды, мы остановились в открытом поле для

ночёвки. Воллов отпрягли, сдвинули телеги, подняли над ними белый флаг с красным крестом, **кафры** развели костёр, и мы занялись приготовлением ужина.

Эта первая ночь в поле была очень интересна. Ночи здесь мягкие, прохладные, перед восходом солнца прямо холодные, воздух чист и прозрачен, небо усеяно мириадами ярких звезд, среди которых выделяется великолепное созвездие Южного Креста, луна ярко освещает равнину, всё тихо, кругом покой и безмолвие; странно действует такая ночь на непривычного человека. Спать пришлось под телегами, на носилках для раненых; долго копошились у своего костра **кафры**, болтая и ругаясь между собой, наконец, успокоились и они, растянувшись на голой земле. Змей и скорпионов здесь множество; под каждым маленьким камнем скрываются они; нужно быть очень осторожным, ибо укус их для европейца опасен; многие буры, счастливо уцелевшие от английских пуль, бесславно погибли в лагере от этих гадов.

На другой день, в 5 часов, двинулись мы дальше. **Кафры** быстро и ловко впрягли волов, вещи уложили, мы с товарищем взобрались на нагруженные телеги, защёлкали бичи, и длинной вереницей потянулся наш обоз.

Скоро достигли мы большого резервного лагеря буров, живописно раскинувшегося на холме, у дороги; он был пуст. Прошлой ночью всех поспешно вызвали к боевой линии. Как потом оказалось, было большое сражение.

Далее была у нас интересная встреча с президентом **Крюгером**. Он, как известно, ввиду последних неудач, совершает поездку по позициям буров, ободряет их павший дух; был он в Натале и через Блумфонтейн направился в экипаже к Петрусбергу, куда держали путь и мы. Президент возвращался оттуда, когда я его встретил.

Небольшой фургон, обтянутый парусиной, стоял в поле, недалеко от главной дороги: лошади были распряжены и паслись вблизи. Человек 6 конвойных из преторийской полиции сидели в стороне у костра и пили кофе. Президент, по-видимому, только что позавтракав, сидел один в экипа-

же, покуривая из большой трубки; около него стояли сопровождавшие его секретарь здешнего volsraad'a господин **Фишер** и знакомый лейб-окулист, бельгиец, господин **Heumann**.

Мы подошли к коляске президента. Доктор **Heumann** доложил **Крюгеру**, что двое русских врачей, направляющихся с госпиталем в Петрусбург, желают приветствовать его; он просто и ласково принял нас, пожав нам руку, спросил о некоторых подробностях нашего дела, имеем ли мы всё, что нам нужно, сообщил, что в Петрусберг попасть уже нельзя, – он в руках англичан, – но посоветовал расположиться ближе в Барберепане, недалеко от теперешней позиции буров. После этого он ещё раз пожал нам руку, и мы отошли от экипажа, чтобы дать место нескольким бурам, также желавшим поговорить со своим любимым президентом.

Мне бросилось в глаза, как сильно изменился **Крюгер** за последнее время. Я видел его в Претории месяц тому назад, вид его тогда был лучше, теперь он как-то осунулся, ещё больше постарел и сгорбился.

Господин **Фишер** и доктор **Heumann** рассказали нам, что последняя поездка **Крюгера** к фронту была очень неудачна. Англичане, по-видимому, знали через своих шпионов, что президент в лагере, открыли в этот день убийственный огонь из своих двухсот пушек, несколько английских снарядов упали вблизи экипажа **Крюгера**; он не мог даже обратиться с обычной речью к бурам. Генерал **Девет** настоял на том, чтобы президент как можно скорее уехал, ибо видел, что буры проиграют это сражение. Так оно и было. Англичане к вечеру выбили из позиций всех буров; последние обратились в дикое бегство, не думая о защите. Это узнали мы позже, от двух голландских офицеров, военных атташе, которых встретили по дороге. Буры совершенно деморализованы после плена **Кронье** и освобождения Ледисмита, в последнем сражении они не решились даже противиться неприятелю... Двигаться дальше они нам не советовали, ибо, с одной стороны, легко попасть в руки англичан, с другой – нет надобности во врачах

и в медицинской помощи вообще, так как буры отступают без боя, раненых лишь двое–трое, да и санитарные отряды возвращаются в Блумфонтейн.

Пришлось повернуть назад; послали вперёд к главному врачу **кафра** с письмом – что делать?

Через несколько времени можно было заметить вдали большое облако пыли, – это отступали буры; тысячи их миновали нас, угрюмые, сумрачные, на усталых, взмыленных конях; скоро показались и повозки с вещами, всё это спешило как можно скорее достигнуть Блумфонтейна. Мы попали в эту цепь повозок и поневоле должны были следовать за ними. Вечером все повозки расположились лагерем у небольшого пруда, буры разбили палатки, развели костры, и скоро всё получило вид обыкновенного лагеря.

Рядом с нашими повозками расположились трансваальцы-гейдельбергцы. Начальник их, фельдкорнет, здоровый, сильный, мужественный бур, зашёл к нам поговорить. Со слезами на глазах рассказывал он нам о некоторых подробностях последнего сражения, что буры не хотят более сражаться, им война надоела, что погиб Трансвааль, из-за которого они пролили столько крови, что возмущаются все трансваальцы поведением буров Оранжевой Республики, последние давно уже не помогают им, лишь пассивно следуют за трансваальцами, первые убегают с поля сражения, портят всё дело. Далее сообщил нам о прокламации английского генерала **Робертса** к оранжевым бурам, в которой он обещает не смотреть на Оранжевую Республику как на врага Англии, если они теперь покинут трансваальцев и разойдутся по домам. Можно ожидать со дня на день, что эти буры последуют этому предложению, во всяком случае, прокламация сильно подействовала на них.

Блумфонтейн, можно считать, уже во власти англичан, – президент **Стейн** объявил, что не позволит бомбардировать город, и сдаст его без сопротивления.

Все Государственные документы: архив, дела, большая государственная печать и прочее уже увезены в Преторию,

президентский поезд готов, **Стейн** и весь фольксраад покидают город.

8 марта вечером прибыли мы с повозками в Блумфонтейн, и никого из нашего отряда уже не нашли здесь. По совету генерала **Девета**, все уехали в ближайший к Блумфонтейну город Брандфорт.

Блумфонтейн заметно опустел. Жители массами покидают город, поезда один за другим отходят по направлению к Претории.

Вечер провели мы в здешнем английском клубе, просматривая последние английские и голландские газеты и журналы, большинство членов этого клуба – англичане, интересно было видеть их настроение по поводу успехов соотечественников; большая их компания сидела, шумно разговаривая, за одним столом, пили шампанское, ежеминутно провозглашались тосты. Не стесняясь, выказывали они свою радость.

На другой день утром мы по железной дороге отправились в Брандфорт. Вокзал был полон уезжавшего народа, преимущественно женщин и детей. С трудом получили мы место на площадке вагона.

Повсюду только и разговора, что о предстоящей сдаче Блумфонтейна англичанам; сдавшегося генерала **Кронье** называют изменником, испортившим всё дело, все убеждены, что он подкуплен англичанами. Если бы захотел, он мог бы прорвать кольцо англичан. Генерал **Бота** уже оттеснил неприятеля в одном месте и приглашал **Кронье** выйти, последний не хотел этого; мотивы неизвестны.

Таким образом, популярнейший бурский генерал в несколько дней превратился в глазах буров в предателя. Трудно сказать, насколько справедливо это обвинение в измене. Но как это отношение современников напоминает отношение к **Барклаю-Де-Толли** в 1812 г.

Что теперь будет с нашим отрядом, трудно сказать; никто не знает ничего положительного о движении воюющих сторон и о предполагаемых местах сражения. Во всяком случае,

мы открываем большой госпиталь в Эландсфонтейне, близ Йоханнесбурга, ибо скоро вся Оранжевая Республика будет во власти англичан, и театр военных действий перенесётся к границе Трансвааля...

Dr. **Вл. Кухаренко**²⁷³.

Любопытен и отчёт о первоначальных тратах комитета для оказания помощи раненым бурам:

Сообщение голландского комитета для оказания помощи раненым бурам.

За последнее время к нам часто обращались с вопросом, какие вести приходят из далёкой Африки, о нашем русско-голландском санитарном отряде. Вопросы эти показывали нам, что доброе и великодушное дело совершённое русским обществом, продолжает живо интересоваться его.

Только на днях получены письма из Претории от главного доктора отряда **фан Леерсума** и русских врачей. Отряд благополучно достиг Лоренсу-Маркеша. 21 января (2 февраля) и 23 января (4 февраля) прибыл в Преторию по железной дороге. В Трансваале наш санитарный отряд повсюду встречался населением восторженно. В письме главного доктора от 29 января (10 февраля) высказывается предположение, что русско-голландский походный лазарет будет направлен на южный театр военных действий. Как только получатся дальнейшие известия, они будут сообщены в печати.

Сердечные симпатии русского народа к благочестивым и храбрым бурам, отстаивающим свой родной очаг и свою независимость, выразились в сотнях полученных нами писем, которые все будут сохранены и переданы впоследствии в Императорскую публичную библиотеку. Вместе с трогательными выражениями симпатии русский народ присылает со всех концов России свои копейки, гривенники и рубли, составившие к 1-му марта текущего года 125 149 рубля. Значительную часть этой суммы доставила нам периодическая печать. С глубокой благодарностью, выраженной нами каж-

дому органу печати независимо от сего письменно, приведем мы здесь список отдельных повременных изданий. До 2 марта собрали «Новое Время» – 26 684 рублей 77 копеек, «St-Peterburger Zeitung» (Санкт-Петербургская газета) – 11 110 рублей, (неразборчиво) «Dunazeitung» – 6800 рублей, «Московские ведомости» – 3297 рублей, «St-Petersburger Herold» – 4129, «Южный край» – 1989 рублей 73 копеек, «Московский листок» – 1536 рублей 76 копеек, «Русские ведомости» – 1345 рублей 65 копеек, «Rigaer Tageblatt» (Рижский ежедневный листок) – 1000 рублей, «Libaner Zeitung» – 750 рублей (Ливанская газета), «Nordlivlandische Zeitung» (Северолифляндская газета) – 700 рублей, «Revaler Beobachter» (Ревельский обозреватель) – 600 рублей и «Rigaer Rundschau» (Рижское обозрение) – 500 рублей, «Новости дня» и «Свет», и «Биржевые ведомости», «Lodzer Zeitung» (Лодзинская газете), «Московский курьер» и «Пермский вестник» по 500 рублей и меньшие, но всё-таки значительные суммы – «Новости», «Россия», «Felineer Zeitung», «Пермские ведомости», «Котлин», «Каспий» (в Баку), «Туркестанские ведомости», «Felliner Ananzeiger», «Северный край», «Вестник финансов», «Казанский телеграф», «Южанин», «Костромской листок», «Черноморские ведомости», «Виленский вестник», «Волгарь», «Уральская жизнь», «Керченский листок», «Донской листок», «Сибирский листок», «Тифлисский листок», «Енисейская газета», «Степной край», «Петербургская газета», «Петербургский листок», «Кавказский телеграф», «Postimees», «Тюмень», «Кавказ», «Крым», «Волжский вестник», «Кронштадтский вестник».

Комитет приносит глубочайшую благодарность всем обществам и кружкам, устроившим театральные представления и концерты в пользу комитета в столицах и провинции, в том числе и литературно-художественному обществу и Санкт-Петербургскому певческому кружку в Петербурге, театру **Корша** в Москве, Малороссийской труппе господина **Кропивницкого** в Харькове и другим. Расходы по снаряжению и отправке русско-голландского санитарного отряда были весьма значительные.

Всего израсходовано 82 836 рублей 9 копеек. Все закупки были сделаны, ради дешевизны, в Голландии отделением общества Красного Креста. Отдельные статьи расхода следующие (голландский флорин равен приблизительно 80 копейкам): перевязочные средства – 7320,84 флоринов, палатки и койки 2053,80 флоринов, медикаменты – 1698,42 флорина, кровати, одеяло, бельё и прочее – 11682,73 флоринов, ацетилен 249,50 флоринов, фотографические принадлежности, книги и прочее – 322,85 флоринов, консервы и сухари для пропитания – 9,952 флорина, перевозка и страхование материальной части отряда – 2017,37 флоринов, перевозка личного состава – 9180 флоринов, различные мелкие расходы – 944,58 флоринов, в распоряжение администратора отряда дано авансов: золотом – 2431 флоринов, векселем – 6100 флоринов, переводом на южноафриканский банк – 42 400 флоринов, всего – 50 931. К этим расходам, произведённым в Голландии, следует прибавить расходы, потребовавшиеся в Петербурге на снаряжение врачей и сестёр милосердия, причём первым было вручено по 300 рублей, а вторым по 150 рублей. К 1 марта в кассе комитета оставалось 42 313 рублей 29 копеек. В течение последних двух недель поступило вновь более 3000 рублей.

При выступлении нашего отряда из Претории на театр военных действий должны были потребоваться значительные расходы на покупку волов, телег и прочего. Для этого и пришлось дать администратору с собой значительную сумму денег, так как пересылка денег в Южную Африку сопряжена с затруднениями. Русско-голландский санитарный отряд обеспечен всем необходимым на шесть месяцев, считая и проезд туда и обратно. Если же война продлится более трёх месяцев, то придётся либо вернуть отряд среди самой горячей работы, либо дать средства для дальнейшей его деятельности. Русское общество и народ склоняются, по-видимому к последнему решению вопроса, так как приток пожертвований не прекращается.

Комитет считает долгом принести также искреннюю признательность всем художникам, которые содействова-

ли своим талантом успеху художественного альбома «Санкт-Петербург – Трансвааль», более двух третей этого издания уже распродано. Мы надеемся, что оставшиеся экземпляры скоро будут также распущены, тем более что книжные магазины «Нового Времени», **Волофа, Цинзерлинга** (бывший **Мелье**) и **Излера**, а также редакция «St-Petersburger Zeitung» выразили любезную готовность продавать альбом «Санкт-Петербург – Трансвааль», доход с которого значительно увеличит средства комитета.

Великодушная помощь русского общества подоспела в Трансвааль именно к тому времени, когда для буров наступили, будем надеяться – временно, дни испытаний. Восторг, с которым население Трансвааля повсюду приветствовало русско-голландский санитарный отряд, свидетельствует о том, какое умильное и благотворное нравственное впечатление произвело на буров проявление симпатий русского народа помимо того, что сотням храбрым защитникам родины будут дарованы русскими врачами и сестрами здоровье и жизнь.

Председатель голландского комитета для оказания помощи раненым бурам

пастор **Гиллот**.

13 марта 1900²⁷⁴.

Приведём следующее письмо сестры милосердия
Ежевской:

18 февраля

(Корреспонденция «Нового Времени»)

Сегодня я получила первое письмо из Петербурга по почте. Нечего и говорить о том, как я была этому письму рада. Только уехавший в другое полушарие может понять эту радость. Или, может быть, южное африканское солнце размячило мне сердце. Право, здесь как-то делаешься чувствительнее и лучше относишься к людям. Иной человек дома, на родине, казался только смешным, а иногда и несносным. А здесь? Здесь и такому человеку так рада, точно он родной и

близкий. Конечно, находясь среди чужих, обрадуешься всякому соотечественнику. Но, кроме того, чувствительнее делаешься ещё потому, что работаешь на войне и видишь как человек сильный и здоровый вдруг является перед тобой таким жалким и несчастным.

А несчастных в нашей больнице набирается с каждым днём всё больше и больше. Вон как тяжело смотреть на шестнадцатилетнего мальчика-бура, раненного в голову и лежащего без сознания; у него на черепе, на макушке, дыра величиной с трёхкопеечную монету; на дне раны торчит мозг. Наверно, этот мальчик ранен гранатой. А другой, раненый также в голову, но пулей бур, хотя и в сознании, но у него отнялся язык и он страшно начал сердиться, что мы его не понимаем, у него на голове два отверстия и также до мозга, мозг так из них и течёт.

У нас, в Фольксрусте, поезд стоит целый час и поэтому все раненые, которые мимо едут по железной дороге с поля битвы на родину, останавливаются у нас для перевязок. Понятно, каких мы тут ран не насмотрелись. И при этом не раз приходилось удивляться, как счастливо многие буры отделяются лёгкими ранами, хотя по ходу раны видно, что они были на волосок от смерти. Например, у одного раненого пуля точно нарочно проскочила через живот, не задев кишок, у другого прошла через шею, тоже не повредив ни горла, ни сонных артерий.

Ещё лежал у нас один раненный в живот и левую ногу. Так тот, несмотря на судороги в ногах, уехал к себе домой и даже на своих ногах дошёл до повозки. Вообще раненые буры изо всех сил стараются попасть ближе к дому и лечь в какой-нибудь госпиталь своего округа. Тогда он около себя постоянно видит своих родственников, которые к нему являются и сидят около него целые дни. Если раненый попадёт в больницу не в своём округе, а в другом, то родным труднее к нему приезжать. Помимо дальности расстояния затруднения тут ещё в том, что родственнику для поездки в другой округ надо брать у судьи паспорт.

А родственников у каждого бура множество, потому что у них вдовцы женятся до пяти раз. Умрёт жена, бур траур носит не долго, так принято, и опять женится. Вот поэтому у иного бура детей набирается детей человек до 30. При том же и дети не ведут только к одним расходам, а получают от родственников своё, так сказать, приданое. Как только родится ребёночек, сейчас разные тётушки и дядюшки дарят ему по скотинке; ребенок растёт, а вместе с ним и скот растёт, а к совершеннолетию у него вырастает целое стадо. Существует также обычай жениться на родственниках. При таком обычае богатство не уходит в чужие руки. Вообще здешние обычаи очень интересны и жаль, что некогда поближе ознакомиться с бурами в их домашней обстановке. Они к сёстрам чрезвычайно внимательны и много раз приглашали нас к себе на ферму, но у нас совсем времени нет. Между прочим, буры необыкновенно чтут воскресенье и празднуют также среду. В среду, в 12 часов, все лавки уже закрыты. Буры говорят: воскресенье для Бога, а среда – для людей, то есть по воскресеньям они молятся, читают Библию в своём семейном кругу, а в среду принимают гостей и сами ходят в гости.

Сестра милосердия²⁷⁵.

Сестра милосердия **Софья Владимировна Изъедина** очень высоко оценивала деятельность доктора **Карла Густавовича фон Ренненкампа** при эвакуации отряда из Блумфонтейна:

Ренненкампф по дороге к Поплас-Грову встретил первую волну беспорядочного отступления и вернулся в Блумфонтейн. (Он) взял на себя в критическую минуту как всё направление работы, так и хлопоты железнодорожного начальства; в один день всё оказалось уложенным и утром покинули Блумфонтейн.

Ренненкампф остался присутствовать при отправке нашего багажа и ждать очереди до самого захвата англичана-

ми. Доктор **Ренненкампф** ещё раз выручил всё имущество отряда.

Лазарет в Брандфорте становился теперь передовым и к нему были приставлены доктора **фан Диссель** и **Борнгаупт**, сёстры – **Коген** и я и ещё две сестры раньше предназначенные в Брандфорт, **Схермбек** и **фан Марзефен**²⁷⁶.

Ежевская отмечала в своих письмах:

Фольксруст (Трансвааль)

(Корреспонденция «Нового Времени»)

У нас, в Фольксрустской больнице, работы много. Лежит уже 50 человек раненых и больных. О тяжких наших раненых я уже писала на днях. А между больными есть тифозные и очень слабые. Сегодня один из них даже умер. Это – первый наш покойник. Раненные же в голову, несмотря на всю тяжесть ран, пока ещё держатся, хотя и очень плохи. Слабые наши больные и раненые лежат в отдельной комнате в доме бывшей гостиницы, во дворе, а остальные, тяжело больные, помещены через дом от нашей больницы – в большой лавке, хозяин которой – англичанин – перед войной сбежал. Признаться жутко ходить туда по ночам для присмотра за больными, особенно теперь, когда здесь начались дожди с грозowymi тучами. А вот сегодня чудный вечер, небо ясное, только над горами стоят светлые тучи и сквозь эти тучи видно, как вдали сверкает молния. Мы, окончив своё дело, долго любовались таким прекрасным фейерверком на небе.

Нам, двум сестрам, было слишком тяжело дежурить через день и спать только через ночь, тем более что днём приходится перевязывать проезжающих по железной дороге мимо нас раненых. Количество раненых зависит от битв на полях сражений: чем больше и горячее бой, тем больше едет оттуда раненых. Но в настоящее время нашу работу облегчили, призвав нам на помощь из нашего главного отряда, из Ньюкасла, фельдшера, который готовит лекарства и дежурит по ночам

в очередь с нами, так что теперь мы можем спать две ночи и только третью не спать.

В Ньюкасле же, говорят, устроен нашим главным отрядом образцовый госпиталь; в нём заведена идеальная чистота. Но там до сих пор ещё мало больных. Ввиду этого, как носят слухи, правительство республики предлагает и главному нашему отряду переместиться сюда, в Фольксруст, и открыть здесь русский госпиталь на 50 человек. Но нашему отряду жаль покинуть свою столь благоустроенную больницу в Ньюкасле. Надобно сказать, что Ньюкасл находится дальше от Претории часа на три езды по железной дороге, но зато ближе к полю военных действий.

Приходилось здесь видеть госпожу **Изъединову**, приехавшую в русско-голландском отряде. Она работала в военно-санитарном поезде и проезжала мимо нас.

Недавно один голландский и один немецкий отряды возвратились с передового перевязочного пункта, их сёстры привезли своих раненых к нам; потом все они проехали в Преторию.

В настоящее время Фольксруст отстоит от поля сражения вёрст на 200, а то и больше. Конечно, военные действия могут и приблизиться и мы, может быть, с наших высоких гор увидим, как стреляют пушки.

Видела я и африканских змей. В одно воскресенье мы пошли погулять. За нашим домом очень близко горы, и вот тут я увидела двух змей, к счастью, уже убитых. Они толстые, 2–4 дюйма в диаметре, светло-жёлтые, длиной аршина в два, пожалуй, и больше. Но самых больших змей здесь нет. Говорят, что южнее есть большая зелёная змея мамба, живущая на деревьях. Она так ядовита, что от укуса люди умирают через два часа. Зато правительство платит пять фунтов стерлингов за каждую такую убитую змею. Длина её около 20 футов (шесть метров). Доктору **Садовскому** наша хозяйка подарила скелет этой змеи; экземпляр из молодых, и то длина позвонков пять аршин. Рассказывают, что **кафры** эту огромную змею убивают так: варят большой котёл каши, котёл с

Пациенты русско-голландского госпиталя

самой горячей кашей ставят на голову и идут с такой ношей по тому месту, где подозревают присутствие змей. Змея эта всегда бросается укусить голову, а тут вместо головы попадает в горячую кашу и задыхается. А в Свазиланде **кафры** этой змее поклоняются и там строго запрещено её убивать. Каких странных верований нет на свете!

Громадной же африканской птицы – страуса – здесь нет. Говорят, ещё лет 30 назад можно было в этих местах нажать целое состояние на страусиных перьях. А теперь все страусы истреблены. Так люди нерасчётливо поступают; после плачутся, да уж не воротись.

Сестра милосердия²⁷⁷.

Приведём и очередное письмо **фан Леерсума**:

Карл Густавович фон Ренненкампф

Новости о русско-голландском санитарном отряде

Русско-голландский врачебный отряд, снаряжённый на сотню тысяч рублей, пожертвованных русскими людьми находится более месяца в самом центре военных действий. Очень интересные сведения о деятельности отряда заключаются в письме главного доктора **фан Леерсума**, полученном пастором **Гиллотом**. Вот точный перевод этого письма с голландского языка.

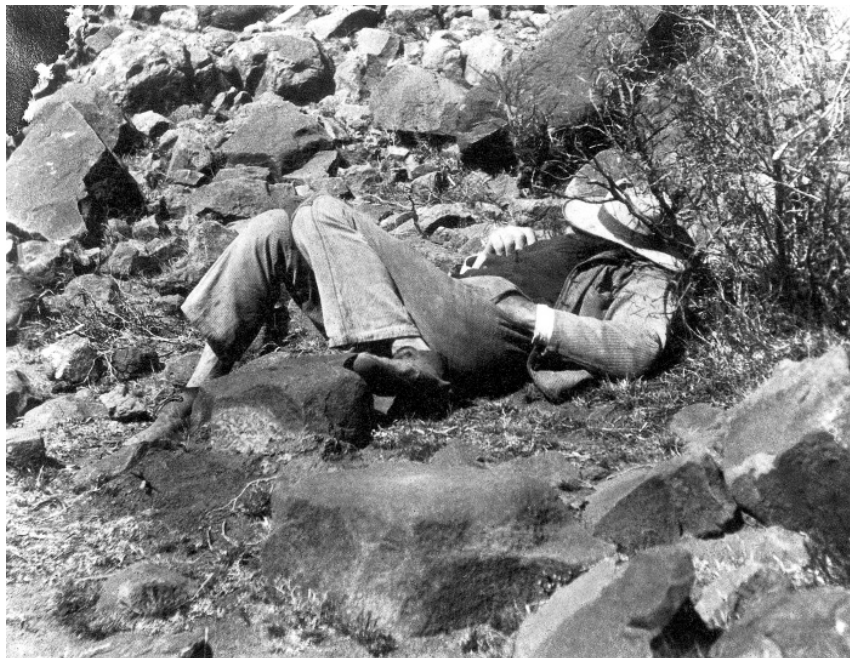
Блумфонтейн, 25 февраля нового стиля.

Наконец-то я могу сообщить вам кое-что о наших планах. Весь наш багаж находится уже на пути к Блумфонтейну, где мне приходилось задержаться некоторое время, запасшись предварительно порядочной долей терпения, столь необходимого в нашем деле. С самого начал февраля португальцы, не знаю под каким предлогом, задерживали наш багаж как раз в то время, когда уже почти нашёл прекрасное место для работы нашему отряду. Приблизительно две недели назад, когда мы всё ещё сидели в Претории в ожидании багажа, пришло извещение с юга Оранжевой Республики от генерала **Деларея**, что он нуждается в помощи. Я немедленно отправился туда и нашёл у Ахтертанга, вблизи Норвальспонта, подходящее место для нас. Вслед за тем я вернулся в Блумфонтейн, ожидая прибытия всего нашего персонала.

В ожидании его я посетил различные власти: президента, комитет Красного Креста и так далее, заказывал для нас лошадей и другие необходимые вещи. Сидя в Блумфонтейне я время от времени получал по телеграфу известия (надо заметить, что здешний телеграф передаёт даром всё касающееся Красного Креста) о наших вещах и о различных членах отряда, которые все, надо отдать им справедливость, всё время наперерыв старались быть полезными – одни в госпиталях, другие перевозили раненых из Наталя и так далее.

Я не поехал назад в Преторию, так как был уверен, что наш администратор, господин **Моон**, сделает и без меня всё возможное, чтобы получить багаж, точно так же, как доктор **К.Г. Ренненкампф** из Петербурга, которому пришлось даже съездить из-за этого в Делагоа-бей. Я полагал, что сам я буду полезнее в Норсальс-понте и Ахтертанге, а потому, распорядившись всем, я покинул гостеприимный Блаумфонтейн и направился снова в пустынный Норвальспонт. Там я завладел несколькими пустыми домами в надежде превратить их в жилища и госпитали. Я тем более должен был оставаться там, что немецкий медицинский отряд собирался, как я узнал, из Спрингфонтейна направиться к передовой линии, вследствие чего мы рисковали бы остаться без работы. В таком напряжённом выжидании я пробыл в этом гнезде, Норвальспонте, несколько скучнейших дней, причём должен был довольствоваться весьма малым. Я спал на голом полу, питался чёрствым хлебом без масла и рад был донельзя, если перепадала на мою долю кой-какая чашка кофе. Я ездил верхом в Ахтертанг, который я наметил для устройства в нём госпиталя. В это время мне невольно пришлось упражняться в верховой езде, от которой я отвык за последние 18 лет.

Ахтертанг оказался совершенно покинутым. Молодцы из Йоханнесбурга и отряд генерала **Деларея** отбросили неприятеля далеко за Ренсбург, возле Наупорта. Но меня ждало большое разочарование. Железнодорожный путь был разрушен и его стали возобновлять. Для этого потребовалось по меньшей мере 15 дней, а потому мне более ничего не оставалось делать, как отправиться по получении багажа из Норвальс-Понта в Ренсбург на волах. Но в это самое время получено было тяжёлое для нас известие о Кимберлее. Я телеграфировал одному из членов Медицинского комитета, не нужна ли наша помощь, а так как мне казалось, что для одного Ренсбурга наши силы слишком велики, тем более что мы узнали о тысячном отряде буров, направлявшемся с южной границы к Кимберлею и Якобсдаалу. В ответ последовала просьба как можно скорее вернуться в Блаумфонтейн, чтобы поговорить с авторитетами.

Раненый бур в ожидании санитаров

Русско-голландский госпиталь в Кронштадте

После этого совещания мы решили наш отряд разделить на части. Для нас всех это было чрезвычайно грустно, в особенности же для меня. Но ещё будучи в Голландии я указывал на возможность подобного разделения, а потому и не встретил ни с какой стороны ни малейшего сопротивления.

Таким образом составились части. Одна с доктором **Ф.Ю. Вебером** во главе, из докторов, **В.А. Кухаренко**, **П. Роймана**, сестёр **Роос**, **Проот**, **Мейснер**, **Якобсон**, **Ежевской** и **Кохен (Коген)**, братьев **Систропа** и **Далдера** и повара. Эта часть отправляется в Петрусбург. Администратор, господин **Моон**, отвезёт их туда и приготовит им там палатки. Они берут с собой: одну палатку на 20 человек, одну – на 10 человек, одну оперативную, одну магазинную, 4 палатки по три человека в каждой, и одну для одного человека. Кроме всего этого они же берут и наибольшую часть материала. О фургонах, волах и **кафра**х заботится правительство. Я сам намерен отправиться с ними же, потому что здесь сильно боятся, что буры будут отбиты вследствие огромного числа неприятельской армии. Последствия этого обстоятельства несомненно отзовутся и на нашем отряде, а потому лучше, если я там буду.

Другая часть отряда отправляется в Норвальспонт, откуда два дня на волах до Ренсбурга. Там будет тише. Так, там есть дома, то есть часть отряда берёт с собой одну палатку на 10 человек и две палатки на три человек каждая. Доктор **Диссель** едет за главного. С ним доктора **К.Г. Ренненкампф** и **Л.В. Борнгаупт**, сестры **С.В. Изъединова**, **Мейер**, **Схермберг** и **Марсевен**.

Две сестры и один доктор остаются в Норвальспонте, потому что через это место войска проезжают по железной дороге, а также и потому, что в отряде, охраняющем мост через Оранжевую реку, много больных. Здесь же я думаю устроить депо и один госпиталь для **кафров**, между которыми так же много больных. Я имел в виду русских и голландских членов нашего отряда смешанно поделить на три части, но всё же посоветовался раньше с доктором **Ф.К. Вебером** и был чрезвычайно обрадован, что и он держится того же мнения.

В Норвальспонте у нас уже целое стадо: 25 волов, 6 мулов, 7 лошадей. Кроме того, два фургона, один воз-палатка и 2 фургона Красного Креста, взятые бурами у англичан.

Сегодня в 6 часов соберётся здесь наш персонал. Завтра нам предстоит много сделать. Надо всё поделить, и тогда работа закипит. Для нас всех это крайне нужно, а то некоторые из нас начинают терять терпение. В Африке же это совсем не годится; терпение здесь никогда терять не следует.

Я боюсь, что в первое время мне не придётся много писать. Да и не всегда можно найти нужное под рукой. В Норвальспонте, например, я после долгих исканий нашёл громадную бутылку с весьма малым количеством чернил, так что самой длинной палочкой я не мог достать их. Я хотел употребить тогда старую жестянку, но прежде чем я привёл мой план в исполнение, все чернила испарились при африканской жаре. Пришлось приспособить для чернильницы коробочку от зубного порошка. Моим столом оказался ящик, моим стулом обломок дерева. Мы ели втроём одной вилкой и одной ложкой, которую мы заняли. Наше меню состояло из сухого картофеля, больших луковиц и кусочка мяса (консерва) – всё в одном котле. Две свечи служили на всех. Моё постельное ложе мало помалу совершенствовалось. Сперва я спал на голом полу, потом на парусном полотне, а позднее – на больничных носилках. Но... на войне, как войне, притом же я всё переносу отлично.

Хорошо, если бы правительство заявило жалобу на задержку нашего багажа Португалией.

Главный врач русско-голландского отряда
фан Леерсум²⁷⁸.

Любопытные заметки о работе недалеко от передовой оставил хирург **Вебер**:

Перед отъездом из Претории наш отряд получил приказ разделиться на два отдела, причём один, меньший, должен был продолжать путь в Norvalspont, в северной части Капской

колонии, другой же должен был двинуться из Bloemfontein'a на запад по направлению к Petrusberg'у, где буры стягивали значительные силы, чтобы выручить **Cronje**, окружённого со всех сторон англичанами, и не дать последним возможности дойти до Bloemfontein'a.

По приезде в Bloemfontein нам предстояла очень тяжёлая работа – разделить наш громадный багаж на 2 части и нагрузить его на повозки с волами. Так как такой раздел совсем не был предусмотрен при организации отряда, который был устроен на один большой полевой лазарет, то пришлось распаковывать почти каждый ящик в отдельности, разбирать всю аптеку и инструментарий. Так как от буров, при их флегматичности и лени, большой помощи ожидать нельзя было, на **кафров** же нельзя было понадеяться, то всем врачам и сестрам милосердия приходилось с утра до вечера работать в поте лица, раскрывать и заколачивать ящики и сортировать вещи.

По прошествии 8 дней я с доктором **Кухаренко** были в состоянии двинуться в путь с 3 большими повозками, взяв с собой всё необходимое для летучего полевого лазарета. К этому времени **Cronje** уже сдался, но ожидалось ещё большое сражение и нас просили очень поспешить. Через двое суток мы в поле встретили президента **Krugera**, который ездил к фронту, чтобы поднять дух у буров, который после сдачи **Cronje**, на которого они полагались, как на каменную гору, были сильно деморализованы. **Kruger** также просил нас торопиться, так как сражение уже началось, и действительно, издали уже доносились раскаты орудийного боя.

Этот раз **Kruger'у**, который пользовался среди буров большим почётом и оказывал на них сильное нравственное влияние, не удалось подбодрить своих сограждан, и лишь только **Kruger** уехал, как началось поголовное паническое бегство. В этом сражении англичане, наученные горьким опытом, изменили свою тактику и, вместо того чтобы штурмовать хорошо укреплённые позиции и траншеи, стали обходить оба фланга. Буры, заметив это движение англичан и видя, что их линии

отступления грозит опасность, совершенно утратили всякое мужество и, не выжидая даже наступления англичан, стали удирать, не имея ещё почти никаких потерь.

Таким образом, наше первое знакомство с боевыми способностями буров было не особенно лестно для последних. Мы со всем своим обозом попали в страшную суматоху, обусловленную паническим бегством буров. К счастью, англичане, лошади которых были сильно утомлены, не могли преследовать их. Так как нельзя было рассчитывать, что буры скоро соберутся с духом, и от нескольких генералов мы слышали, что Bloemfontein не будет защищаться, то мы решили двинуться к северу от Bloemfontein'a на Brandfort, куда после всяких передрыг благополучно приехали через четверо суток.

К этому времени вторая половина нашего отряда, узнав об отступлении всей бурской армии, бросила свой первоначальный план ехать в Narvalspont, так как здесь буры также бросали свои позиции и стягивались на север, и поселилась в Brandfort'e, где им в местной школе удалось устроить небольшой лазарет, куда стали стекаться раненные, бежавшие из-под Petrusberg'a и Abrahamskraal'a.

Из разговоров с некоторыми из бурских генералов, а также со **Stein'om**, президентом Оранжевой Республики, выяснилось, что большинство фриштадских буров отказываются сражаться, так что надо было ожидать, что северная часть Оранжевой Республики, не представлявшая притом никаких хороших позиций, будет отдана без большого сопротивления, главные же сражения будут происходить на границе с Трансваалем, у берегов реки Vaal'я. Вследствие этого было решено, что наш передовой небольшой лазарет будет находиться в Brandfort'e, и только по мере наступления английской армии будет переведён дальше на север, в Cronstadt, основной же госпиталь и наш главный склад будут устроены в Vereeniging, на северном берегу Vaal'я – у железной дороги. Заведование последним было поручено мне. (Так как передовой лазарет должен был быть легкоподвижным, то пришлось в нём оста-

вить только самые необходимые вещи, всё же остальное было отправлено в склад в Vereeniging.)

Перед своим отъездом в Vereeniging я, в сопровождении одного санитара и **кафра**-кучера, в небольшой повозке с аптечкой и необходимым перевязочным материалом ещё раз отправился к фронту, к Modderriver'y, где на половине дороги между Bloemfontein'ом и Brandfort'ом ожидалось большое сражение. Но, уже подъезжая к позициям, я увидел удалявшихся буров и, подъехав к реке, убедился, что позиции брошены без всякого боя, так как англичане ещё и не думали наступать. Несмотря на то что раненых мне почти не пришлось видеть, эта поездка была очень интересна. Вследствие усталости своих лошадей я не был в состоянии угнаться за удалявшимися бурами и был вынужден ночевать у берега реки в заброшенной ферме. Только благодаря счастливой случайности я избежал здесь встречи с английскими патрулями и не попал в плен.

По приезде в Vereeniging снова пришлось взяться за тяжёлую работу, мало удовлетворявшую нас, жаждавших кипучей хирургической деятельности. Пришлось выбрать подходящее место, установить палатки, распаковывать вещи, стерилизовать инструменты и приготовить всё для приёма больных и раненых. По прошествии недели, когда уже лазарет был совершенно готов, стало постепенно выясняться, что англичане, завладев Bloemfontein'ом, не очень спешат двигаться дальше на север. К этому времени буры, побывав в кратковременном отпуску на фермах у своих семейств и снова набравшись храбрости, воспряли духом и решили снова энергично обороняться, заняв довольно хорошие позиции к северу от Brandfort'a. Наш передовой лазарет, переведённый в Кронштадт и получивший здесь в своё распоряжение обширное школьное помещение, находился в сравнительной безопасности и стал задерживать всех больных и раненых. Вследствие этого наш лазарет в Vereeniging потерял свой *raison d'être* (смысл существования), и было не известно, когда настолько изменятся обстоятельства, что придётся очищать лазарет в Кронштаде и переводить больных дальше. Не имея охоты

оставаться главным врачом пустовавшего госпиталя, а с другой стороны – не желая садиться на шею товарищам в Кронштадте, я снёсся с медицинской комиссией и от неё тотчас же получил приглашение отправиться с небольшим отрядом к фронту в Fourteenstreams, небольшое местечко к северу от Kimberley у берега Vaal'я, но очень важное в стратегическом отношении, так как составляло ключ к взятию Mafeking'a.

По дороге в Fourteenstreams мне пришлось четыре дня провести в Christiania, небольшом городке на берегу Vaal'я, отстоявшем от Fourteenstreams на 21 милю, где я должен был запастись лошадьми, повозками, нанять **кафров** и закупить провизию. В Christiania находился госпиталь на 40 кроватей, устроенный местной африканской амбулаторией и долженствовавший служить основным госпиталем для моего передового пункта; благоустройство больницы, однако, заставляло желать очень многого. Старший врач её, доктор **Д.**, шотландец, уже около 15 лет практиковал в Южной Африке; он уже успел позабыть всю научную медицину и практиковал рутинным образом; о требованиях новейшей хирургии он не имел никакого понятия. Он был хороший спортсмен и любил весело пожить, вследствие чего большую часть времени проводил вне больницы, всю же больничную работу предоставлял своим помощникам, которых у него было четыре; из них только один был аптекарь, значит, получил кой-какое медицинское образование, остальные же трое только за последние месяцы успели кой-чему подучиться. Из четырёх сестёр милосердия только одна имела больничную подготовку, остальные же три были бурскими барышнями, которые только на короткое время поступали в больницу и в действительности больше занимались флиртом и ухаживанием за врачами, чем за ранеными и больными. Понятно, что при таком режиме больница не могла находиться на высоте своего назначения и производила очень запущенное грязное впечатление. Отдельных перевязочной и операционной комнат не было, так что все перевязки производились в палате на матрасе, расположенном на полу. Раствор сулемы при этом играл очень важную роль

и всякая рана проспринцевывалась им из насоса под очень сильным давлением; мытьё рук оператора или операционного поля считалось совершенно излишним. Инструментарий был самый ограниченный, хотя доктор **Д.** и уверял меня, что ему пришлось произвести целый ряд довольно сложных операций. Как-то мне при перевязке понадобился пинцет; только после долгих поисков удалось отыскать один в старом завалявшемся кожаном футляре. Несмотря на всё вышесказанное, течение ран было далеко не так скверно, как можно было ожидать. Мне пришлось наблюдать здесь несколько сложных случаев, протекавших замечательно благоприятно. Так, в одном случае имелся сложный перелом черепа в теменной области с повреждением мозга и параличом обеих ног; несмотря на сильное нагноение, рана постепенно очистилась, и больной совершенно поправился. В другом случае имелся огнестрельный оскольчатый перелом верхней части бедра с обширным, но строго локализованным, нагноением; последнее очень медленно уменьшалось и по прошествии 3 месяцев наступила довольно прочная консолидация²⁷⁹.

Правда, что у всех раненых, которые отсылались мною из Fourteenstreams'a с хорошо гранулировавшими или почти зажившими ранами, в этом госпитале раны очень скоро принимали грязноватый оттенок, начинали сильнее гноиться и нередко присоединялась лихорадка. Но это не имело особенно скверного влияния на общее состояние раненых, и они все поправились.

В Christiania мне пришлось познакомиться с доктором **W.**, ирландским врачом, который только что окончил курс в Дублинском университете и, побуждаемый ненавистью против англичан, непосредственно со школьной скамьи отправился на поле сражения. Он заведовал небольшим лазаретом на полпути к Fourteenstreams'у. Это был молодой скромный человек, который не раз просил меня помочь ему при более сложных хирургических случаях. Когда я при этом выразил удивление по поводу его пристрастия к крепким антисептическим жидкостям, он мне совершен-

но откровенно заметил, что он на университетской скамье хотя и слышал об асептическом способе лечения ран, но не верил, что без орошения ран антисептическим раствором можно получить хорошие результаты.

В Fourteenstreams'e, я с двумя сестрами, **Ежевской** и **Изъединовой**, провёл всего 6 недель и имел достаточно случая испытать боевую жизнь и поработать хирургически. После освобождения Kimberley бургские отряды отступили к северу и, перейдя у Fourteenstreams реку Vaal и разрушив железнодорожный мост через неё, они сильно укрепились вдоль северного берега Vaal'я, вырыв здесь целый ряд прекрасных траншей. Позиции англичан тянулись вдоль южного берега реки, так что расстояния между английскими и бургскими позициями местами равнялись 200–300 шагам.

Я свой небольшой полевой лазарет, число кроватей в котором я в крайнем случае мог довести до 12, поместил в небольшом домике, находившемся в 30 шагах от железнодорожной станции; оба эти дома были единственными уцелевшими зданиями во всей окрестности Fourteenstreams'a. Мой лазарет находился недалеко от бургских траншей и позиций, на расстоянии 1500 метров от реки и на 3000 метров от английских пушек, так что я в случае надобности очень быстро мог подать помощь. Под прикрытием Красного Креста я вблизи от англичан чувствовал себя в большей безопасности, так как мог быть уверен, что англичане видят мой Красный Крест.

Скоро, однако, буры переменили положение своих пушек, которые раньше стояли в стороне от нашего госпиталя и переместили их на один километр сзади от него, так что наш лазарет очутился как раз в линии огня, посредине между бургскими и английскими пушками, и артиллерийские снаряды стали перелетать через наши головы.

Так как поблизости других зданий не было, а наши палатки вследствие очень затруднительного транспорта не прибывали, мы принуждены были остаться.

Понятно, что при таких условиях мы в своём госпитале раненых не могли держать слишком долго и после наложения

хорошей повязки их через 3–4 дня пересылали в больницу в Christiania.

Однако после того как станционное здание, находившееся рядом с нашим лазаретом, было разрушено лиддитными снарядами, я убедился, что дольше не могу оставаться в своём лазарете. К счастью, к этому времени прибыли наши палатки и мы могли устроить полевой лазарет в более безопасном месте, в углублении, где нас не могли видеть англичане, позиции которых находились в 6 милях от нас. К несчастью для нас, англичане вздумали поднять воздушный шар, с которого наши палатки были видны как на ладони, и сейчас же стали обстреливать нас. Этот раз снаряды были направлены непосредственно в наш лазарет, так как на таком далеком расстоянии наш небольшой флаг Красного Креста не был виден. Когда гранаты стали разрываться в ближайшем соседстве с нашим лагерем, нам пришлось снова перебираться на 2 мили дальше. На третьем месте уже нам не пришлось пробыть долго, так как англичане успели в одном слабо укрепленном месте перейти через реку Vaal, и буры после непродолжительного боя принуждены были отступить.

Так как время моего пребывания в Африке приходило к концу, то я свой лазарет передал доктору **Romin'y**, врачу нашей амбулатории, а сам отправился через Johannesburg, где осмотрел роскошно устроенную местную больницу, в Преторию. Здесь я перед отъездом в Европу в течение 2-х недель усердно проработал в голландской больнице, в школе для девочек.

Поранения оболочечными пулями

Новейшие снаряды, действие которых главным образом приходилось изучать в последней англо-трансваальской войне, были пули **Lee Metford'a** и **Mauser'a**.

Ружья обеих систем магазинки, причём **Lee Metford** вмещает 10 патронов, **Mauser** же только 6 (5). Стреляют из них бездымным порохом, который, благодаря своему медленно равномерному сгоранию и значительному развитию газа весьма высокого напряжения, которое доходит до 4000 ат-

мосфер, обуславливает весьма значительную первоначальную скорость пули.

Дальнобойность этих ружей значительнее и доходит до 3000 метров, причём линия полёта пули более пряма и менее удаляется от поверхности земли, чем при ружьях старой системы; значит настильность пуль при новейших ружьях увеличена.

Диаметр пуль значительно уменьшен и равняется в пулях **Lee Metford** 7,7 в пулях же **Mauser'a** 7,5 (7) мм; длина пуль увеличена в сравнении со старыми пулями и на конце он постепенно суживаются.

Самым характерным для новейших пуль является снабжение их оболочкой из твёрдого металла, большей частью состоявшего из смеси никеля с медью. Эта оболочка, окружая со всех сторон свинцовую пулю, не делает ей возможность так легко изменять свою форму при ударе о более твёрдые предметы и потому имеет громадное влияние на свойство повреждений, наносимых этими пулями человеческому организму, сделав их значительно более лёгкими. Небезынтересно здесь отметить, что причины, заставившие применять оболочечные пули, не имели нисколько ввиду гуманную сторону их действия, а имели исключительно целью улучшить баллистические способности пуль, так как благодаря оболочке пуля, несмотря на сильное нагревание, не изменяет своей формы и, вдавленная из патрона в дуло, она строго следует внутренним нарезкам дула и получает правильные вращательные движения вокруг своей оси; число оборотов вокруг своей оси в одну секунду равняется от 2475 (**Lee Metford**) до 2660 (**Mauser**). Благодаря таким быстрым правильным вращательным движениям, меткость новейших ружей увеличилась.

Живая сила, то есть та энергия, с которой летящая пуля ударяется об предмет, встречающийся ей на дороге, в данном случае тело человека, при новейших пулях значительно сильнее. Она равняется половине произведения веса пули на скорость её полёта. Последняя при вылете пули из ружья очень значительна, и при дальнейшем полёте она очень медлен-

но уменьшается, так как диаметр пули не велик и благодаря своей правильной конически суживающейся к верхушке форме она представляет очень небольшую поверхность для сопротивления воздуха^{280 281}.

Кратко скажем и о том новом, с чем столкнулась мировая военная медицина во время англо-бурской войны:

Уже с 1888 г. в войсках всех европейских и не европейских государств введено малокалиберное оружие, данных с театра войны о новом оружии ещё не доставало, так как с войн последнего десятилетия, в течение которого пользовались малокалиберным оружием, не было доставлено никаких достоверных сообщений военно-хирургического содержания – ни с чилийской междоусобной войны, ни с войны испано-американской, ни с суданского похода англичан, тогда как во время японско-китайской и греко-турецкой войны это оружие применялось мало.

А как раз наши знания о действии современного ручного огнестрельного оружия основывались до сих пор исключительно на опытах стрельбы в людские трупы и живых животных, то мы должны были с нетерпением ждать известий с войны, которые могли бы опровергнуть или подтвердить эти экспериментальные данные. Мои опыты 1889 г. привели меня к такому выводу, что малокалиберные оболочечные пули, по сравнению с прежними свинцовыми пулями, производят менее разрушительное действие и дают более узкий пулевой ход, как и меньшие входное и выходное отверстия, так что раны, скорее, сохраняют подкожный характер и легко заживляются. Из этого вытекало, что, несмотря на громадное усовершенствование оружия, действие его на человеческое тело не только не сделалось, соответственно, разрушительнее, а напротив, оказалось менее жестоким. В этом смысле я и дал малокалиберному огнестрельному оружию название гуманного, название много раз оспаривав-

шееся и вызывавшее возражения. Основание к этому, мне кажется, лежало в том, что слишком исключительно принимались во внимание лишь огнестрельные раны компактных костей с обширными раздроблениями, тогда как преобладают в количестве невинные ранения мягких частей. Даже широко поставленные по поручению прусского военного министерства опыты **Coler'a** и **Schjerning'a** привели к такому результату, что понятие о гуманной новой пуле должно быть безвозвратно утрачено.

Поэтому в интересах человечества можно радостно приветствовал тот факт, что опыт в настоящую южноафриканскую войну окончательно подтвердил гуманный характер малокалиберной сплошной оболочечной пули. В этом согласны все врачебные сообщения с театра войны, в которых в горячих выражениях высказывается даже радостное изумление неожиданной доброкачественности огнестрельных ран. Так, действие **маузеровской** пули английскими врачами определяется как действительно гуманное, даже в высшей степени гуманное.

Здесь следует напомнить, что буры были вооружены **Маузеровскими** ружьями (калибром в 7 мм) и сплошными оболочечными пулями, англичане – ружьями **Lee-Metford** (калибром в 7,71 мм) и патронами **Muster II** со сплошными медно-никелевыми оболочечными пулями. Только английские дивизии, отплывшие в Южную Африку первыми, были снабжены патронами **Muster IV** и **V**, следовательно, теми названными мной поповерхушечными (Hohlspitzen-Geschossen), жестокое действие которых я доказал опытами стрельбы в человеческие трупы и живую лошадь²⁸².

Большое значение имеют сообщения английских врачей **William Mac Cormac.**, **Watson Cheyne** и **Treves**, работающих в качестве консультантов-хирургов на театре военных действий. Особенно важным свидетелем может считаться **Mac Cormac** (Lancet, Jan. Febr. March 1900), работавший во время француско-немецкой войны 1870–1871 гг. на театре военных действий. Он пишет: прямо поражаешься относи-

тельной невинностью ранений **маузеровскими** пулями по сравнению с тяжёлыми повреждениями, которые мы привыкли видеть при ранениях игольчатыми²⁸³ ружьями с зажигательной шпилькой (Zundnadelgemehren) и (Chassepots). Кто до некоторой степени знаком с последними, тому иные раны **маузеровскими** пулями кажутся почти булавочными уколами... У раненых, которых я видел лишь через несколько часов после ранения, раны обыкновенно представлялись с маленькими входными и выходными отверстиями. Отверстия эти почти все сами собой склеивались и не кровоточили. Удивительно, как быстро заживали раны или закрывались под струпом. Когда я осматривал раненых через 8–10 дней после поранения, они по большей части были уже излечившимися... Действительно, очень большое число раненых вступали снова в ряды, и мне приходилось встречать и таких, которые были ранены второй раз в новом сражении.

В том же смысле высказывается **Treves**²⁸⁴. **Маузеровская** пуля действительно доброкачественна; на расстоянии 1500–2000 ярдов она проникает как игла даже через кости без раздробления. Только на близких расстояниях до 500 ярдов она раздробляет полые кости...

Благодаря такому характеру повреждений **Маузеровскими** пулями ампутации производятся относительно очень редко. Особенный интерес предоставляют наблюдения над ранениями *груди и живота*.

С полным согласием отмечается также благоприятное течение *грудных ран*. Что меня несказанно поражает, пишет **Mac Cormac**, так это многочисленные поранения лёгких, во многих случаях обоих, протекающие часто почти без всяких явлений или только с незначительным кровохарканьем. Также и прогноз *брюшных ран* оказался гораздо благоприятнее, чем принималось до сих пор, когда единственное спасение считали возможным видеть в возможно раннем чревосечении. Высказали же **V. Coler** и **Schjerniug** опасение, что проникающие брюшные раны в будущей войне дадут значитель-

ное количество жертв, может быть, больше, чем прежде, если не удастся некоторым из этих тяжело раненных спасти жизнь возможно скорейшим чревосечением.

Mac Cormac и **Treves** отмечают, именно как в высшей степени замечательное явление, что поразительно большое число *брюшных повреждений* протекало и окончилось изложением без тяжёлых явлений и оперативного вмешательства. Если в единичных исключительных случаях брюшные органы и избежали повреждения, то в других прободение кишки доказывалось отхождением крови с испражнением. Здесь для объяснения благоприятного течения должна быть принята во внимание случайная пустота кишечного канала, как и малая величина прободного отвёрстия в кишечной стенке. Возможно, что последнее быстро закрывается и содержимое кишечника не успевает выделиться. В трёх случаях, в которых **Mac Cormac** видел подобные раны при чревосечении, это оказалось вполне возможным, и так и было.

Эти данные заставили **Mac Cormac** ограничить оперативное вмешательство при брюшных ранах, потому что – то повреждения так тяжёлы, что операция безнадежна, то они таковы, что излечение идёт гладко без всяких последствий для раненого. **Treves**, также на основании этих данных приходит к ограничению чревосечения и находит между многочисленными брюшными ранениями лишь немногие, подлежащие операции.

После того, как я привёл наблюдения английских хирургов, я имею возможность по этому важному вопросу привести и согласные наблюдения моего ассистента доктора **Kultner'a**, который в качестве члена немецкого Красного Креста работает на театре войны. Последний в своём письме из Jakobsdal'я от 22 февраля пишет мне следующее: В настоящее время у нас, естественно, дела полны руки. Госпиталь, несмотря на то, что мы эвакуируем всё что можем, постоянно переполнен, и если бы современные поранения не были так доброкачественны и не требовали бы так мало оперативного вмешательства, я не знаю как бы мы могли поспевать. В настоя-

щее время по ходу войны нам приходится иметь дело более с ранеными англичанами, нежели бурами, и нас радует предупредительное отношение как английской военной администрации, так и самих раненых, в общем приятных и благодарных пациентов. Ввиду большого количества раненых за последнее время через мои руки прошли почти все военно-хирургические случаи, какие только вообще были наблюдаемы. И здесь подтверждается всё, что вы всегда предсказывали, а именно, что *прогноз при современных огнестрельных повреждениях в общем поразительно благоприятный, терапия показана консервативная*. Самыми тяжёлыми и наиболее часто требующими хирургического вмешательства оказываются *черепные и мозговые повреждения*; поразительно доброкачественные *ранения груди*. Хорошо протекают, как мы видели, ранения, при которых пуля проникла в рот или нос и вышла обратно на шею или спине; такие раны заживали, несмотря на повреждения глотки и лёгких. *Даже брюшные раны* лучше, чем я вначале думал. Мы видим здесь значительное их число заживающими при чисто консервативном лечении, и наши наблюдения вполне сходятся с наблюдениями работающих здесь в качестве консультантов английских хирургов **Mac Cormac** и **Watson Cheyne**, а именно, что раненные в живот выздоравливают, когда их оставляют в покое, и умирают, когда их оперируют. Во всяком случае, возможное выздоровление без чревосечения, чем излечение первичным чревосечением, и надо самому здесь быть, чтобы иметь право сказать, что безусловно невозможно даже при таком количестве раненых производить чревосечения в случаях повреждений живота. Ни разу не пришлось нам, впрочем, видеть раненых *с повреждением печени*; по-видимому, они все умирают на поле битвы. *Повреждения почек чаще и доброкачественнее*. Интересно произведённое нами вскрытие умершего на поле сражения вследствие кровотечения из повреждённой печени; кишки выпали через рану брюшной стенки, но ни одна из них не была повреждена, находка, имеющая на наш взгляд принципиальное значение и подтверждающая наши клини-

ческие наблюдения. *Повреждения больших сосудов* мы видели часто; раненые, обыкновенно, очень обескровлены, но в конце концов кровотечение, обыкновенно, останавливается, по крайней мере, при маленьких кожных ранках, и нередко дело доходит до образования аневризмы. *Повреждения нервов* мы видим часто; часть их остаётся стационарной, другая вполне или отчасти восстанавливается. *Повреждения мягких частей и переломы* чрезвычайно часты; мы видим также большие выходные отвёрстия при близких выстрелах, проникающих через эпифизы и суставы, причём, обыкновенно, тяжёлым раздроблением очень отягчается предсказание при таких переломах. Ранения с дальних расстояний, проникающие через эпифизы и суставы, необыкновенно доброкачественны и излечиваются почти всегда очень легко. Проникающие ранения диафизов²⁸⁵ с дальних расстояний, когда кожное отверстие мало, редко инфицируется, заживают же, когда велико раздробление, медленно и ведут часто к образованию ложных суставов. Если раздробление умеренно, заживление протекает гладко. Ранения же на близких расстояниях с большими выходными отвёрстиями, которые, впрочем, никогда не превышают пятамарковой монеты, очень предрасположены к инфекции.

В позднейшем письме из Jakobsdal'я от 3 марта, D-r **Kutter** пишет: мы приняли раненых из лагеря **Кронье** у реки Моддер и тяжелораненых удержали в госпитале. Что они до сих пор вынесли, не поддается никакому описанию. Врачебной помощи не было. Бедные раненые в течение 10 дней лежали в кустах у реки Моддер с табачными листьями на ранах, и некоторые из них, вдобавок, были убиты гранатами или вторично ранены. В то время как у раненых, которые вскоре попадали в наши руки (после битвы при Jakobsdal, реки Biet, Klippdrecht и первого сражения при Paardeberg'e) мы достигли очень благоприятных результатов и потеряли лишь очень немногих, с ранеными из лагеря **Кронье** дело обстояло как с теми, которых мы получили после битвы у Magersfontein: почти все раны были более или менее инфицированы. Тогда как до сих пор

наше вмешательство требовалось лишь редко, теперь мы ежедневно оперировали многие раны, должны были ампутировать, чего до сих пор не требовалось, и имели много смертельных исходов от *sepsis* и один также от столбняка.

Л.А.²⁸⁶.

Сестра милосердия **Софья Изъединова** отнюдь не относилась к местному чёрному населению столь высокомерно, как буры, тем не менее открыто излагала своё мнение о превосходстве белых, но при этом, работая с частью отряда в Кронштадте, делала любопытные наблюдения о представителях различных чёрных народов:

Аристократами между **кафрами** (буры) признают **зулу**. Они одни не только храбры, но они одни, по мнению буров, обладают чувством чести. Бур тщательно избегает ударить **зулу**. **Бечуан** или **базут** забывает удар за лакомством или другим подарком, телесное наказание ему полезно; **зулу** – совсем иное дело – его надо брать за самолюбие; ударивший же **зулу** бывает убит. **Зулу**, по их мнению, можно доверить золотые горы – раз он дал слово их хранить, они будут целы.

Почти все (**кафры**) оказывались отзывчивы на хорошее ласковое отношение.

Недоверчивый и вспыльчивый **Джим** (слуга **Изъединовой**. – *Прим. авт.-сост.*) сначала нелегко подчинялся приказаниям, думая, как он объяснял мне впоследствии в минуту откровенности, что я буду бранчива, несправедлива и бестолкова, как почти все миссис. (Миссис – испорченное английское «госпожа» – обыкновенное обращение **кафра** к белой женщине.). Потом он, вероятно, пришёл к более лестной оценке моих нравственных качеств, так как положительно работал на меня не по принуждению, а с усердием, часто трогавшим меня. Иногда прямо вырывая из рук тяжёлую работу и очень негодуя, когда его брали на другую работу, оставляя меня без его помощи.

Читая выходку **Вильбоа** о неспособности **кафра** даже огонь развести без предварительной порки²⁸⁷, я тотчас вспомнила **Джима**. Благодаря ему я каждое утро имела лишних 1/2 часа на сон, так как была уверена, что, придя на кухню, я найду плиту растопленной, воду наношенной и кипящей, так что мне остаётся только заварить чай и кофе. Когда я, оставляя Кронстадт, сдавала хозяйство, **Джим** рвал и метал, швырял всё в кухне и громко сообщал своим товарищам, что ему хочется сбежать и что он смотреть не желает на другую big missis (главную хозяйку).

И этой преданности в такое короткое время и после значительных затруднений первых дней я добилась не потворством, а настойчивостью во всех справедливых требованиях и человеческим обращением в том, что при его постоянной работе на кухне считала ненужным держать его на специальной **кафритянской** порции milies (каша из кукурузы) и не бросала ему одни объедки, а давала на тарелке горячий остаток кушанья или уделяла кусок сыру, свежего хлеба или другой еды белых людей в чистом и приличном виде. Первым **Джим** никогда ничего не просил и не кланчил, как другие **кафры**, и вообще, последующий опыт убедил меня, что на понимание оттенков обращения с точки зрения личного достоинства, за редкими исключениями, способны действительно только **зулу**²⁸⁸.

О туземном населении и о местных нравах по отношению к чёрным она отзывалась так:

Бур никогда не посмотрит на **кафра**, хотя бы самого доверенного, как на существо, равное себе, да в этом он и прав, так как культурная наследственность, несомненно, сделала то, что где у белого преобладают идеи и нравственные начала, **кафр** действует на основании инстинктов и привитых воспитанием хороших или дурных привычек, и остаётся ещё доказать, что чернокожая раса вообще способна к усвоению высших культурных начал. Должна сознаться, что я лично в этом сомневаюсь, хотя и не смотрю на **кафров**, как на со-

вершенно неразумных и неспособных существ. Бур требует от него (**кафра**) строго подчинения известным введенным им порядкам, необходимым для безопасности самой возможности существования белого населения...

Пришлый белый элемент колеблется между бессмысленным незнанием в них человеческих свойств... или же почти одинаково неразумным нежничанием, имеющим в результате, что **кафр**, не боясь узды... становится прямо нагл и не исполняет своих прямых, вполне доступных его пониманию и хорошо оплачиваемых обязанностей²⁸⁹.

Тем не менее русско-голландский отряд благожелательно относился ко всем слоям населения африканских республик:

Чем русский отряд выгодно отличался от всех остальных, бывших в Трансваале санитарных отрядов, это – своим гуманным отношением к больным из **кафров**, которых врачи впервые ставили в одинаковые условия с белыми, хотя по необходимости подчиняясь местным предрассудкам, отводили им особое помещение²⁹⁰.

Работая недалеко от фронта, зачастую под артиллерийским обстрелом, она едко заметила об одном из коллег-голландцев:

Трусливый **Фан Дер Говен**, ленивые, но не трусливые **кафры**²⁹¹.

Руководитель русско-голландского санитарного отряда довольно предвзято относился к русской части отряда:

Особенно во время нашего пребывания в Блумфонтейне меня не раз возмущало отношение **фан Леерсума** не только к подчинённому ему русскому персоналу, но его пренебрежи-

тельное отношение к русскому имени вообще и доходившие до меня в достоверной передаче его отзывы в этом духе местным властям и начальникам²⁹².

Сестра милосердия особо отмечала в своих записках полную нераспорядительность и несоответствие занимаемой должности начальника отряда голландского врача **фан Леерсума**:

Мы, между тем, устраивались в безопасном Кронштадте. Но так как наша укладка была рассчитана только на передовой лазарет в максимум 10 кроватей, здесь же стали быстро сосредотачиваться больные с разных пунктов боевой линии, то первое время, пока не был вытребован добавочный багаж из основного склада, остановившегося, как я уже говорила, в Ференингене, наше дело было далеко не лёгкое. Специально моя роль хозяйки в этих условиях и при установившихся неудовлетворительных отношениях с начальником отряда часто очень меня тяготила, и если я первая от неё не отказалась, то единственно из желания показать, что русские сёстры из личных счётов не бросят тяжёлого дела и в случае нужды перенесут всякую тяжёлую чёрную работу, даже несправедливо и не деликатно налагаемую. В этом мне оказывала полное и усердное содействие моя милая помощница сестра **Мейснер**.

Наша укладка, как уже сказано, была рассчитана на 10 кроватей. Здесь же нам с первых дней положили 20 больных, устроить которых сколько-нибудь сносно удалось только благодаря кроватям и матрацам, присланным нам из комиссариата. Да и впоследствии, несмотря на присылки из склада в Ференингене, ощущался постоянный недостаток как в кроватях, так и в белье, так как снабжение нашего отряда было рассчитано на 40 кроватей, здесь же число больных возросло сначала до 60, потом до 80 и, наконец, подошло к сотне. К счастью, комиссар проявлял по отношению к нам полную любезность и затруднения этого рода всегда удавалось устранить.

При этой полной предупредительности комиссариата в таком крупном правительственном центре, какой представлял тогда Кронштадт, меня до сих пор ещё не перестает удивлять странная нераспорядительность, проявленная доктором **Леерсумом** в пользовании этой предупредительностью. Эта нераспорядительность особенно тяжело отражалась на вопросах продовольственных, все неудобства которых ложились главным образом на меня. Накормить соответствующим образом 60–100 человек больных – хирургических, тифозных, малярийных, то есть требующих различных, более или менее строгий режим – в лучшем случае, дело не лёгкое. Когда же, как это постоянно было здесь, половина необходимых предметов отсутствует и, прежде чем варить пищу, сплошь да рядом приходится искать топливо, рубить сухие сучья или старые ящики, носить воду, бегать разыскивать и покупать молоко – всё это со страхом не успеть вовремя и оставить больных без необходимого, – то чувство ответственности превращается прямо в пытку.

Такие условия работы, при которых всё нужное приходится кое-как запасать и устраивать самому, нельзя назвать нормальными даже для небольшого полевого пункта; в таком же лазарете, как центральный Кронштадтский, они могут быть только результатом полного беспорядка в администрации, исправить который для подчинённых дело мудрёное и почти невозможное.

Так, здесь ко мне предъявлялось требование накормить более ста человек больных и здоровых 6 раз в день, в следующем порядке: в 6.1/2 часов кофе для персонала и больным посылается запас чаю, кофе, кипячёного молока. В 9 часов завтрак: персоналу и здоровым больным (то есть неопасным хирургическим случаям, поправляющимся и малярийным) порридж (овсяная каша), мясо или мясные консервы и разнообразные бутерброды с чаем; слабым же и тифозным – протёртую кашу или кисель. В 11 часов слабым больным бульон или молоко с яйцом. В 12.1/2 обед больным из трёх блюд и чая, или двух блюд, бутербродов с вареньем и чая; для слабых же

опять, смотря по указанию, бульон, яйца, протёртый кисель. В 1.1/2 такой же обед для персонала. В 4 – шоколад и чай для всех – персонала и больных. В 7 часов для всех ужин из двух блюд и чая и затем заготовка на ночь кофе, чаю, молока.

Если хотя бы приблизительно представить себе время, потребное на приготовление всего этого удовлетворительным образом, – хотя бы самые простые блюда, – мытьё и чистку посуды как кухонной, так и столовой, то станет ясно, что это одно представляет более чем достаточную работу для двух женщин, так как данный нам в помощь **кафр**, способный, конечно только на самую грубую работу, далеко не всегда оставался в нашем распоряжении и при малейшей нехватке рук в другом месте (например, при нагрузке или получении клади, где всегда было возможно получить добавочные руки через комиссариат) без церемоний отбирался по распоряжению начальника отряда.

А на нас, кроме того, лежала ещё чистка и уборка всего помещения, кроме больничного и, по возможности, уборка белья на всё это количество больных и здоровых. Легко понять, что действительное исполнение всего этого было прямо физически невозможно, и приходилось из всего действительно нужного выбирать только самое существенное, чтобы, по крайней мере, не заставлять никого голодать. Но даже в приготовлении пищи встречалась масса затруднений, о которых в обыкновенных условиях не имеешь и понятия. Так, приступая к приготовлению какого-либо мясного блюда из амбулаторного запаса консервов, надо было прежде всего отыскать соответствующий ящик в отведённом для этого совершенно неподходящем углу, где они были навалены горами, в которых, при недостатке места, и разобраться-то было очень затруднительно. Следовательно, прежде всего, таскание на себе тяжёлых ящиков. Затем, когда нужный нам ящик был, наконец, найден и извлечён, вскрытие его топором. Когда это всё было сделано, оставалось уж только вскрыть жестянки с консервами и разогреть их содержимое. Но надо представить себе коли-

чество жестянок, необходимых, чтобы накормить, хотя бы два раза в день, 100 человек, не считая уж масла, варенья, закусок и тому подобных менее существенных вещей.

Средним числом – сутки приходилось вскрывать до 100 жестянок и вскрывать спешно, так как у нас положительно каждая минута была на счету, настолько, что, например, порезав себе руку, как это часто бывало второпях, не было возможности дать крови остановиться, а приходилось продолжать начатое дело, кое-как обмотав порез и движением, конечно, усиливая кровотечение, так что я положительно несколько раз накормила своих клиентов собственной кровью.

Должна вспомнить с благодарностью частую помощь в деле вскрывания жестянок и ящиков как голландских санитаров, так **фан Лира**, особенно же милого доктора **Ренненкампа**, без поддержки и деятельной помощи которого мы, русские сёстры, кажется не были бы в состоянии вынести эту полосу непосильной работы и связанных с нею неприятностей.

Многого он не мог сделать, настоять на изменении всего неправильного положения было ему невозможно, так как даже его несомненные заслуги в общем ведении дела не избавляли его от неделикатных выходов и замечаний начальника отряда, по моему мнению, недовольного именно этим его умением вести дело в затруднительных случаях, и ему самому уже тогда надо было много терпения и выдержки, чтобы не обострять окончательно явно портившиеся отношения; но без его совета и помощи в постоянных мелких затруднениях мы, повторяю, не могли бы вовсе справиться с наваленным на нас делом и полагаю, что мои товарки, как и я, вынесли к нему из этого периода совместной работы чувство глубочайшего уважения и благодарности.

Он сам, несмотря на схваченный им в это время припадок малярии и свою непрерывную работу единственного врача-терапевта, в редкие свободные минуты всячески помогал нам в самых разнообразных мелочах: вскрывал ящики и жестянки и даже натягивал верёвки для белья. Кроме

того, доктор **Ренненкампф** (так как сам доктор **фан Леерсум**, другой терапевт отряда, был слишком занят представительством, разъездами, фотографированием окрестных видов и даже рыбной ловлей, чтобы делать больше, чем изрекать большим милостивые слова, в лечении же принимал участие крайне редко) взял на себя заботу о больных **кафрах**, по местному обычаю не помещённых в больницу (чего наши врачи-голландцы, управлявшие делом, не допустили бы), а при общем недостатке в кроватях и тому подобных приспособлениях, брошенных в палатке в довольно неприглядных условиях. Доктор **Ренненкампф** сделал удовольствие поручить мне выполнение его предписаний при его чернокожих пациентах и вместе нам удалось создать им несколько более человеческую обстановку: он выхлопотал одеяла, я набила чем попало импровизированные подушки и уделила необходимую посуду.

И вообще, я могу только с искренней симпатией вспоминать всех трёх голландских санитаров, вполне понимавших и ценивших наш труд, по возможности его облегчавших, и, как мне приходилось слышать, неоднократно воевавших со своими соотечественницами и обвинявшими их, что они гуляют в белых передничках и не стараются помочь русским сестрам, которые, по их выражению, *verken daag und nacht* (работают день и ночь).

Очень польщённая таким определением работы русских сестёр я должна, однако, оговорить, что и голландские наши товарищи относились вполне добросовестно к исполнению возложенных на них обязанностей, и если самые эти обязанности – по разным отраслям собственного ухода – были и симпатичнее и, по всей постановке дела, физически менее тяжёлы, чем хозяйство в описанных выше условиях, то главная вина тут опять-таки падает на старших – начальника отряда.

Зато могу только с особенным удовольствием вспомнить как совместную работу, так и личные отношения с находившимися в это время в Кронстаде русскими сестрами. Мне уже случалось упоминать о моей постоянной милой и усердной помощнице **Гильде Мейснер**, назначенной на это место

ещё в Брандфорте. Вследствие недостатка рук у нас в Кронстадте и отсутствия работы у другого отделения, оттуда были переведены теперь ещё две сестры – **Йоганна Мейер** и **Амалия Якобсен**. Сестра **Мейер** несколько времени также помогала мне в хозяйстве, но, по характеру менее способная на такую трёпку, слишком утомлявшаяся физически и нервами, была потом переведена на дежурство в госпиталь.

Сестра **Якобсен**, энергичная, страстно увлекавшаяся делом буров, умевшая понять своих больных и сойтись с ними, опытная и прекрасная работница, сначала была приставлена помогать голландской сестре **Коган** в терапевтическом отделении; но скоро, по настоянию доктора **Ренненкампа**, получила в самостоятельное заведование самую тяжёлую часть этого отделения. Находясь почти бессменно одна при палате в 30–40 человек, преимущественно тифозных, она ещё находила время (урывая от сна после ночных дежурств) прибегать к нам на кухню, помогать в наших затруднениях. Зато и мы, по возможности, облегчали её работу, снабжая её всем зависевшим от нас, а в случае нужды временно сменяя её. Эти истинно товарищеские отношения с хорошим человеком и прекрасной сестрой остались для меня светлым воспоминанием в тяжёлой кронштадтской полосе.

Главной и почти единственной причиной всех наших заключений было, повторяю, неправильное отношение начальника отряда, а отчасти просто его неумение взяться за дело. Кто поверит, например, что имея с первых же дней 20 человек больных и персонал в 15 человек, он в течение целой недели не мог добиться очищения назначенной нам комиссаром кухни, хозяйка которой не торопилась перебираться в меньшее и менее удобное помещение. Наконец, я взяла на себя пойти к ней и разъяснить, что, не исполняя требований комиссариата, она ставит меня в невозможность надлежащим образом заботиться о её больных соотечественниках, и мне придётся, к величайшему своему сожалению, обратиться к местным властям за содействием²⁹³.

Сестра милосердия в дальнейшем написала, что когда она переехала на другой место работы, поближе к фронту, в местечко Фотинстримз, то новой экономке, кроме сестёр милосердия, понадобилась помощь 12 **кафров** в качестве помощников, чтобы справиться с огромным объёмом работы. В своих воспоминаниях она отмечала и отношение буров к деятельности российских медиков во время наступления английских войск:

Единственным отрадным явлением в это тяжёлое время были для нас те симпатии и уважение, которыми мы, русские, теперь очевидно пользовались у местного населения. Мне уже случалось говорить, что в начале нашего пребывания в Трансваале мы все, а главным образом официальные лица, прибывшие из России, встретили особенно сочувственный и внимательный приём. Потом это отношение одно время значительно переменялось, вследствие бестактного образа действий некоторых из этих официальных лиц и также немногих русских, типа описанного выше **Ганецкого**. Был момент, где мне с болью и досадой приходилось слышать, что русские не храбры – обе амбулации избегают опасных положений, приехавшие же офицеры только разъезжают на счёт правительства и хвастают, дела же не делают. Тем отраднее мне было особенно благодарное и симпатичное отношение к русским, сразу замеченное мною после моего возвращения из Фортинстримса в Преторию. Созданию этого нового отношения способствовала как храбрость, выказанная лучшими из русских добровольцев, так и старательная работа русского санитарного персонала, особенно же – самоотверженная деятельность у фронта докторов **Давыдова**, **Гольбека** и **Эберггардта** в Натале, **Вебера** и **фон Ренненкампа** на южном и западном фронте. Наша фотинстримская амбулация приобрела даже некоторую известность. Это, должно быть, прежде всего поставлено в заслугу доктору **Веберу**, всецело организовавшему дело в этой местности. С не меньшим уважением го-

ворили уже тогда о личной храбрости доктора **Ренненкампа** в день недавнего боя при Тубаконе. Нераздельно с этим сражением было, конечно, имя героя этого дня – **Максимова**²⁹⁴.

Приведём одно из многих газетных сообщений о пожертвованиях на медицинскую помощь бурам:

На Красный Крест у буров

Поступило в главную контору газеты «Новое Время» пожертвований в пользу Красного Креста у буров.

От **О.В. Литвиновой** – 1 рубль; через священника **Л.** – 25 рублей; неизвестный – 3 рубля; **В.И. Кирсанова** – 2 рубля 50 копеек; неизвестный – 1 рубль; **Н.Ч.** – 5 рублей; кружка сочувствующих – 5 рублей; чиновников Новогрудского уездного по воинской повинности присутствия – 6 рублей; **А.И.** – 2 рубля; ардатовских винтеров – 12 рублей; **Кати Карцовой** – 5 рублей, чинов омской почтово-телеграфной конторы – 19 рублей 10 копеек; **Леонтьева** – 1 рубль; полковника **Артамонова** – 10 рублей, полковника **Дзичканеца** – 3 рубля, поручика **Алфёрова** – 1 рубль; **Е.** – 1 рубль; **Маруси** и **Вари** – 2 рубля, проигравшему в английском клубе на бильярде – 5 рублей, сочувствующие бурам из слободы Кутейниковой области Войска донского – 11 рублей; из города Рыбинска, через инженера **Деминева** – 16 рублей; **А.Н. Складевича** – 22 рубля; **В.Н. Поливанова** – 5 рублей; **Е. Хр. Снарской** – 15 рублей; с Гагаринской набережной – 3 рубля 90 копеек, разных лиц из редакции «Приамурских ведомостей» – 100 рублей 50 копеек; **Алекс. Георг. Курлина** – 5 рублей; винтеров – 21 рублей; морских офицеров, собравшихся 23 ноября 1899 г. – 37 рублей 85 копеек; с Петербургской стороны – 3 рубля 60 копеек; **Матрешки** – 5 рублей; неизвестный – 5 рублей; разных лиц, собранных **Давид Алекс. Хораджаевым** в Мариуполе – 294 рубля 80 копеек; сослуживцев в акцизном управлении 4 округа Курской губернии – 11 рублей; **Вас. Фед. Мезенцева** – 10 рублей; **Лиды, Володи** и **Ники** из Порт-Артура – 35 рублей; разных лиц из города Златоуста – 40 рублей 16 копеек; разных лиц из

Петропавловска – 4 рубля; неизвестных – 12 рублей; **В.Б.** и **Г.** – 1 рубль, гражданских инженеров – 83 рубля.

Всего 846 рублей 93 копейки, а с прежде поступившими 26 284 рубля 2 копейки, которые отправлены пастору **Гиллоту**²⁹⁵.

Но вернёмся к письмам врача **Владимира Кухаренко**:

На полях битв

От нашего специального корреспондента

XV. Смута в Брандфорте.

Веренигин, 21 марта

(дано в сокращении)

После долгих скитаний удалось нам остановиться в Брандфорте. Это маленькое местечко у Блумфонтейнской железнодорожной линии, одна улица с небольшими домиками из волнистой жести... Много зелени, при каждом доме небольшой садик; это роскошь здесь, в Африке. Мы остановились в одной из гостиниц и ревностно принялись подыскивать помещения для госпиталя.

Самым подходящим зданием оказалась школа, брандфортский комиссариат разрешил нам воспользоваться ею, к великой радости местной учащейся молодёжи, выгадавшей таким образом, несколько свободных дней... К вечеру всё было в порядке, две большие комнаты школы превратились в госпиталь; в одной, большой – палата больных на 12 кроватей, в другой, поменьше, устроили операционную. В этот же день получили мы первых больных – четырёх буров с огнестрельными ранами с берегов Моддера; их сейчас же перевязали и уложили в постели. Было решено, что останется здесь половина отряда, а именно голландские врачи с пятью сестрами. Остальные должны были устроить главный госпиталь севернее, у границы Трансвааля.

...В 5 часов вечера (13 марта) в город прискакали человек 15 всадников, все – французские добровольцы, и сообщили, что неприятель в 4 верстах от города. Сильное волнение охва-

тило город... Жители поспешно стали укладывать вещи и собираться на вокзал: здесь стояло уже наготове несколько поездов. Ввиду такого положения дел вторая часть нашего отряда должна была также покинуть Брандфорт, чтобы не быть обречённой на бездействие, попав в руки англичан.

В этот же вечер мы и уехали – двое врачей и пять сестёр милосердия; давка на вокзале была ужасная. Всем не было места, не попавшие в поезда с завистью смотрели на более счастливых.

Поздно ночью тронулись мы в путь. Поезда шли один за другим. К утру мы прибыли в Смальдель. Перед самой станцией нам пришлось наблюдать интересное явление: громадная туча саранчи неслась нам навстречу; поезд попал в самую середину; целые полчаса были мы в этой туче. Локомотив должен был остановиться, колёса не имели достаточно трения; беззвучно вертелись они в одном месте, в кучах севшей саранчи. Пришлось лопатами расчищать путь. Неприятное ощущение быть в такой саранче!

В последнее время она чаще обыкновенного появляется в стороне и суеверные буры видят в этом дурное предзнаменование...

В Веренингенге (Ференингенге) мы устраиваем госпиталь, выбрали хорошее место, у самой реки Вааль, близ железнодорожной линии. Местность здесь здоровая, единственный недостаток, это – плохая вода; все пьют дождевую, речная и колодезная невозможна, – мутна, грязна, с большой примесью известковых солей. На лугу разбили мы четыре большие палатки... Над нами развеваются три флага, большой – Красного Креста и два других. Поменьше, – русский и голландский. Каждый поезд привозит нам больных буров; сейчас лежит их у нас 12, больше тифозные тяжёлые случаи. Амбулаторных приходящих больных у нас множество, – не проходит часа, чтобы не явилось несколько таких пациентов. Буры вообще охотнее обращаются к европейским врачам, нежели к местным, причём, конечно, материальная сторона играет большую роль.

Русско-голландский госпиталь. Слева – Кухаренко

Веренигинг важный стратегический пункт; здесь трансваальцы будут отчаянно бороться против неприятеля, ибо если англичанам удастся и здесь прорваться, Трансвааль потерян. Высокие холмы близ реки дают бурам возможность занять хорошие позиции. Дела у нас будет здесь много²⁹⁶.

О тогдашней деятельности русско-голландского отряда отечественные газеты сообщали следующее:

Последние известия о русско-голландском санитарном отряде таковы: занятие Блумфонтейна англичанами должно было изменить первоначальное расположение отдельных частей русско-голландского санитарного отряда (в Брандфорте, Катдорнспруите и Поплас-Грове)... Русско-голландский врачебный отряд передвинулся из Брандфорта в Кронштадт. В помещении тамошнего училища устроен госпиталь

на 106 кроватей. Потребность в помещении очень значительна. К счастью, теперь она вполне удовлетворена. Часть отряда с доктором **Вебером** во главе находится в Веренингенге (Vareniging). Через несколько дней летучий отряд начнёт работу также на железной дороге из Кронштадта в Смадель (Smaadeel)²⁹⁷.

Начальник отряда подробно описывал его деятельность:

Новости о русско-голландском санитарном отряде

Пастором **Гиллотом** получено обстоятельное письмо от главного доктора **фан-Леерсума** о передвижениях и деятельности русско-голландского отряда, вызванных занятием Блумфонтейна англичанами.

Кронштадт, 21 марта

Моё последнее письмо было из Блумфонтейна. Говоря о предстоящей нам работе, я тогда уже писал, что многое складывается для нас совсем иначе, чем мы себе представляли. В тот самый день, когда я отправил моё письмо, слова мои подтвердились, только что я проникся сознанием того, что, наконец-то, мы спокойно будем сидеть и работать в одном пункте, как пришли к нам дурные вести, и я поспешил уведомить наши отделившиеся два отряда (доктора **Вебер** и **Кухаренко** в одном, доктора **Борнгаупт** и **Диссель** в другом) о том, чтобы они немедленно возвратились назад в Трандфорт, где я оставался, чтобы организовать третий отряд вместе с доктором **Ренненкампом** и двумя сестрами, по указанию президента **Стейна**, считавшего Брандфорт безопасным для нашего госпиталя местом.

В ожидании прибытия моих коллег с двух разных сторон, мы принялись за устройство маленького госпиталя, в одном из зданий школы, на 7 кроватей. Сёстры и врачи поселились в доме, стоящем напротив школы и нанятом для нас военным комиссариатом.

В Оранжевой Республике нельзя действовать так определённо, как о Трансваале. Там каждый приказывает (commandirt), заказывает через правительство и получает нужное; здесь же без посредничества комиссаров всякий берёт, что ему нужно (tilt op, то есть поднимает). Здесь же поднимают или захватывают: лошадей, палатки, дома, гостиницы, сёдла, консервы, и собственник различных вещей зачастую чувствует себя странным образом налегке, вследствие отбирания у него принадлежавшего ему имущества.

Вскоре мы стали получать пациентов. Первым был голландец из Йоханнесбургской полиции, упавший во время сражения с лошади и сломавший себе руку. Будучи недоволен плохим лечением в блумфонтейнском госпитале, а также предвидя, что англичане скоро займут город, он прискакал к нам верхом. Затем появился второй пациент, с простреленным лёгким, третий – тифозный. Я видел ясно, что мы не останемся здесь, потому что буры стали стягивать свои силы назад от реки Моддера, намереваясь отдать Оранжевую Республику врагу.

В это время вернулись наши обе колонны. Сообща порешили мы отправиться на север и основаться в Кронштадте или, если нужно будет, на границе Трансвааля, устроив там большой госпиталь. С этой целью я оправил вперёд докторов **Вебера** и **Кухаренко**, администратора и пять сестёр по железной дороге на север. Я просил об экстренном для них поезде, но отряд войска захватил наш поезд, или, поднял его (opgetilt). Администратор оставил волов в количестве 47 штук и уехал с вещами. Сперва я думал ехать с ними. Но взвесив то обстоятельство, что в Брандфорте останется вторая половина всех наших сил (доктора: **Диссель**, **Борнгаупт**, **Ренненкампф**, сёстры: **Схермбек**, **Изъединова**, **Марсевен**, **Мейснер** и **Коген**), что им грозит опасность попасть в руки англичан, я остался с ними. Мы устроились по возможности удобнее, и сестра **Изъединова** взяла на себя ведение хозяйства.

Буры продолжали отступать всё более назад и, таким образом, Брандфорт вскоре оказался между двумя воюющими

ми сторонами, что для госпиталя не представляет большого удобства. Только страстное желание работать в самом огне, при том же как раз в то время, когда другие медицинские отряды как-то затерялись среди англичан, заставляло нас оставаться в Брандфорте до последней минуты. Но вскоре мы очутились перед линией сражения, что уже безусловно стало опасным для госпиталя.

Посоветовавшись с генералом **Деветом** и другими, мы решили начать медленно отходить к северу, оставляя всё время вблизи буров. Доктор **Вебер**, отправившийся с повозкой в самый огонь сражения, вернулся спешно обратно, не привезя ни одного раненого. У него только хватило времени, чтобы не попасть в руки англичан. Доктору также не повезло с раненым. Он пробрался далеко вперёд, но должен был вернуться вместе с отступающими бурами²⁹⁸.

Буквально в следующем номере газеты последовало продолжение письма **фан Леерсума**:

Мы многим обязаны доктору **Ренненкампу**. Он всегда всё знает и мы все даже склонны вследствие этого слишком многого от него требовать. Я уже писал в прошлом письме, как он добыл наши вещи из Лоренсу-Маркеша. Теперь он изучил все ходы и выходы дорожной неурядицы, знаком со всеми начальниками, знает всех, все новости, и готов всякому помочь в любую минуту. Правда, я не могу достаточно нахвалиться и другими членами нашего отряда. Все работают радостно и усердно, как простые мужики и гораздо больше **кафров**, исполняя зачастую самые грязные работы без единой жалобы. Понятно, что такая совместная работа только улучшает наши взаимные отношения. Я всегда во всём прежде всего советуюсь с моим персоналом, решая сообщая всё, что предпринимается.

Не имея ни малейшего желания попасть в плен, мы решили снова разрушить наши палатки. Очень было горько к этому приступить, так как мы уже чувствовали себя в Бранд-

форте, как дома. Но это было неизбежно. Мы запрягли в два больших фургона 28 волов, по 14 волов в каждый, а в один меньший, на шесть человек, четыре мула. Мне пришлось быть при последних погонщиком; тут я впервые изучил употребление знаменитого шамбока (sjambok), длинной плети. Муниципальная повозка, прилаженная для больных была запряжена четырьмя лошадьми. Все мужчины ехали верхами. Таким образом мы двинулись на север к Винбургу. Я не могу не упомянуть о том, что все совершавшие этот поход выдерживали блистательно все его неудобства. В особенности в этом отношении досталось сестрам **Схермбек** и **Марсевен**. Три дня подряд они лежали рядом с тифозными больными в чрезвычайно примитивно устроенной повозке, ухаживая за больными с сердечностью и любовью и пользуясь для этого самыми примитивными средствами. наших больных мы отправили потом в Ферейнинггер (к доктору **Веберу**). Точно так же досталось и брату милосердия **Нивергаузу**, перевозившему наши повозки через холмы и глубокие потоки.

От Винбурга мы по железной дороге отправились в Кронштадт с последним поездом, который вообще оттуда уходил. В Кронштадте мы и остались, так как оказалось, что наша помощь здесь необходима. В настоящую минуту здесь находится правительство, отсюда же уходят команды на юг к Рантвиверу, откуда мы думаем получать больных. Доктор **Ремсбоштен**, начальник трансваальского Красного Креста, уполномочил меня организовать здесь большой госпиталь, заступив его место временно для того, чтобы он мог отправиться работать на передовой линии. С ним вместе едут доктора, которые будут посылать нам больных. Президент **Стейн**, равно как и управление Красного Креста, посылают больных и раненых к нам. Мы устроились со всем нашим отрядом отлично в старой и новой школе. Восемь больших помещений отведено для нас. Со всех сторон присылают нам кровати. В первые два дня мы получили 16 больных, из них 8 тифозные. Кроме того, больше 35-ти человек будет приведено нам завтра. Таким образом на недостаток больных жаловаться не

приходится. Только бы англичане не подошли, так как теперь мы уж пригвождены к месту. О докторах **Вебере** и **Кухаренко** мы также заботимся. Все больные, которые могут выдержать переезд дальше, немедленно отправляются к нам.

Языки голландский и бурский до сих пор ещё представляют затруднения для русских, так что голландцы счастливы, что могут работать вместе с русскими и устранять встречающиеся затруднения.

Кронштадт лежит в чудной местности, но нам решительно не хватает времени для наслаждения природой. По вечерам мы адски измучены и немедленно ложимся спать.

Теперь вы знаете пока всё о русско-голландском отряде. Я надеюсь в скором времени сообщить вам опять хорошие вести о нас.

Главный врач русско-голландского отряда
фан Леерсум²⁹⁹.

Сестра милосердия **Ежевская** сообщала о работе отряда в Кронштадте:

Из писем сестры милосердия
русско-голландского санитарного отряда.
Брандфорт, 26 февраля (10 марта) 1900 г.

После сдачи **Кронье** и приближения англичан к Блумфонтейну нам пришлось переместиться в Брандфорт, где предполагалось устроить лазарет; для устройства его наняли помещение школы, а для жилья докторов и сестёр милосердия – дом в четыре комнаты с садиком. При лазарете хотели оставить несколько сестёр, остальная же часть отряда должна отправиться дальше.

Брандфорт по своему местоположению очень красив; воздух хороший; город окружён холмами, а недалеко от гостиницы, в которой мы остановились, протекает река.

29 февраля (13 марта) 1900 г. Сегодня пришло известие о занятии Блумфонтейна англичанами и приближении их к Брандфорту. Железнодорожные сообщения с Блумфонтей-

ном прерваны. Наш отряд хотят выслать в Кронштадт. Город представляет странную картинку; он переполнен войсками, собирающимися сюда из-под Блумфонтейна и других мест Оранжевой Республики. Нас известили телеграммой из Кронштадта, что будет выслан экстренный поезд, и наш администратор господин **Моен** занят упаковкой нашего багажа в вагоны, все вещи докторов и сестёр, остающихся в Брандфорте, отправляются с нами в экстренном поезде, потому что им, по всей вероятности, долго не пробыть здесь. В 7 часов вечера выехал из Брандфорта генерал **Жубер**, приехавший сюда утром. Мы берём с собой повара, 4-х **кафров** и двоих мальчуганов-**кафров** одиннадцати лет, приставших к нам. Вся эта группа **кафров** сидит перед поездом, кипятит воду и стряпает свой незатейливый обед. Один из них играет на дудке, а трое танцуют, дико вскрикивая. Всё это происходит на станции Smaldeel, где стоим уже несколько часов, а когда тронемся, одному Богу известно. Утром 12 марта **кафры** подали наш кипяток, мы заварили чай и с удовольствием принялись пить и закусывать, консервов у нас много, так что имеем разные бутерброды. Под вечер приехал к нам из Брандфорта доктор **Вебер**, от него мы узнали, что наш отряд из Брандфорта отправился повозками в Винбург, захватив с собой двоих тяжелораненых больных. Благодаря энергичным мерам доктора **Вебера**, приехавшим в одном поезде с президентом **Стейном**, ему не только удалось получить локомотив (паровоз), но и узнать от президента, где будет самое подходящее место для устройства полевого лазарета.

Итак, простояв на станции Smaldeel от 6 часов утра до 10 часов вечера, мы тронулись в путь к Кронштадту, куда приехали в 5 часов утра и опять ждём дальнейшего доставления на место. Пользуясь свободным временем, пошли осмотреть город. Город довольно большой, много недурных магазинов, но местность некрасива. Жара сильнейшая, солнце жжёт немилосердно, нет сил гулять, пришлось вернуться в вагон, где не так жарко и можно отдохнуть. Когда-то мы устроимся

окончательно; пока нас посылают из одного места в другое, не успеешь устроиться, опять приходится ехать дальше. Объясняют это политическими неожиданностями, неправильным ведением войны, причём при подвижности буров нельзя предвидеть, где соберётся войско. Багаж нас ужасно тяготит, без него легче было бы где-нибудь устроиться³⁰⁰.

Хирург **Кухаренко** писал о работа в Кронштадте:

По полям битв

(от нашего специального корреспондента)

XVII. Кронштадт

В течении здешних событий полное затишье. С театра военных действий никаких новостей. Англичане отдыхают на своих лаврах в Блумфонтейне и, по-видимому, готовятся к наступлению. Действительно, отдых им необходим: от сбежавших от англичан пленных буров, а таковых здесь множество, слышишь, что положение неприятеля, несмотря на успех, плачевное, люди истощены и утомлены, продовольствия у них мало, солдаты положительно не имеют возможности наесться досыта, каждый в отдельности ждёт не дожждётся конца войны, лошади в невозможном виде, больные, худые.

Неприятель всё время занят исправлением железнодорожной линии, чтобы обеспечить себе быструю доставку всего необходимого.

Бурам война давно надоела, непривычное дело утомило и их, нет уже прежнего воодушевления, не помогают пламенные речи **Крюгера** и **Стейна**, патриотические статьи газет, они давно сложили бы оружие, если бы правительство не заставляло их противиться вторжению англичан. Если хочет того Бог, то мы проживём спокойно и под английским владычеством, – эту фразу можно слышать почти на каждом шагу. Толпами уходят они на отдых домой, и большого труда стоит вернуть их обратно к фронту. Некоторые прямо прячутся от разыскивающих их властей. Мне сообщил это один из их фельдкорнетов. Конечно,

отпуск домой им теперь неохотно дают, большей частью совсем отказывают в этом, но бесполезно. На днях из одного отряда – *commando*, как здесь говорят, ушло против воли начальства несколько десятков трансваальцев, когда их пытались задержать, они угрожали ружьями – пришлось отпустить их. О дисциплине в армии буров смешно и говорить, каждый делает что хочет: «Я свой собственный генерал, я избираю президента», – говорят они. Плен **Кронье** и освобождение Ледисмита испортили всё дело. Буры начинают убеждаться в том, что до сих пор им немилосердно везло, но этому наступил конец. Буры Оранжевой Республики сотнями уходят домой, под влиянием прокламации лорда **Робертса**, обещавшего им прощение и своё покровительство, если они сложат оружие.

Далее можно отметить ещё одно обстоятельство. В последнее время появляется много пьяных, несмотря на существенное запрещение продажи спиртных напитков, скандалы без конца.

Целый день видишь толпы пьяных по улицам, дикими голосами распевают они одну и ту же песнь, свой национальный гимн, в слова которого они сами давно потеряли веру. Люди топят в вине своё горе.

Внезапная и странная смерть генерала **Жубера** поразила всех, никто не мог ожидать этого. Газеты посвящали ему должные статьи, столбцы их полны описаний его жизни и деятельности, описывают в нём национального героя, однако сами буры отнеслись к этому событию довольно равнодушно. В последнее время генерал уже не пользовался особой популярностью, он пережил свою славу полководца; буры не могут простить Ледисмита (он не только не смог взять город, но и самовольно снял осаду, за что был отстранён президентом **Крюгером** от командования. – *Прим. авт.-сост.*), видят в нём одну причину своих неудач, но *de mortuis aut bene, aut nihil* (О мёртвых – либо хорошо, либо ничего). Во всей стране был глубокий траур, на всех правительственных зданиях в Трансваале и Оранжевой флаги были приспущены наполовину. Похороны его были пышные... Между прочим, и пленные ан-

глийские офицеры, бывшие в Претории, просили разрешения возложить венок на его могилу.

Несколько времени тому назад проездом к западной границе пришлось мне быть в городе золота – Йоханнесбурге. Уже начиная с Эландсфонтейна, – большой узловой станции Претория–Блумфонтейн, непрерывной цепью теснятся друг возле друга золотые копи, с громадными машинными бараками, длинными трубами и кучами уже промытого золотосодержащего кварца. Йоханнесбург окружён густой сетью таких копей, здесь полоса золота особенно широка и богата. Город буквально лежит на золоте. Йоханнесбург поражает своим великолепием. Широкие улицы, громадные многоэтажные дома, великолепные магазины, везде чисто, просторно, трудно поверить, что ещё 13 лет тому назад здесь была одинокая бурская ферма.

Но всё здесь мёртво и пустынно. Все бывшие в городе жители, большей частью англичане, перед началом войны, начиная с мая прошлого (1899), года покинули город со своими семьями, все дела прекратились, магазины закрылись. Уличной жизни теперь в Йоханнесбурге совсем нет, все большие гостиницы и громадные сафэ заколочены, на улицах почти никого, – изредка видишь спешащего куда-то жителя, или оборванного **кафра**. Кое-где открыты лавчонка, или небольшая столовая, где за кружкой пива проводят время поневоле оставшиеся здесь, большей частью – служащие на железной дороге или в правительственных учреждениях. Из золотых копей работают лишь государственные, да несколько немецких и французских, остальные все – английские, а их около 80% – пусты; правительство не разрешило даже выкачивать помпами воду, так что шахты полны водой, многие уже провалились. В настоящее время, говорят, что если англичане начнут приближаться к границам Трансвааля, то все золотые копи, без исключения, будут взорваны на воздух, подготовительные работы уже идут, для этой цели уже заготовлено большое количество динамита и, быть может, скоро настанет время, когда этот план будет приведён в исполнение... Для английских капиталистов, это, конечно, громадный убыток, но

не для рабочего люда, который уже сумеет извлечь свою выгоду. Поговаривают, что та же участь ожидает все английские здания банков и контор.

Действительно, несчётные богатства лежат здесь под землёй: побывав в Йоханнесбурге, ясно понимаешь смысл и мотивы этой несчастной войны. Вот наше несчастье, – сказал мне один трансваалец, указывая в окно на золотые копи.

Полоса золотоносного кварца тянется далеко к западу, за Клерксдорп, – конечную железнодорожную станцию; между прочим, последнему городу предсказывают блестящую будущность: здесь ещё больше золота нежели в Йоханнесбурге.

Интересно, что к востоку эта же полоса идёт до самого моря, до Лоренсу-Маркеша, и существует предположение, что золотоносный кварц Мадагаскара есть продолжение трансваальской полосы.

Что касается нашего русско-голландского отряда, то мы работаем теперь в одном госпитале.

Отделение на трансваальской границе, в Vereeniging, упразднили, все мы теперь в Кронштадте – главном городе Оранжевой Республики, после того как англичане заняли Блумфонтейн. Здесь и правительство республики и резиденция президента **Стейна**.

Здесь нам дали под госпиталь здание школы, как и раньше в Брандфорте, который мы покинули четыре недели тому назад.

В трёх больших классных комнатах помещается хирургическое отделение, для тифозного мы получили ещё два дома, из которых в одном помещаются сёстры. Мы, врачи и санитары, живём в палатке.

Всё это находится на окраине города, на высоком берегу реки Вааль; воздух прекрасный, много зелени. В начале нашей здешней деятельности было много больных, одни лишь тифозные; последние два сражения переполнили весь госпиталь. У нас сейчас 110 человек больных, из них 75 хирургических. Много серьёзных случаев. Правительство очень заботится о нас, снабжает нас всем необходимым. Работы масса –

много крупных операций, – едва успеваешь справиться, принимаем лишь тяжелобольных, остальных лечим амбулаторно. Целый день у госпиталя толпится масса народу, больных навещают родные, знакомые и незнакомые, целый день палаты полны этих посетителей. Все здешние жители, кажется, перебивали здесь. Женщины и девочки приносят ежедневно цветы, у каждого больного красуется на столике букет душистых африканских роз. В нашей большой хирургической палате около 40 больных, в углу стоит принадлежащее школе пианино. Часто посетители, по просьбе больных и, конечно, с разрешения врача, играют на нём кто что умеет, больным такой концерт доставляет большое удовольствие, и на долю каждого пианиста выпадает гром рукоплесканий с их стороны. Была, между прочим, интересная сцена. Больные уговорили одну посетительницу, – молоденькую девицу, – сыграть им что-нибудь. Она заиграла трансваальский гимн. Все больные, лёжа в постели, подхватили этот мотив, к ним примкнули больные в соседних палатах, – гимн был пропет с воодушевлением три раза всем госпиталем. Рассказывают, что и тифозные, в доме рядом, заслышав через окно, что товарищи поют гимн, пытались и со своей стороны поддержать их, но скоро отстали, – не хватило сил. К вечеру у всех была повышенная температура, к большому нашему огорчению.

Был у нас и президент **Стейн**, любезно говорил со всеми нами, подробно осматривал госпиталь, долго беседовал с каждым больным в отдельности, – кто, куда и как ранен, – был и в тифозном отделении, очень благодарил нас за заботу о бедных бурах, как он выразился, и после 1.1/2-часового пребывания уехал. Президент производил весьма благоприятное впечатление настоящего джентльмена, с изысканными манерами, – явление столь редкое здесь, в Африке.

В настоящее время работают здесь два хирурга – голландец и русский, ваш покорный слуга, и один клиницист, русский. Главный врач ведёт, благодаря знанию голландского языка, поликлинику; двое врачей и сестра **Изъединова**, все русские, находятся на западной границе, у Fourteen-Stream.

Один голландец работает успешно в Waterfal, в тифозном отделении пленных английских солдат.

Благодаря своему положению и размерам, наш госпиталь является господствующим по всей южной границе, в наших руках вся работа.

В последующие дни бурам опять повезло. Послушавшись советов европейских офицеров, они изменили образ ведения войны; маленькими отрядами, не более как в 500–600 человек, тревожат они неприятеля – и пока удачно: в одну неделю выиграли два сражения и забрали в плен около 700 англичан. Вчера проходил поезд с 350 пленных, было около 15 офицеров. Случайно шёл в другом направлении трансваальский воинский поезд, и оба встретились здесь, в Кронштадте. Конечно, дело не обошлось без обычных насмешек. Трансваальцы спрашивали: ну что, радуйтесь, наконец, вы добираетесь до Претории, что, хорошо? – На что англичане весело отвечали: ничего, всё-таки веселее, чем вашим ехать в Капштадт, – намёк на пленных буров с генералом **Кронье**. В общем, однако, разговор шёл в добродушном тоне: некоторые буры угощали англичан сигарами, табаком, флягами виски, те с благодарностью принимали всё это. Английские офицеры, видя во мне врача Красного Креста, вежливо раскланивались.

Бросается в глаза истощённый, нездоровый вид английских солдат. Все они худы, бледны, истощены, с провалившимися глазами, оборванные, грязные. Когда я обратил на это внимание одного бура, он махнул рукой и сказал: «Ничего, в Претории откормятся».

Dr. **Вл. Кухаренко**³⁰¹.

Временами приходили и краткие известия о местонахождении и деятельности отряда:

Вести о русско-голландском санитарном отряде

Пастор **Гиллот** получил краткое письмо от главного доктора отряда господина **фан Леерсума** из Кронштадта от 29 марта. Письмо написано спешно, ввиду того, что врачи зава-

лены были работой. В лазарете, устроенном русско-голландским отрядом в Кронштадте, было одновременно, в момент отсылки письма, 60 больных. Число это возрастало ежедневно. Доктор **Ф.К. Вебер** был командирован в передовую линию в Фортинстрим, откуда посылал раненых в Кронштадтский лазарет. Туда же направлял раненых голландский Красный Крест, чины которого находились так же ближе к передовой линии. В Эландсфонтейне был, кроме того, устроен русско-голландским отрядом небольшой госпиталь, который должен был служить в качестве депо и как бы базой для работы членов отряда. Таким образом, дело было поставлено твёрдо и труды русских врачей приносили большую пользу. Новейшее наступление англичан должно было, к сожалению, снова нарушить налаженный уже ход дела³⁰².

Писали письма и сёстры милосердия и в частности
Ежевская:

Из писем сестры милосердия русско-голландского
санитарного отряда

Эландсфонтейн, 26 марта 1900 г.

У нас идут спешные переговоры по телеграфу; нас вызывают всех в Кронштадт, меня же – в Фортинстрим. Столько стоило трудов привести госпиталь в порядок, теперь опять всё приходится бросать, больных отправлять в Преторию.

28 марта

Сегодня была первый раз в городе. Здесь очень хорошие магазины, где можно почти всё найти, и даже не слишком дорого; все эти магазины принадлежат большей частью англичанам. В голландском языке я сделала некоторые успехи, могу даже читать; так, прочла мелкие рассказы **Johanna Woude** – очень мило написаны.

29 марта

Перед отъездом мне удалось осмотреть золотые рудники. Разрешение было испрошено, но пришлось немного подождать спуска в шахты; чтобы нам было не так скучно ждать,

директор провёл нас к себе на квартиру и познакомил со своей женой. Они – немцы из Берлина, очень симпатичные люди. Дом их роскошный; ведущая к нему дорога обставлена туей, повсюду много цветов. Описывать всё то, что видела в рудниках, немыслимо, скажу только одно, когда мы на тёмной платформе опускались вниз в шахты в четвёртый этаж, меня охватило такое неприятное чувство страха, что рада была, когда остановились. Шахты имеют вид гротов, далее идут длинные тёмные дорожки, как тоннели; по ним проложены рельсы и постоянно на тачках подвозится отбиваемый камень, который сбрасывается в вагончики; последние же при помощи электрической машины поднимаются вверх и выбрасывают камень на платформу. Освещение здесь при помощи свечей. Со всех сторон протекает и стекает вода, похожая скорее на болото, так что мы так вымазались, что мало чём отличались от работающих здесь **кафров**. Для меня это была самая интересная вещь для осмотра, остальное малодоступно для моего понимания. На платформах камень сортируется и годный идёт на мельницу, где разбивается на мелкие камушки, очищается ртутью, поступая в баки, затем находится под влиянием действия цинка, нарезанного мелкими ниточками, а окончательно поддается действию циан-калии в течение двух или трёх недель, причём масса в виде глины сушится на печах, определяется процентное содержание золота и окончательно отличается, то есть получается чистое золото. Вся эта работа совершается при помощи электричества. Одних **кафров** на руднике работает до 2000 человек, не считая служебного (персонала).

30 марта

Сегодня утром уезжаю в Фортинстрим. Еду по железной дороге до Йоханнесбурга, откуда идёт ветвь до Клерксдорпа, а затем дилижансом³⁰³ до места назначения. Так как я должна ехать через Йоханнесбург, то мне поручили отвезти больного и сдать его в городской госпиталь, о чём и дали знать телеграммой; на станции нас никто не встретил; поезд же стоит всего 40 минут, и как мы не торопились поехать в боль-

ницу и сдать больного, на поезд опоздали. Со мной провожаемым едут молодой бур и двое **кафров**. Приходилось переночевать в городе. По совету начальника станции, я отправилась в больницу, прося разрешения переночевать; меня провели в квартиру монахинь, которые помогают фельдшерицам nurse ухаживать за больными и называются сёстрами. Все они француженки, хорошо говорят по-немецки и по-английски. Старшая сестра меня устроила в отдельной комнате, рядом с дежурной комнатой для nurse. Одна из этих nurse из Либавы и немного говорит по-русски; это молоденькая очень симпатичная барышня, благодаря ей и одной англичанке мне удалось осмотреть всю больницу. По моей просьбе своего провожатого бура тоже устроили в больнице. Больничное здание очень красиво, расположено на возвышенном месте и окружено тенистым садом. Больных можно поместить до 400 человек. Комнаты имеются за плату, по 1 фунту стерлингов в день, есть и большие бесплатные палаты. Город очень красив, хотя много домов и магазинов, принадлежащих англичанам, закрыты; конки не ходят и нет того движения на улицах, как до войны. В больнице тоже многое изменилось, англичане, доктора и сёстры уехали к англичанам. Раненых здесь не так много, главные болезни тиф, малярия и дизентерия. Утром меня наделили провизией на дорогу и, сопутствуемая лучшими пожеланиями, я отправилась на станцию, где бур и **кафры** ждали меня. В 7 часов вечера мы проехали в Клерксдорп и остановились в гостинице Tivoli. Здесь узнала, что доктор **Вебер** уехал из Фортинстрима и доктор **Борнгаупт** с сестрой **Изъединовой** находятся в Христиании. Опять пришлось делать запрос, как поступить и куда ехать; к счастью, вскоре получился ответ от доктора **Вебера**: ехать, возможно скорее, в Фортинстрим. Скорее выехать не могу как в ночь с 1 на 2 апреля, раньше этого почтовая карета не отходит отсюда.

3 апреля

Сегодня в два часа ночи выехали, наконец, из Клерксдорпа. Ночь чудная, лунная, но холодная, несмотря даже на тёплую одежду я озябла.

Почтовая карета, то есть двухколёсный экипаж с тремя скамейками, на вид очень невзрачна. Меня, как единственную женщину, посадили на самое удобное место, рядом сидели два человека, **кафры** поместились сзади на багаже, впереди сидело трое человек, всего восемь. Ехать было хорошо, дорога хорошая, экипаж на рессорах, запряжён шестью мулами. Остановки были довольно часты: то сдавали и принимали почту, то сменяли мулов. С 3-го на 4-е апреля, от 2 до 8 часов утра остановились в Христиании, где я переночевала; спать было хорошо, беспокоиться о том, что не уеду не надо, а главное знаешь, что через три часа будешь на месте. Дорога здесь значительно хуже, пропасть камней, к тому же размыта дождём, так что с каждым шагом новый толчок.

Здесь значительно холоднее, ветер пронизывающий, несмотря на полдень. Чем ближе к городу, тем больше чувствуешь, что невдалеке битва; постоянная стрельба, полуразбросанные палатки, возы с мулами, а возле них палатки с жителями городка и окрестных поселений, пришедших под защиту войска. Здесь нам объяснили, где наш госпиталь, но пришлось пробираться между кустарниками, где и расставлены пушки.

Нас ожидали, зная, когда приходит почта. Издалека ещё увидела флаг Красного Креста; доктора **Вебер** и **Борнгаупт** стояли возле дома. Здесь, кроме сестры **Изъединовой**, были ещё две сестры; одна, француженка, привезла много медицинского материала, носилок, кроватей, белья для больных, которые и раздавала по пути разным отрядам, вторая сестра была из Бельгии. Несколько дней доктору **Веберу** пришлось быть одному, работы много, а есть было нечего, кроме рису. С приездом доктора **Борнгаупта** с сестрой дела поправились, да и провизии всё же они немного привезли. С моим приездом эти же экипажем доктор **Борнгаупт** выехал с сестрой-бельгийкой. Здесь лежит только один тифозный, но приходящих очень много. Тифозных больных всех отправляют отсюда в Христианию и далее,

так как здесь оставаться им вредно. Несколько дней назад здесь была такая сильная бомбардировка города, что соседнее с нами здание почти разрушилось, и только благодаря счастливой случайности обошлось без человеческих жертв. Фортинстрим находится у реки Вааль, мост через которую разрушен бурами: это – широкая быстрая река; с одной стороны лагерь англичан, с другой – буры. Мне впервые пришлось познакомиться с траншеями на 15–40 человек. Ожидаем на днях главного доктора³⁰⁴.

Хотя письма публиковались, как правило, через два с лишним месяца после описываемых событий, но их охотно печатали, поскольку интерес к происшедшему был очень велик:

Из писем сестры милосердия русско-голландского
санитарного отряда
9 марта.

Только что часть что часть нашего отряда устроилась в Vereeniging под начальством докторов **Вебера** и **Кухаренко**, поставили палатку на 10 кроватей, получили одного тифозного больного, как вдруг из Кронштадта экстренно потребовали двух сестёр и доктора. 11 марта приехал доктор **фан Леерсум** на несколько дней с целью взять от нас часть лекарств и повара, так как у нас в Кронштадте собралось свыше 50 человек больных. Эти дни погода стояла жаркая, ночи же очень прохладные, даже свежо спать в палатках. 12 марта нам объявили, что переезжаем в Эландсфонтейн, опять пришлось всё упаковывать, а 14 марта в 7 часов утра были уже в дороге. Бедному больному, которому приходится перекочёвывать с места на место, опять хуже, температура повышена. Эландсфонтейн – небольшой городок на очень бойком месте, так как здесь сходятся пять железнодорожных линий, идущих в различных направлениях. Здесь встречаются золотые прииски, но по случаю войны работа почти повсеместно прекращена. Доктор **Кухаренко** вызван

и на его место приехал доктор **Ромен**. Нам отдали отличное помещение – больничное здание на 70 кроватей, принадлежащее одной из компаний золотых приисков. Устройство больницы отличное, но так как она стояла всё время пустой и без присмотра, то ужасно грязна – придётся немало поработать, чтобы привести её в должный порядок. Палаты очень высокие, светлые. Повсюду устроена вентиляция и электрическое освещение, есть несколько ванн, хорошая операционная, прачечная и покойницкая; для больных сделана отличная веранда и садик, помещение сестёр тоже хорошее. Здание выходит на площадь, так что сравнительно тихо и хороший воздух.

Сегодня пришлось впервые услышать русскую речь: несколько человек рабочих, увидя меня в дверцах вагона и узнав, что наш отряд из России, заговорили со мной по-русски. 20 марта у нас пролетела целая масса Springhaan, род саранчи, на этот раз она летела близко над землёй; многие падали на землю; ещё на следующий день земля, казалось, была покрыта снегом; ходить пришлось по ним, вследствие чего они, поднимаясь вверх, образовали род облачка. Это вполне безвредные насекомые, – ни цветов, ни деревьев не портят³⁰⁵.

Сноски

1> Сергей Яковлевич Чистович в 1900 г. некоторое время исполнял обязанности заведующего кафедрой одонтологии (зубных болезней) Санкт-Петербургского женского медицинского института.

Сергей Яковлевич Чистович, был по специальности хирургом. В 1900–1902 гг. он, в составе миссии Российского Общества Красного Креста, побывал в Южной Африке... Он был военным врачом и занимал должность старшего врача бывшего Михайловского артиллерийского училища, а затем, после Октябрьской революции 1917 г., – Первых артиллерийских курсов. Он был первым директором Стоматологического института. Его сын – профессор **Андрей Сергеевич Чистович** был известным врачом-психиатром в Ленинграде. Правнук Сергея Яковлевича – предприниматель живёт в Москве. (По материалам Интернета).

Известна так же судьба лишь одной из сестёр милосердия санитарного отряда Российского Общества Красного Креста, умершей во время блокады Ленинграда:

Страховская Любовь Михайловна, 1874 г. р. Место проживания: пр. Пролетарской Победы, д. 41, кв. 65. Дата смерти: февраль 1942 г. Место захоронения: Смоленское кладбище. (Блокада, Т. 29)

2> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 6, лл 73.73 об, 74, 74 об.

3> Интерн – врач, занимающийся последипломной стажировкой по специальности при клиниках и больницах (обычно 1–2 года).

4> Государственный военно-медицинский архив (Санкт-Петербург), ф. 759, оп. 76 (1909.), № 2279, лл. 4–11.

5> РГВИА, ф. 12651, д. 1393, л. 160–162.

6> РГВИА, ф. 12651, д. 1393, л. 138

7> РГВИА, ф. 12651, д. 1393, л. 138.

8> РГВИА, ф. 12651, д. 1393, л. 132–133.

9> РГВИА, ф. 12651, оп. 1, д. 1408, л. 171.

10> Воспоминания о Трансваале сестры милосердия Общины Св. Георгия **О. фон Баумгартен**. 1899–1900 г. СПб., 1901. С. 2.

11> РГВИА, ф. 12651, д. 1393, л. 193.

12> РГВИА, ф. 12651, д. 1393, л. 172.

13> До революции 1917 г. вакцины от чумы производились в экспериментальной лаборатории кронштадтского Чумного форта.

14> РГВИА, ф. 12651, д. 1393, л. 186.

15> РГВИА, ф. 12651, д. 1393, л. 204.

16> РГВИА, ф. 12651, д. 1393, л. 60.

17> РГВИА, ф. 12651, д. 1393, л. 116.

18> РГВИА, ф. 12651, д. 1393, л. 193.

19> РГВИА, ф. 12651, д. 1393, л. 192.

20> РГВИА, ф. 12651, д. 1393, л. 196.

21> РГВИА, ф. 12651, д. 1393, л. 198.

22> Одесские новости. 13 ноября 1899. № 4792.

23> РГВИА, ф. 12651, д. 1393, л. 225.

24> РГВИА, ф. 2651, д. 1393, л. 226.

25> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 6, лл. 125, 125 об.

26> Московские ведомости. 3 декабря 1899, № 333.

27> АВПРИ, ф. II, Экономический Департамент III Делопроизводство, оп. 451, д. 201, л. 1, 1 об.

28> АВПРИ, ф. II Экономический Департамент III Делопроизводство, оп. 451, д. 201, л. 2. (РГВИА, ф. 12651, д. 1392, л. 224).

29> РГВИА, ф. 488, д. 1392, л. 299–300.

30> Архимандрит – одно из высших духовных званий, в православии – старший епископ.

31> Петербургская газета. 14 декабря 1899. № 343.

32> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 6, л. 124.

33> РГВИА, ф. 12651, д. 1393, л. 258.

34> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 6, лл. 126.

35> РГВИА, ф. 12651, д. 1393, л. 246.

36> РГВИА, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 6, лл. 127, 127 об.

37> Акрополь – в древнегреческих городах – центральная укрепленная часть, обычно на холме.

38> Эвкалипт – достигающее гигантских размеров южное де-

рево из семейства миртовых, древесина, кора и листья которого являются ценным сырьём для промышленности.

39> Воспоминания о Трансваале **А.О. Садовского**, младшего врача Гельсинфорского местного лазарета, Военно-медицинский журнал, май 1902. СПб. С. 1499–1506.

40> РГВИА, ф. 12651, д. 1393, л. 251.

41> Донесения военного агента в Брюсселе и Гааге Генерального штаба подполковника **Миллера** № XVI, от 28 января/9 февраля 1899 г. из Брюсселя. С. 10–11, 13–14.

42> Гвардафуй – мыс на сомалийском полуострове, один из самых восточных мысов Африки. Расположен при входе в Аденский залив.

43> Как известно он назван *gardez-vous*: берегись!

44> Финляндская газета, 25 апреля (8 мая) 1900, № 49.

45> Цуг (нем. Zug) – запряжка лошадей гуськом или парами одна за другой.

46> Фазтон – в данном значении – конный экипаж с откидывающимся верхом.

47> Финляндская газета, 9 (22) марта 1900, № 30.

48> Петербургская газета. 2 марта 1900, № 60.

49> Петербургская газета. 3 марта 1900. № 61.

50> Воспоминания о Трансваале сестры милосердия Общины Св. Георгия **О. фон Баумгартен**. 1899–1900. СПб., 1901. С. 9–11.

51> Воспоминания о Трансваале сестры милосердия Общины Св. Георгия О. фон Баумгартен. 1899–1900 г. СПб., 1901. С. 12–13.

52> Полтинник (полтина) – название русской монеты достоинством в 50 копеек, возникшее одновременно с её появлением в XV веке. Гривенник – разменная серебряная монета в 10 копеек, впервые выпущенная в России при **Петре I** в 1609 г. Ныне – монета достоинством в 10 копеек (нередко так называют и монету достоинством в 10 рублей). Сестра милосердия в данном случае имела в виду, что на её глазах цены выросли примерно в пять раз.
– *Прим. авт.- сост.*

53> Воспоминания о Трансваале сестры милосердия Общины Св. Георгия О. фон Баумгартен. 1899–1900. СПб., 1901. С. 13–15.

54> Аден – ныне порт в Республике Йемен, расположенный рядом со стратегически важным Баб-эль-Мандебским проливом, соединяющим Красное море и Индийский океан, то есть путь в Суэцкий канал. В 1839–1967 гг. – одноимённая английская колония.

55> Сообщение **г. Потапова**, административного секретаря русского отряда Красного Креста... № I, от 18/30 января 1900 г. из Претории. С. 1–4.

56> РГВИА, ф. 401, оп. 5, д. 132, л. 2 (микрофильм) (Донесения подполковника **Гурко** и агента санитарного отряда Красного Креста **Потапова** и капитана **Щеглова** о деятельности (русского) санитарного отряда в Трансваале и Оранжевой Республике в Южной Африке. 18 января 1900 – 31 октября 1901 гг.

57> РГВИА, ф. 401, оп. 5, д. 132, л. 1–2. (микрофильм) (Донесения подполковника **Гурко** и агента санитарного отряда Красного Креста **Потапова** и капитана **Щеглова** о деятельности (русского) санитарного отряда в Трансваале и Оранжевой Республике в Южной Африке. 18 января 1900 – 31 октября 1901 гг.

58> Свет. 5 марта 1900. № 64.

59> Петербургская газета. 1 марта 1900. С. 2.

60> *Чистович С.Я.* Медицинская помощь в Трансваале (Доклад, читанный на торжественном заседании в память Н.И. Пирогова, 23 ноября 1900 г.), СПб., 20 января 1901. С. 1–3.

61> *Чистович С.Я.* Медицинская помощь в Трансваале (Доклад, читанный на торжественном заседании в память Н.И. Пирогова, 23 ноября 1900 г.), С. 3–4.

62> Среди наиболее опасных змей, встречающихся на территории ЮАР, стоит выделить плюющую на два с половиной метра в глаза противника кобру, пуфэддер – африканскую шумящую гадюку и особенно, бергеддер – африканскую горную гадюку. Обычно яд змеи бывает нервно-паралитическим или отравляющим, а яд бергеддера является тем и другим одновременно. Очень опасна и песчаная эфа (по материалам Интернета).

63> **Мамба** – род южноафриканских ядовитых змей родственным кобрам. Включает пять видов. Четыре из которых – зелёные, под цвет листвы, и живут в основном на деревьях и одна (**чёрная мамба**) – тёмно-коричневого или чёрного цвета и редко живёт на деревьях. Яд всех пяти видов **мамб** очень опасен для человека (по материалам Интернета).

64> Шейх – в арабских странах глава рода, старейшина общины или лицо, принадлежащее к высшему духовенству, учёный-богослов, правовед.

65> Новое Время. 13 (26 марта) 1900. № 8636.

66> Аркада – в архитектуре – ряд одинаковых арок.

67> Петербургская газета. 20 апреля 1900. № 81.

68> РГВИА, ф. 401, оп 5, д. 132, л. 4, 3. (Донесения подполковника **Гурко** и агента санитарного отряда Красного Креста **Потопова** и капитана **Щеглова** о деятельности (русского) санитарного отряда в Трансваале и Оранжевой Республике в Южной Африке. 18 января 1900 – 31 октября 1901.

69> Петербургская газета. 21 апреля 1900, № 82.

70> Петербургская газета. 22 апреля 1900, № 83.

71> Петербургская газета. 23 апреля 1900, № 84.

72> Петербургская газета. 24 апреля 1900, № 85.

73> Петербургская газета. 25 апреля 1900, № 86.

74> Петербургская газета. 26 апреля 1900. № 87.

75> Петербургская газета. 27 апреля 1900, № 88.

76> Петербургская газета. 28 апреля 1900, № 89.

77> Россия. 23 марта (5 апреля) 1900, № 327.

78> Петербургская газета. 25 апреля 1900, № 112.

79> Петербургская газета. 30 апреля 1900, № 117.

80> Людвиг Тейхман – врач из Российской империи, приехал в 1880-е годы в Трансвааль. Во время англо-бурской войны 1899–1902 гг. он выехал в Европу и жил в Берлине и в 1908 г. написал на африкаанс письмо **Луи Бота**: «Я в течение англо-бурской войны работал и я хотел бы получить свою зарплату за войну». Потом он вернулся и умер в Южной Африке. Его потомки живут в ЮАР (материал любезно предоставлен к.и.н. **Борисом Моисеевичем Гореликом**).

81> Петербургская газета. 3 мая 1900 г. № 120.

82> Петербургская газета. 6 мая 1900 г. № 123.

83> *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 66–67, 84–85.

84> Катар – устаревшее название гастрита – воспалительное заболевание слизистой оболочки желудка или кишечника.

85> Кастровое масло – жирное растительное масло, получаемое из семян клещевины. Основа мазей и кремов; смазочный материал; в медицине – слабительное средство.

86> Каломель – хлористая ртуть Hg_2Cl_2 – редкий рудный минерал. Ранее использовался в медицине, как лекарство. Принимался внутрь в небольшом количестве, вызывая мочегонные, желчегонные, дезинфицирующее воздействие.

87> *Чистович С.Я.* Медицинская помощь в Трансваале (Доклад, читанный на торжественном заседании в память Н.И. Пирогова, 23 ноября 1900 г.), С. 4–8.

88> Шарлатан – невежда, выдающий себя за знатока, грубый обманщик.

89> *Чистович С.Я.* Медицинская помощь в Трансваале (Доклад, читанный на торжественном заседании в память Н.И. Пирогова, 23 ноября 1900 г.), С. 8–11.

90> Воспоминания о Трансваале сестры милосердия Общины Св. Георгия О. фон Баумгартен. 1899–1900 г. СПб., 1901 г. С. 16–17.

91> Новое Время. 13 (26) апреля 1900. № 8665.

92> Петербургская газета. 2 апреля 1900, № 91.

93> Петербургская газета. 22 апреля 1900, № 109.

94> Петербургская газета. 23 апреля 1900, № 110.

95> Флегмона – разлитое гнойное воспаление жировой клетчатки.

96> Паротит – воспаление околоушной слюнной железы. В эпидемическом варианте называется свинкой. Неэпидемический вариант наблюдается после инфекционных заболеваний (тиф, дизентерия).

97> Фарадизация (импульсный ток) – электрический ток, периодически повторяющимися кратковременными порциями (импульсами).

98> Флегмозный процесс – острое гнойное воспаление ткани без чётко выраженных границ.

99> Секвестроскопия – операция удаления секвестров (омертвевших участков кости, мышцы, сухожилия или органа, потерявших связь с живыми тканями).

100> О командировке на театр военных действий в Трансваале доктора медицины **А.К. Эбергардта**, младшего врача 99-го пехотного Ивангородского полка. Военно-медицинский журнал, октябрь 1901. С. 3145–3153.

101> Гетры (фр. Guetres) – род тёплых чулок, закрывающих ногу обычно от щиколотки до колен.

102> Капор – детский, а также женский головной убор с завязываемыми под подбородком лентами.

103> Дизентрик – больной дизентерией.

104> Антисептические средства – химические вещества, вызывающие гибель болезнетворных микробов, грибков и насекомых. В медицине применяются: 1) для дезинфекции (уничтожения) болезнетворных организмов во внешней среде с целью предупреждения возможных заболеваний; 2) при лечении ран и гнойных процессов в целях уничтожения возбудителей нагноения в тканях и предметах, непосредственно соприкасающихся с ними.

Асептические средства – уничтожение бактерий физическими методами (стерилизация перевязочных материалов, кипячение хирургических инструментов, мытьё рук хирургом перед операцией и тому подобное).

105> Антисептик – обеззараживающее средство.

106> Воспоминания о Трансваале **А.О. Садовского**, младшего врача Гельсингфорского местного лазарета, Военно-медицинский журнал, май 1902 г. СПб. С. 1511–1520.

107> Россия. 18 (31-го) мая 1900, № 381.

108> Петербургская газета. 18 мая 1900, № 135.

109> Шашни – ухаживание, проделки, интриги.

110> Петербургская газета. 16 мая 1900, № 136.

111> Петербургская газета. 20 мая 1900, № 137.

112> Петербургская газета. 21 мая 1900, № 138.

113> *Чистович С.Я.* Медицинская помощь в Трансваале (Доклад, читанный на торжественном заседании в память Н.И. Пирогова, 23 ноября 1900 г.), СПб., 20 января 1901. С. 13–16.

114> Воспоминания о Трансваале сестры милосердия Общины Св. Георгия **О. фон Баумгартен**. 1899–1900 г. СПб., 1901 г. С. 18.

115> Воспоминания о Трансваале сестры милосердия Общины Св. Георгия **О. фон Баумгартен**. 1899–1900 г. СПб., 1901 г. С. 19–20.

116> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 6, л. 137.

117> Ассигновывать – выделять определённые денежные средства на какой-либо расход.

118> Гранулирование – придание веществу формы зёрен (гранул).

119> О командировке на театр военных действий в Трансваале доктора медицины **А.К. Эбергардта**, младшего врача 99-го пехотного Ивангородского полка. Военно-медицинский журнал. Октябрь 1901. С. 3153–3166.

120> *Чистович С.Я.* Медицинская помощь в Трансваале (Доклад, читанный на торжественном заседании в память Н.И. Пирогова, 23 ноября 1900), СПб., 20 января 1901. С. 16–19.

121> Первые петухи начинают петть на восходе солнца, когда появляется звезда Сириус, примерно в 4–5 часов утра. Причины этого явления не выяснены до сих пор.

122> Варшавский дневник. 4 (17) апреля 1900 г. № 93. С. 2.

123> Сообщение г. **Потапова**, административного секретаря русского отряда Красного Креста, отправленного на театр военных действий в Южной Африке № II (от 12/24 февраля 1900 г. из Претории). С. 1–3.

124> Амальгама – данном значении – сплав ртути с другим металлом.

125> Воспоминания о Трансваале и путевые впечатления **А.О. Садовского**, младшего врача Гельсингфорского местного лазарета. Военно-медицинский журнал, май 1902 г. СПб. С. 1519–1521.

126> *Чистович С.Я.* Медицинская помощь в Трансваале (Доклад, читанный на торжественном заседании в память Н.И. Пирогова, 23 ноября 1900 г.), СПб., 20 января 1901. С. 18–20.

127> *Чистович С.Я.* Медицинская помощь в Трансваале (Доклад, читанный на торжественном заседании в память Н.И. Пирогова, 23 ноября 1900 г.), СПб., 20 января 1901. С. 21–23.

128> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 6, л. 157.

129> РГВИА, ф. 488, д. 1451, л. 165.

130> РГВИА, ф. 488, д. 1451, л. 169.

131> Санитарный отряд Российского Общества Красного Креста в общей сложности находился в командировке десять месяцев, считая и время проезда до африканерских Республик и обратно.

132> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 6, лл 153, 153 об.

133> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 6, лл. 160, 160 об.

134> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 6, лл. 162.

135> Воспоминания о Трансваале сестры милосердия Общины Св. Георгия **О. фон Баумгартен**. 1899–1900 г. СПб., 1901 г. С. 22.

136> Воспоминания о Трансваале сестры милосердия Общины Св. Георгия **О. фон Баумгартен**. 1899–1900 г. СПб., 1901 г. С. 27

137> Воспоминания о Трансваале сестры милосердия Общины Св. Георгия **О. фон Баумгартен**. 1899–1900 г. СПб., 1901 г. С. 28–29.

138> Чирей – нарыв.

139> Франкмасоны (вольные каменщики) – тоже, что и масоны.

140> О командировке на театр военных действий в Трансваале доктора медицины **А.К. Эбергардта**, младшего врача 99-го пехотного Ивангородского полка. Военно-медицинский журнал. Октябрь 1901 г. С. 3166–3175.

141> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 6, л. 165.

142> Воспоминания о Трансваале сестры милосердия Общины Св. Георгия **О. фон Баумгартен**. 1899–1900 г. СПб., 1901 г. С. 30.

143> Россия. 26 июня (9 июля) 1900. № 419.

144> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 6, л. 168.

145> Точнее не орудие системы **Канне (Canet)**, а артиллерийское орудие системы **Шнейдер-Крезо**.

146> Холст – льняная ткань, обычно кустарной выделки.

147> Воспоминания о Трансваале **А.О. Садовского**, младшего врача Гельсинфорского местного лазарета, Военно-медицинский журнал, май 1902 г. СПб. С. 1521–1536.

148> Воспоминания о Трансваале сестры милосердия Общины Св. Георгия **О. фон Баумгартен**. 1899–1900 г. СПб., 1901 г. С. 31–32.

149> О командировке на театр военных действий в Трансваале доктора медицины **А.К. Эбергардта**, младшего врача 99-го пехотного Ивангородского полка. Военно-медицинский журнал. Октябрь 1901 г. С. 3175–3178.

150> Петербургская газета. 28 июня 1900, № 175.

151> Сиречь (устаревшее) – иными словами, то есть.

152> Петербургская газета. 10 августа 1900, № 218.

153> РГВИА, ф. 488, д. 1451, л. 223–224.

154> РГВИА, ф. 488, д. 1451, л. 226.

155> Петербургская газета. 14 августа 1900, № 222.

156> Петербургская газета. 9 сентября 1900, № 248.

157> Петербургская газета. 10 сентября 1900, № 249.

158> Воспоминания о Трансваале сестры милосердия Общины Св. Георгия **О. фон Баумгартен**. 1899–1900 г. СПб., 1901 г. С. 23.

159> Воспоминания о Трансваале сестры милосердия Общины Св. Георгия **О. фон Баумгартен**. 1899–1900 г. СПб., 1901 г. С. 28.

160> Воспоминания о Трансваале сестры милосердия Общины Св. Георгия **О. фон Баумгартен**. 1899–1900 г. СПб., 1901 г. С. 31–32.

161> Воспоминания о Трансваале сестры милосердия Общины Св. Георгия **О. фон Баумгартен**. 1899–1900 г. СПб., 1901 г. С. 36–37.

162> Воспоминания о Трансваале сестры милосердия Общины Св. Георгия **О. фон Баумгартен**. 1899–1900 г. СПб., 1901 г. С. 33.

163> Воспоминания о Трансваале сестры милосердия Общины Св. Георгия **О. фон Баумгартен**. 1899–1900 г. СПб., 1901 г. С. 34–35.

164> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 6, л. 174.

165> Деларей Якобус Херкулус (De la Rey Jacobus Herculus) (1847–1914) – бурский генерал, член фольксраада Трансвааля, сенатор ЮАС. Крупный фермер, собственник фермы Лихтенбург. Потомок французских гугенотов. Женат, отец 10 детей (один из его сыновей погиб в англо-бурскую войну 1899–1902 гг.). Получил лишь начальное образование. Участвовал в войне с **базуто** (1865), с **Секукуни** (1876), в первой англо-бурской войне 1880–1881 гг. и в отражении «набега Джемсона» в 1896 г. Выступал против предоставления прав иностранцам. Перед самой англо-бурской войной, 27 сентября 1899 г., он был назначен генералом и советником генерала **Кронье**. Последний не послушался его совета, что не следует брать или окружать Мафекинг. Части под командованием **Деларея** первыми нанесли поражение англичанам 13 октября 1899 г., захватив бронепоезд. В сражении при Моддер-ривер (28 ноября 1899 г.) его части остановили продвижение англичан под руководством генерала **Буллера**, ранее потеснивших буров с позиций при Бельмонте и Граспане – в этом сражении хитроумный **Деларей** ис-

пользовал новую тактику: вместо расположения бургских войск на вершинах холмов, где они были лёгкой целью для английской артиллерии (как произошло у Бельмонта и у Граспана), он скрытно располагал их у берега реки, ставя ложные цели на горах. Однако **Кронье** долго отказывался использовать эту новую тактику и продолжал располагать войска на вершинах холмов и только после свидания с президентом Оранжевого Свободного Государства **Стейном** бургские линии обороны были сдвинуты к югу от Маггерсфонтейнских холмов, где были вырыты траншеи таким образом, что неприятель при наступлении оказывался в невыгодном положении, вынужденный проходить по открытому, хорошо простреливаемому пространству. Во время сражения при Маггерсфонтейне (9–10 декабря 1899 г.), в котором **Деларей**, будучи ранен в руку на Моддер-ривер не смог принять участия в этом сражении, именно эти позиции сыграли решающую роль в поражении, англичан. **Деларей** с самого начала выступал за активные действия не только в тылу сообщений английских войск, но и используя едущую пехоту тревожить британские войска на флангах. Он же предупреждал **Кронье**, что положение его лагеря опасно и в случае наступления англичан с фланга, он попадёт в окружение было проигнорировано **Кронье**. **Деларей** в начале января 1900 г. отправился на южный фронт где ожидалось наступление генерала **Френча**. В качестве исполняющего обязанности командующего объединёнными вооружёнными силами он пришёл к выводу, что необходимо провести наступательную операцию по направлению к железнодорожным станциям Де-Аар и Наупорт с тем, чтобы перерезать линии коммуникаций английских войск по которым доставлялись боеприпасы и снаряжение войскам генерала **Метьюна**. 12 февраля 1900 г. его войска провели наступательную операцию у Ренсбурга. Он готовился продолжить спешное наступление, но к его огромному разочарованию президент **Стейн** приказал направить 1500 человек из состава его войск на Моддер-ривер в попытке прорвать осаду отряда **Кронье**. 10 марта 1900 г. **Деларей** в последний раз попытался у Абрамскрааля 10 марта 1900 г. преградить путь войскам лорда **Робертса**, наступавших на Блумфонтейн, потеряв 30 убитыми, 47 ранеными и 20 попавшими в плен, а бри-

танцы потеряли более 60 убитыми и 361 ранеными. В конце марта 1900 г. он был назначен помощником командующего фронтом в Западном Трансваале, но изменение положения на фронте привело к тому, что в мае 1900 г., во время наступления в Западном Трансваале, он поспешил на левый фланг английского наступления. Он пытался предотвратить снятие осады с Мафекинга, которое произошло 17 мая 1900 г., и поспешил в Йоханнесбург, чтобы помочь вывести правительство в преддверии наступления англичан на Преторию. После занятия Претории англичанами **Деларей** участвовал в битве при Дорнкопе (11–12 мая 1900) и упорно защищал позиции, и лишь отступление буров с других позиций вынудило его оставить линию обороны чтобы не попасть в окружение. То же самое произошло вскоре в сражении при Бальморале. При начале крупномасштабной партизанской войны его способности как руководителя многочисленной ездящей бурской пехоты раскрылись полностью. Он заслуженно стал одним из лучших полководцев среди африканеров, действуя в Западном Трансваале. Его успешные нападения в тылу англичан (11 июня и 11 июля 1900 г., с уничтожением десятков британцев и с захватом сотен английских солдат и офицеров в плен) помогли рекрутировать бойцов, сложивших было оружие. За время партизанской войны тактика **Деларея** принесла огромные убытки как в живой силе, так и в боеприпасах англичанам. Быстрые небольшие отряды конных буров неожиданно нападали на британские небольшие гарнизоны и конвои, сопровождавшие армейские грузы. Африканеры всегда нападали в самый неожиданный момент и в самом неожиданном месте (он 13 дней осаждал местечко Бракфонтейн отвлекая на себя англичан, охотившихся за другими бурскими генералами, осаду пришлось снять, но британцы потеряли 22 убитыми и 58 ранеными, а буры – четырёх убитыми). Победы привели к тому, что боевой дух африканеров значительно повысился. **Деларей** захватил 3 декабря 1900 г. английский обоз с едой на 138 подводах с 1832 быками, потеряв двоих убитыми и семь ранеными, а англичане – 18 убитыми, 46 ранеными и 54 взятыми в плен. Вместе с генералами **Бейерсом** и **Смэтсом Деларей** 13 декабря 1900 г. одержал победу над британскими войсками у фермы Нойгедахт. Британцы (генерал

Клеменс, имея под ружьём, в хорошо укреплённом лагере, 2000 военнослужащих с десятью полевыми орудиями) потеряли 109 убитыми, 186 ранеными и 368 взятыми в плен, а буры – 32 убитыми и 46 ранеными. Но африканеры не смогли захватить основные силы англичан. Буры захватили 70 крытых повозок, 200 палаток, 700 лошадей и мулов и 700 голов крупного рогатого скота. Интересно, что повозку со спиртными напитками **Деларей** подарил английским пленным, которых отпустил в одном нижнем белье, поскольку одежда у буров поизносилась (это сразу стало обычной практикой у африканеров). Первую половину 1901 г. **Деларей** продолжал свои успешные действия, несмотря на проводимую **Китченером** политику «выжженной земли», и британские войска до конца 1901 г. были вынуждены обороняться от его атак в Западном Трансваале, несмотря на значительное превосходство и попытки окружить его отряды кольцом британских войск. Несколько чувствительных поражений англичане понесли от его отрядов. Но наибольший успех выпал на два успешных сражения с британскими войсками у Истреспруита (25 февраля 1902, захватив 156 повозок, 150 мулов, два полевых орудия, скорострельное орудие, 200 винтовок и 500 000 патронов, буры потеряли 12 убитыми и 42 ранеными, а британцы – 55 убитыми, 270 пленными и 130 ранеными) и Твибоса (Твибоша) – англичане потеряли 68 убитыми, 121 ранеными и 872 пленными (7 марта 1902). В последнем сражении заместитель британского главнокомандующего **Китченера** лорд **Метьюн** был ранен и попал в руки буров, что явилось вершиной военной карьеры **Деларея** как генерала, нанёсшего самый существенный ущерб англичанам в живой силе (и в материальном исчислении) за всю англо-бурскую войну (хотя и был менее известным, чем его прославленный прессой коллега **Христиан Девет**). Буры потеряли в этом сражении восемь убитыми и 26 ранеными. Отпустив **Метьюна Деларей**, который всегда прекрасно относился к английским пленным, сыграл на пользу будущего мира, поскольку этот шаг произвёл огромное впечатление в мире и послужил основой для дружбы между **Делареем** и **Метьюном** на всю оставшуюся жизнь. (По свидетельству очевидцев, британский главнокомандующий генерал **Китченер**, услышав новость о плене-

нии своего заместителя **Метьюна** бурами, в течение 36 часов никого не принимал и не мог ни есть ни спать.) В начале марта 1902 г. **Китченер** подготовил огромную цепь войск, чтобы, наконец, захватить упорного **Деларея**, но ещё до начала погони **Деларей** был послан на переговоры в Клерсдорп (9 апреля 1902 г.) и затем на Преторийскую конференцию между партизанскими вождями буров и **Китченером** 15 мая 1902 г. **Деларей** наряду с **Деветом**, **Бота**, **Смэтсом** и **Герцогом** отправился в качестве делегатов на последние переговоры с **Китченером** и **Мильтнером** в Преторию. Он выступал за продолжение войны, но будучи разумным человеком был вынужден, скрепя сердце, согласиться на сдачу англичанам и убедил своих соратников из числа 60 делегатов пойти на этот вынужденный шаг. Затем он вместе с **Деветом** и **Бота** совершил во второй половине 1902 г. поездку по Британии, Голландии, Бельгии, Франции и Германии с целью собрать средства на помощь пострадавшим от войны. Затем в 1903 г. его послали в Индию убедить самых упорных из буров-военнопленных принести присягу в верности английской короне. Он вернулся к разрушенной ферме и вновь занялся сельским хозяйством. Он держался в стороне от политики, но поддерживал **Луи Бота**. В 1910 г., после образования Южно-Африканского Союза, стал сенатором. В 1911 г. он стал одним из отцов-основателей Национальной (Националистической) партии. После начала Первой мировой войны **Деларей** не поддержал премьер-министра **Луи Бота** в решении объявить войну Германии и захватить германскую Юго-Западную Африку. Вместе с **Бейерсом** он начал готовить вооружённое восстание. Вместе с ним он поехал на автомобиле в Потчестром, где они намеревались встретиться с ещё одним из заговорщиков-бурским генералом **Кемпом** (в звании британского майора командовавшим Потчестромским военным округом) и готовым выступить против центрального правительства. Полиция по каким-то причинам преследуя в это время гангстерскую банду громил и убийц под руководством **Вильяма Фостера**, приняла их автомобиль за машину бандитов улепётывавших от правосудия, и открыла им вслед огонь и **Деларей** был смертельно ранен пулей в спину. На похоронах **Деларея** 20 октября 1914 г., при огромном стечении

народа большинство поверило неосновательным слухам, что генерала убили по приказу правительства (поскольку он разорвал все отношения с премьер-министром **Бота**) с целью предотвратить возможное вооружённое восстание ряда африканеров против центрального правительства. Этот слух послужил тому, что многие колеблющиеся буры перешли на сторону мятежников и многие другие решили не иметь дела с правительством **Лун Бота. Деларей**, как уже говорилось, был одним из лучших, если не лучшим, из троицы африканерских генералов (**Девет, Бота и Деларей**). К этому можно добавить, что **Деларей** настолько ловко избегал английских засад (во время партизанской войны), что это породило слухи о том, что находящийся в делареевском отряде ясновидящий **Николас ван Ренсбург** (по прозвищу «**Провидец ван Ренсбург**») предсказывает все действия англичан, и **Деларей** всегда побеждает исключительно благодаря вмешательству потусторонних сил...

2 августа 1914 года старый товарищ партизанского генерала **Провидец ван Ренсбург** предсказал, что **Деларей** умрёт, возвращаясь домой. 15 сентября 1914 года **Якобус Деларей** возвращался домой в Лихтенбург вместе с бургским генералом **Христианом Фредериком Бейерсом**, одним из руководителей готовившегося восстания буров против англичан, и когда их машина проезжала по Йоханнесбургу, её обстрелял английский полицейский патруль. Пуля попала **Деларею** прямо в сердце, и он умер на руках **Бейерса**. Как объяснили англичане, они приняли машину **Деларея** за другую машину, в которой должен был ехать вместе с членами своей банды известный гангстер **Уильям Фостер**, находившийся в розыске за убийство трёх полицейских, а убивать **Деларея** они не собирались. Однако буры не поверили: они были убеждены, что **Деларея** убили преднамеренно, чтобы предотвратить готовившееся восстание (*Устинов А.Д. Формирование тактики буров во второй Англо-бургской войне. Дипломная работа. Государственный академический университет гуманитарных наук. М., 2010. С. 61*).

166> Грюндерство – от нем. грюндер – основатель, учредитель. Грюндерство – это массовое, лихорадочное создание предприятий, акционерных обществ, сопряжённых со спекулятивными

махинациями и частыми банкротствами. Было особенно распространено в 50-е и 70-е гг. XIX века.

167> Гриф – крупная хищная птица, питающаяся падалью.

168> Воспоминания о Трансваале и путевые впечатления **А.О. Садовского**, младшего врача Гельсингфорского местного лазарета. Военно-медицинский журнал. май 1902 г. СПб. С. 1526–1532.

169> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 6, лл. 183, 183 об.

170> Воспоминания о Трансваале сестры милосердия Общины Св. Георгия **О. фон Баумгартен**. 1899–1900 г. СПб., 1901 г. С. 37.

171> *Чистович С.Я.* Медицинская помощь в Трансваале (Доклад, читанный на торжественном заседании в память Н.И. Пирогова, 23 ноября 1900 г.), СПб., 20 января 1901. С. 24–27.

172> Петербургская газета. 17 сентября 1900 г. № 256.

173> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 6. С. 37–38.

174> Воспоминания о Трансваале и путевые впечатления **А.О. Садовского**, младшего врача Гельсингфорского местного лазарета. Военно-медицинский журнал, май 1902. СПб. С. 1532–2534.

175> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 6, л. 187.

176> Военное министерство по Высочайшему повелению царя и приказу **Куропаткина** позднее вернуло Российскому Обществу Красного Креста расходы в сумме 6046 рублей 52 копеек по содержанию штабс-капитана **Потапова** (РГВИА, ф. 488, д. 1451,

л. 256).

177> РГВИА, ф. 488, д. 1451, л. 242.

178> РГВИА, ф. 488, д. 1451, л. 248.

179> Новое Время. 20 сентября (3 октября) 1900. № 8824.

180> Петербургская газета. 19 сентября 1900. № 258.

181> РГВИА, ф. 12651, оп. II, д. 31 (д. 35?). С. 57. С. 152. С. 229. С. 252. С. 380. С. 422. С. 469 (Алфавитные списки медицинских работников и служащих РОКК, представленных к наградам).

182> Новости и биржевая газета, 19 января 1901. СПб.

183> Тифлисский листок. 27 января 1901. № 22.

184> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1-5, оп. 929, д. 6, л. 200.

185> Воспоминания о Трансваале и путевые впечатления **А.О. Садовского**, младшего врача Гельсингфорского местного лазарета. Военно-медицинский журнал. май 1902 г. СПб. С. 1534.

186> Киевлянин. 1 января 1901.

187> Юдоль – церковнославянское – букв. – долина, место, где страдают и мучаются.

188> Центром организации содействия бурским республикам стал Голландский комитет, главная задача которого заключалась в оказании помощи раненым патриотам. Его председатель, пастор голландской общины в Санкт-Петербурге **Гендрик (Хендрик) Гиллот (Hendrick Gillot)** в октябре 1899 г. призвал россиян к сбору средств для раненых защитников своей независимости. Коми-

тет обратился к видным петербургским художникам, артистам, музыкантам, композиторам, писателям и общественным деятелям с просьбой прислать картины, автографы, рисунки – всё, что может иметь стоимость. Так появился альбом «Санкт-Петербург–Трансвааль» с репродукциями пожертвованных картин **Ильи Репина** (1844–1930), **Николая Рериха** (1874–1947), **Константина Маковского** (1846–1920) и других русских художников, с портретами и фотографиями артистов балета, оперы и драматических театров (по материалам Интернета).

189> Гиллот Г.А. (1839–1919) – с 1873 по 1917(?) – пастор голландской общины в Санкт-Петербурге. Исторический архив, Л. (ныне – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга, ф. 2110, оп. 1).

190> Новое Время. 18 ноября 1899.

191> Гёзы – (голл. Geuzen от фр. gueux – нищие), во время Нидерландской революции XVI в. в начале, прозвище нидерландских дворян, вставших с 1565 г. в оппозицию испанскому правительству, затем народных повстанцев – партизан-протестантов, которые на суше и на море вели борьбу с испанцами.

192> Новое Время. 18 октября 1899.

193> Петербургская газета. 2 декабря 1899. № 33.

194> РГВИА, ф. 488, д. 1488, л. 37.

195> Поддёвка (устаревшее) – длинная верхняя мужская одежда в талию с мелкими сборками.

196> Армяк (устаревшее) – крестьянский кафтан из толстого сукна.

197> Московские ведомости. 28 октября 1899. № 297.

198> РГВИА, ф. 12651, д. 206, л. 1–2 (Об оказании обществом Красного Креста содействия Санкт-Петербургско-Голландскому комитету, снарядившему санитарный отряд для оказания помощи больным и раненым бурам).

199> РГВИА, ф. 12651, д. 206, л. 3

200> Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), фонд 2110, опись 1. Дела пастора при голландской церкви в Санкт-Петербурге **Гиллота Генриха Адольфовича**. Дело № 57. Письма врачей с просьбой принять их на работу в русско-голландский санитарный отряд, 1899–1900 гг., письмо № 5.

201> ЦГИА, ф. 2110, оп. 1, письмо № 12.

202> ЦГИА, ф. 2110, оп. 1, п. № 14.

203> Симбирск – ныне Ульяновск.

204> ЦГИА, ф. 2110, оп. 1, п. № 18.

205> ЦГИА, ф. 2110, оп. 1, п. № 30 (телеграмма).

206> ЦГИА, ф. 2110, оп. 1, п. № 31.

207> ЦГИА, ф. 2110, оп. 1, п. № 32.

208> ЦГИА, ф. 2110, оп. 1, п. № 33.

209> ЦГИА, ф. 2110, оп. 1, п. № 37.

210> ЦГИА, ф. 2110, оп. 1, п. № 38.

211> ЦГИА, ф. 2110, оп. 1, п. № 39.

212> ЦГИА, ф. 2110, оп. 1, п. № 43.

213> ЦГИА, ф. 2110, оп. 1, п. № 48(?).

214> ЦГИА, ф. 2110, оп. 1, п. № 54.

215> ЦГИА, ф. 2110, оп. 1 (1899), д. 48 (Письма и прошения разных лиц пастору **Гиллоту** с просьбой принять их в качестве санитаров и сестёр милосердия в русско-голландский санитарный отряд (1899–1900), письмо № 1.

216> ЦГИА, ф. 2110, оп. 1 (1899 г.), д. 48, п. № 8.

217> ЦГИА, ф. 2110, оп. 1 (1899 г.), д. 48, п. № 12.

218> ЦГИА, ф. 2110, оп. 1 (1899 г.), д. 48, п. № 19.

219> ЦГИА, ф. 2110, оп. 1 (1899 г.), д. 48, п. № 40.

220> ЦГИА, ф. 2110, оп. 1 (1899 г.), д. 48, п. № 49.

221> ЦГИА, ф. 2110, оп. 1 (1899 г.), д. 48, п. № 85.

222> ЦГИА, ф. 2110, оп. 1 (1899 г.), д. 48, п. № 86(?).

223> ЦГИА, ф. 2110, оп. 1 (1899 г.), д. № 49 (Письма разных лиц пастору **Гиллоту** с просьбой принять их в русско-голландский санитарный отряд в качестве фельдшеров), письмо № 3.

224> ЦГИА, ф. 2110, оп. 1 (1899 г.), д. № 49, п. 17.

225> ЦГИА, ф. 2110, оп. 1 (1899 г.), д. № 49, п. 23.

226> ЦГИА, ф. 2110, оп. 1 (1899 г.), д. № 49, п. 30.

227> ЦГИА, ф. 2110, оп. 1, д. № 55 (Письма различных лиц

Гиллоту с просьбой направить их к бурам), письмо № 12.

228> ЦГИА, ф. 2110, оп. 1, д. № 55, п. 23.

229> ЦГИА, ф. 2110, оп. 1, д. № 55, п. 129.

230> ЦГИА, ф. 2110, оп. 1, д. № 55, п. 158.

231> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 6, лл. 102, 102 об.

232> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 6, лл. 95, 95 об, 96. (РГВИА, ф. 12651, д. 206, д. 206, л. 9).

233> В частности, именно из-за этого в состав русско-голландского санитарного отряда брали в основном российских немцев, преимущественно из Прибалтики.

234> *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 2.

235> *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 1.

236> *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 2.

237> *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 5–6.

238> *Вебер Ф.К.* Об огнестрельных повреждениях новейшими снарядами на основании наблюдений, произведённых в последней англо-трансваальской войне, СПб., 1901. С. 1–3.

239> *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 8.

240> *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 29

241> Грот – неглубокая пещера с широким входом.

242> Московские ведомости. 22 января 1900. № 22.

243> Известный отечественный исследователь, профессор **Аполлон Борисович Давидсон** рассказывал авторам, что, изучая в своё время материалы лондонского архива «Public Record Office», он встретил донесение тайных английских агентов, следивших на одном из пароходов за лицами, плывшими в Трансвааль через Португальский Мозамбик, в котором высказывалось мнение о тех людях среди пассажиров, которые могли принять участие в англо-бурской войне.

244> Московские ведомости. 24 января 1900. № 24.

245> Московские ведомости. 19 февраля 1900. № 50.

246> Московские ведомости. 21 февраля 1900 г. № 52.

247> Баркас (голл. *Barcas*) – в данном случае, самоходное судно небольших размеров для различных перевозок в порту или прибрежного лова рыбы, баркасом также именуется разновидность речных барж и самая крупная по размеру шлюпка на военном судне (14–22 вёсельная).

248> Московские ведомости. 6 марта 1900. № 65.

249> *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 34–35.

250> *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 36.

251> Московские ведомости. 9 января 1900.

252> Аполлон (Феб) – в древнегреческой мифологии – бог солнца, мудрости. В данном случае – хорошо сложенный красивый мужчина.

253> Сен-Готард – пятнадцатикилометровый железнодорожный тоннель под одноимённым перевалом в Альпах на юге Швейцарии.

254> Русский листок. 10 января 1900. № 3639.

255> Московские ведомости. 10 (23) марта 1900. № 69.

256> Московские ведомости. 13 (26) марта 1900. № 72.

257> Русский листок. 26 марта 1900. № 85.

258> Московские ведомости. 14 апреля 1900. № 102.

259> Хлороформ CHCl_3 – органическое соединение, жидкость с характерным запахом. Хлороформ – сильное наркотическое средство, ранее широко применявшееся для хирургического наркоза, ныне, ввиду значительной токсичности, почти полностью вытеснен этиловым спиртом.

260> *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 64–66.

261> Перитонит – воспаление брюшины – или туберкулезное, или в результате осложнения гнойных заболеваний, или повреждение брюшной полости.

262> Сулема – хлорная ртуть, сильный яд, применялась в сильно разбавленных растворах для дезинфекции посуды, мебели, полов.

263> Видимо, имеется в виду **Дю Туа (Дю Тойт) Сарел Петрус (Du Toit Sarel Petrus)** (1864–1930) – бурский генерал, член фольксраада Трансвааля, офицер ЮАС. В начале англо-бурской войны – ассистент-генерал. Участвовал в осаде Кимберлея, отличился в сражении при Картер Ридж 25 ноября 1899 г., где помог выправить положение, когда английские войска пытались прорвать осаду. Затем во время наступления лорда **Робертса** оборонял броды на реке Вааль, возле местечка Фортин Стримз до мая 1900 г. а потом со своими коммандо пытался остановить англичан, наступавших на Преторию на горных проходах к юго-западу от Претории. Затем служил с отрядом в 300 человек под руководством **Деларея** в южном Трансваале. Участвовал в боях у Харт Бесфонтейна (18 февраля 1901 г.), в бою при Бракспруйте (1 марта 1902 г.), Восбулте (31 марта 1902 г.) и при Руивале (11 апреля 1902 г.). В последнем тяжёлом бою (при Руивале) его отряд при прорыве потерял убитыми и ранеными 75 человек – примерно треть всего состава. Во время мирных переговоров являлся делегатом от Вольмаранстадтской коммандо. В 1914 г., когда часть буров подняли восстание, **Дю Туа** в начале октября был назначен командантом, активно участвовал в его подавлении. Потом служил до середины декабря 1914 г. в Германской Юго-Восточной Африке, затем в 1915 г. в качестве команданта Вольмарансстадтской коммандо служил в составе войск ЮАС в Восточной Африке, а в следующем году был произведён в чин бригадного генерала. В мае 1921 г. он вышел в отставку и эмигрировал в Южную Родезию, где поселился в местечке Энкендорн, где и скончался на своей ферме Версаль в 1925 г.

264> Фасциоз (fasciolosis) – гельминтоз печени и желчного пузыря, вызываемый триматодами (сосальщиками).

Трематоды – гельминтозы человека и животных, вызываемые плоскими паразитическими червями. Гельминтозы – заболевания, вызванные паразитическими червями – гельминтами.

265> Вебер Ф.К. Об огнестрельных повреждениях новейшими снарядами на основании наблюдений, произведённых в последней англо-трансваальской войне, СПб., 1901 г. С. 3–11.

- 266>** Варшавский дневник. 6 (19) апреля 1900. № 95.
- 267>** *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 112, 114, 115.
- 268>** *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 73.
- 269>** *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 82–83.
- 270>** *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 85–86
- 271>** *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 126–128.
- 272>** Новое Время. 3 (16) апреля 1900. № 8657.
- 273>** Московские ведомости. 25 апреля 1900. № 113.
- 274>** Новое Время. 14 (27) марта 1900. № 8637.
- 275>** Новое Время. 4 (17) апреля 1900. № 8658.
- 276>** *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 142, 144.
- 277>** Новое Время. 5 (18) апреля 1900. № 8659.
- 278>** Новое Время. 7 (20) апреля 1900. № 8661.
- 279>** Консолидация – упрочение, укрепление.
- 280>** Далее, со страницы 18 по 78, идут чисто медицинские объяснения – раны черепа, груди, живота, мягких частей, поране-

ния костей, поранение пулями **Dumdum (дум-дум)** и лиддитными гранатами, шрапнелью, рентгеновские снимки костей, описание лечения и течения различных болезней. Но, поскольку через несколько лет по окончании англо-бурской войны в европейских армиях стали применяться другие по форме – более остроконечные винтовочные пули – и все виды ран были обстоятельно описаны военными врачами в соответствующей отечественной и зарубежной медицинской литературе на примере Балканских войн, Первой мировой и Гражданской войн, то авторы данной работы не стали перегружать её устаревшими узкоспециальными сведениями.

281> Вебер Ф.К. Об огнестрельных повреждениях новейшими снарядами на основании наблюдений, произведённых в последней англо-трансваальской войне, СПб., 1901 г. С. 11–18.

282> Ueber die Wirkung der neusten englischen M. VI (Hohlspitzengeschosse. 2. Aufl. Tübingen 1899. Здесь стоит напомнить, что корреспондент «Brit. Med. Journ». (March 3, 1900) по поводу известия, что при одном раненом буре были найдены **Маузеровские** пули с надрезом в оболочке, раздражённый пишет: «Такая жестокость заслуживает строгого осуждения». (Цит. по: Военно-медицинский журнал, 1900. № 8. С. 2284.)

283> Игольчатые ружья – изобретение оружейного мастера и изобретателя **Самуэля Иоганнеса Поли**, швейцарца по происхождению, работавшего в Париже. Бывший большим специалистом по изготовлению новых моделей ружейных замков, **Поли** задался целью объединить преимущества ударных составов и заряжания ружей с казны. В 1808 г., после многочисленных экспериментов, появляется первое в мире ружьё, заряжаемое унитарным патроном, имеющим всё необходимое для производства выстрела: гильзу для хранения заряда, пулю, и самое главное – интегрированный в давно известный бумажный дульный патрон капсюль-воспламенитель. Эта небольшая лепёшка из хлористого поташа, находясь в середине гильзы в особом поддоне из прессованной бумаги, кожи

или дерева, воспламенялась после накола игольчатым ударником. Ружьё было очень несовершенно по причине невзаимозаменяемости деталей и боеприпасов, устранить которую в условиях кустарного производства было почти невозможно. Однако к 1812 г. парижский мастер отладил и пристрелял несколько ружей специально для демонстрации их будущим заказчикам, главным из которых он хотел видеть главу империи **Наполеона I**. В январе 1813 г. герцог **де Ровиго** испытал новое ружьё у себя в саду, сделав за две минуты двадцать два выстрела, отметив, что дальность и меткость минимум в два раза превышают показатели обычных пехотных образцов. В восторженном письме к императору герцог **де Ровиго** всячески расхваливал изобретение **Поли**, рекомендуя обратить на него пристальное внимание. **Бонапарт** в своей резолюции распорядился передать несколько ружей для испытаний в гвардейскую артиллерию и о результатах доложить ему и военному министру **Алликсу**. Ружьё было, в конце концов, одобрено и принято на вооружение, но слишком поздно. **Поли** продолжает совершенствовать своё оружие и в 1814 г. патентует в Лондоне новую систему, где роль ударника играл сжатый воздух. Ружьё получилось настолько сложным и дорогим, что был изготовлен всего один пистолет этого образца. После смерти изобретателя в 1817 г. об унитарном патроне ненадолго забыли. Немецкий мастер-оружейник **Иоганн Дрейзе**, работавший на фабрике **Поли**, решает продолжить работу, не доведённую его шефом до конца. К 1827 г. винтовка системы **Дрейзе** была готова к испытаниям. Бумажный унитарный патрон с капсюлем, расположенным в деревянном поддоне пули, запирался в казённой части цилиндрическим продольно-скользящим затвором с игольчатым ударником. Игла ударника пронизывала пороховой заряд и уколом воспламеняла капсюль. Ружьё обладало скорострельностью 5–9 выстрелов в минуту и обеспечивало поражение групповой цели (колонны) на дальности 800 метров. **Дрейзе** предлагает его сначала французам, но получает отказ, однако и на родине, в Пруссии, испытания затягиваются на долгих 12 лет, и лишь 4 декабря 1840 г. игольчатая винтовка **Дрейзе** принимается прусской армией. Винтовка **Дрейзе** была нескольких размеров и модификаций: пехотная, гусарская, карабин

и самая интересная – игольчатая ручная пушка образца 1865 г. Впервые новая винтовка показала себя в походе против Дании в 1849 г. где ею были оснащены две роты 12-го прусского полка. Победам над Данией в 1864 г. и Австрией в 1866 г. прусская военная машина обязана в основном подавляющей мощи своих стрелков, вооружённых игольчатой винтовкой **Дрейзе**. Достаточно сказать, что австрийцы потеряли более 30 000 солдат убитыми, а пруссаки – не более 9000. Французы, отказавшись от услуг **Дрейзе** в 1827 г., второй раз наступили на грабли в 1870–1871 гг., когда немцы наголову разбили плохо вооружённую французскую армию, которая, кроме хороших игольчатых ружей **Шасспо**, в основном оснащалась переделочными ружьями **Снайдер-Шнейдера** или заряжаемыми с дула ружьями времён Крымской кампании. Слабость армии стоила Франции части территории, отданной победителям по условиям Франкфуртского мира. Винтовка **Дрейзе** производилась более тридцати лет, и, кроме преимуществ, за этот срок были выявлены и многие недостатки, присущие игольчатым ружьям. Бумажный патрон совершенно не подходил для массового производства – его клеили вручную, длинная игла ударника часто ломалась, а пороховые газы, прорывавшиеся в механизм затвора, загрязняли его и приводили к скорой порче. Тем не менее многие государства Европы срочно перевооружались игольчатыми системами, хотя уже существовал патрон центрального и бокового боя в металлической гильзе... выпускались даже игольчатые пистолеты и револьверы, но, в конце концов, от иглы **Поли-Дрейзе** отказались вообще, а переход на металлический патрон прошёл быстро и безболезненно. Игла ушла на покой и больше ни в одном образце оружия не использовалась, но своим появлением унитарный патрон обязан именно ей. (Из статьи Рычкова А. Игла **Поли** в сети Интернет.)

В 1870-е годы (140 лет назад) был принят на вооружение новый стандартный тип винтовочного патрона (гильза с капсюлем, расположенным в середине её донышка) для винтовок, который с незначительными изменениями (в патронах с 1890-х годов стал повсеместно использоваться не дымный, а бездымный порох, калибр винтовочных патронов был изменён и сами винтовочные патроны стали использовать для пулемётов, а в начале XX столетия

форма винтовочных пуль вместо тупоконечной стала остроконечной) и используемый до сих пор (в том числе патрон с укороченной гильзой для самозарядных винтовок, автоматов и штурмовых винтовок.)

284> Brit. Med. Journ. Jan., Febr., March 3, 1900 (Цит. по: Военно-медицинский журнал, № 8, 1900. С. 2284).

285> Диафиз – средняя часть трубчатой кости.

286> Военно-медицинский журнал, 1900. № 8. С. 2282–2287. (Новые данные с театра войны об огнестрельных ранах. Проф. **Brunsa** (Munchener med. Wochenschrift № 15 – 1900).

287> Она имела в виду следующую фразу из дневника **Вильбоа**: «Я смотрю, как работают **кафры**; никогда ещё я не видел более ленивых животных. Они совершенно неспособны усвоить себе хотя [бы] одну мысль, а тем более две. Если они сделают что-нибудь разумное, то только случайно и лишь потому, что их пальцы нечаянно повернулись в счастливом направлении. Тогда как они могли повернуть точно так же и в обратную сторону. Говорят, что некоторые из вышколенных известным образом **кафров** выучиваются делать некоторые несложные вещи, в силу привычки, так же, как привыкает лошадь, но они совершенно не способны самостоятельно сделать какую-либо даже самую простую вещь или даже исполнить какое-либо приказание, если только прошло некоторое время после его отдачи. Например, **кафру** невозможно поручить разбудить себя, если только вы назначите час, совпадающий с каким-нибудь его личным делом, которое ему придётся оставить для того, чтобы вас разбудить. Единственная способность **кафров**, какую я только знаю, – это необыкновенная способность их желудка поглощать невероятное количество мяса. Наша пища, овощи и фрукты им очень нравятся, но они могут добыть их не иначе как воровством, так как умственные способности исключают возможность заботы о будущем». (Бесплатное приложение к журналу «Разведчик» за 1902 г. Англо-трансваальская война. Записки бурского

генерала Вильбоа де Марейля. Пер. с фр. Издал В. Березовский. Комиссионер Военно-учебных заведений. СПб, Колокольная, 14; 1902. Дозволено цензурою СПб, 10 августа, 1902. Тип. Тренне и Фюсно, Максимилиановский переулок, № 13.)

288> *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 159–160.

289> *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 158–159.

290> *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 85–86.

291> *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 85–86.

292> *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 152.

293> *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 163–167.

294> *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 277–282.

295> Новое Время. 7 (19) февраля 1900. № 8602.

296> Московские ведомости. 26 апреля 1900. № 114.

297> Русский листок. 20 апреля 1900. № 3737.

298> Русский листок. 24 апреля 1900. № 3741.

299> Русский листок. 25 апреля 1900. № 3742.

300> Новое Время. 26 апреля (9 мая) 1900. № 8678.

301> Московские ведомости. 22 мая 1900. № 140.

302> Новое Время. 6 (19) мая 1900. № 8688.

303> Дилижанс (фр. Diligence) – многоместный крытый экипаж, запряжённый лошадьми, для перевозки почты, пассажиров и их багажа, применявшийся до развития железных дорог.

304> Новое Время. 2 (15) июня 1900.

305> Новое Время. 22 мая (4 июня) 1900. № 8704.

Оглавление

Подготовка к отправке в бурские республики санитарного отряда Российского Общества Красного Креста.....	3
Русско-голландский санитарный отряд	263
Сноски.....	427

Table of contents

Preparation for Shipment of Russian Red Cross Detachment to the Boer Republics	3
Russian-Dutch Red Cross Detachment	263
Footnote.....	427

**Англо-бурская война
1899–1902 годов
глазами российских подданных
В 13 томах. Т. 9.**

Авторы-составители:

к.и.н. Шубин Геннадий Владимирович,
к.и.н. Воропаева Нина Георгиевна,
к.и.н. Вяткина Руфина Рудольфовна,
Хритинин Владимир Юльевич,
д-р Ян Либенберг.

Ответственный редактор

к.т.н. полковник Панкратов Владимир Николаевич

Редактор

Субботина Елена Васильевна

Компьютерный набор

*Поленкова Марина Николаевна
Шубин Геннадий Владимирович*

Компьютерная вёрстка и обложка

Рудакова Елена Евгеньевна

Технический редактор *И. Б. Белый*

Издатель И. Б. Белый

Memories

www.membook.ru

info@membook.ru

Подписано в печать 14.05.2012.

Формат 60x84/16. Бумага писчая.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 27,08.

Тираж 100 экз. Заказ № 27.

Отпечатано с готового оригинал-макета

в типографии «CherryPie»

www.cherrypie.ru

Телефон/факс: +7 (495) 604 4154.

115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., д.12.

Том 9

**Подготовка к отправке в бурские республики
санитарного отряда Российского
Общества Красного Креста.**

Русско-голландский санитарный отряд.